

П.Н. Травкин

ПЛЁССКАЯ
КРЕПОСТЬ
В XII–XVI ВЕКАХ

П.Н. Травкин

**ПЛЁССКАЯ
КРЕПОСТЬ
В XII–XVI ВЕКАХ**

Плёс, 2022

Травкин П.Н.

Плётская крепость в XII–XVI веках.

Книга представляет собой сборник материалов, посвященных истории средневековой плётской крепости. В основу легли результаты археологических исследований на Соборной горе, проведенных автором в 1986–2005 гг. Вводятся в научный оборот новые археологические источники, связанные с жилыми, хозяйственными и оборонительными комплексами крепости разных периодов её существования. Некоторые сведения, ранее опубликованные в региональных малотиражных сборниках в сжатом виде, представляются в книге более подробно. Археологические материалы дополнены данными из древних письменных памятников и иного рода источников, имеющих отношение к средневековой историей Плёса и его округи.

Верстка – Д.Ю. Носов

ISBN 978-5-600-03284-2

978-5-600-03284-2

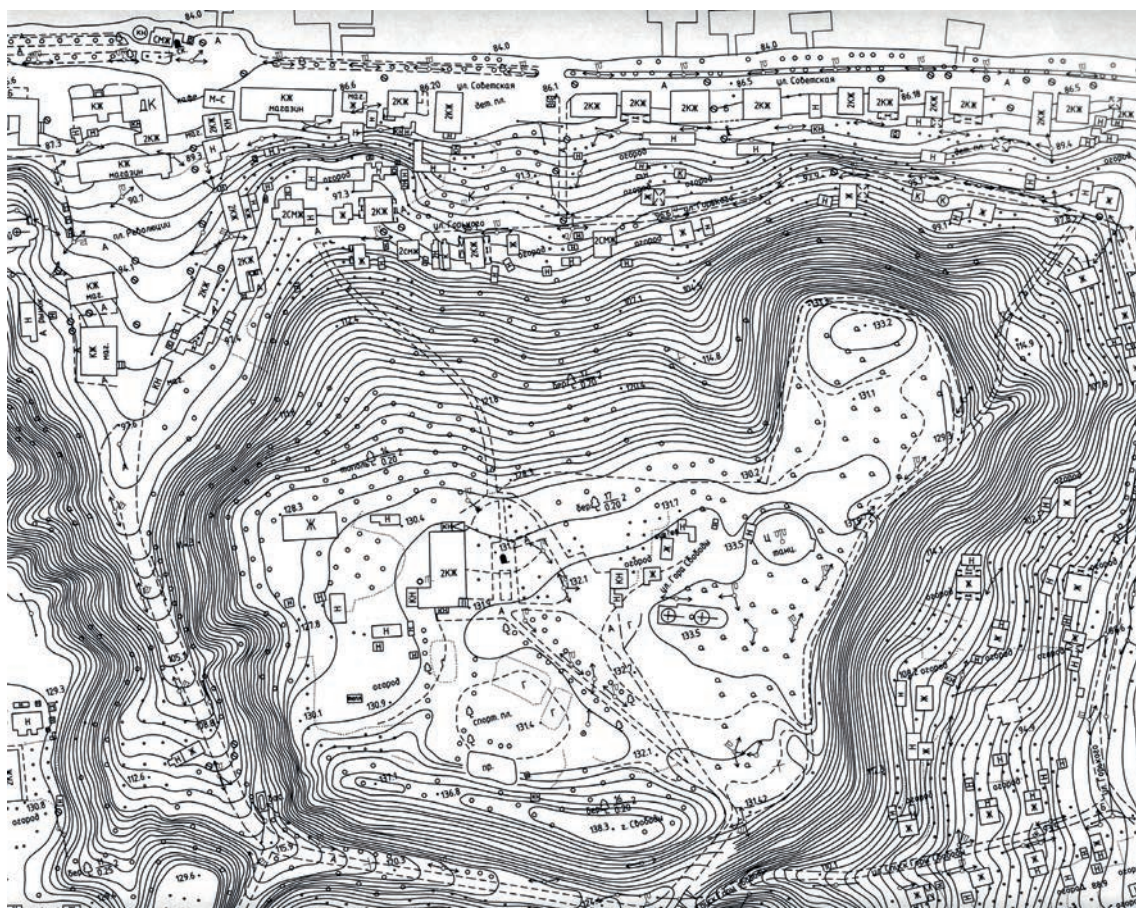
© Травкин П.Н., текст, иллюстрации, 2022

Плѣсское городище расположено в исторической части современного города Плѣса Приволжского района Ивановской области, на правом берегу Волги, при впадении в неё речки Шохонки. Средневековая крепость возведена на пике Ростово-Галичской моренной гряды, на отроге коренного берега. Высота Соборной горы (современное название) составляет 134 м над уровнем моря и 50 м над уровнем Волги. Крутые склоны и близость к реке (здесь Волга течёт узким коридором между двумя высокими берегами) обеспечивали укрепленному ядру города надёжность обороны и возможность осуществления контроля над главной водной магистралью Руси.

На городище сохранился крепостной вал и ров 1410 года (с юга), а также следы древнего захоба у въезда в крепость (с северо-востока) (рис. 1). Площадь памятника составляет 5,5 га.

Современную дневную поверхность в пределах крепости в целом нельзя назвать ровной. Северный мыс представляет собой небольшое всхолмление: место ещё в XIX столетии называлось Башенной горой¹. Практически на том же уровне стоит Успенский собор (1699 г.), но между двумя точками имеется заметное понижение, связанное с былым существованием оврага в районе узкой перемычки между Башенной горой и остальной территорией памятника. В связи с расширением площади крепости в 1410 г. овраг был засыпан; в последующем, по мере просе-

дания и вымывания грунта, здесь осуществлялись новые подсыпки (заметны остатки кирпича от разрушенного в советское время Казанского собора). Следы оврага заметны и сегодня, они ведут в пространство между двумя соборами (на фундаменте Казанского во времена функционирования сельскохозяйственного техникума была сооружена круглая танцевальная площадка).

Рис. 1. Плѣсское городище (Соборная гора г. Плѣса).

Мысовая часть памятника от поздних перекопов почти не пострадала. Самым большим вторжением в древние культурные напластования стал сделанный в учебных целях для учащихся техникума обшитый деревом зигзагообразный окоп наподобие военных. Его следы сохранялись до конца XX века у восточного края мыса (в десяти метрах восточнее раскопа 1992 г.). Иные повреждения представляют собой столбовые ямки от скамеек и опор беседок. Вдоль края городищенской площадки в 2010 г. вкопаны столбы для лёгкой ограды.

К западу от вышеуказанной танцевальной площадки нарушения культурного слоя гораздо более существенны. Вокруг Успенского собора имеются поздние захоронения; к северу и востоку от него был построен дом священника и каретный сарай. В сохранившемся здании присутственных мест XVIII века после революции разместился сельскохозяйственный техникум. Развитие его инфраструктуры повлекло за собой перепланировку местности и значительное нарушение древнего культурного слоя. Западнее располагались теплицы и огороды, южнее - спортплощадка (частично на месте не сохранившегося второго здания присутственных мест); в крепостной вал был встроено железобетонный каркас склада горюче-смазочных материалов. Существующий пруд, возможно, находится на месте древнего, средневекового, но мог изменить конфигурацию.

В настоящее время в здании бывших присутственных мест размещена администрация Плесского музея-заповедника, археологический музей и выставочные залы. В ходе туристического рекреационного обустройства окружающие постройки были снесены. Условия для сохранения культурного слоя на городище в целом улучшились.

С территории крепости сегодня имеются три выхода. Так называемый «банный спуск» (как называют его местные жители, связывая с расположенной ниже городской баней) – древнейшая и, на наш взгляд, единственная в эпоху средневековья дорога из крепости; рельеф указывает на бывшее наличие захаба (коридора с двумя воротами). Две другие дороги – каменка, ведущая вниз, к Волге и торговой площади, и южный выезд в месте среза крепостного вала – скорее всего, являются поздними, они могли появиться во второй половине XVIII века (рис. 1).

Первые (и единственные до 1986 года) археологические исследования с вскрытием культурного слоя на территории Плесского городища были проведены П.А. Раппопортом в 1957 году. Объектом изучения стал крепостной вал.

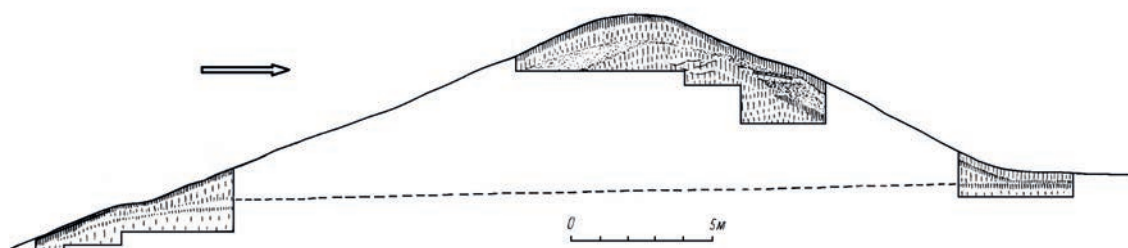
Из отчёта П.А. Раппопорта:

«Ввиду очень большой мощности вала он был прорезан в средней части не на всю глубину, а лишь до глубины 2 м от вершины. Насыпан из рыжего суглинка с различными прослойками (серого песка, серой

глины, песка с мелкими камнями, серого гумуса и тонких угольных прослоек). На тыльной стороне обнаружен настил из сосновых плах, лежащих на специальной подушке из серого суглинка. Толщина настила 6–8 см, ширина его (то есть длина, лежащих вплотную одна к другой поперёк вала) – около 1,3 м. Под настилом – несколько фрагментов керамики, относящихся, по-видимому, к XIV–XV вв.

Для исследования нижней части вала сделано 2 самостоятельных раскопа в основании лицевого и тыльного склонов вала. Эти раскопы показали, что в основании вала поверх рыжей материковой глины лежит тонкий слой серой земли, а местами также прослойка беловато-серого гумусированного песка. Эти прослойки отмечают уровень древней поверхности грунта; никаких культурных остатков ни в слое древней поверхности, ни в основании вала не обнаружено. Первоначальные размеры вала, судя по данным прорезки: высота 6 метров, ширина в основании около 29 м» (рис. 2).

Рис. 2. Разрезы крепостного вала 1410 года. Рис. П.А. Раппопорта.

В том же 1957 году исследователем были заложены 2 шурфа размерами 1,5 x 1,5 м в непосредственной близости от вала, к северу от него. В первом из них под 30-сантиметровым слоем битого кирпича вышел ненарушенный культурный слой со значительным количеством керамики XIV–XV вв. Здесь же была найдена кучка камней, железный шлак и нож (предположительно, след наземной постройки), и ниже, на глубине 60 см, – материк. Во втором шурфе, глубиной 0,3 м, найдено несколько фрагментов керамики XV–XVI веков².

Современная длина плёсского крепостного вала составляет около 170 м. На его западной оконечности сохранилось расширение, удобное для размещения башни. На востоке вал прерывается срезом, сделанным для входа и въезда на Соборную гору со стороны располагавшейся южнее Горной слободы. П.А. Раппопорт предположил, что и в эпоху средневековья здесь находился въезд в крепость, а через ров был переброшен мост, но в дальнейшем для большего удобства была сделана земляная насыпь. В нашем представлении, такой вариант в значительной мере ослабил бы оборонительные возможности цитадели. Вал в эпоху средневековья, скорее всего, шёл параллельно рву и доходил до восточного склона. А единственный проход в крепость, как сказано выше, был предусмотрен с северо-восточной стороны, где и сегодня рельеф сильно напоминает остатки захоба (современный «банный спуск») (рис. 1). Срез вала и организация прохода на Соборную гору с южной стороны, вероятно, были произведены в XVIII столетии.

Ни в отчёте, ни в опубликованном фундаментальном труде П.А. Раппопорта не говорится о том, что на гребне вала были найдены следы деревянных крепостных сооружений. Судя по иллюстрациям, к 1957 году эти археологические остатки не сохранились (рис. 2)³. Здесь, видимо, следует принять во внимание следующее обстоятельство. По планам благоустройства городов во времена правления Екатерины II помимо проектов лучевой планировки, строительства каменных зданий присутственных мест, торговых рядов и прочего предусматривалось благоустройство древних крепостных валов. На них предлагалось устраивать прогулочные бульвары. Для Плёса, как и для близлежащей Костромы, был составлен план застройки с «лучевыми» улицами, но, в отличие от костромского, плёсский план «провалился в овраги», то есть не был реализован. А вот работы по планировке и застройке центра города (крепости) состоялась. Исходной точкой планировки послужил Успенский собор; по отходящей от него на запад оси (тротуару) симметрично возведены два здания присутственных мест (сохранилось одно). Есть все основания полагать, что в ходе больших работ был устроен и бульвар по вершине вала - а значит, в целях расширения места прогулок, часть гребня вала была срезана, вместе с находившимися под дёрном следами

крепостной стены. Подобное случилось и в находившемся неподалёку г. Лухе, где, согласно указу Екатерины II, было произведено переустройство с улицами-«лучами» и где также в ходе современных раскопок остатки крепостной стены на гребне вала не были обнаружены⁴.

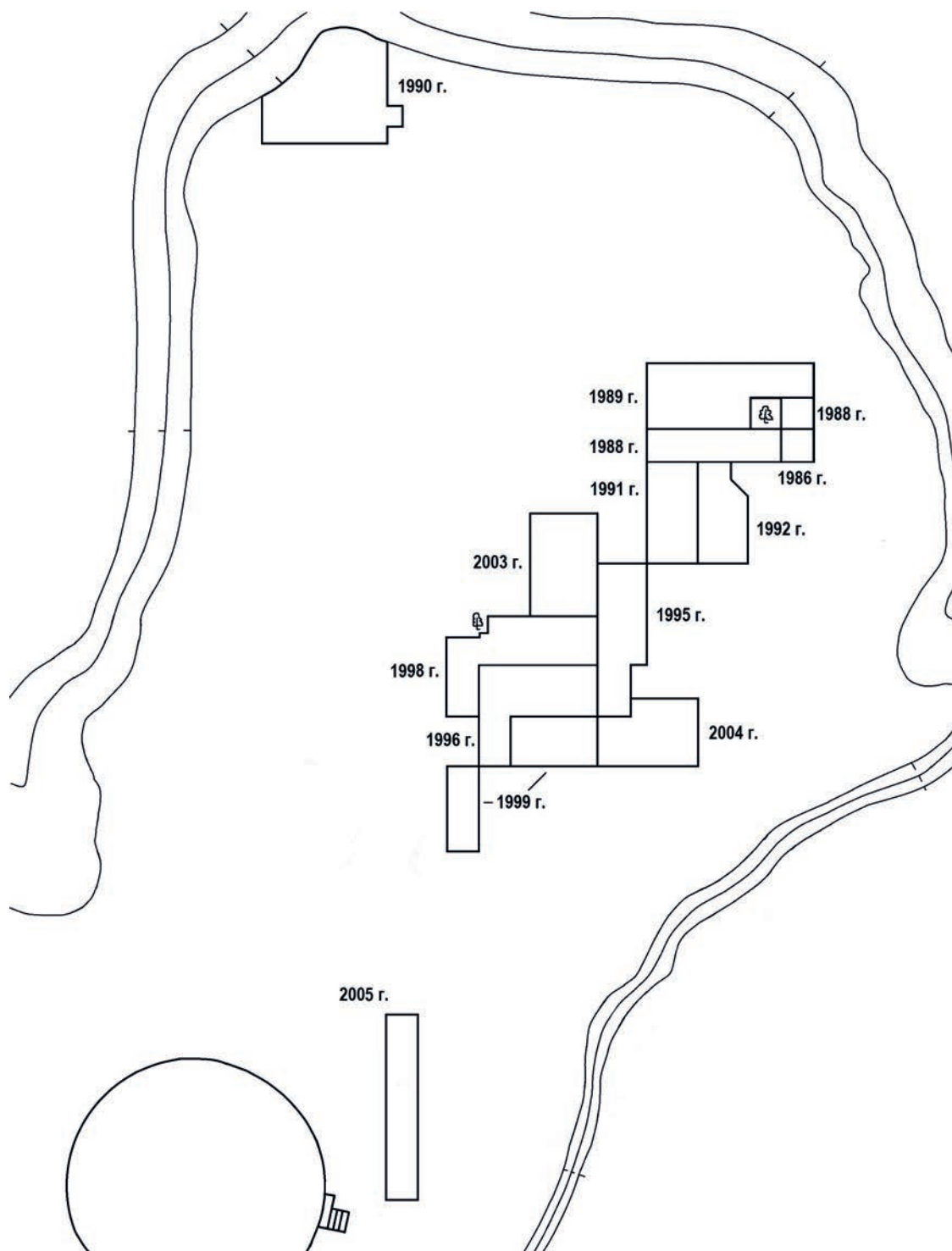

Рис. 3. Раскопы 1986-2005 гг. на территории Плёсского городища.

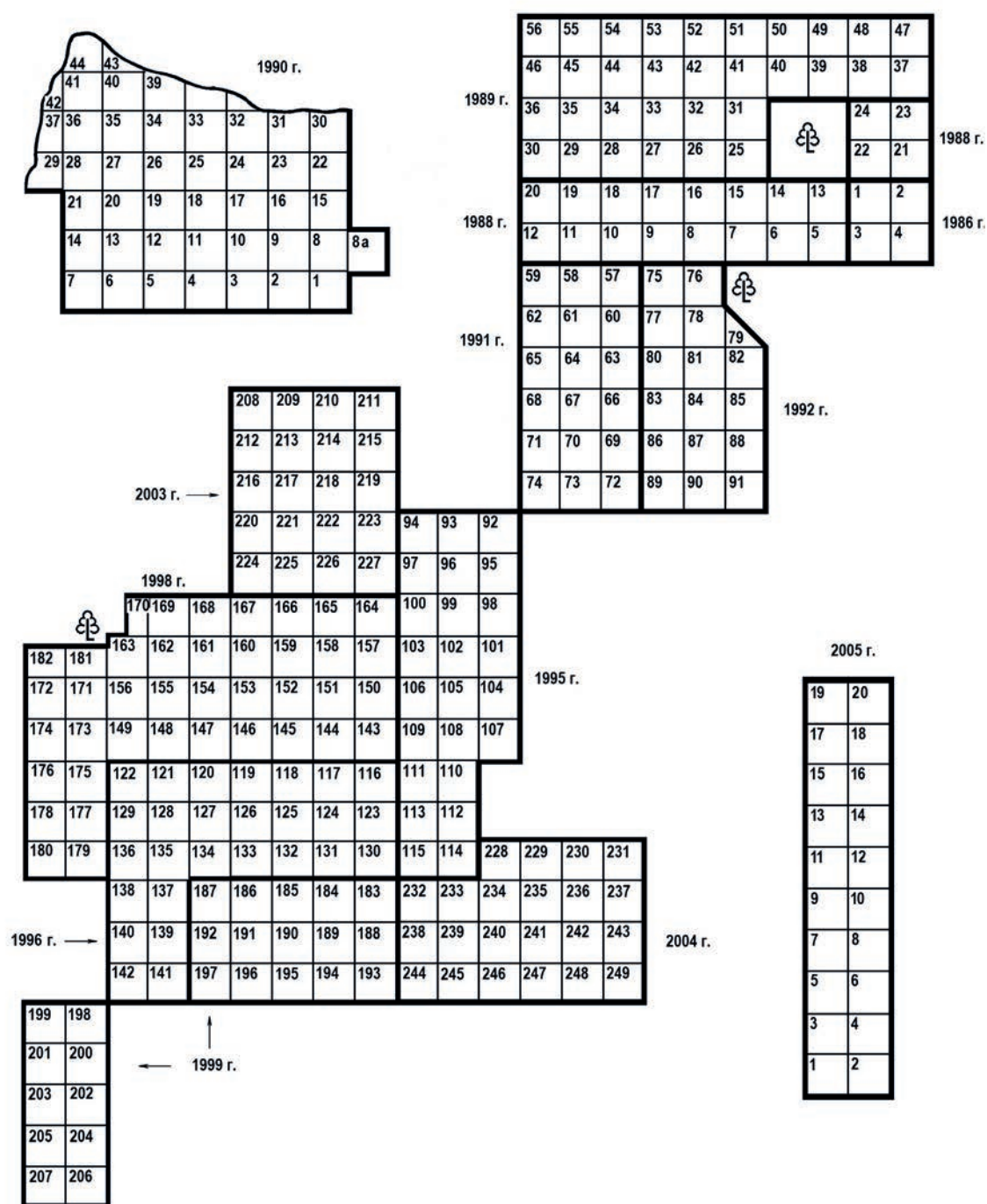

Рис. 4. Нумерация квадратов в раскопах.

Новый этап изучения городища, завершившийся в 2005 г., мы начали в 1986 г. с разведочного шурфа в северной, мысовой части Соборной горы, где предполагалось обнаружить древнейшие культурные напластования. П.А. Раппопорт, как сказано выше, заложил два разведочных шурфа в непосредственной близости от сохранившегося крепостного

вала, но мысовую часть не исследовал. Мы также приняли во внимание письменные источники, которые свидетельствовали о том, что Плѣс существовал и до 1410 года (дата, которая долгое время считалась начальной для отсчёта истории города)⁵. Кроме того, территориальной «точкой роста» крепости – по аналогии с Москвой – мог быть именно мыс, Башенная гора. Расчёт оказался верным: в разведочном шурфе были найдены материалы домонгольского времени, и все раскопы в дальнейшем закладывались нами в данной части городища⁶. Нельзя не заметить общего направления раскопов от места шурфовки в южную сторону: здесь предполагалось найти следы домонгольского вала и рва (рис. 3).

Выбранный для планомерных исследовательских работ участок крепости отличался, как уже сказано выше, лучшей сохранностью культурного слоя. Условия представились почти идеальные. Застройка здесь не производилась со времён функционирования крепости. Сколько-нибудь существенных поздних перекопов в сетке раскопа не встречалось. Средневековые напластования начинались сразу под дёрном, причём, как показали раскопки, на данном участке памятника отсутствовали археологические остатки позднее середины XVI века. Самые позд-

*Рис. 5. Массив глины со следами воздействия огня в раскопе 1990 г.
Вид с востока.*

ние найденные здесь монеты отчеканены в промежутке между 1547 и 1561 гг. Денег последующего времени за все годы раскопок нами не обнаружено, если не принимать во внимание нескольких потерянных монет XVIII–XX вв. (включая деформированные экземпляры на месте игры студентов техникума «в стукана»).

У северного и восточного края Башенной горы, где на прогулочных дорожках дерн отсутствовал, культурный слой выходил наружу и представлял собой остатки крепостных сооружений. Хорошо заметными их делали куски обожженной (а местами пережженной в пожаре) глины, которая использовалась при возведении стен и башен в 1410 году в виде кирпичей и слепленных бесформенных кусков. Особенно много их было на месте дозорной башни, остатки которой были исследованы отдельным раскопом в 1990 году (рис. 5).

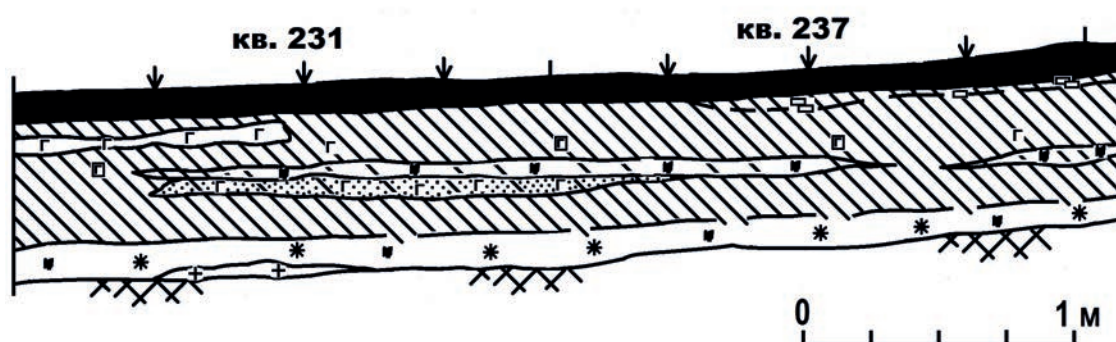

Рис. 6. Участок восточной стенки раскопа 2004 г.

Мощность культурных напластований на разных участках составляла от 40 до 80 см, глубина материковых ям достигала 170 см. Культурный слой на исследованной территории в основном делился на три горизонта (рис. 6). Верхний представлял собой супесчаный пласт, который отличался высокой степенью насыщенности органикой и имел темно-серый (местами почти чёрный) цвет. Многолетние исследования памятника убедили в том, что формирование данного пласта напрямую связано с постройкой обширной цитадели в 1410 году и дальнейшей активной жизнью крепости вплоть до середины XVI столетия. Нижняя граница тёмного пласта, как правило, визуалью хорошо определялась на фоне более светлых отложений XII–XIV веков.

Данный пласт с его мощностью в раскопе являлся основным и в некоторых случаях единственным: на месте построек он мог доходить до материка и иметь толщину 0,7–0,8 м; составлял большую часть заполнения подпечных ям. Слой содержал остатки деревянных конструкций, имел прослойки угля, песка, глины (в основном со следами воздействия огня). На месте разрушенных печей 1 половины XVI в. встречались остатки средневековых кирпичей (правда, в раскопе 2005 г. находки кирпича были связаны с остатками поздней ограды Казанского собора).

Второй горизонт представлял коричневатую, светло-коричневую или бежевую по цвету супесь (в зависимости от степени насыщения влагой и органикой). Толщина этого пласта обычно была около 0,1 м и лишь местами доходила до 0,2 м. Пласт не всегда имел границу с чуть более светлым нижележащим, и в первых раскопах (1988–1991 гг.) не был выявлен. Отчётливо он обозначился в южной части Башенной горы, то есть в раскопах 1995–2004 гг., на некотором удалении от основной территории предшествовавшего по времени кладбища XIII в. (сам некрополь, помимо погребений, прорезавших домонгольский слой, археологического пласта не оставил). Там, где он не был уничтожен в ходе более поздней хозяйственной деятельности, пласт второго горизонта содержал остатки жилых домов, производственных комплексов, местами имел включения глины, очажного «рваного» камня, угля.

Нижний, третий горизонт, был связан с отложениями домонгольского времени и покрывал поверхность серого суглинистого материка. Древнейшие находки на городище, правда, свидетельствовали о том, что здесь находилась стоянка эпохи мезолита. Кремнёвые пластины встречались на третьем уровне и выше, в переотложенном состоянии, но нигде соответствующих древнейших отложений на материке не встречено. Пласт третьего горизонта представлял собой светло-серую тяжёлую супесь с относительно небольшим количеством находок (исключительно домонгольского времени). Как и вышележащий, второго уровня, сохранился не потревоженным на отдельных участках и обычно имел толщину около 10 см. Максимальная мощность отмечена на месте жилого комплекса в квадрате 109 раскопа 1995 г. Пласт содержал остатки жилых и хозяйственных построек; наиболее впечатляющим по

сохранности и информативности оказался комплекс домонгольского городского святилища⁷.

Нам представилось целесообразным вести раскопки данного памятника методом мелкой зачистки, с фиксацией материалов через каждые 10 сантиметров. Такая методика неминуемо сокращала исследуемую за археологический сезон площадь, но вносила дополнительные подробности в характеристику материалов, давала возможность зафиксировать локальные комплексы (строительные жертвы и т.п.), отдельные детали построек, отложения толщиной в считанные сантиметры (рис. 7). С 1986 года все работы в Плесе велись именно таким способом. Исследуемая площадь разбивалась на квадраты 2 x 2 м. На представленных в данной книге планах нивелировочные отметки (глубины) указаны относительно современной дневной поверхности.

Рис. 7. Работы на Плёском городище.

В ходе исследовательских работ весьма полезным было обращение за помощью к специалистам в области медицины, зоологии, ботаники, химии, материаловедения и, разумеется, к высококвалифицированным специалистам-археологам. Автор благодарен за консультации и анализ материалов В.Л. Янину, П.Г. Гайдукову, Д.А. Дрбоглаву, М.В. Седовой,

В.В. Седову, А.Г. Векслеру, Ю.Б. Цетлину, Е.В. Веселовской, Г.А.Самойлову, Н.М. Окуловой, И.В. Кирилловой, В.А. Галибину.

Автор также с благодарностью вспоминает участников исследования памятника – студентов вузов, школьников, энтузиастов разных возрастов и приводит их список (с извинениями перед теми, кто в нём случайно не упомянут):

Рис. 8. Участники экспедиции. 1988 г.

Агейкин А., Айнулов Р., Аляутдинов В., Андреева М.Б., Андрианов И., Анисимов И., Арефьева Д., Афанасьева О., Багажков Д., Балаболкина А., Барабанов А., Бахирев А., Белоручкин А., Березина В., Бирюков А., Блинов Д., Бобков П., Боброва А., Бойцов А., Бойцова Ю., Болотникова Н., Борисов А., Борунов В., Брауде Г.Я., Бронников В., Брызгалова М., Булай Т., Бутин О., Буяева Е., Валова А., Вальков А., Великолепова Т., Вереникина Т., Веркулич А, Виденеева А., Виноградов А., Воробьева Е., Воробьева М., Воронцов А., Ворошина Л., Гавинская Н., Галинская Е., Гайдамак А., Гайдамак Е., Ганиева А., Гарафеева А., Гарафеева Н., Герасимов М., Гоглова А., Голубева М., Горбачевская Л., Горбунов В., Горский К., Горячев А., Гребешечников П., Гришина А., Гусева А., Данилов И., Девяткин П., Дмитриев А., Доро-

феев О., Дорошин В., Дубровский А., Дубровская Е., Дубровская П., Дьяков А.Б., Дьяков П., Егоров Д., Егорушкина Н., Егорушкина Е., Емальянов Р., Ефимов П., Жирова А., Жуков А., Жуков Г., Журавлева А., Журавлёва Л.Е., Завгородняя Т., Захаров Г., Захаров С., Зацепина М., Земляничкин Г., Зернов М., Золотарев С., Золотарев Я., Зоря Г., Иванников Д., Иванов А., Игнатенко И., Ицкова Л., Кабанов А., Казаков А., Казакова Д., Кайров А., Калачихин И., Калачихина Т., Карпов И., Касаткина А., Каталова С., Кашенков В., Кирсанов И., Козырицкая Т., Колобаев Ю., Колпакова К., Комизерко М., Компасов И., Компасова К., Коновалов С., Конопелькин А., Корендясев И., Корендясева Т., Коровин М., Коровина В.В., Коротков П., Корягин П., Корягина П., Кочина П., Кузнецов А., Кузнецов Е., Кузнецова Н., Куликов А., Куприн А., Курганов М., Кутурова О., Ласьков С., Лебедева В., Лернер А., Липкина Е.Н., Липкин И., Липкин М., Липкин М.Б., Липник Е., Лисова О., Лобов М., Логинов А., Львов Н., Ляпунов М., Магницкий А., Мазина С., Макаренков А., Макаренков К., Макаренков С.В., Макарова О., Максимов Н., Максимычева М., Макушева Ю., Малахов Д., Малышев И., Маньенан Д., Маркелова Е., Марков А., Маслов Д., Маутина М., Мильков С., Михайлова М.Н., Михалекс М., Молоканов С., Молчанова Т., Москвичев М., Морозов К., Морозова Т., Моряков Н., Мурыскин А., Мурыскин Г., Мусинов А., Несмиян В.Г., Несмиян Е., Несмиян О.А., Неугодов Д., Новиков Г., Новикова М., Новосёлов А., Ойнас Д., Окунева Л., Олейник А., Осипов А., Павлова Н., Павлова Ю., Парыгин М., Пак М., Перчун В., Петров А., Печникова А., Плетнёв М., Плетнёва Ю., Плотников А., Подолка Е., Подпаскова А., Позняков П., Поляков Д., Полякова Г., Полякова Т.А., Полятыкина С., Попадюк С., Попков Б., Потемкин А., Примак А., Преображенская Т., Проничев С., Прусакова О., Пряжников П., Пугин И., Пучкова С., Пяртли Б., Пяртли С., Разумцева П., Рекутин С., Рогалева С., Романов В., Романов П., Рыбак О., Рютин Д., Рябухин А., Сабиров Д., Саменкова Е., Самосадова А., Свиридов Е., Семенов А., Сечиных М., Силкина А., Симонов М., Скворцова Т., Скороход П., Слепнёв Е., Случ М.И., Смирнов П., Смирнова П., Соколов А., Соколов Р., Соловьёв М., Соломин А., Сосновиков А., Стадник Д., Строева Е., Строкова М., Субботин И., Теплянский М., Тихоми-

---

ров А., Тощева Е., Травкин А., Травкина М., Уколова И.Е., Уколов К., Ульянова А., Устинова В.В., Фаттахов А., Федоров В., Федоров Вит., Федорова Е., Филиппов Д., Фомина Л., Фролова Е., Фролова Н., Фураев Д., Харламов И., Харитонова Н., Цетлин Ю.Б., Чайнов И., Чернов Л., Чернова Н.Ю., Чернышев И., Чумаченко А., Шамин Р., Шерстова М., Шавандин И., Шавандина О., Шильникова Ю., Шлычков Л.А., Шмелев В.Ю., Шолохова Е., Шухто А., Щеблова А., Щеголева А., Щеголева С., Щербакова Т., Щукарев А., Щукарева А., Яблоков А., Яковлева О.

Работы велись при значительной финансовой и организационной поддержке со стороны администрации Плёсского музея-заповедника и Ивановского городского Дворца пионеров, фонда «Открытое общество», Ивановского отделения Российского Фонда культуры и частных лиц. Материалы раскопок сданы в музей Ивановской области.

---

¹ Чернецовы Г.и Н. *Путешествие по Волге*. М., 1970. С. 43.

² Раппорт П.А. *Отчёт о работе отряда по изучению крепостей Среднерусской археологической экспедиции*. Руководитель Раппорт П.А. 1957 г. // *Архив ИА РАН*. Р1 № 1425.

³ Раппорт П.А. *Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв.* М.-Л., 1961.

⁴ Костылева Е.Л., Уткин А.В. *Предварительные результаты раскопок земляного вала Лухской крепости осенью 2008 года*. // *Вестник Ивановского государственного университета*. Иваново, 2009. Вып. 3. С. 38.

⁵ Травкин П.Н. *Средневековый Плес. // Археология Пскова и Псковской земли. Псков, 1990. С. 78.*

⁶ Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Травкин П.Н., Уткин А.В. *Исследования Верхневолжской экспедиции. // Археологические открытия 1986 года. М., 1988.*

⁷ Травкин П.Н. *Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2019.*

Рис. 9. Условные обозначения.

Глава I

*Первые крепостные
сооружения Плёса*

Долгое время историю Плёса принято было отсчитывать от 1410 года: «того же лета князь великий Василей Дмитриевич повеле рубити град Плесо»¹. В ходе празднования 500-летнего юбилея в 1910 году в центре города – на Соборной горе, около здания бывших присутственных мест – был открыт памятник московскому князю Василию. При этом, разумеется, в эйфории праздника никто не принимал во внимание то обстоятельство, что «рубити град» в древности могло означать не основание города, а строительство новых крепостных сооружений взамен старых в уже давно существующей крепости. Не нашлось в заштатном городке и такого любителя истории, который был бы знаком со «списком градов русских» XIV века, в котором среди других, больших и малых, фигурирует Плѣс².

На сегодняшний день нам известно два письменных свидетельства существования города до ордынского нашествия. Одно из них может указывать на опорную летописную дату в отсчёте истории Плёса (1141 г.); дата хорошо согласуется с самыми ранними археологическими находками на Соборной горе³. Второе свидетельство указывает Плѣс в ряду городов, разорённых ордынским нашествием 1238 г.: «Окаянный же Батый ещё воздвижеса воевати, и взяша 14 градов, и поидоша татарове к Юрьеву, и к Ростову, а инии поидоша к Переславлю, и к Кашину, а ини

к Ярославлю, и к Угличу, а инии на Волгу, на Кострому, и на Плесо, и на Юрьевец, и на Городец. И вся грады плениша по Волзе и до Галича»⁴.

Начатые в 1986 году многолетние исследования выявили довольно редкий археологический комплекс, в котором представлены (и относи-

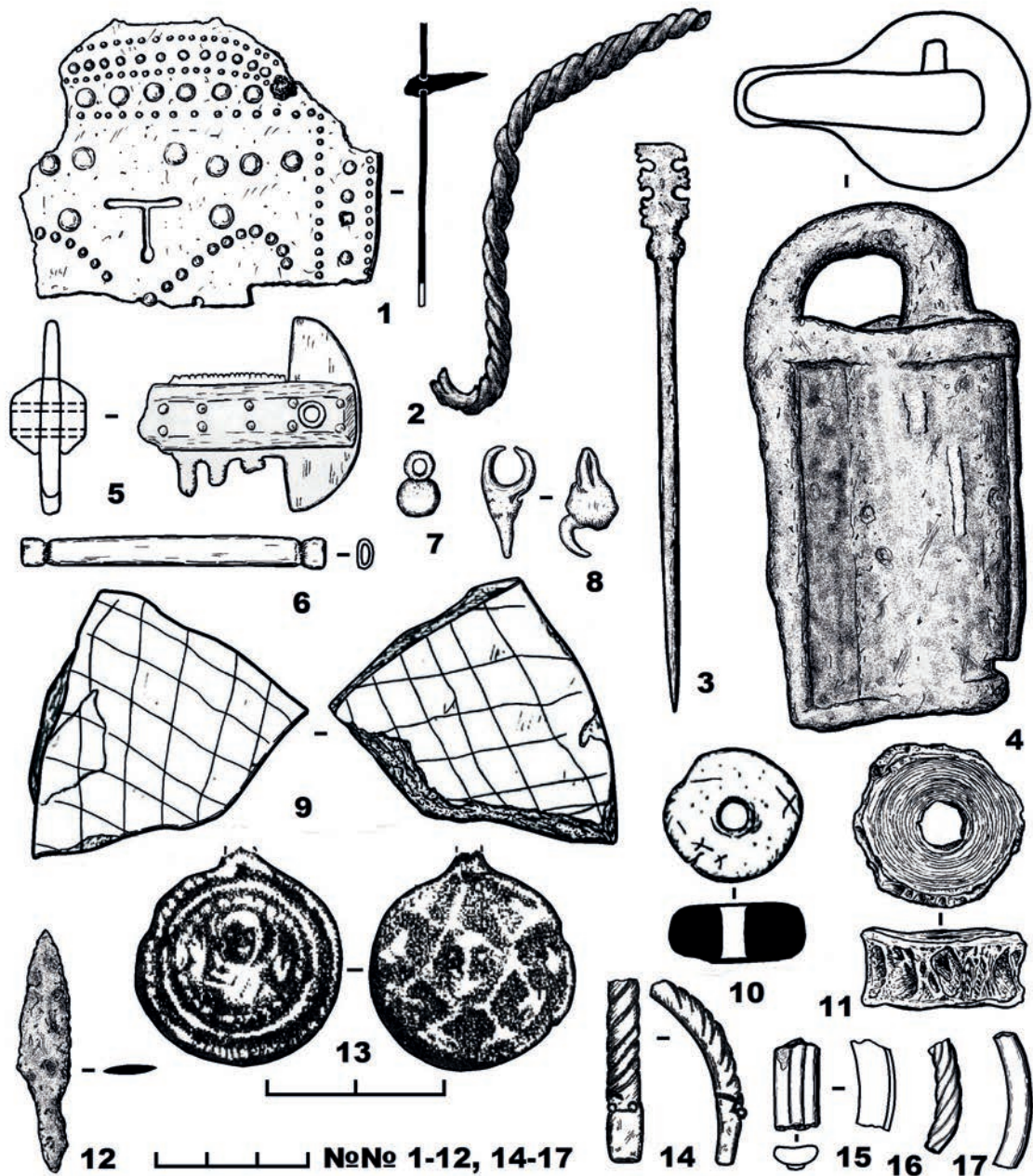

Рис. 10. Находки из раннесредневекового слоя Плесского городища.

1 – накладка нутряного запора; 2 – фрагмент дужки ведра; 3 – писало;

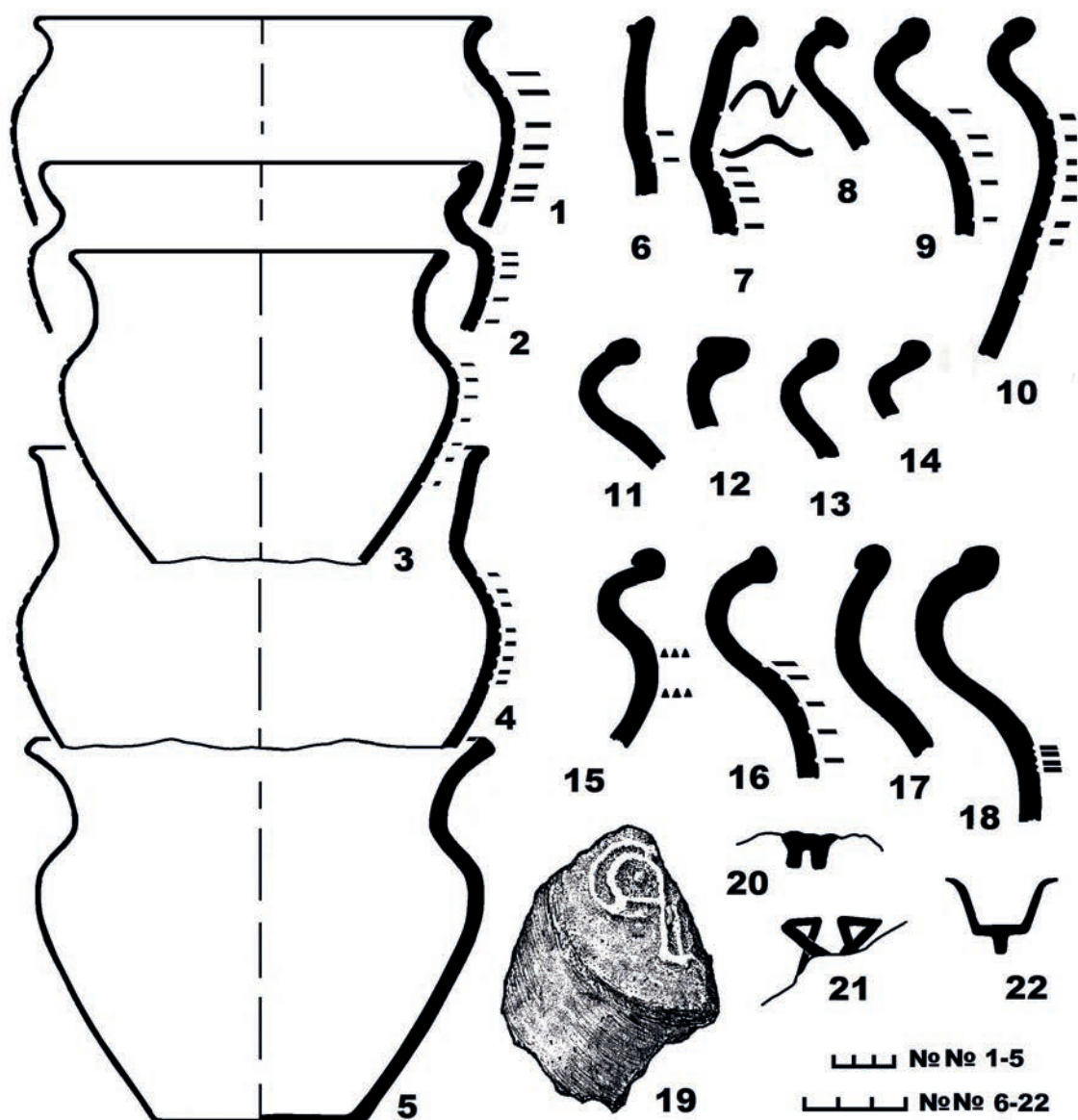
4 – замок; 5 – остатки гребня; 6 – игольник; 7 – пуговица;

8 – фрагмент шумящей подвески; 9 – гравированная плакетка;

10–11 – пряслица; 12 – наконечник стрелы; 13 – змеевик;

14–17 – фрагменты браслетов.

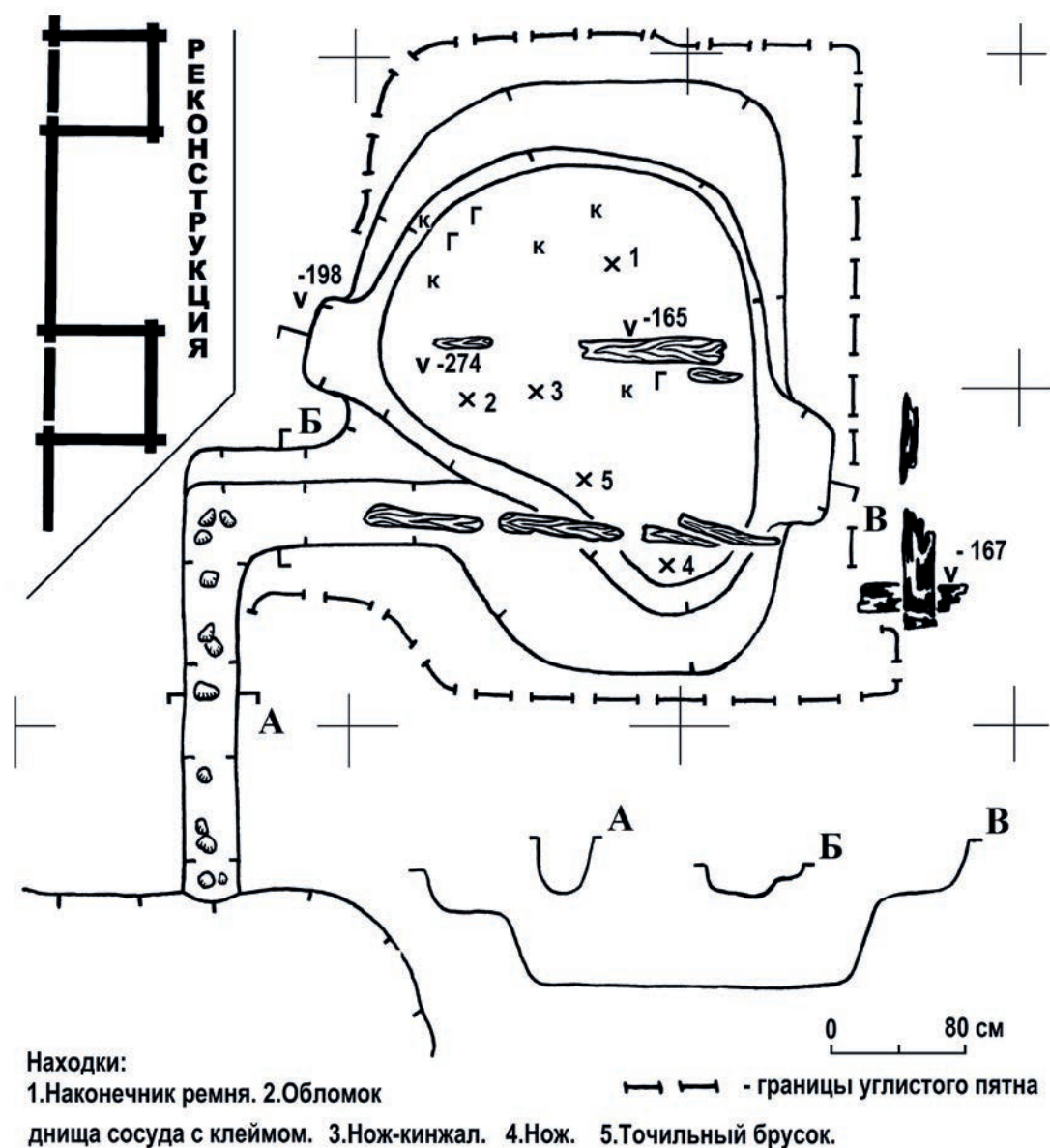
1–4, 12 – железо; 5–6, 11 – кость; 7–8, 13 – медный сплав; 14–17 – стекло.

Рис. 11. Образцы домонгольской керамики с Плёского городища.

тельно хорошо сохранились) основные составляющие домонгольского городского центра: крепость, посад, раннесредневековый некрополь и центральное святилище. Святилище располагалось на современной Соборной горе, где раскопками также выявлены остатки фортификационных сооружений, жилищ, хозяйственных построек, тыновых оград. Найденные на их месте, и частично в переотложенном состоянии, вещи укладываются в хронологические рамки середины XII – первой трети XIII вв. (рис. 10).

Рис. 12. Участок раскопа со следами домонгольских крепостных сооружений.

Достаточно многочисленный керамический материал плёского городища соответствует собранному на территории раннесредневекового посада и городского некрополя на Холодной горе (рис. 11). Повторяются особенности форм, совпадает состав керамического теста; на городище и посаде встречаются изделия, выполненные рукой одного мастера-гончара, имевшего особое клеймо (рис. 11, 19). Перекликаются между собой и другие находки. Обнаруженный в крепости костяной гребень инкрустирован так же, как найденные три экземпляра из усадьбы № 3 «улицы ювелиров» домонгольского посада (рис. 10, 5). Один из

ножей имеет ту же интересную особенность, что и некоторые посадские экземпляры: углубление-дол под спинкой клинка (рис. 15, 1). В крепости и на посадке обнаружено несколько особенных образцов «мобильного искусства» – плоских камней с магическими начертаниями (рис. 10, 9). Совпадают и элементы обрядов, следы которых отмечены на всех составляющих плёсского археологического комплекса.

В 1990 г. Плёсской экспедицией была предпринята попытка проследить остатки оборонительных сооружений средневековой Плёсской крепости. В этих целях была исследована крайняя северно-западная точка, стратегически подходящая для строительства дозорной башни: отсюда лучше всего просматривается Волга как вверх, так и вниз по течению. Раскоп был разбит на месте туристской обзорной площадки, имеющей высоту около 50 м над уровнем Волги. Сразу же после начала работ, в верхних слоях раскопа были обнаружены остатки двух разновременных башен XV–XVI вв.; отмечены также следы крепости, функционировавшей накануне масштабных строительных работ 1410 года – всё это найдёт отражение в последующих разделах книги. Здесь же подробнее остановимся на описании остатков домонгольских крепостных сооружений, которые удалось выявить в юго-западной части раскопа.

В нижних напластованиях, непосредственно перед обнажением материка, ясно обозначилось подпрямоугольное углистое пятно, ориентированное по сторонам света (рис. 12). Площадь его составляла 18,5 кв. м. Мощность данного напластования была небольшой, около 6 см. У его юго-восточного края сохранились остатки обгорелого сруба, сложенного «в обло» из брёвен толщиной около 25 см. Непосредственно же под пятном была прослежена материковая яма, в целом повторявшая очертания пятна, но со скруглёнными углами. Размеры ямы 2,6 x 3,4 м, глубина 0,9 м от уровня материка, имевшего здесь уклон в 15° к северо-западу. Дно ямы было горизонтальным, стенки почти отвесными. В западной и восточной стенках имелись противоположащие друг другу выступы-врезки глубиной 0,4 м (рис. 12, *разрез «В»*).

На запад от ямы отходила канавка глубиной 0,25 м и шириной 0,6 м (рис. 13). В метре от ямы она разворачивалась под прямым углом и су-

жалась до 0,4 м. На этом отрезке канавка имела округлое в сечении дно и глубину 0,3 м, в её заполнении встречались небольшие (до 15 см) валунные камни и осколки валунов.

Рис. 13. Участок после полной выборки культурного слоя. Следы домонгольских фортификационных сооружений. Вид с северо-запада.

В верхнем слое заполнения ямы были прослежены две полосы древесного тлена. Одна из них – как продолжение описанной канавки по линии восток – запад, другая, параллельная ей, напротив врезки в западной стенке. Вероятно, они представляли собой остатки деревянных перекрытий.

В тёмном углистом заполнении ямы собрано около 500 фрагментов керамики, преимущественно с линейным орнаментом. Преобладали горшки с утолщённым на конце, отогнутым наружу или почти прямостоящим венчиком (рис. 14, 1–4). Встречались миски (рис. 14, 5). Вся посуда изготовлена из серого теста с добавлением дресвы преимущественно средних фракций и органики. Полученные образцы имеют аналогии в ранее изученных комплексах из раскопок Плёсского посада, а также в многочисленном курганном материале.

Здесь же встречен элемент поясного набора – наконечник ремня геральдической формы; он был сделан из железа и украшен тремя прорезными отверстиями в форме ромбов; крепился к ремню пятью железными заклепками (рис. 15, 4). Наконечники ремней обычно встречаются в курганных захоронениях с явными «дружинными» признаками, тогда

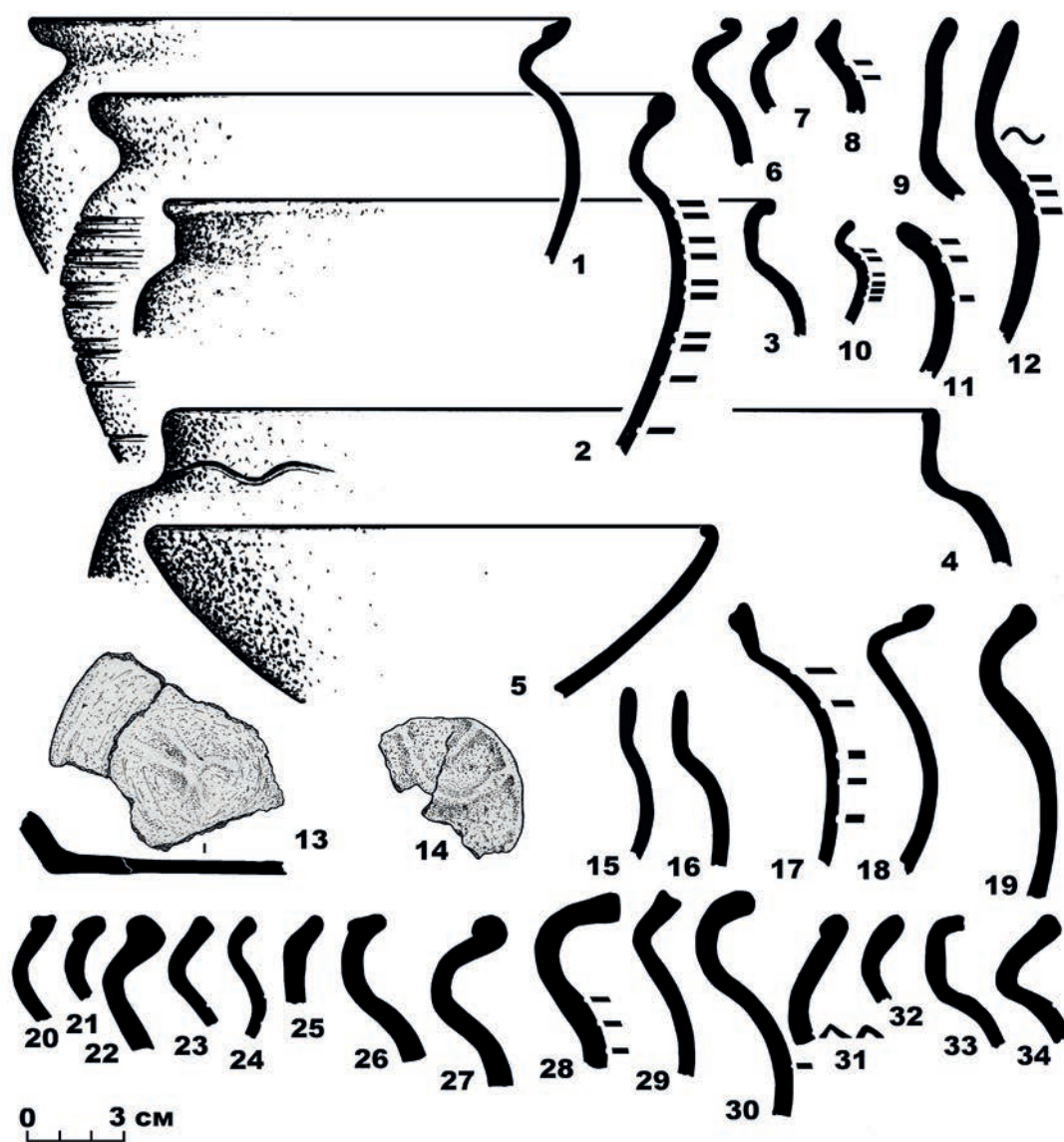

Рис. 14. Керамика из ямы.

как, например, в Костромских курганах они отсутствуют⁵. Уже сами размеры находки указывают на то, что это наконечник от широкого и толстого мужского ремня, к которому могли крепиться довольно многочисленные предметы поясного набора. Один из таких предметов най-

ден здесь же: точильный брусок, имевший на конце сквозное отверстие для подвешивания (рис. 15, 5). На территории крепости, на месте дислокации ратников, это вторая такая находка; все встреченные на посадке бруски были без отверстий.

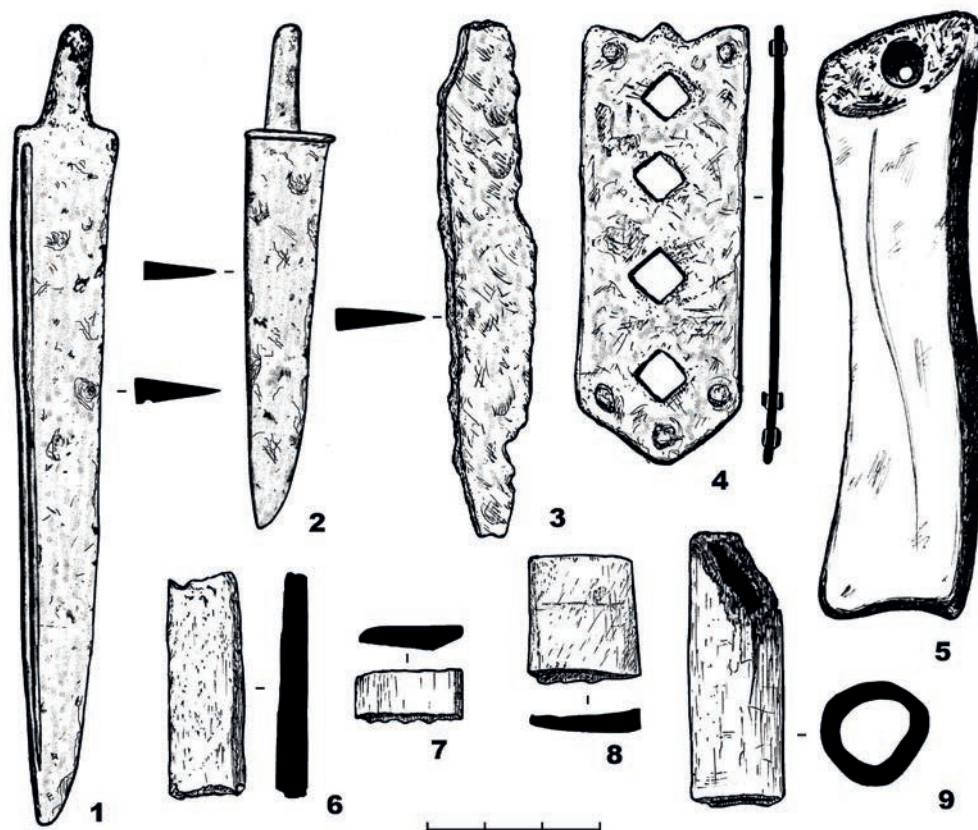

Рис. 15. Находки из ямы. 1–3 – ножи; 4 – наконечник ремня; 5 – точильный брусок; 6–9 – отходы работ по кости.

Из трёх найденных в яме ножей один был с удлинённым лезвием (12 см) и достаточно широкой спинкой (4,5 мм); он вообще превосходит по габаритам все ранее найденные на городище ножи домонгольского времени (рис. 15, 1). По всей видимости, его следует отнести к боевым, засапожным. Ещё один нож имел длину лезвия 6,7 см (рис. 15, 2). Лезвие было отделено от рукоятки медной овальной пластиной. Это не единственная находка с подобным отличием из домоногольских слоёв Плёса. Универсальное бытовое назначение таких небольших ножей не вызывает сомнения.

Определенный интерес представляет несколько обнаруженных в яме находок производственного характера: отходы косторезного дела (4 фрагмента) (рис. 15, 6–9) Они указывают на занятие кого-то из воинов ремеслом в свободное от службы время.

Рис. 16. Следы древнего оврага на Соборной горе. Вид с запада.

Вся совокупность данных позволяет определить прослеженный комплекс как остатки плёских домонгольских оборонительных сооружений. Они в целом соответствуют выделенному П.А. Раппопортом основному типу раннесредневековых укреплений, характерных для городов Северо-Восточной Руси⁶. В Плёсе внешняя сплошная бревенчатая крепостная стена «подпиралась» примыкавшими и перевязанными с ней срубами (рис. 12, реконструкция). Нижние венцы для придания жёсткости конструкции находились в специально вырытых канавках. Отстоявшие на некотором расстоянии один от другого, срубы не только составляли основу прочности стены, но и служили жилыми помещениями для гарнизона крепости. Об этом свидетельствует специфика находок, а также отсутствие обломков стеклянных браслетов, пряслиц и тому подобных вещей, связанных с обычными жилыми домами, с пре-

быванием женщин. Не было здесь и остатков печи, а найденная керамическая посуда, в основном, не имела следов нагара на поверхности; она использовалась, вероятно, для хранения продуктов. В этих же целях под полом был устроен погреб.

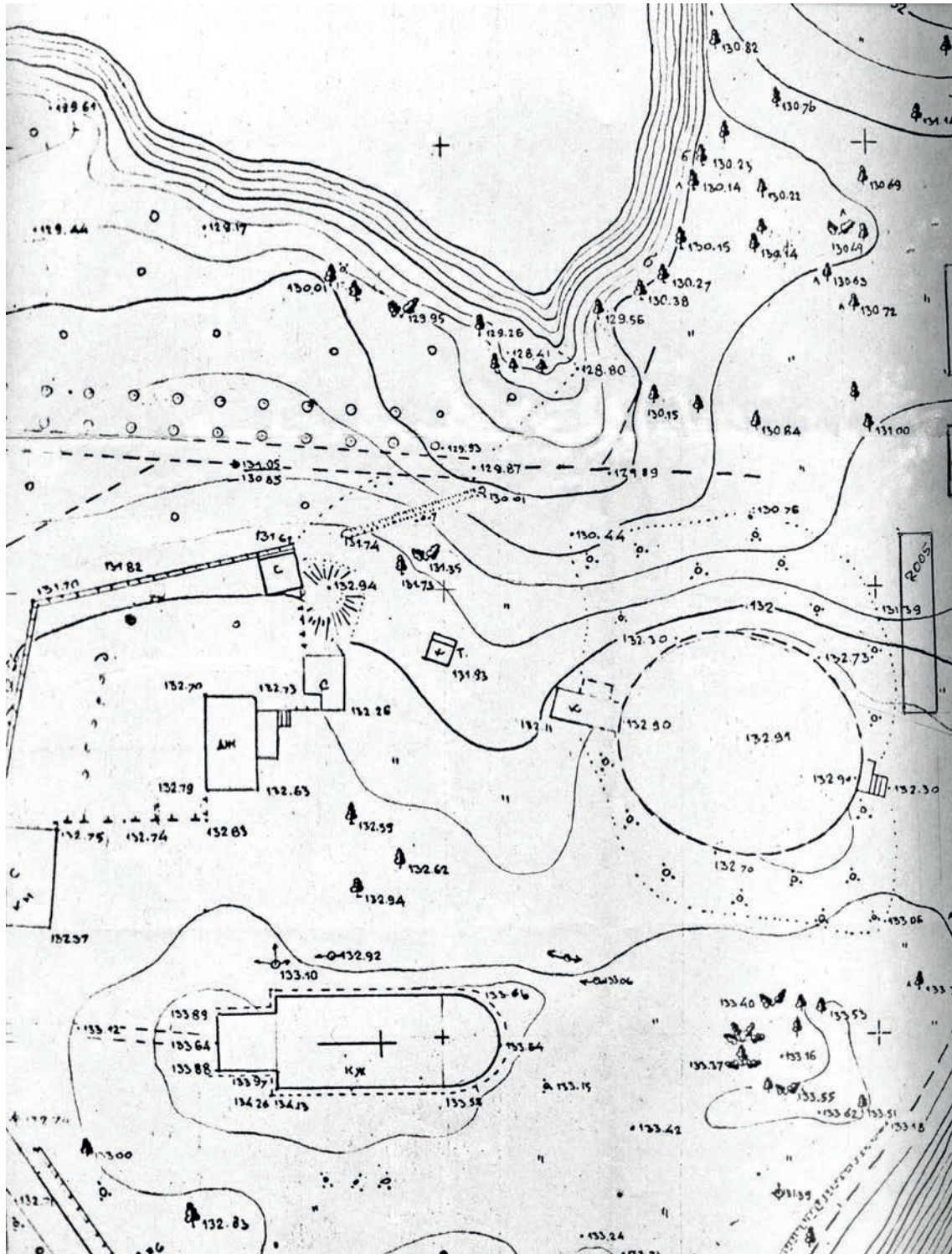
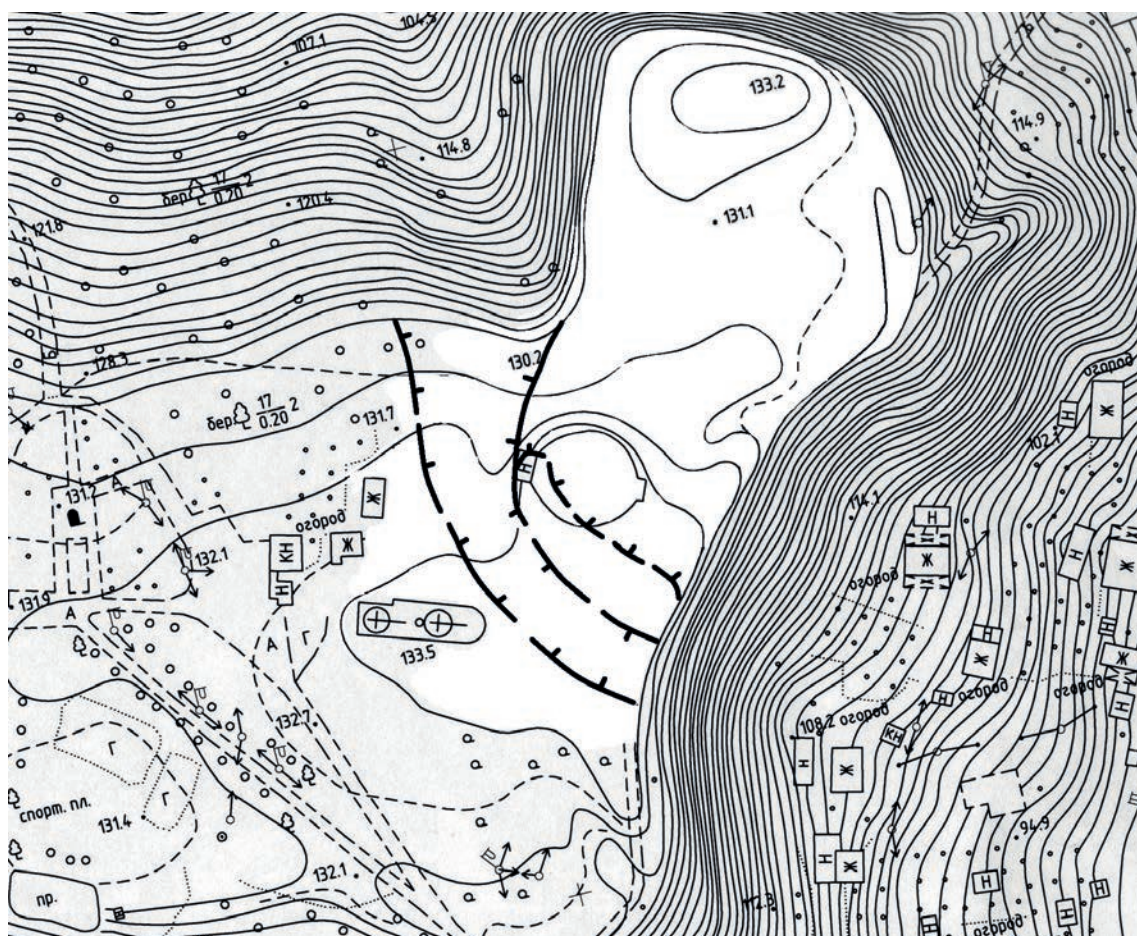

Рис. 17. Следы древнего оврага.
Топографическая съёмка: Любимов, Петров, 1992 г.

В ходе исследования обратило на себя внимание и то обстоятельство, что на керамике и камнях встречался довольно значительный известковый слой, тогда как ни под ними, ни непосредственно в культурном слое он не прослеживался. Видимо, на деревянные сооружения в противопожарных целях принято было наносить известковое покрытие; но вот к какой из крепостей Плёса разных эпох данное правило имело отношение, ещё предстоит выяснить. Остатки побелки вместе с водой ушли материковый песок и задержались только на плотных предметах.

Рис. 18. Предположительные очертания плёсской крепости домонгольского времени.

Во время ордынского нашествия зимой 1237–1238 гг. Плёс разделили судьбу всех городов Северо-Восточной Руси. Новые крепостные сооружения были возведены в XIV столетии (допускаем, что и несколько раньше, в конце XIII-го) в прежних пределах, ограниченных не сохранившимся на сегодняшний день раннесредневековым валом.

Следы земляных сооружений – вала и рва – в заложенных нами раскопах на территории городища отсутствовали. Вопреки предположениям, их не оказалось в районе перешейка – самой узкой части крепости, на переходе с Башенной горе. Как выяснилось, они находились южнее раскопа 2005 года, но, судя по всему, на небольшом отдалении. Косвенным свидетельством может служить меньшая, по сравнению с другими раскопами, толщина слоя.

Подсказкой в определении территории первой крепости также стал древний овраг, который был засыпан одновременно с уничтожением раннесредневековых земляных укреплений в ходе расширения территории военного ядра города в 1410 году (рис. 16). По мере проседания и вымывания земли делались новые подсыпки. Последние работы подобного рода были произведены одновременно с разрушением Казанского собора во время Советской власти: в основание оврага свалили непригодные для вторичного использования остатки здания (на поверхности и сегодня заметен битый кирпич).

Подробная профессиональная топографическая съёмка, произведённая в 1992 году, позволяет определить общие контуры и направление оврага (рис. 17). Он доходил до пространства между сохранившимся Успенским собором и не сохранившимся Казанским (на его фундаменте была построена летняя эстрада). Далее заметен поворот на восток, к краю плато Соборной горы: здесь овраг, вероятно, переходил в ров раннесредневековой крепости; таким же образом был устроен рукотворный поворот оврага в Алабужской крепости, предшественнице Плёса⁷. Исходя из этого, можно предположить, что домонгольская плёсская крепость имела вытянутую форму, длину около 150 м и площадь около 1,1 га (рис. 18).

Память о первой крепости, засыпанном овраге и крепостном рве долгое время сохранялась. Вероятно, совсем не случайным оказался выбор места сооружения большого Казанского собора в XIX столетии: он встал на твёрдой почве: не на месте засыпанного рва, а на основании древнего вала (таким же образом было выбрано место для храма на близлежащем средневековом городище Солдога).

Немаловажным фактом в определении места раннесредневекового крепостного рва мы бы посчитали записанное в конце XX в. воспоминание плёсского старожила, инженера, начальника ремонтно-строительного участка Собачкина В.П. Он сообщил нам о старинном колодце, который находился восточнее Успенского собора, в небольшой низине, окружённой старыми липами (рис. 17). В колодце имелось боковое ответвление, лаз, куда, с риском для жизни, иногда забирались подростки. Инженер обследовал колодец и, в целях безопасности, распорядился его засыпать (на что ушло несколько машин грунта). Можно предположить, что место для колодца было выбрано не случайно. Относительно рыхлый грунт на месте рва дренажировал и тем самым способствовал наполнению колодца водой. Боковое ответвление могло предназначаться для тайного выхода из крепости в XV–XVI вв.

Местоположение Успенского собора также представляется не случайным. Сохранившаяся постройка 1699 года, вероятно, стоит на месте первого, домонгольского деревянного храма. Выход же из раннесредневековой крепости мог осуществляться через ворота в крепостном валу и мост через ров (как в г. Владимире). В таком случае, первый Успенский собор был поставлен у входа в крепость. В самой же крепости, как выяснилось в ходе раскопок, располагалось святилище, связанное с почитанием сил Нижнего мира (то есть, вероятно, бога Велеса); археологические остатки свидетельствуют об организации ритуалов силами родовой знати и дружинников⁸.

¹ По мнению М.Н. Тихомирова, список составлен около 1384 года. См.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. Вологодская летопись. // ПСРЛ. Л., 1982. Том тридцать седьмой. С. 168.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. // Русские летописи. Рязань, 2001. Том десятый. С. 477.

³ Травкин П.Н. Детище Юрия Долгорукого? (Древнейшее летописное упоминание о Плесе). // Краеведческие записки. Иваново, 2006. Выпуск IX.

⁴ Повесть о разорении Рязани Батыем. Список Хронографа 1599 г. // Воинские повести Древней Руси. М.-Л., 1949. По мнению Д.С. Лихачева, Хронограф восходит к несохранившейся костромской летописи и, значит, может считаться вполне надежным источником.

⁵ Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника: по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.

⁶ Раппопорт П.А. Очерки...

⁷ Травкин П.Н. Строительная жертва в основании вала Алабужского городища. // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2018. С. 161–173. Рис. 1.

⁸ Травкин П.Н. Язычество... С. 97-115.

Первая публикация части представленных в разделе материалов: Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. Вып. 6.

Глава II

*Средневековое кладбище на
Соборной горе*

Время от времени в раскопах на Соборной горе встречались человеческие захоронения, хронологически и по обрядовым признакам связанные между собой. По итогам исследований 1989 и 1990 годов они были ошибочно отнесены к раннесредневековому сельскому кладбищу, на месте которого в дальнейшем была возведена первая, домонгольская плёсская крепость. Основанием послужили черты сходства погребального обряда с местным курганным, а также то обстоятельство, что в означенных раскопах ещё не выделялся так отчётливо, как в дальнейшем, слой XIV столетия и не могло быть прослежено его соотношение с домонгольским слоем и с погребениями обретенного некрополя.

Нанесение найденных погребений на общую карту раскопов 1986–2004 годов на Соборной горе помогло выявить северную и южную оконечности кладбища (рис. 19). Наибольшее скопление захоронений наблюдалось в раскопе 1990 года, который был заложен на северной оконечности городища в целях обнаружения и исследования остатков средневековых башен и стен. Уже на глубине 20–30 см в юго-восточном секторе раскопа начали встречаться разрозненные человеческие кости из разрушенных погребений. Так в квадрате № 3 при зачистке на глубине 30 см найдены фрагменты двух черепов. В кв. 9 фрагментированный череп находился в углистом пятне (возможно, прикопан среди полных захоронений кладбища).

Приводим описание целых и частично сохранившихся погребений.

Погребение 1. Детское, встречено в кв. 8 и 8а (вынужденная прирезка) на глубине 20 см, костяк обнаружен на глубине 26 см. Овальное тёмное пятно доходило до материка и сохранило неясные фрагментарные следы обгорелой домовины. Костяк длиной 105 см ориентирован строго по линии восток – запад. Положение покойного – вытянуто на спине, руки согнуты в локтях, ладони сложены на груди. Погребение безынвентарное, в заполнении пятна встречено 4 фрагмента неорнаментированной керамики.

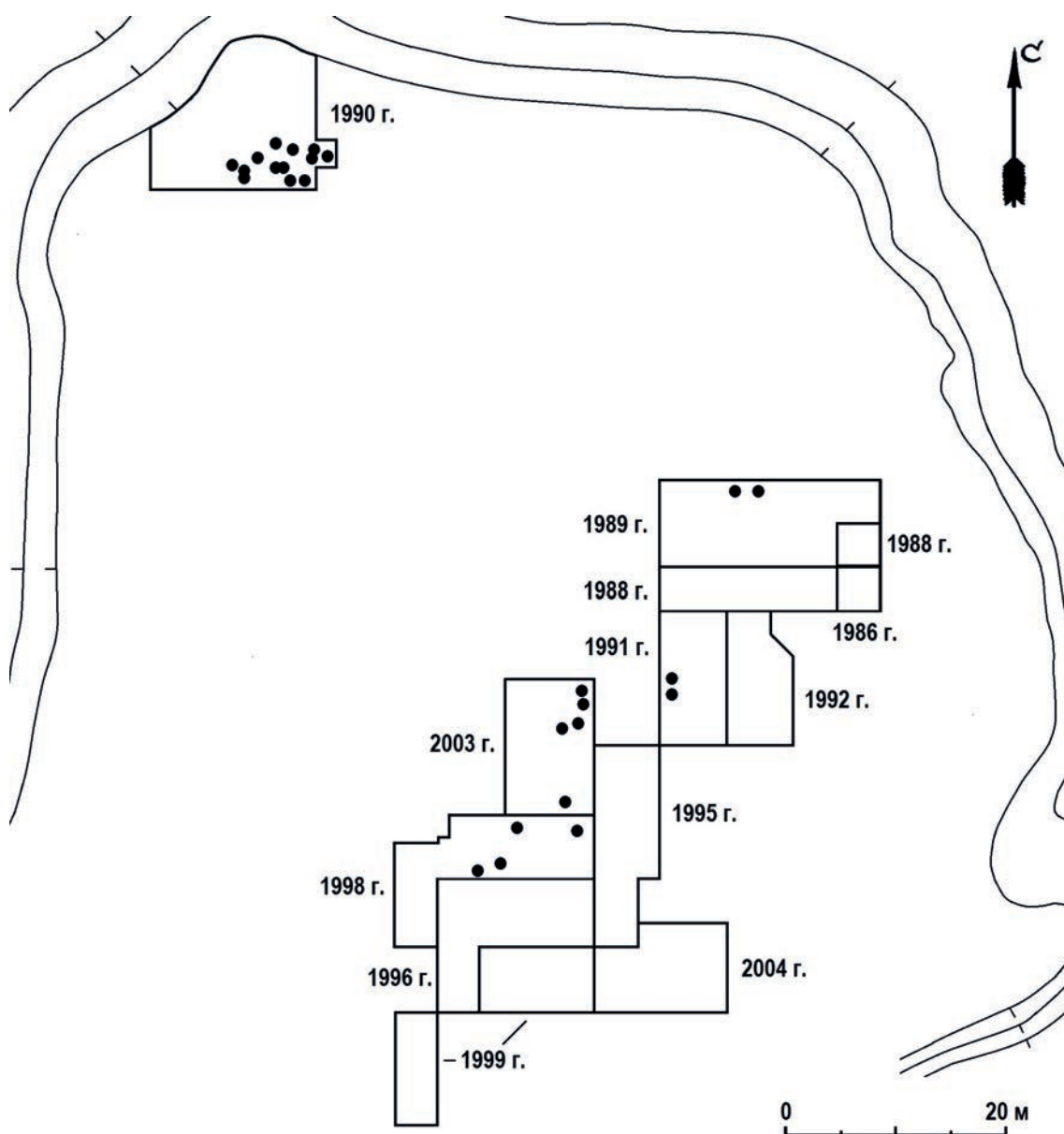

Рис. 19. Раскопы на Плѣсском городище с отметками местонахождения погребений.

Рис. 20. Двойное детское захоронение (погребение № 7) в раскопе 1990 г.

Погребение 2. Также детское, разрушенное. Представляло собой компактное скопление костей (включая фрагменты черепа) в кв. 8 в 35 см к югу от погребения 1, в светло-сером слое, на глубине 18–24 см. Возможно, это были остатки более раннего, разрушенного захоронения, находившегося на месте вышеописанного. Без следов могильной ямы и сопровождающего инвентаря, но в сопровождении древесного тлена неясных очертаний.

Погребение 3. Детское. В кв. 8а, в 7 см к юго-востоку от погребения 1, на глубине 22–30 см. Тёмное овальное пятно доходило до материка и углублялось в него на 4–5 см, не давая, однако, чёткого контура могильной ямы. Ориентировано по линии восток – запад, с незначительным отклонением к юго-западу. Умерший (длина костяка 86 см) – в вытянутом положении на спине, с прямыми руками вдоль туловища. Сопровождающий материал отсутствовал.

Погребение 4. В кв. 8–9. Разрушено ямой (под угловую опору?) крепостной стены 1410 года. От скелета сохранились фрагменты черепа – судя по всему, подростка. Фрагменты найдены в яме.

Погребение 5. Детское. Яма в кв. 1,8, в виде изогнутого овала, размером 1,6 x 0,8 м, имела линзовидное сечение, глубину до 0,2 м и тёмное заполнение с высоким содержанием углей. На дне её, примерно по середине, встречено скопление человеческих костей, в виде компактной кучки. Керамика, собранная я яме, имела облик курганной, а сама яма могла быть ровиком скрытого кургана.

Погребение 6. Детское. Было обнаружено в конце работ на раскопе при разборе бровки в кв. 4, 11, на глубине 46–60 см, в насыщенном чёрном культурном слое с круговой керамикой курганного типа. Ориентировка погребения нетипичная: строго по линии север – юг. Контуры пятна захоронения с юга не читались, северный конец имел округлые очертания. Рядом с костяком прослежен древесный тлен. Это могли быть остатки гроба или короба-бдына – прямоугольной конструкции, сложенной из досок, плах или жердей. Общая длина костяка составляла около 65 см. Положение – вытянуто на спине. Череп наклонен влево. Правая рука погребённого была согнута в локте, кисть на груди, левая полностью не сохранилась. Погребение безынвентарное.

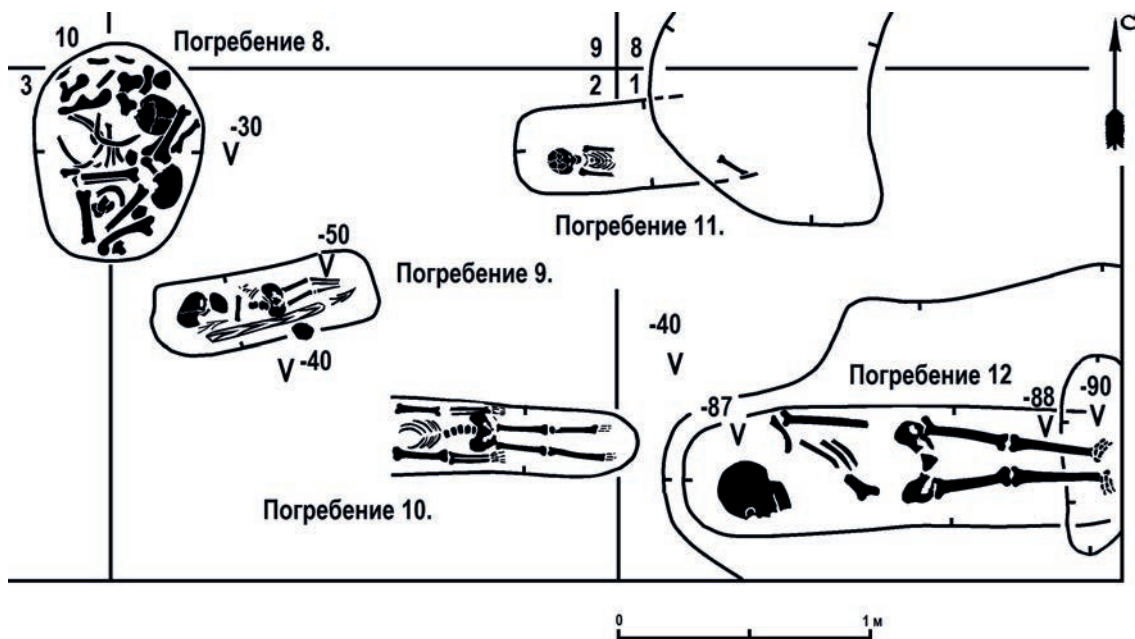

Рис. 21. Группа погребений в раскопе 1990 г.

Погребение 7. Двойное детское. Обнаружено в кв. 7 на глубине 37 см, в неровном, с нечётким краем, подпрямоугольном пятне гумусированного слоя, на 8–12 см заглублённого в материк (рис. 20). Ориентировка

Рис. 22. Скульптурный портрет плесянки. Реконструкция по черепу из погребения 8 раскопа 1990 г. (автор Е.В. Веселовская).

костяков: восток – запад, практически без отклонений. Длина их составляла 117 и 70 см. Первый, наиболее крупный, лежал вытянуто на спине, левая рука вдоль туловища и слегка согнута в локте. Голова сдвинута затылком вправо, голени широко расставлены, что могло не соответствовать изначальному положению тела. Второй костяк, меньших размеров, лежал с южной стороны от первого и частично перекрывал его. Сам он оказался несколько развёрнут на правый бок, ноги погребённого слегка согнуты в коленях, кости рук не прослеживались. В районе колен оказались несколько перемещённых рёбер от грудной клетки первого погребённого.

Очевидно, здесь имело место подзахоронение умершего младенца к более старшему родственнику, чей скелет в результате оказался потревоженным и частично разрушенным.

Погребение 8. На стыке квадратов 2 и 3 на глубине 34 см оконтурилась яма овальной формы, линзовидная в сечении, размерами 0,7 x 0,8 м, достигавшая глубины 26 см. Яма оказалась заполнена разрозненными костями одного или нескольких взрослых, без анатомического порядка. Многие из костей фрагментированы (рис. 21). Каких-либо вещей и керамических фрагментов в заполнении ямы не встречено. По одному из черепов сотрудничала (а ныне руководитель) Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН Е.В. Веселовская восстановила внешний облик женщины среднего возраста (35–35 лет), принадлежавшей «к европеоидной расе. Характеризуется мезокефалией, высоким сводом несколько уплощенным,

округлым лицом со слабо выступающим носом. Лоб прямой, гладкий. Разрез глаз широкий, подбородок оформлен отчётливо. Большинство размеров лица попадает в категорию средних величин» (рис. 22)¹.

Погребение 9. Детское. Прослежено в 0,2 м к юго-востоку от предыдущего, на той же глубине. Гумусированное пятно имело неправильную прямоугольную форму, скруглённые углы, размеры 0,97 x 0,3 м, углублялось в материк на 8 см, имело отклонение в 7 градусов к юго-западу. Костяк был в вытянутом положении на спине и сохранился плохо. Череп был раздавлен (один фрагмент черепа найден на южном краю пятна), повреждена верхняя часть скелета, положение рук не прослеживалось, ноги слегка согнуты в коленях. Длина костяка 78 см. Справа от него, параллельно, шла полоса дерева – остатки погребального сооружения. Древесный тлен наблюдался и среди костей скелета (рис. 21). Погребение безынвентарное.

Погребение 10. Детское. В кв. 2 пятно вытянутой формы, 0,9 x 0,28 м, с одним округлым и другим срезанным концом, ориентированное по линии восток – запад. Как и предыдущее, пятно имело тёмный цвет, в вышележащем сером слое не прослеживалось. Погребённый лежал в углублении 0,1 м, ногами на восток, в вытянутом положении на спине. Череп и ключицы отсутствовали. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Ориентировочный рост погребённого 0,9 – 1,0 м (рис. 21). Погребение безынвентарное.

Погребение 11. Детское. Обнаружено в кв. 1–2 в неглубокой (углублённой в материк до 10 см) яме подпрямоугольной формы, шириной 0,3 м, со скругленным западным концом. Восточная часть ямы срезана вышеупомянутым (погребение 5) гипотетическим курганным ровиком, где найдена связанная, вероятно, с этим погребением, одиночная бедренная кость (рис. 21). Костяк был смещён к южному краю ямы и лежал головой строго на запад, вытянуто на спине. От него сохранился фрагментированный череп, грудная клетка и плечевые кости (вдоль туловища). Погребение безынвентарное.

Погребение 12. Женское. Обнаружено в кв. 1 на глубине 0,87 от современной поверхности и 0,47 от уровня материка. Могильная яма прослеживалась с глубины 0,59 м, от дна вышележащей перекрывавшей

её ямы с углистым заполнением и керамическим материалом XV – сер. XVI вв. Могильная яма была ориентирована строго по линии восток – запад, имела форму неправильного прямоугольника, со скругленным западным краем; восточный уходил в стенку раскопа (рис. 21). С востока же под костями ног погребённой была прослежена перпендикулярная могильной яме более ранняя яма, неправильной овальной формы, размерами 0,72 x 0,25 м. В её заполнении собран домонгольский

Рис. 23. Графическая реконструкция лица по черепу из погребения 12 раскопа 1990 г. (автор Е.В. Веселовская).

керамический материал и сильно коррозированный обломок узкого напильника (или пилки).

Дно непосредственно самой могильной ямы, под костяком, было ровное, без следов деревянной конструкции или какой-либо подстилки. Костяк длиной 1,6 м лежал в вытянутом положении на спине, с прямыми ногами. Сохранившаяся левая плечевая кость располагалась параллельно всему костяку. Череп повернут лицевой частью вправо. Кости мощные, черепные швы заросли.

В засыпке погребения (достаточно тёмный серый, у костяка почти чёрный, суглинистый слой) встречены фрагменты керамики курганного типа.

Череп послужил основой для восстановления лица погребённой (рис. 23). Автор реконструкции, Е.В. Веселовская, характеризует её как женщину старческого возраста, отмечает, в частности, прижизненную потерю всех зубов верхней челюсти. «Женщина принадлежала к европеоидной расе. Отличалась доликокефалией, относительно узким, высоким лицом, заметно выступающим, узким и длинным носом со слабовыраженной горбинкой. Лицо несколько сужается книзу»².

Южную оконечность кладбища и его юго-восточный край удалось зафиксировать в основных раскопах наших регулярных исследований

на Соборной горе. Погребения и отдельные части человеческих скелетов были встречены в ходе работ 1989, 1991, 1998 и 2003 годов. Детские останки среди них отсутствовали.

Раскоп 1989 г.

Погребение 1. Человеческие останки найдены на глубине 48 см в кв. 52, в нижнем, надматериковом напластовании. Каких-либо следов могильной ямы или деревянных конструкций не отмечено. Череп изначально был направлен лицевой частью на восток, найден лежащим на правом виске. К востоку от него сохранилась левая плечевая и несколько других, мелких костей. Найденные рядом с костными останками фрагменты керамики можно отнести как к раннему средневековью, так и к 2 пол. XIII–XIV вв.

Погребение 2. Обнаружено в кв. 51 на глубине 64 см, на материке. Следы могильной ямы отсутствовали. Ориентировку погребённого удалось проследить по положению сохранившегося черепа и одной бедренной кости, а также по полосам древесного тлена, представлявшим собой, судя по всему, остатки бдына – своего рода короба из плах, досок или не толстых (около 10 см) брёвен. Погребение безынвентарное. Осо-

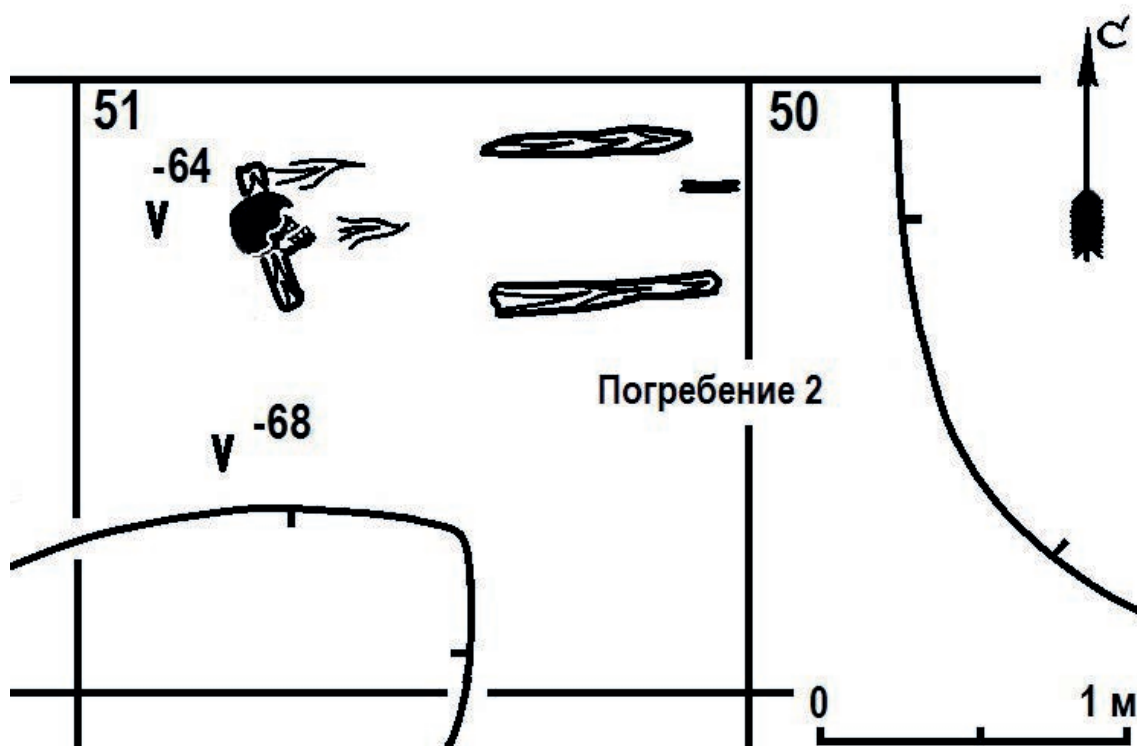

Рис. 24. Погребение в раскопе 1989 г.

бенностью его явилось то, что череп найден над остатками западной стенки бдына. Предположение о том, что это след не стенки бдына, а полена или обрубка бревна, положенных под голову умершего, может быть принято, но в таком случае бедренная кость в более поздние времена была смещена: она найдена на неестественно большом удалении от черепа (рис. 24).

Раскоп 1991 г.

Здесь было выявлено два захоронения. Оба оказались перекрыты светлым серым (коричневатым) слоем, который в данном раскопе не разделялся с более ранним домонгольским. Из этого же слоя начиналась яма (кв. 68), повредившая погребение 2; в верхних пластах (до зачистки на глубине 60 см) она не прослеживалась.

Погребение 1. Выявлено в квадрате 65, под серым коричневатым слоем, практически на уровне материка (рис. 25). На фоне светло-серого материкового грунта оконтуривалась яма вытянутой прямоугольной формы, со скругленными углами. Размеры ямы 208 x 58 см, глубина 16 см, дно ровное. Заполнение составил переотложенный мешаный материковый слой. Следы внутримогильного погребального сооружения не сохранились, за исключением сравнительно небольшой, в 40 см, узкой полосы древесного тлена под локтевой костью правой руки погребённого.

Костяк в вытянутом положении на спине. Руки погребённого сложены в районе живота, мелкие кости кистей рук не сохранились. Череп повернут лицевой частью влево. Длина костяка 160 см.

Погребение 2, в квадратах 68, 65, было совершено в более узкой яме с закруглённым северо-восточным концом (рис. 25). Яма также была перекрыта коричневатым слоем и заполнена мешаным материковым грунтом. Глубина ямы составляла 18 см, ширина 46 см, измерить длину не представилось возможным ввиду того, что захоронение было нарушено со стороны головы более поздней ямой. В яме, вдоль стенки, найдено несколько небольших фрагментов разрушенного черепа.

Сохранившийся без черепа костяк лежал в вытянутом положении на спине в направлении головой на ЮЮЗ. Руки сложены в районе живота

(правая на левой, что позволили определить сохранившиеся кости кистей).

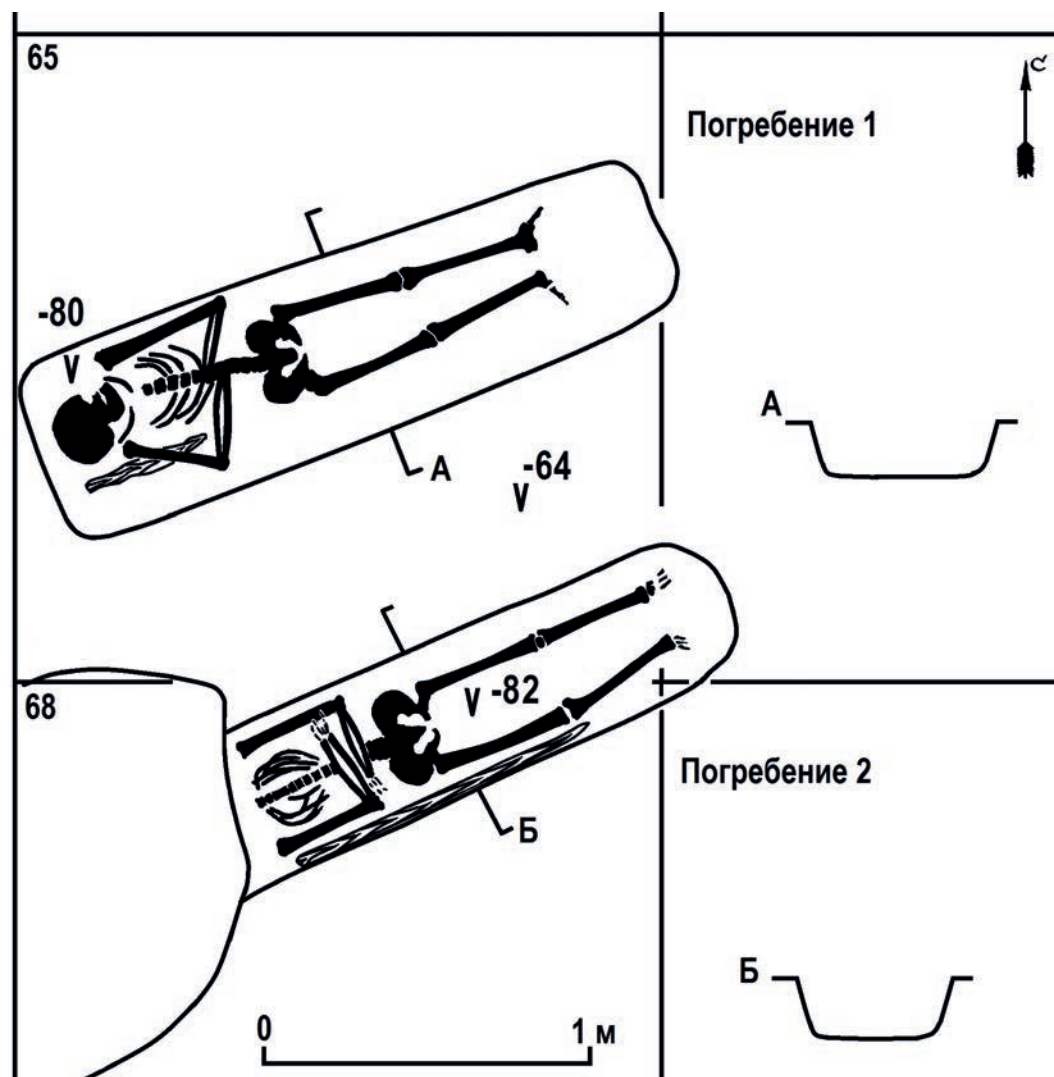

Рис. 25. Погребения в раскопе 1991 года.

С правой стороны вдоль края могильной ямы была прослежена полоса древесного тлена шириной около 5 см. По-видимому, это были остатки бдына из тонких брёвен или досок в один-два венца. В высоту сооружение прослеживалось на 10–12 см.

Оба погребения в раскопе 1991 года были безынвентарными.

Раскоп 1998 г.

Погребение 1. Контуры могильной ямы погребения в кв. 164–165, 157–158 начали проявляться при прохождении глубины 30–40 см на фоне светло-серого предматерикового (домонгольского) слоя. Яма имела подпрямоугольные очертания, размеры 2,55 x 1,14 м и была сориен-

тирована по линии ЮЗ – СВ. Уходила в материк на глубину 18 см. Ещё при зачистке на глубине 40 см на фоне пестроцвета заполнения выявилось пятно древесного тлена (на рубеже кв. 158 и 165), которое было, очевидно, остатками перекрытия внутримогильного деревянного сооружения. Верхняя кромка самого сооружения проявилась после исчезновения следов перекрытия, через 8 см. Дощатый короб имел размеры 1,6 x 0,7 м, доски толщиной 0,08–0,1 м. Северный угол короба (бдына) не сохранился, но он может быть определён по найденному здесь гвоздю (по аналогии с погребением 4). Днища сооружение не имело, около дна не встречено ни следов органики, ни остатков костяка. В засыпке, кроме нескольких фрагментов «курганной» керамики, найден неопределимый железный обломок, грузик для донной рыболовной снасти и челюсть жвачного животного. Погребение может быть определено как кенотаф (рис. 26).

Погребение 2. Прослежено в кв. 166–167 и кв.160 с глубины 48 см. Сориентирована по линии СВ – ЮЗ. Очертания имели форму прямоугольника с закруглёнными углами, шириной 68 см. Сохранившаяся длина составляла 2,2 м, глубина 55 см. Дно могильной ямы ровное, стенки отвесные. Северо-восточный конец срезан краем обширной ямы более позднего жилого комплекса.

Внутримогильное сооружение представляло собой деревянный короб шириной 55 см, составленный, вероятно, из брёвен или толстых,

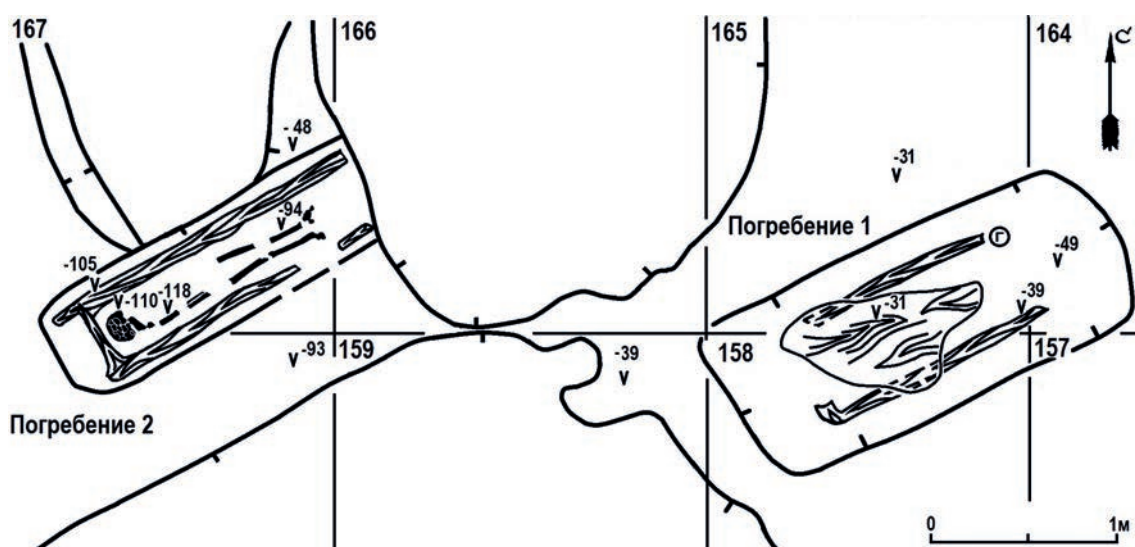

Рис. 26. Погребения в раскопе 1998 г.

шириной до 10 см, плах, с выходящими продольными концами. Погребённый лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. От костяка сохранились череп в раздробленном состоянии, длинные кости конечностей и кости ступней. Череп лицевой частью был обращен к югу, правая рука вытянута вдоль туловища (левая не сохранилась). Рост погребённого мог составлять около 140 см. Вещей, за исключением нескольких фрагментов «курганной» керамики в пёстром заполнении, не обнаружено (рис. 26).

Погребение 3. Найдено на стыке кв. 145–146 и 152–153. Выявилось сразу после снятия серо-коричневого слоя, на фоне материковой серой супеси, на глубине 51–53 см. Контур верхнего края ямы не понятен: он продолжался к югу и западу и уходил в южную стенку раскопа, образуя заглаблённую (на 10 см), сравнительно широкую площадку, на которой и выявились погребения 3 и 4. Заполнение было везде одинаково: серо-коричневая супесь с углями.

Придонный контур могильного пятна был подпрямоугольным, с скруглёнными углами, размерами 1,93 x 0,75 м., ориентировка по линии СВ – ЮЗ. Костяк лежал в дощатом коробе размерами 1,7 x 0,6 м, составленном из досок толщиной 5–7 см, концы встык, без выходов, крепление без гвоздей. Крышка сооружения отсутствовала, но отмечалось дно: остался древесный тлен толщиной до 4 см.

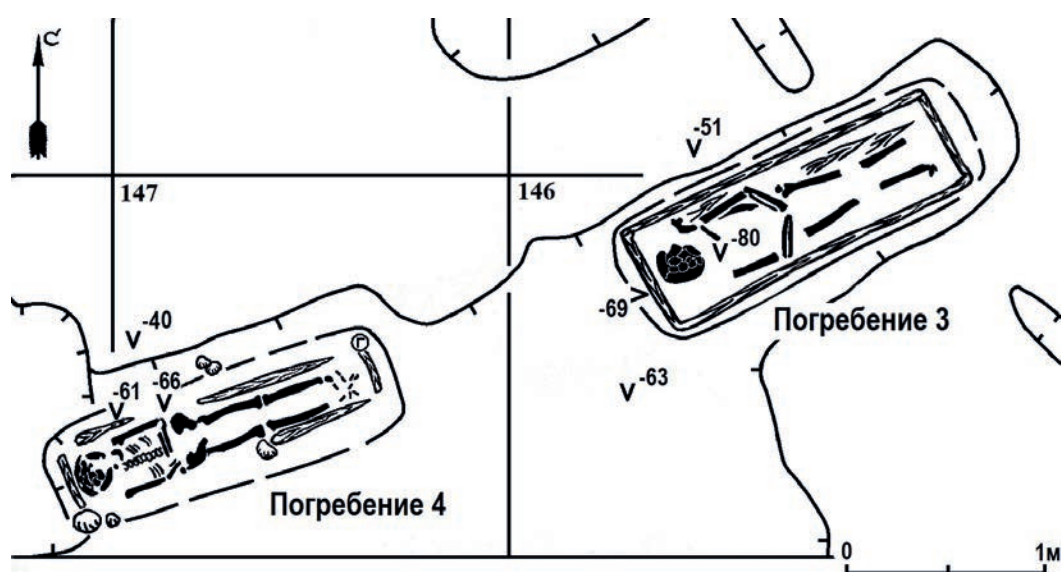

Рис. 27. Погребения в раскопе 1998 г.

Погребённый был положен на спину, головой на юго-запад, череп фрагментирован, наклонен вправо. Руки сложены на лобке. Мелкие кости не сохранились. Длина костяка около 150 см. Погребение безынвентарное. В засыпке встречено несколько обломков «курганной» керамики и угли (рис. 27).

Рис. 28. Погребение 1 в раскопе 2003 г. Контур могильной ямы на материке. Вид с востока.

Погребение 4. Обнаружено в 1,2 м к юго-западу от погребения 3, в кв. 147–148, на дне той же заглублённой в материк площадки. Могильное пятно (СВ – ЮЗ) читалось плохо, в виде неправильного прямоугольника размерами 1,8 x 0,55 м. На нём прослеживался древесный тлен, указывающий на бывшее деревянное сооружение в виде короба, размерами 1,7 x 0,4 м, без выходов продольных досок. На северном углу короба найден железный гвоздь.

Погребённый был положен вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки сложены на животе. Череп сохранился в виде фрагментов. Рост погребённого мог составлять около 140 см. Погребение безынвентарное. В пёстром слое над ним встречено несколько фрагментов «курганной» керамики. Общая ситуация в раскопе указывала на то, что захоронение (как и предыдущее) было совершено вскоре после ордынского нашествия, в XIII столетии (рис. 27).

Раскоп 2003 г.

Погребение 1. прослежено на стыке кв. 213–214 и 217–218 в виде прямоугольной ямы в материке, сориентированной по линии ЮВ – СЗ, с отклонением около 20 градусов по линии восток – запад (рис. 28). Длина ямы составила 2,32, ширина 0,63 м у северо-западного края и 0,74 м у юго-восточного. Края отвесные, дно ровное. Заполнение в виде смеси материковой глины и серого (коричневатого) слабогумусированного слоя. Погребальное сооружение полностью выявилось на глубине 57 см – в виде контура дощатого короба с выходящими концами продольных досок. Длина продольных досок ящика составляла 2,11 м, длина поперечных – 0,42 м; толщина – до 7 см. В центре, где продольные доски выпирали во внешние стороны, ширина конструкции достигала 0,5 м. Высота стенок короба была более 0,2 м; при прохождении в раскопе глубины 40–50 см отмечены следы крышки (древесный тлен).

Костяк погребённого плохой сохранности, в положении на спине, ногами на восток. От ног сохранились лишь лежавшие параллельно бе-

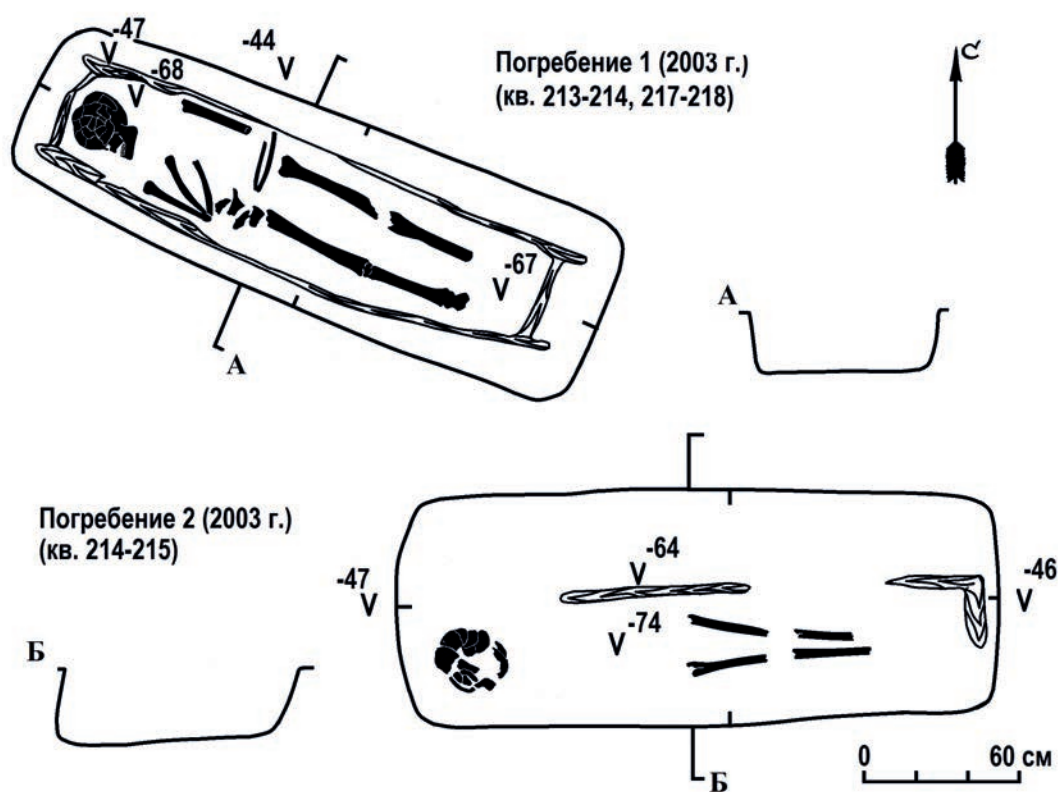

Рис. 29. Погребения в раскопе 2003 г.

дренные и большие берцовые кости. Руки сложены на животе: левое предплечье поперёк туловища, правое приподнято к груди, кисти не сохранились. Череп, выявленный на 10 см ниже верхней кромки стенок погребального сооружения, повёрнут лицевой стороной к югу и сильно фрагментирован. Погребение безынвентарное (рис. 29).

Погребение 2. Могильная яма прослежена при зачистке на глубине 50 см в 40 см к западу от первого, в кв. 214–215. Заполненная тем же мешаным слоем, она в горизонтальном плане представляла собой сориентированный по линии восток – запад прямоугольник (2,3 x 0,88 м), со скруглёнными углами и скруглённым западным концом. Внутренний объём ямы несколько необычен: дно оказалось смещено относительно верхней кромки на юг, и у южного края, таким образом, наблюдался не-

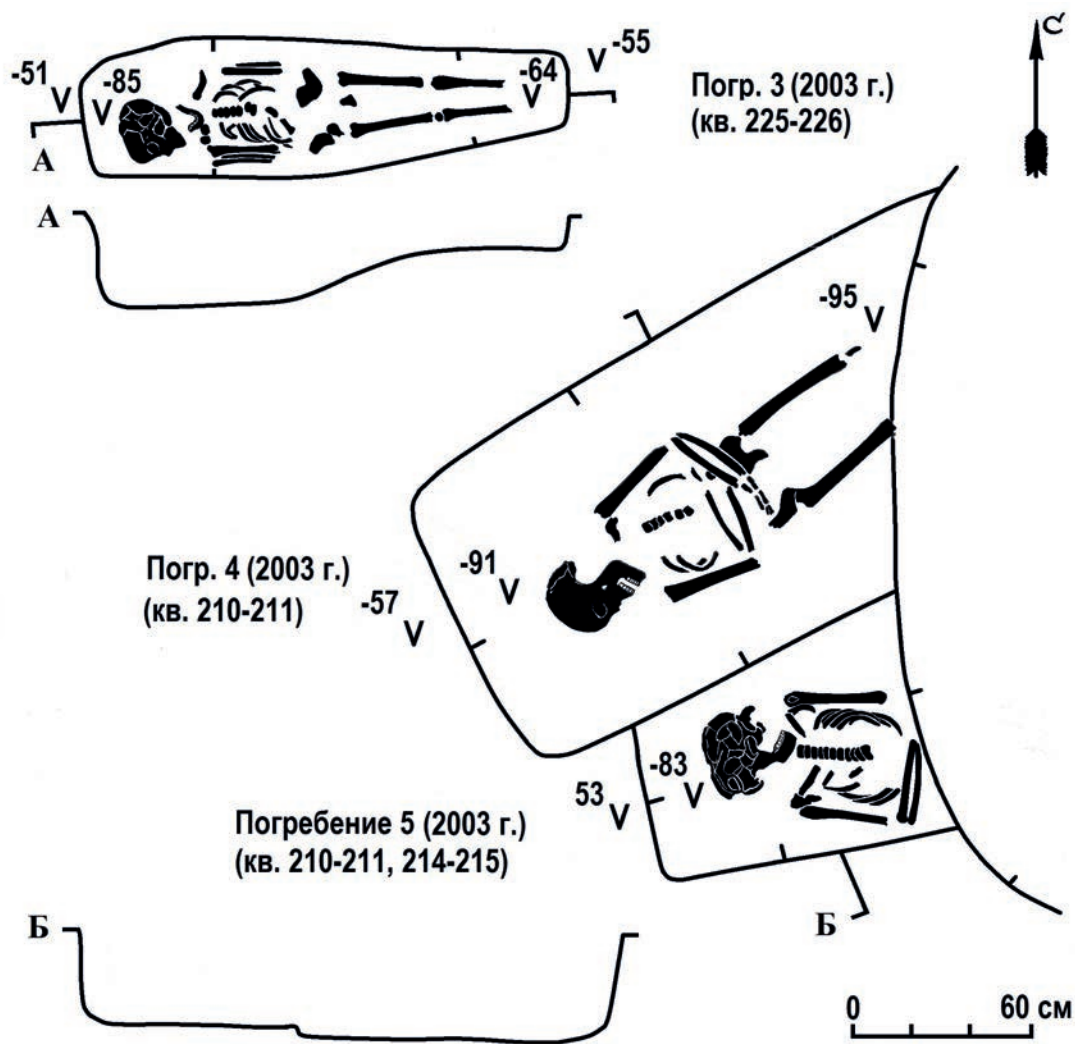

Рис. 30. Погребения в раскопе 2003 г.

большой «подбой» (рис. 29, *разрез «Б»*). Костяк, соответственно, вместе с погребальным сооружением, был смещен к югу.

От погребального сооружения, прослеженного на глубине 18 см от уровня материка, частично сохранились северный и восточный край. Полосы древесного тлена, с эффектом обугливания (что может быть и следствием воздействия огня, и следствием долгого нахождения во влажном состоянии) имели ширину 5–8 см и соединялись под прямым углом, без выхода концов досок. От костяка, лежавшего головой на запад, сохранились только длинные кости ног (без эпифизов) и фрагментированный череп. Последний лежал изначально лицевой стороной вверх (погребение – на спине); верхняя часть крышки оказалась раздавленной. Бедренные кости сходились в сторону коленок и значительно расходились у несохранившегося таза. Погребение, вероятно, женское, безынвентарное (рис. 29).

Погребение 3. Выявилось в кв. 225–226 на глубине 52 см (под серо-коричневым слоем с материалами преимущественно XIV в.). Яма с заполнением из мешаного грунта сориентирована по линии восток – запад, западным краем подходила вплотную к краю хозяйственной ямы к. XIII – XIV вв. Имела вид неправильного прямоугольника (1,64 x 0,48 м) и неровные очертания: восточный край её достигал ширины всего 0,3 м, а указанная выше наибольшая ширина отмечалась в районе плеч погребённого. Яма повторяла контуры тела и, вероятно, была выкопана с расчётом на отсутствие погребального сооружения. Последнее и не было обнаружено. Мало того, отсутствие сооружения подтверждается и конфигурацией дна ямы: со стороны ног глубина ямы составляла 12 см от уровня материка, далее шёл уступ и углубление до 30 см (рис. 30, *разрез «А»*) – ровно столько, чтобы хватило скрыть обёрнутое в саван тело под землёй.

Останки погребённого повторяли контур неровного дна ямы: ноги находились выше головы (рис. 31). Покойный был положен головой на запад, на спину, лицом вверх. Руки (видимо, при пеленании) оказались согнутыми в локтях и сложились ладонями к лицу; кисти не сохранились, кости конечностей без эпифизов. Длинные кости ног шли почти параллельно, с небольшим расхождением наружу у фрагментарно со-

Рис. 31. Расчистка погребения 3 раскопа 2003 г.

хранившегося таза. Частично сохранились рёбра и позвонки. Череп развёрнут лицевой частью к югу и фрагментирован. Длина костяка около 1,25 м. Погребение безынвентарное, похоронен, вероятно, подросток.

Погребение 4. Найдено в кв. 210–211, располагалось вплотную к другому (погр. 5) и частично перекрывало его своей юго-западной частью.

С северо-востока само было срезано более поздней хозяйственной ямой (рис. 32).

Ширина могильной ямы составляла 1,1 м, глубина от уровня материка 0,34 м, дно ровное. Контуры на материке имели прямоугольные очертания, слегка скруглённые углы, ориентир по линии СВ – ЮЗ, с отклонением в 40 градусов. Заполнение, как и в предыдущих случаях, составлял мешаный слой, преимущественно материковый тяжёлый суглинок. Следов погребального сооружения не обнаружено.

Крупный костяк лежал головой на юго-запад. Хорошо сохранившийся череп лицевой стороной повёрнут к югу. Руки были сложены на животе, вероятно, левая на правой. Длинные кости без эпифизов, от левой руки сохранилось несколько суставов кисти. Частично сохранились рёбра, позвоночник, таз. От ног остались лишь лежавшие параллельно тазовые кости, далее – след нарушения могилы. Погребение безынвентарное, вероятно, мужское (рис. 30).

Рис. 32. Погребения 4 и 5 в раскопе 2003 г. Вид с востока.

Погребение 5. Прослежено в кв. 211, 215, в непосредственной близости от вышеописанного (№ 4), которое частично перекрыло его, но не

нарушила костяка, и вошло в материк на 4 см глубже. В большей мере погребение 5 пострадало от поздней (последнего периода функционирования крепости) хозяйственной ямы, которая срезала как минимум половину могилы. В очертаниях ямы сохранился только юго-западный угол, слегка скруглённый. Ориентир по линии восток – запад, с небольшим отклонением к юго-западу; стенки отвесные, дно ровное, глубина ямы 32 см от уровня материка (при зачистке на глубине 50 см, тремя-пятью сантиметрами выше, контур проступал на фоне домонгольского слоя). Заполнение аналогично тому, что и в погребении 4. Следы внутримогильного деревянного сооружения также отсутствовали.

Костяк сохранился лишь наполовину: ноги, таз и кости левой руки ниже локтя отсутствовали. Правая рука погребённого была согнута в локте, лучевые кости лежали в области живота (кисти не сохранились). Прослеживались рёбра, ключицы и часть позвонков. Череп был развёрнут лицевой частью к северу и фрагментирован (кроме нижней челюсти). Погребение безынвентарное (рис. 30).

Таким образом, всего за время проведения раскопок обнаружено 25 более или менее целых захоронений. 10 из них – детские, причём все они оказались в раскопе 1990 года, то есть в крайней, северной точке некрополя. Взрослых там обнаружено только два, тогда как в остальных раскопах – на выявленной южной оконечности кладбища – выявлены погребения людей от подросткового до старческого возраста, без единого захоронения (или подзахоронения) младенца. Ситуация полностью соответствует той, что наблюдалась на исследованном здесь же, в Плесе, городском домонгольском кладбище на Холодной горе, где из 76 обнаруженных захоронений детских оказалось 34 (45 %), и практически все они концентрировались на северной оконечности некрополя³.

Такая ситуация полностью согласуется с представлениями местного коренного финского населения о детях (младенцах) как неполноценных ещё членах сообщества. «Не достигшие родства» – они не могли быть похоронены со взрослыми. Со временем (с насаждением официального понятия о крещении как форме приобщения к социуму) правила размывались – но, как видим, в провинциальном городе XIII века они ещё тверды. Впрочем, особенное, окружённое предрассудками и обрядами,

отношение к младенцам сохранялось в верхневолжской русской провинции и в XX столетии (остатки наблюдаются и сегодня)⁴.

Как и на некрополе «Холодная гора», погребения на горе Соборной совершались в неглубоких (не более полуметра) ямах, над которыми в первые годы функционирования некрополя, возможно, насыпались курганы. Косвенным свидетельством тому является прослеженная в раскопе 1990 года яма серповидной формы, с углистым заполнением: она напоминает прикурганный ровик. Узнать реальную глубину могильных ям практически везде не представлялось возможным ввиду того, что с окончанием функционирования кладбища возобновилось и в течение более чем трёх столетий продолжалось функционирование крепости. Часть погребений прослежена на уровне материка или домонгольского слоя, и, с учётом общей мощности культурных напластований, мы склонны полагать, что грунтовый и курганный обряд захоронения именно во время функционирования данного некрополя сменился захоронениями в наземных домовинах. В них покойный укладывался либо непосредственно в домовину (на данном некрополе костяки, в таком случае, вряд ли могли сохраниться ввиду возобновления функционирования крепости, о чём свидетельствуют и разбросанные кости), либо в неглубокую яму. Яма была глубокой ровно настолько, чтобы можно было умершего закрыть досками пола домовины (в результате большинство дошедших до нас черепов – в раздавленном состоянии). То есть, в обоих случаях, более компактная по размерам домовина сменила те «дома мёртвых», что ранее сооружались и закрывались курганными насыпями на домонгольском некрополе в Плесе (а в окрестных курганах – и в домонгольское время, и позднее).

Данный вывод как будто бы подтверждают и наши сторонние наблюдения за раскопками О.А. Несмиян на Соборной горе в 2018 г. Раскоп оказался в центре некрополя, с большой плотностью могильных ям. Можно было обратить внимание на то обстоятельство, что вышележащие погребения имели одинаковую ориентировку (восток – запад), то есть каждое новое погребение соотносилось с единым ориентиром: такой ориентир могли задать наземные удлиненные сооружения. – Тогда как последние из обнаруженных в раскопе захоронений (вероятно, бо-

лее ранние) имели значительный разброс в отклонениях от линии восток – запад и ориентировались, вероятно, на восход солнца; не исключено, что они были грунтовыми или курганными.

Не во всех наших раскопах удалось проследить деревянные сооружения непосредственно при погребённом. В ряде случаев их могло и не быть – как со всей очевидностью это наблюдалось в раскопе 2003 г. Одна из могил (погребение 3), например, исключала саму возможность: она была выкопана точно по контуру завернутого в саван тела и имела ступенчатую форму, так что уложенное тело деформировалось по форме дна.

Там, где сохранился древесный тлен, удалось проследить конструкции двух видов.

1. Бдын-короб из четырёх досок толщиной от 5 см и чуть более, составленных в виде удлинённого прямоугольника, с ровными углами, с точным стыком концов досок, торец к торцу. Крепёж его осуществлялся без металлических деталей, вероятно, при помощи пазов и шипов. Сверху перекрывался деревом – либо полом домовины, либо её крышей, если покойник укладывался не под пол. Отчётливые следы плоского покрытия короба демонстрирует погребение 1 1998 года (рис. 26). Деревянное дно конструкции почти во всех случаях отсутствовало; только в погребении 3 раскопа 1998 года на уровне костей отмечались пятна древесного тлена (возможно, остатки дна).

2. Короб, у которого концы длинных продольных досок выходили за грань прямоугольника наружу; в горизонтальном разрезе конструкция напоминала контур носилок (рис. 8, погребение 2). При сооружении таких конструкций могли использоваться не только доски, но и нетолстые (около 10 см) брёвна. Крепёж осуществлялся без металлических деталей, но был прочен. Конструкция на месте крепежа не расходилась, даже если дощатый короб распирало как мы видим в погребении 1 раскопа 2003 года (рис. 29). Сверху, над коробом, делалось деревянное перекрытие (остатки прослежены в погребении 2 раскопа 1998 г.). Снизу, под костяками, остатков дерева не прослежено, а тёмное пятно тлена отчасти могло содержать перегнившие остатки мягкой подстилки, которая обычно устраивалась в подобных конструкциях. И подстилка, и форма

конструкции связаны с традициями погребальной обрядности древнего финского населения, как данного региона, так и весьма отдалённых земель: от современной Мордовии и Удмуртии до Вологодчины⁵.

Положение всех погребённых вытянуто на спине, почти всех – ногами на восток, с частыми отклонениями к северо-востоку, с ориентиром на точку восхода солнца в данное время года. Единственное исключение: в погребении 6 младенец, ростом около 65 см, был положен ногами строго на север.

Ноги погребённых лежали вытянуто вдоль тела, руки сложены на груди. Здесь, правда, следует указать на различное положение останков локтевых и кистевых костей (там, где они сохранились) в момент их обнаружения в раскопе. Кисти рук могли оказаться на груди, в области лобка или живота и даже в районе плеч. Никаких в этом обрядовых тонкостей, на наш взгляд, усматривать не следует, а просто надо иметь в виду, что тело перед захоронением обматывалось тканью. А поскольку ширина домотканого полотна была небольшой, то покойного пеленали достаточно туго и в дополнение обматывали верёвкой. Такая процедура приводила к смещению конечностей, что отмечалось и на домонгольском некрополе Плёса.

Все без исключения захоронения были безынвентарными. Тенденция к уменьшению сопровождающих умершего вещей при похоронах прослеживалась с рубежа I–II тысячелетий н.э., и не только в Костромском Поволжье (см. московский и ярославский регионы). В городах она имела опережающее развитие: достаточно сравнить плёсский городской домонгольский некрополь с окружающими его сельскими⁶.

При этом в некрополе было найдено несколько предметов, имевших отношение к обрядовым действиям, а именно – к «запиранию» покойника в могиле. В наших раскопах это гвозди, не связанные с сооружением (крепёжом) внутримогильных деревянных сооружений. Гвоздей, символизирующих «острый металл», обнаружено два, и они оба находились у северо-восточных углов деревянных конструкций в погребении 1 и 4 1998 года. Примечательно, что в первом из них останков тела не обнаружено. Но даже если здесь был кенотаф, это не значило, что могила закрывалась пустой. В древнефинской традиции существова-

ло представление о нескольких душах человека, а также о возможности вселения одной из душ в какой-то предмет, который, в нашем случае, просто не сохранился внутри деревянной конструкции; так что и подобная могила могла требовать ритуального запира⁷. Что же до одинакового, по географическому ориентиру, расположения гвоздей, то вспомним, что и при строительстве башни 1410 года (раскоп 1990 г.) строительная жертва была помещена под северо-восточный угол, что, возможно, в представлении древних связывалось с географической точкой выхода из Нижнего мира.

Более ранний плёсский некрополь на Холодной горе в 76 исследованных погребениях предоставил целый арсенал магических запоров. Были среди них подобные, со специфическим применением, гвозди. Были и примечательные ножи: с завёрнутыми в кольцо черешками. Один такой же нож встречен нами, кроме того, на усадьбе плёсского раннесредневекового посада. И как минимум один отмечен среди погребений в раскопе О.А. Несмиян на Соборной горе. Как видим, и в этом, несмотря на ослабление традиции, заметна преемственность двух городских плёсских кладбищ.

Как уже сказано в начале статьи, наши раскопы на Соборной горе зафиксировали северную и южную оконечность кладбища. Общие итоги исследований предоставили возможность определиться и с хронологическими рамками функционирования некрополя. Нижнюю рискнём определить с точностью до года. После ордынского разорения зимой 1237–1238 гг. разрушенная крепость не восстанавливалась и, очевидно, по окончании зимы стала местом захоронения плесян, в первую очередь погибших в нашествии. В дальнейшем, по мере восстановления посада, найденные кости погибших также приносили для захоронения (погребения 5 и 8 раскопа 1990 г.). На бедренной кости одного из погребённых был замечен рубленый (сабельный?) след.

Исследования погребений в раскопах 1991, 1998 и 2003 гг. представили ряд убедительных стратиграфических данных. Везде, где в районе погребений сохранился светло-серый домонгольский слой, было заметно, что погребения в него врезаются, местами перекрывая его отдельные заглублённые комплексы. Так, контур ямы вышеупомянутого кено-

тафа (погребение 1) в раскопе 1998 года очень чётко проявился на фоне прорезанного им домонгольского слоя при зачистке на глубине 40 см⁸. А погребение 4 в том же раскопе своей западной стороной оказалось над одной из ям, связанных с комплексом раннесредневекового городского святилища, но, будучи неглубоким, не повредило её (рис. 9)⁹. При этом следует отметить, что погребение 4 и находящееся рядом погребение 3 при указанной зачистке, и даже при последующей (на глубине 50 см) выявлены ещё не были: они были перекрыты коричневатым культурным слоем с находками, относящимися к XIV столетию.

Та же картина наблюдалась в раскопе 2003 года: непосредственно над погребениями на глубине 40 см прослеживались не потревоженные более поздними комплексами участки коричневатого слоя, а при зачистке на следующей глубине видны были края могильных ям, прорезавших домонгольский слой¹⁰. В раскопе 1991 года под тёмно-серым верхним напластованием при обнажении более ранних светлых не прослеживались ни захоронения, ни – яма XIV в., нарушившая одно из захоронений (кв.68).

Таким образом, учитывая общие размеры кладбища, возникшего на месте разрушенной ордынским нашествием плёсской крепости, и имея представление о плотности захоронений, мы можем предположить, что погребения на нём производились на протяжении середины – второй половины XIII века. Захватывает ли время его существования большую часть XIV столетия, вопрос пока остаётся открытым. Мы склоняемся к тому, что нет. Причиной служит сравнение данного некрополя и городского домонгольского на Холодной горе. Если на первом плотность захоронений в центре высокая и не высокая по краям, то на втором она более равномерная, нигде не разреженная; в целом плотность сопоставима. При этом первый из указанных занимает площадь не более чем 65 x 35 м, второй в два раза больше, и здесь, на Холодной горе, по предварительным подсчётам по итогам двух лет раскопок, всего может находиться до 600 погребений, под курганами и вне таковых. Некрополь на Холодной горе функционировал около 80 лет. Вряд ли его преемник существовал дольше.

¹ Веселовская Е.В. Антропологическая реконструкция по черепам из погребений городища Плёс. // Плёсский сборник. Плёс, 1993. Вып. 1. С. 232.

² Там же. С. 231–232.

³ Травкин П.Н. Язычество... С. 187.

⁴ Чернецов Н.В., Представления о душе у обских угров // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1959. Том 2. С. 21; Троицкая Т.В., Бородавский А.П. Погребения младенцев в курганах III века н.э. в Новосибирском Приобье. // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 161. Нефедов Ф.Д. Глухая сторона // Губернский дом. Кострома, 1997. № 3. С. 62.

⁵ Травкин П.Н. Язычество... С. 183–184.

⁶ Нефедов Ф.Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, проведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. М., 1899. Т. III. Травкин П.Н. Язычество... С. 204.

⁷ Чернецов Н.В. Указ соч.

⁸ Травкин П.Н. Отчёт Плёсской археологической экспедиции о раскопках Плёсского городища Приволжского района Ивановской области в 1998 году. Плёс, 1999. // Архив ИА.

⁹ Травкин П.Н. Язычество... С. 104–106.

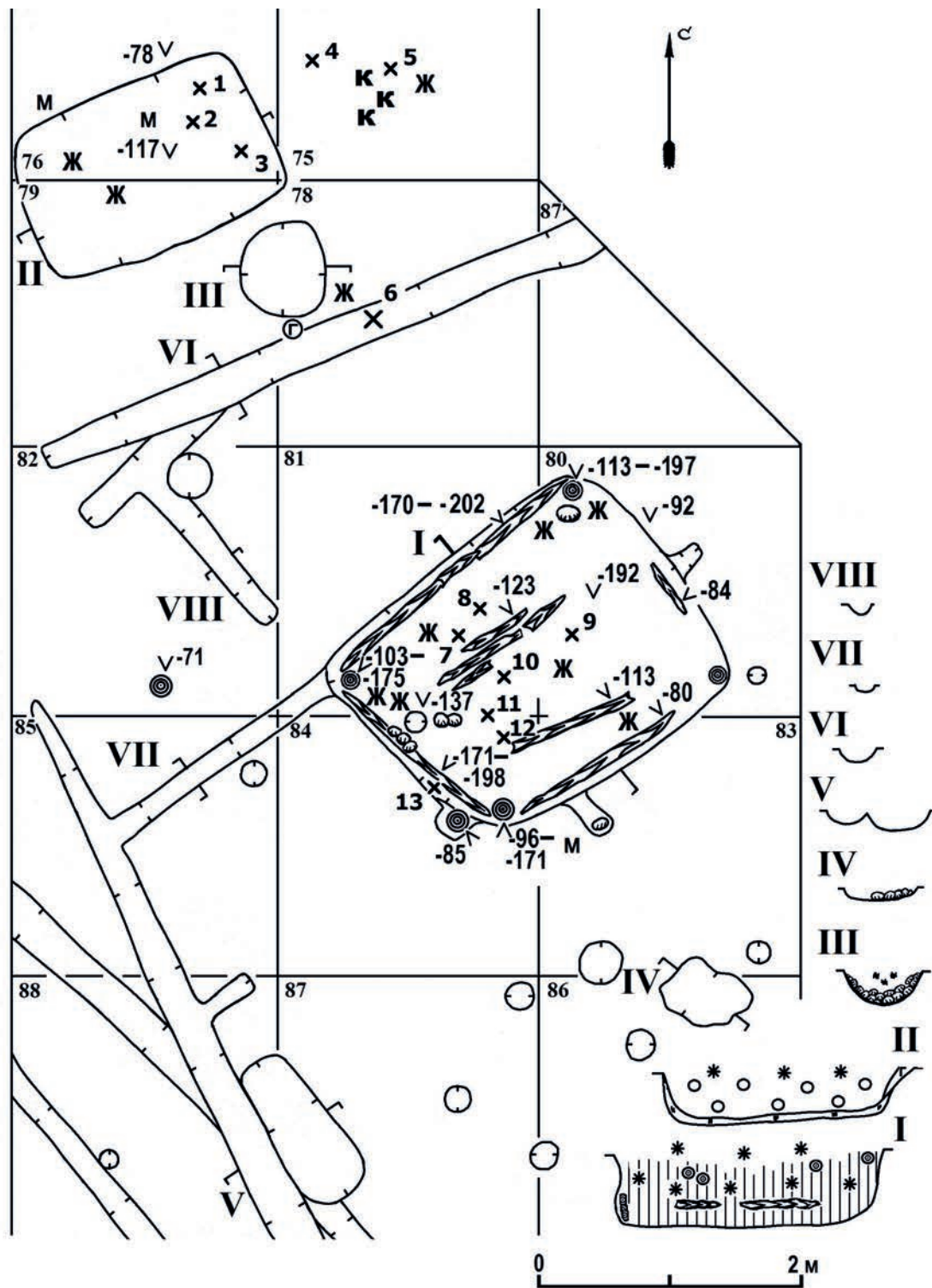
¹⁰ Травкин П.Н. Отчёт о раскопках Плёсского городища в Приволжском районе Ивановской области в 2003 г. Плёс, 2004. // Архив ИА.

Глава III

*Плѣс в XIV столетии:
возрождение крепости*

Наиболее загадочным временем в жизни Плесской крепости можно считать период между окончанием функционирования некрополя на её территории и большой военной стройкой в 1410 году – то есть, весь XIV век. О том, что город в эти времена существовал, свидетельствует, помимо материалов раскопок, его присутствие в «Списке градов русских» конца XIV столетия: « А се имена всем градом руским, далним и ближним... а се залескии... Вятка, Городецъ, Юрьевеч, Унжа, Плесо...»¹.

Раскопки 1986–2005 гг. выявили границы упомянутого некрополя и отчётливо продемонстрировали стремление первых насельников возобновлённой после функционирования кладбища крепости не тревожить захоронения и возводить свои жилища в стороне, поближе к краю цитадели. Поэтому хорошо отличимый археологический пласт города Плёса, упомянутого в «Списке», нам удалось выявить (разделить с домонгольскими) не в разбитых близко к некрополю раскопах 1988–1991 гг., а только в раскопе 1992 года, заложенном ближе к восточному краю мысовой части современной Соборной горы (мысовая часть издавна называлась Башенной горой). Это был слой, в отличие от светло-серой супеси домонгольских отложений, чуть более тёмный (коричневатый, светло-коричневый, бежевый) и чуть более рыхлый. Верхняя его граница – с тёмными напластованиями XV–XVI столетий – была раз-

Находки: 1. Железный предмет. 2. Нож. 3. Нож. 4. Точильный брусок. 5. Обломок стеклянного браслета. 6. Проволока (медный сплав). 7. Железный предмет. 8. Обломок стеклянного браслета. 9. Кресало. 10. Кресальный камень. 11. Фрагменты керамической миски. 12. Обломок дна сосуда с клеймом. 13. Точильный камень.

Рис. 33. Остатки жилого комплекса в раскопе 1992 года.

личима достаточно хорошо. Ещё более отчётливо слой обозначился в южной части Башенной горы, то есть в раскопах 1995–2004 гг. Здесь же стратиграфия с наибольшей чёткостью указывала, что погребения не относятся к домонгольскому времени (как ошибочно полагал автор в первые годы исследования памятника), а как раз стали следствием ордынского разорения 1238 года. Погребения прорезали домонгольские надматериковые напластования, но они не затрагивали интересующий нас светло-коричневый слой: наоборот, слой этот их перекрывал. На сохранившихся его участках, несмотря на интенсивное строительство в крепости в XV–XVI вв., удалось выявить несколько жилых и хозяйственных комплексов.

Подпечная яма и упавшие в неё остатки печи жилища были обнаружены в раскопе 1992 года (рис. 33). Контур ямы чётко обозначился при зачистке на глубине 60 см. Жилая часть, вероятно, располагалась на достаточно высоком подклете: погреб был заглублён в материк всего на 0,9 – 1,0 м. Яма имела подпрямоугольные очертания, размеры 2,0 – 2,7 м. Северо-западная стенка ямы отвесная, слегка нависавшая в верхней части, остальные – чуть наклонные. Дно плоское и относительно ровное. Во всех четырёх углах прослежен тлен от вертикально установленных столбов (диаметром около 15 см), а вдоль всех четырёх стенок в нижней части ямы – остатки горизонтально уложенных досок (шириной до 25 см и толщиной до 8 см). Вдоль северо-западной стенки прослежено 3 таких доски, одна над другой; они, таким образом, служили облицовкой стенок погреба и закреплялись вдоль стенок с помощью врытых по углам столбов. В верхней же части ямы, судя по остаткам, облицовкой служили жерди; вся деревянная облицовка стенок имела глиняную обмазку.

Погреб, по всей видимости, имел деревянный навесной пол: остатки жердей (брёвен) диаметром 10–15 см прослежены на 20 см выше дна ямы, что вполне типично для подобных средневековых конструкций в Плесе и что обеспечивало дренажирование лишней собиравшейся в яме влаги. В пользу этого свидетельствуют и встреченные в заполнении ямы ожелезнения под остатками упомянутого пола. В верхней части заполнения (тёмно-серый гумус) прослежены такой же толщины брёв-

на, но не поперѣк, а вдоль ямы. Возможно, они были связаны уже не с погребом, а с жилищем (опечком?).

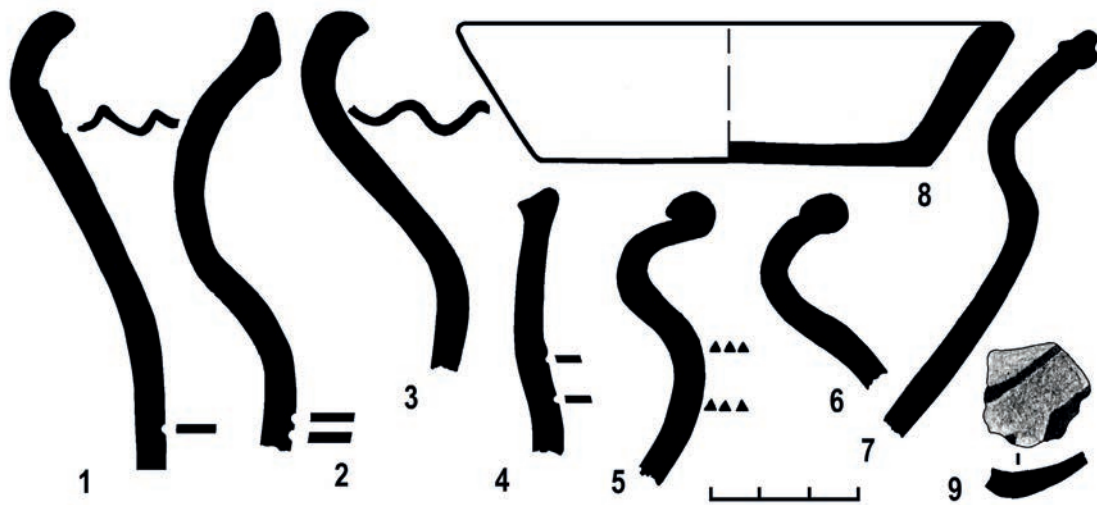

Рис. 34. Керамические остатки из ямы в кв. 80–84.

На различной глубине встречались валунные камни. Крупный валун подпирал северный угловой столб. Наибольшее же скопление наблюдалось в юго-западной части ямы, ближе к дну.

Керамическая посуда, в виде обломков встреченная в заполнении, представляла собой вариации, для которых исходной формой служила раннесредневековая круговая «курганная» керамика (рис. 34, 1–7).

Сохранялись основные виды орнамента, но в сочетаниях, как правило, не свойственных для местной посуды домонгольского времени. Единичные фрагменты, совершенно повторяющие образцы с усадеб домонгольского посада, могли попасть в заполнение вследствие перекопа (как явились результатом перекопа находки отщепов и орудия на отщепе из отложений эпохи мезолита). У некоторых сосудов наблюдались изменения в сторону форм, характерных на данном памятнике для первой половины XV столетия. Аналоги в более поздних комплексах имело и найденное в яме овальное кресало; оно было меньших размеров по сравнению с теми кресалами овальной формы, что были обнаружены при раскопках упомянутых раннесредневековых посадских усадеб. Из других индивидуальных находок, обнаруженных в погребе,

отметим кресальный кремь, фрагмент витого стеклянного браслета цвета морской волны, слиток (застывший выплеск) медного сплава, обломок днища горшка и развал керамической миски с клеймами неясных очертаний (рис. 36, 6, 10; рис. 34, 8).

Над погребом в жилище располагалась печь; возможно, следом подпорного столба для её опечка была округлая яма, зафиксированная у юго-западной стенки погреба. Материковые ямы в кв. 84 (с остатками столба, у края погреба) и 82 (у места соединения двух материковых канавок) могут указывать на подпорки полатей и, соответственно, на углы жилой клетки. Упомянутые материковые канавки, заполненные светло-коричневым слоем и соединявшиеся под прямым углом, оставлены, возможно, нижними венцами сруба и указывают на южный угол постройки. Длина юго-западной стены жилища, таким образом, могла составлять 4 – 4,2 м.

С юга и юго-востока к жилой клетки, по всей видимости, примыкала хозяйственная часть постройки, оставившая в домонгольском слое и материке соединявшиеся под почти прямым углом в кв. 85 канавки шириной от 20 до 35 см (мы склонны видеть в них прокопанные углубления под нижние венцы построек); одна из них подходила точно к западному углу погреба и была перпендикулярна стене жилища в кв. 81. Примечательным объектом около другой стала яма, прослеженная в кв. 87–88 (рис. 35). Контуры её на глубине 56 см от современной поверхности представляли в плане прямоугольник со скруглёнными углами, размером 130 x 90 см. Дно ямы относительно ровное, глубина небольшая (до 20 см) (рис. 3, *разрез II*). В яме прослежен пласт хорошо утрамбованной обожженной сверху глины. В южной части на обожженной поверхности отмечено кострище, а на нём расчищен 30-сантиметровый отрезок позвоночника крупного животного, с ровно отрубленными по одной линии небольшими кусками рёбер; всё в анатомическом порядке (рис. 46). В полуметре к северо-западу от находки, на глубине 52–54 см, было встречено несколько костей, возможно, тоже связанных с комплексом. Сам же комплекс мог представлять собой остатки строительной жертвы (жертвоприношения были встречены и в других раскопах на данном памятнике).

С северной стороны от погребца и вне предполагаемых пределов жилой постройки были обнаружены ещё две ямы. На расстоянии около метра от жилья (на стыке кв. 76 и 79) на материке прослежен тёмный контур прямоугольника с скруглёнными углами, с горизонтальными размерами 1,9 x 1,1 м. Расчищенная здесь яма имела глубину 0,4 м, плоское дно, наклонные стенки. Её заполнял рыхлый бурый слой, дно и стенки выстилал углистый слой толщиной до 5 см. Судя по стратиграфии, яма была вырыта во время отложения на городище упомянутого светло-коричневого слоя, то есть в XIV в., чему не противоречат и керамические остатки, имевшие наибольшее сходство с материалами вышеописанного погребца.

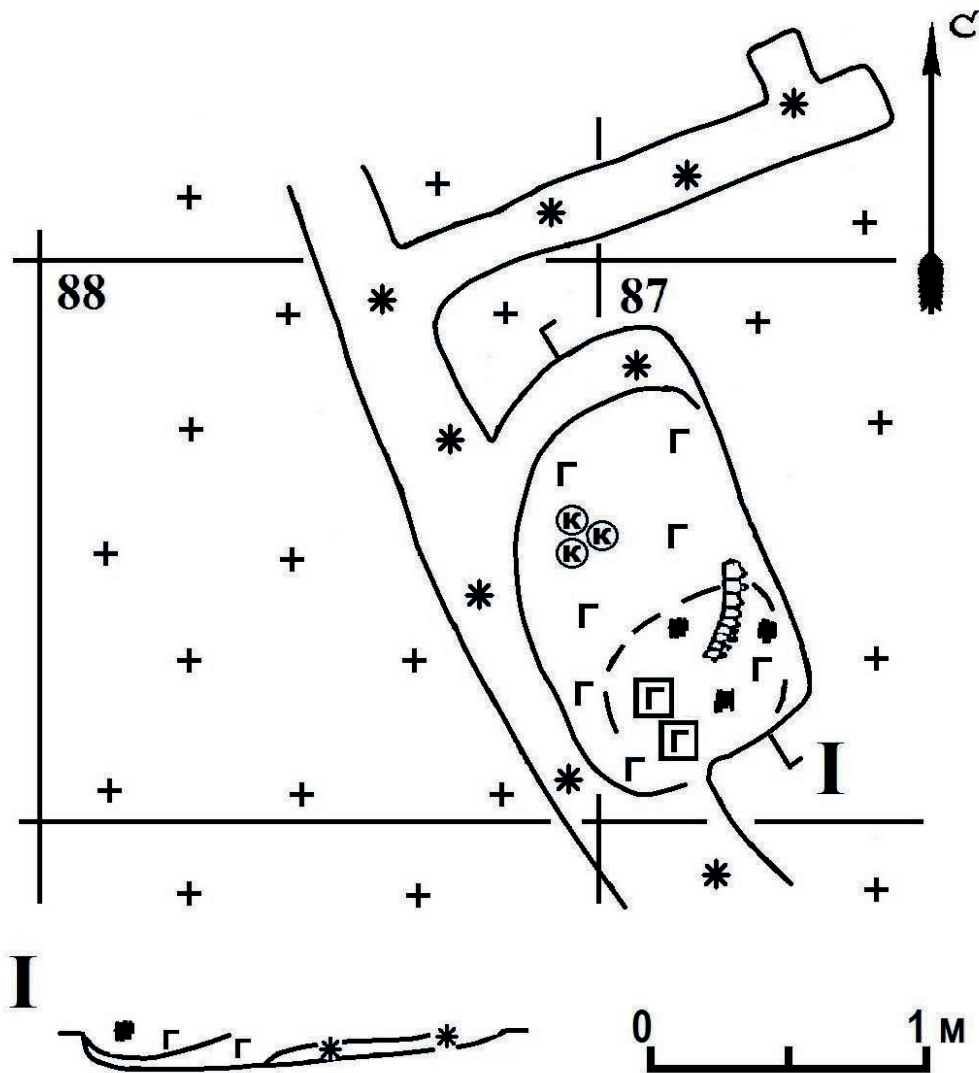

Рис. 35. Жертвенный комплекс в раскопе 1992 г. на глубине 56 см.

Аналогичную датировку может иметь и материал из округлой ямы, расположенной в 0,3 м к юго-востоку от предыдущей, на стыке кв. 78 и 79. Диаметр её составлял около 0,7 м, максимальная глубина 0,45 м от уровня материка, сечение линзовидное. В тёмном углистом заполнении у самого дна наблюдалось скопление очажного камня (рис. 33, *разрез III*). Вряд ли яма могла выполнять роль уличного заглублённого очага именно при вышеописанной жилой постройке: она слишком близко, почти вплоты находилась у её предполагаемого края. Но, судя по стратиграфии и керамике, этот очаг относился к той же эпохе.

В окружающем обе ямы светло-коричневом слое собраны преимущественно не орнаментированные фрагменты керамики тех же форм и состава теста, что из ям. Важной для общей датировки слоя находкой можно считать небольшой придонный фрагмент поливной кашинной восточной посуды (чаши). Тесто светло-серое, подглазурный орнамент выполнен чёрной краской. Как и найденный на городище в 1990 г. фрагмент с бирюзово-голубой поливой и орнаментом в виде мелких крестиков, данный может датироваться XIV столетием и, по мнению Е.М. Болдыревой, имеет отношение к мастерским золотоордынских городов (рис. 34, 9)². Орнаментацию плёских образцов В.Ю. Коваль называет одной из самых распространённых в золотоордынском Поволжье и указывает на четыре таких находки в Московском Кремле и на Красной площади. Датировка находок в Москве, по данным стратиграфии (с менее чётким разделением в данном случае) укладывается в XIV–XV вв.³ В том же слое, на той же глубине и в непосредственной близости от находки, была встречена орнаментированная керамика, похожая на домонгольскую, а также обломок ювелирного тигля со следами использования (рис. 36, 9).

Последняя находка – не единственная из следов ювелирных работ в районе жилища. Вспомнив выплеск медного сплава, найденный в заполнении погребца, укажем также на отпавшее от использованного тигля стекловидное тёмно-красное наслоение (силикат меди) и шлак с остатками цветного металла, что был обнаружен в яме, вышедшей в светло-коричневом слое в полутора метрах к юго-востоку от погребца (кв.86). Размеры ямы составляли примерно 60 x 40 см, очертания не-

ровные, дно линзовидное, заполнение тёмное, углистое, в заполнении много валунного камня. Рядом с ней ямы поменьше, очевидно, столбовые, связанные с навесом над очагом. Около очага, севернее, найден ещё один фрагмент шлака с каплями цветного металла.

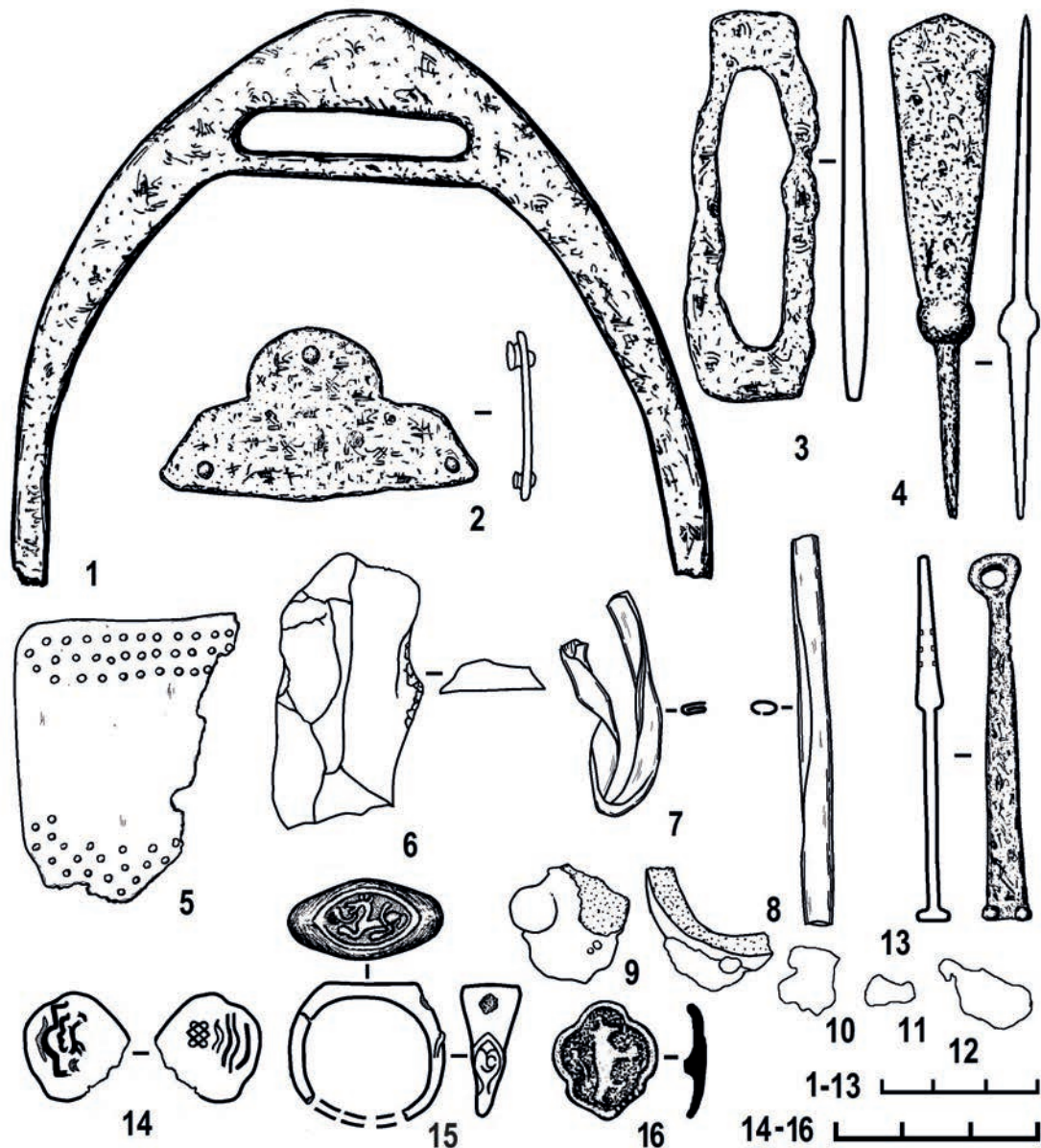

Рис. 36. Находки из раскопа 1992 г.

- 1 – часть стремени; 2, 16 – накладки; 3 – кресало;
4 – наконечник стрелы; 5 – фрагмент пластины внутреннего замка;
6 – кремь; 7–8 – фрагменты листового металла;
9 – фрагмент использованного тигля; 10–12 – слитки металла;
13 – ключ; 14 – монета; 15 – перстень.
1–4, 13 – железо; 5, 7–8, 10–12 – медный сплав; 6 – камень;
9 – керамика; 14 – серебро.

Заслуживают внимания найденный с другой стороны жилища обреза медь, а также две находки из вышележащего слоя, попавшие в него, возможно, в результате перекопа. Это две пластины, свёрнутые в два и три оборота и неровно обрезанные (рис. 36, 7–8). Нечто подобное ранее было встречено в усадьбе ювелира на домонгольском посаде, где кроме пластин-обрезков встречены и остатки рулона листового цветного металла. В таком виде материал для работы плёсских ювелиров мог поступать по Волге с низов, из Булгара. Характерные находки на городище свидетельствуют, что спустя некоторое время после ордынского разорения поставки были возобновлены.

В целом же раскоп 1992 года, как нам представляется, сохранил остатки целого комплекса ориентировочно второй половины XIV века, в состав которого можно включить жилую срубную постройку с погребом, отдельно стоящий погреб с деревянной облицовкой стен и полом, уличный очаг, который мог использоваться не только как летняя кухня, но и для производства ювелирных работ. При этом светло-коричневый слой в данной части городища откладывался в течение более продолжительного времени до и после функционирования комплекса (вероятно, с начала XIV вв. до начала возведения цитадели 1410 года). На это указывают и следы несколько более ранних построек, перекрытые остатками комплекса, и перекрывавшие комплекс более поздние следы, и в целом достаточно большое количество находок, среди которых, например, атрибуты воинства: наконечник стрелы, фрагмент стремени и железная накладка (рис. 36, 1, 2, 4).

Данные артефакты интересны тем, что находят аналогии как в русских землях, так и в золотоордынском Булгаре, откуда они, по всей вероятности, и происходили. Наконечники-срезни в виде узкой вытянутой лопаточки с тупоугольным остриём, по мнению А.Ф. Медведева (тип 67 по его классификации), попали на Русь с ордынским нашествием, а в Верхнем Поволжье были очень распространены в золотоордынский период. В Новгороде встречены в слоях 2 пол. XIII в., а плёсский экземпляр, с пропорциями 1/3 (ширина-длина) более характерен для XIV столетия⁴. В эти же два века хронологически укладывается железная фигурная накладка восточного облика, найденная в Плесе, а также

её аналоги из Булгара и из Вологодской области (мужское погребение 16 Марьинского могильника XIII –XIV вв.)⁵. Стремя с не сохранившейся нижней частью также похоже на болгарские изделия. Наконеч, с культурой востока означенного исторического периода могут быть связаны два изображения хищника (барса?), одно из которых – на бронзовой ремешковой накладке (рис. 36, 16), второе – на щитке перстня (рис. 36, 15); оба предмета также происходят из светло-коричневого слоя раскопа. Для датировки последнего имеет значение найденный здесь же ключ к замку типа Г по Б.А. Колчину (подобные имели наибольшее распространение в XIV в.)⁶, а также монета из вышележащего тёмного слоя (почти на границе напластований), просевшего в большую яму погреба жилища в кв. 81 (рис. 36, 13–14). Монета, имевшая нечёткие изображения по обеим сторонам, но различимую восточную символику, могла

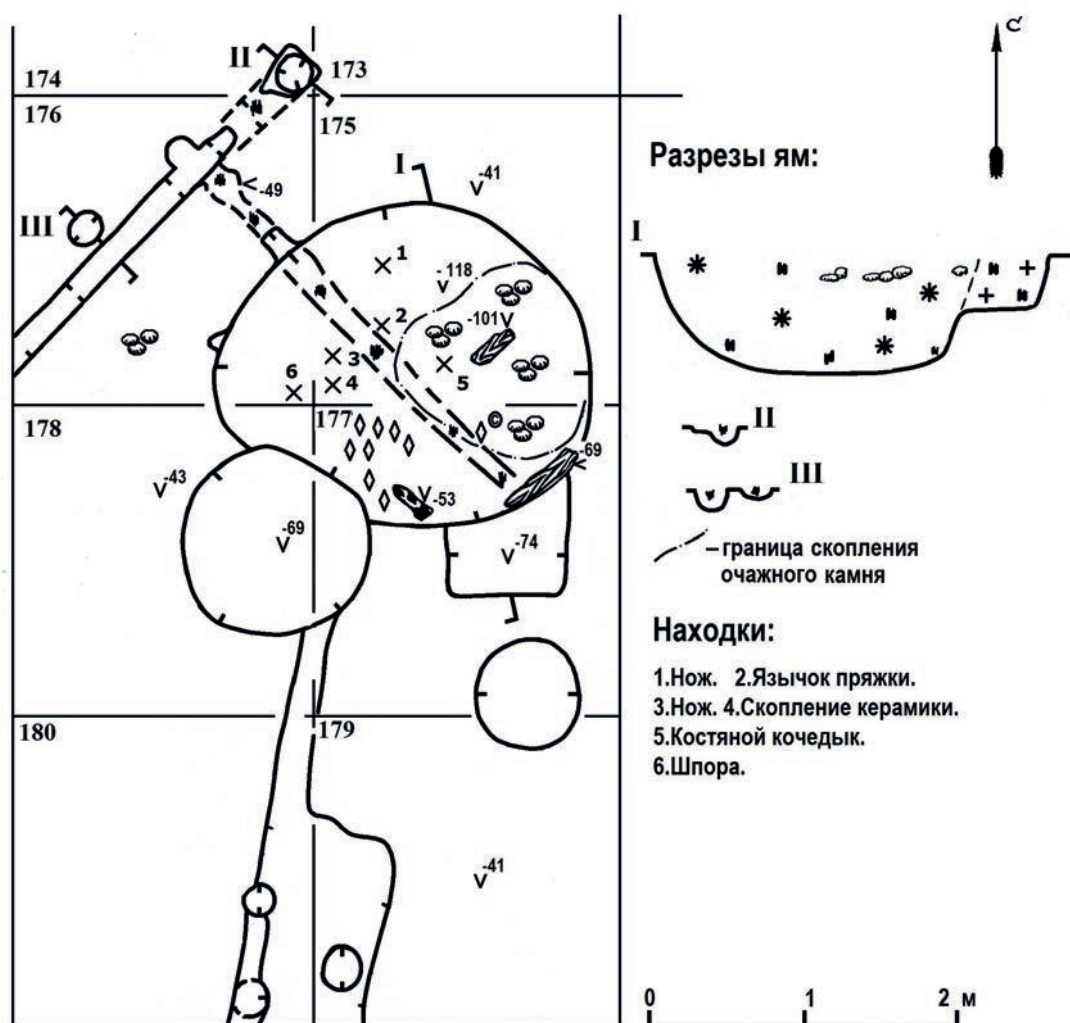

Рис. 37. Следы жилого комплекса в раскопе 1998 года.

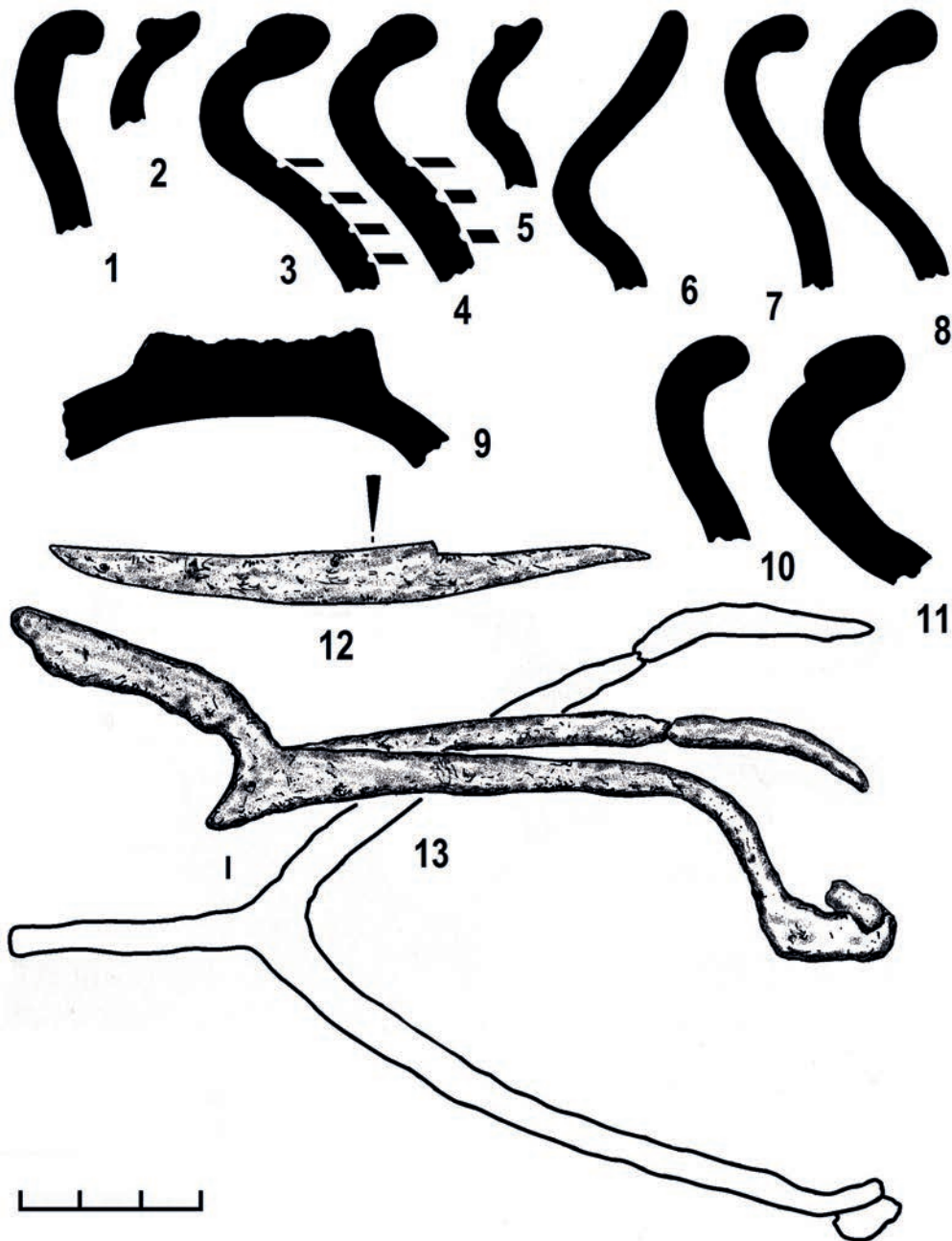
быть отчеканена от имени хана Тохтамыша (правил в Золотой Орде в 1380–1395 гг.).

Ещё одним следом жилого комплекса рассматриваемого периода стала яма погребца в кв. 175–178 раскопа 1998 года. Её северный край обозначился на глубине 20–30 см, где неожиданно быстро начался и иссяк даже домонгольский слой; с запада и юга он (слой) оказался толще в связи с наличием здесь раннесредневекового жилого комплекса и чуть темнее обычного, без видимой границы с вышележащим. Отчётливая граница и вышележащий, связанный с ямой, слой выявились с юга на глубине 50 см. Как показала зачистка на уровне материка, южным краем яма прорезала более раннюю, домонгольскую (подпрямоугольных очертаний) (кв. 177), а с юго-запада сама была немного нарушена более поздней, XVI столетия (кв. 177–178). Яма была округлой, диаметр её составлял около 220 см, глубина от уровня материка 78 см и от современной поверхности 120 см. Стенки отвесные, дно ровное (рис. 37).

На глубине 45–50 см, где уже не было проседания в яму более позднего напластования (XV–XVI вв.), заполнение тёмно-серого цвета оказалось насыщено углем, содержало колотый очажный камень и керамику, близкую к курганной, но уже видоизменённых форм. В восточной части в яме прослеживались остатки рухнувшей в неё печи-каменки; скопление камня от края ямы шло к центру и имело ширину до 120 см. К югу от него ниже, на глубине 30 см от уровня материка, по краю ямы отмечена полоса древесного тлена размерами 60 x 8 см (возможно, след облицовки погребца). Иных деревянных деталей, кроме ещё двух хаотично расположенных фрагментов почти истлевшего дерева, в заполнении не было.

Находки в заполнении составляла преимущественно керамика, характерная для 2 пол. XIII – XIV вв.: фрагменты горшков с линейным орнаментом и без такового, и преимущественно с утолщением по верхней кромке, обломок крышки (рис. 38, 1–11). Обращает на себя внимание фрагмент венчика сосуда, выполненного из белой глины, с обычной дресвяной добавкой в тесте (рис. 38, 2). Такая посуда в регионе встречается уже в слоях XII в. (Алабужское городище, Клочковское селище). На плёсском раннесредневековом посаде она отмечена и в отложениях

первой трети XIII в. Находка в яме даёт основания, с одной стороны, предположить более долгое бытование такой белоглиняной посуды в Плѣсе (то, что она попала сюда в результате перекопа, отрицается таким же по форме краем венчика другого горшка из ямы), а с другой стороны, позволяет несколько «удревнить» сам погреб, подводя его датировку к началу XIV столетия. В качестве индивидуальных находок

*Рис. 38. Находки из ямы погребя в кв. 175–178 раскопа 1998 г.
1–11 – керамика; 12–13 – железо.*

отметим железную шпору, два ножа, лезвие одного из которых изогнуто «по-восточному», и язычок пряжки (рис. 38, 12–13).

Погреб был связан, предположительно, с жилым помещением, след которого начал проявляться уже на глубине 30 см в виде тёмной полосы на фоне домонгольского слоя в кв. 173–174 и 176. На глубине от 40 до 50 см это была углистая полоса (след бревна), от которой в сторону ямы перпендикулярно отходил след ещё одного бревна, такой же толщины (23–25 см), на месте соединения с выпуском (в обло). Первый след мог указывать на северо-западную стену дома, второй – на переводину для опоры досок пола. След в материке, в виде канавки глубиной 7 см и шириной около 20 см, оставило только первое из брёвен (нижний венец сруба) (рис. 37, разрез III). Примыкавшие к нему столбовые ямы II и III имели диаметр 20–23 см и глубину, соответственно, 14 и 18 см. Возможно, речь может здесь идти не о столбах, а о пеньках-опорах под нижний венец.

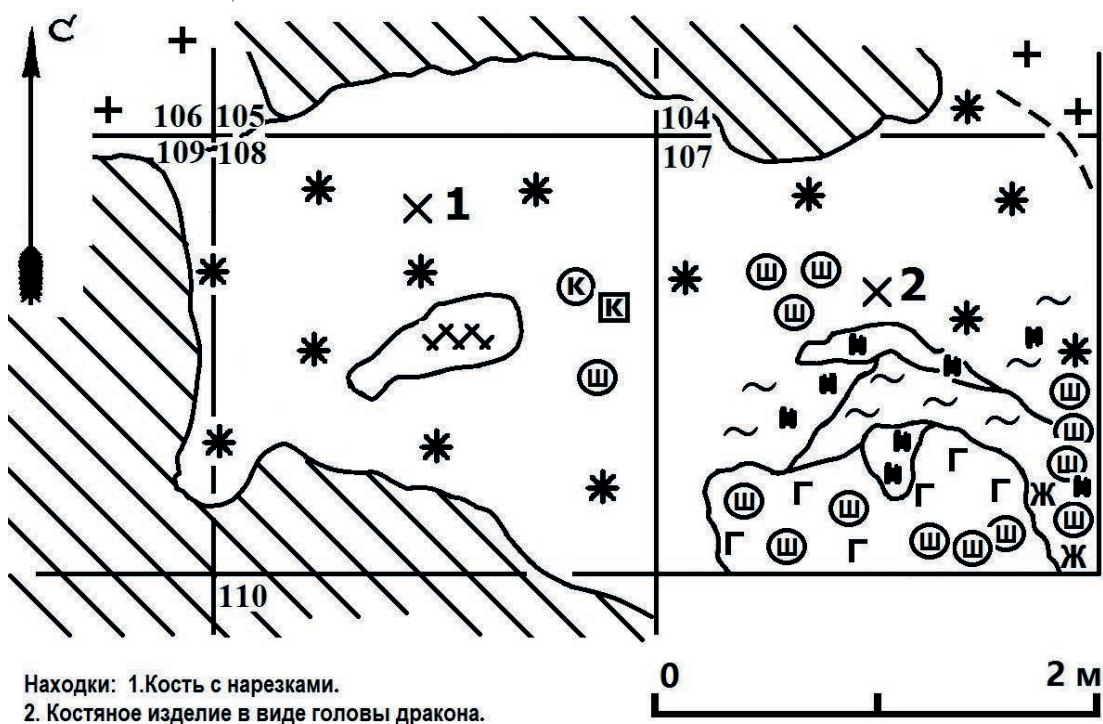

Рис. 39. Следы производств XIV в. на глубине 40–50 см в раскопе 1995 г.

Стратиграфически хорошо различимое и насыщенное культурными остатками напластование серо-коричневого цвета сохранилось в южной части раскопа 1995 года, с наибольшей концентрацией в кв. 107–108. На

глубине 40–50 см от современной поверхности в кв. 107 отмечена большая концентрация находок стекловидных шлаков и выявлено пятно кострища на площадке из обожженной глины, имевшей толщину в 7 см и наибольшую ширину 1,4 м (комплекс выходил за пределы раскопа). Находки подобных шлаков указывают на то, что здесь производились работы по очистке (рафинированию) привозной черновой меди местными ювелирами; как правило, это делалось непосредственно накануне литья новых изделий⁷.

Вокруг кострища также выявлены углистые и зольные пятна. Уже на стыке указанного пласта и вышележащего тёмно-серого слоя (чёткая граница отсутствовала) начинали встречаться фрагменты орнаментированной видоизменённой «курганной» керамики, отходы косторезного дела и отдельные изделия (кость с нарезкой, орнаментированная наклад-ка, скульптурное изображение дракона – «коркодила») (рис. 41, 4–6, 10).

В глубине слоя, после снятия ещё 10 см, при зачистке в кв. 107–108 чётко обозначился подпрямоугольный контур, оставленный, вероятно, срубной постройкой, сложенной «в обло» из брёвен диаметром около 15 см. Не исключено, что контур ямы и столба (скорее, невысокого пенька как опоры сруба) зафиксировали западный угол постройки; в таком случае, юго-западная сторона её имела длину 3,5 м, а размеры в целом составляли 3,5 x 3,35 м (рис. 40). Следы печи или очага, иные остатки, связанные с кухней и домашним бытом, отсутствовали. При этом продолжали встречаться свидетельства занятий ремесленной деятельностью. В кв. 110 на стыке серо-коричневого и светлого домонгольского слоёв найден костяной наконечник ремня в виде головы зверя (рис. 41, 2). Угадывалось изображение морды кошачьего хищника (анфас), вероятно, льва. Высота изделия составляла 3,3 см, ширина 2,1 см. На месте глаз просверлены 2 крепёжных отверстия, ещё одно – в нижней части. Изделие предназначено для украшения (и сакрального оформления) свободно свисавшего кончика широкого мужского кожного пояса; подобные были связаны с воинским сословием.

С внешней стороны сруба, южнее его, продолжался слой, связанный с металлургией, угли и зола фиксировались и под вышеупомянутой

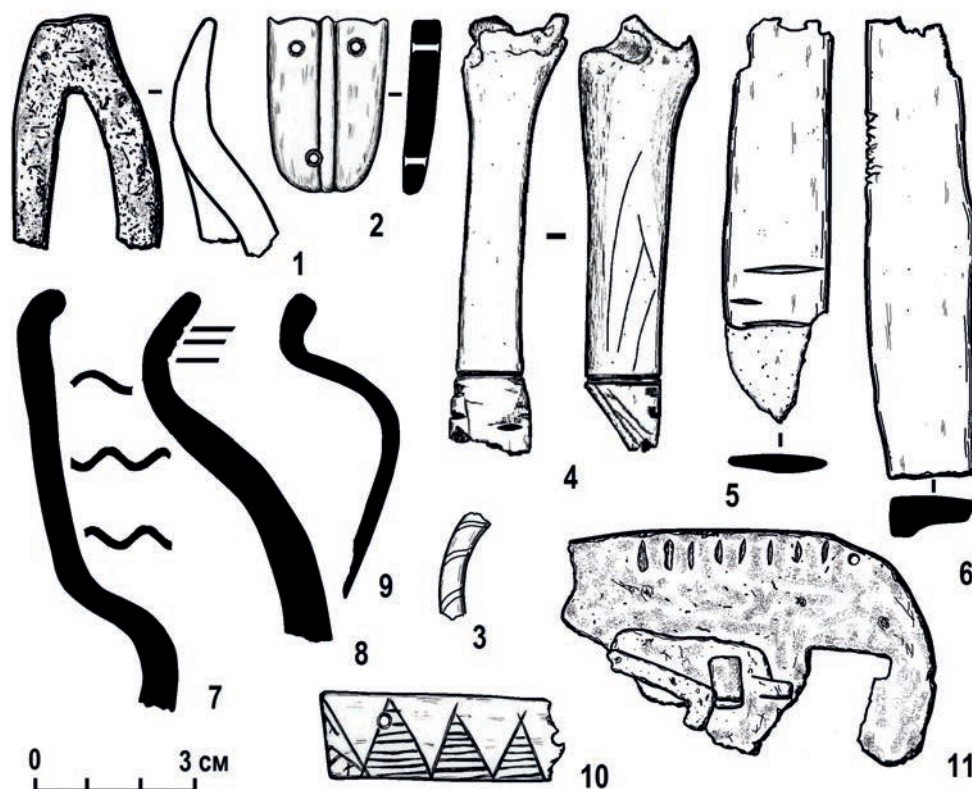

Рис. 40. Следы комплекса XIV века в раскопе 1995 г.

глиняной площадкой. Площадка, таким образом, была подготовлена для новых ремесленных работ.

В кв. 107 под серо-коричневым напластованием, с внешней стороны сруба и в 30–40 см от него, выявилась часть ямы, край которой был почти параллелен юго-восточной стене сруба (основная часть ямы осталась за пределами раскопа). Вдоль края ямы шёл уступ шириной и глубиной около 15 см от уровня материка, далее ровный склон; общая глубина доходила до 33 см (рис. 40, *разрез I*). Заполнение ямы насыщено углем и золой. Керамические остатки частично совпадают с образцами вышележащего слоя; в тесте некоторых фрагментов «курганских» и несколько видоизменённых форм, кроме дресвы, встречаются также добавки песка, что отличает их от местной домонгольской посуды. В яме найдены также фрагменты остеклённого шлака, один из которых – с красноватым пятном силиката меди на поверхности, фрагмент гладкого чёрного непрозрачного стеклянного браслета, перевитого белой нитью, нож, гвоздь и обломок овального кресала, о полных размерах которого судить трудно (рис. 41, 1,3).

Рис. 41. Находки из комплекса в раскопе 1995 г.

- 1 – фрагмент кресала; 2 – наконечник ремня; 3 – обломок браслета;
4 – скульптурное изображение «зверя коркодила»;
5–6 – отходы косторезного производства; 7–9 – обломки венчиков сосудов;
10 – накладка (часть рукояти ножа?); 11 – фрагмент нутряного замка.
1,11 – железо; 2,4–6,10 – кость; 3 – стекло; 7–9 – керамика.*

Почти во всех раскопах Плѣсского городища остались следы тынов-изгородей. Это длинные, обычно выходившие за пределы раскопа, канавы, стыкующиеся под прямым углом, пересекающиеся (одна перекрывает другую), оставляющие след шириной обычно в 15–20 см на нижележащем напластовании или на материке (рис. 42). Большинство таких следов относится как раз к рассматриваемому нами периоду, причём некоторые из канав сохранили остатки тыновых жердей или ямки от таковых.

В южной части раскопа 2004 г. в пересекающихся канавах были прослежены остатки 18 жердей (от трёх изгородей). При зачистке на глубине 60 см отчётливо прослеживалось, что канавы от тынов, заполненные серо-коричневым слоем, прорезали домонгольский слой и входили в

Рис. 42. Расчистка следов изгородей-частоколов в раскопе 2004 г.

материк (рис. 43). Шедшая в направлении с севера на юг, самая широкая и поздняя из них имела ширину около 20 см, линзовидное сечение и глубину 8 см от уровня материка. В ней сохранились не догнившие основания семи вертикально вкопанных жердей. Началом этой изгороди, видимо, следует считать яму в кв. 247, где мог быть вкопан опорный столб; диаметр столбовой ямы 22 см (столб не сохранился) (рис. 44, *разрез II*).

Рядом, к северо-западу от этой ямы (в кв. 246), ещё одна, столбовая, шириной около 35 см, была связана уже с другой оградой, от которой здесь сохранились в ряд следы трёх вертикально поставленных жердей (ряд, параллельный первой, широкой канаве). Эта изгородь далее под прямым углом уходила в сторону западной стенки раскопа, на что указывает конфигурация оставшейся от неё канавы шириной 13 см с остатками ещё одной жерди (кв. 244) (рис. 44, *разрез III*).

*Рис. 43. Следы частоколов на материке в кв. 244–245 раскопа 2004 г.
Вид с запада.*

В том же кв. 244 начиналась шедшая параллельно ей канава такой же ширины, глубиной до 5 см, перекрытая первой из упомянутых, широкой, шедшей перпендикулярно. От этой третьей изгороди сохранились следы пяти жердей. Их толщина (как и прежних) составляла от 8 до 10 см (здесь следует учитывать степень сохранности органических остатков).

В кв. 246–248 при зачистке после снятия очередного пласта, на глубине 60 см, отмечены следы минимум двух оград-тынов, надёжно связанных с серо-коричневым слоем. Они выявлены частично на его фоне, частично уже на материке, в виде полос, более тёмных за счёт углистых включений. Одна начиналась от южной стенки и шла в северо-восточном направлении, другая была ответвлением от неё и отходила к востоку. В первой отмечен древесный тлен от трёх жердей, во второй – от одной. Толщина жердей достигала 12 см (рис. 45).

Именно остатки вертикально вкопанных жердей заставляют трактовать многочисленные канавы такого рода, встреченные на городи-

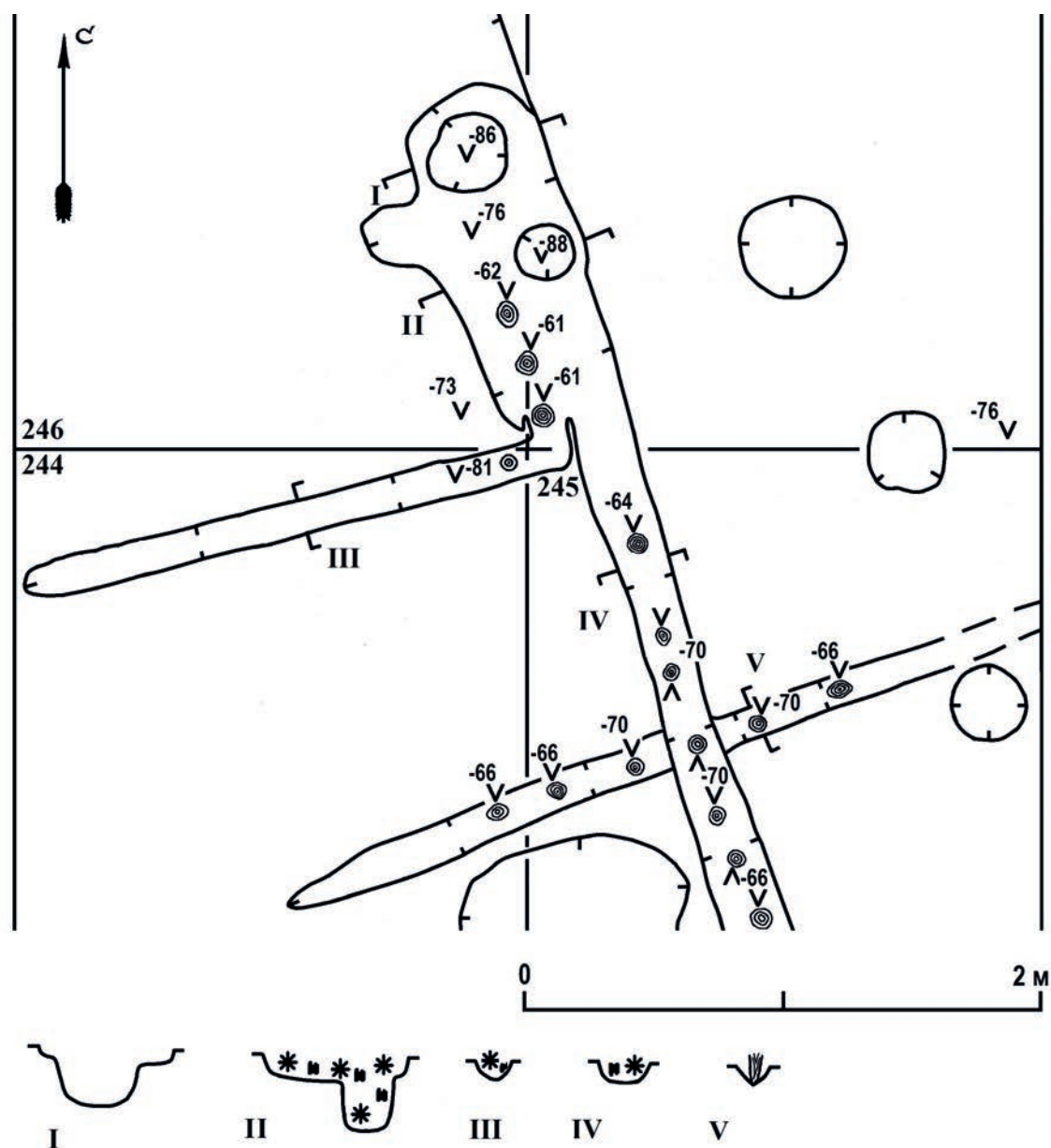

Рис. 44. Следы тына в раскопе 2004 г.

ще, как следы тыновых изгородей. Ещё один признак: остатки ямок, в которых древесный тлен не сохранился. Подобное наблюдалось в раскопе 1998 года (кв. 150, 157, 164), где изгородь имеет отношение к культурным отложениям домонгольского периода (остатки прорезаны могильной ямой второй половины XIII века). Большая же часть канав, к сожалению, следов жердей не сохранила. Это относится ко всем периодам функционирования крепости, где до последних десятилетий её существования тынами разделялись небольшие участки, осадные дворы. Дополнительным свидетельством тому служит крупное перовид-

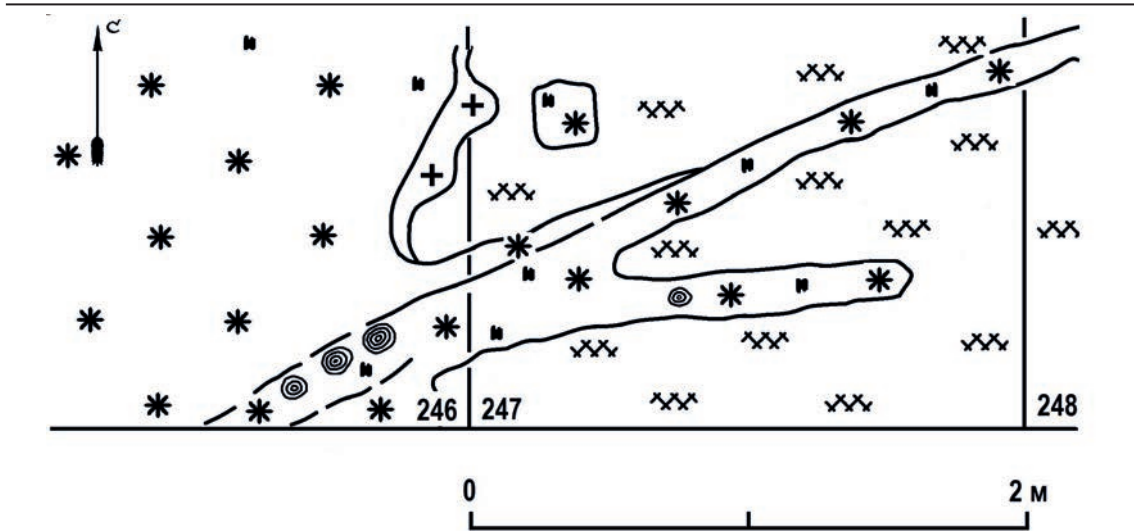
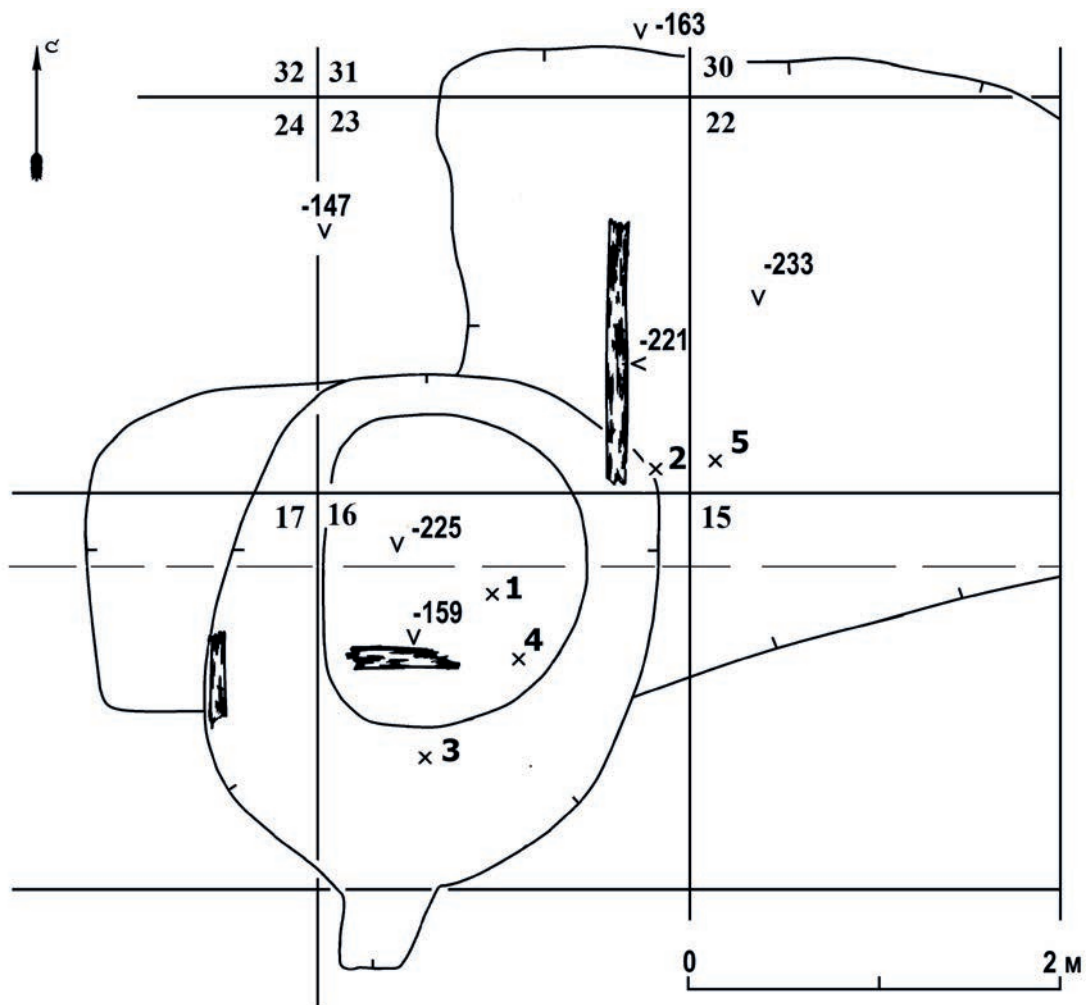

Рис. 45. Следы тыновой изгороди в кв. 246–248 раскопа 2004 г.

ное сверло от коловорота. Находка (кв. 248 раскопа 2004 г.) связана как раз с позднейшими напластованиями городища и может быть датирована первой половиной XVI вв.⁸ Устройство такого рода оград с веками конструктивно вряд ли сильно менялось: установленные в канавку («в борозду») жерди скреплялись между собой при помощи более тонких деревянных же стержней, пропущенных сквозь просверленные на одном уровне отверстия в жердях. На диаметр этих отверстий указывает ширина пера найденного коловорота: 5 см.

Рис. 46. Жертвенный комплекс в раскопе 1992 г. на глубине 58 см.

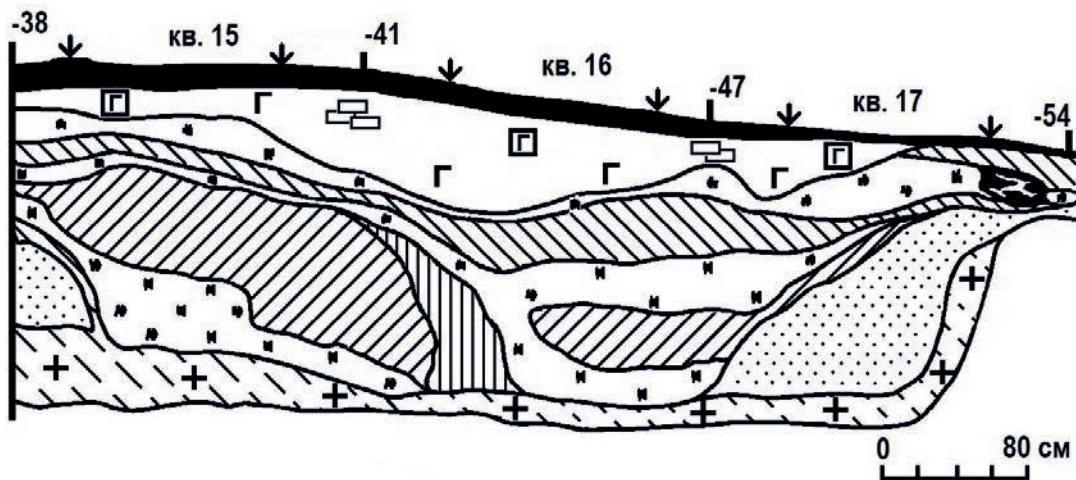
Находки: 1 - кочедык; 2 - развал миниатюрного сосуда; 3 - точильный брусок; 4 - заострённый стержень с кольцом; 5- крюк.
1 - кость; 2 - керамика; 3 - камень; 4-5 - железо.

*Рис. 47. Яма погребя жилой клетки плёсской крепости XIV в.
 Раскоп 1990 г.*

Нельзя, наконец, не коснуться вопроса о наличии в плёсских раскопках следов оборонительных сооружений города XIV века. Правда, масштабные фортификационные работы последующего периода (с 1410 года) свели шансы найти их до минимума, но, как выяснилось, не уничтожили эти более ранние следы до конца; остатки сохранились преимущественно в грунтовых выемках. Местом обнаружения стал раскоп 1990 года, где наиболее впечатляющей оказалась следы дозорной башни и примыкавшего к ней с востока участка крепостной стены 1410 года постройки.

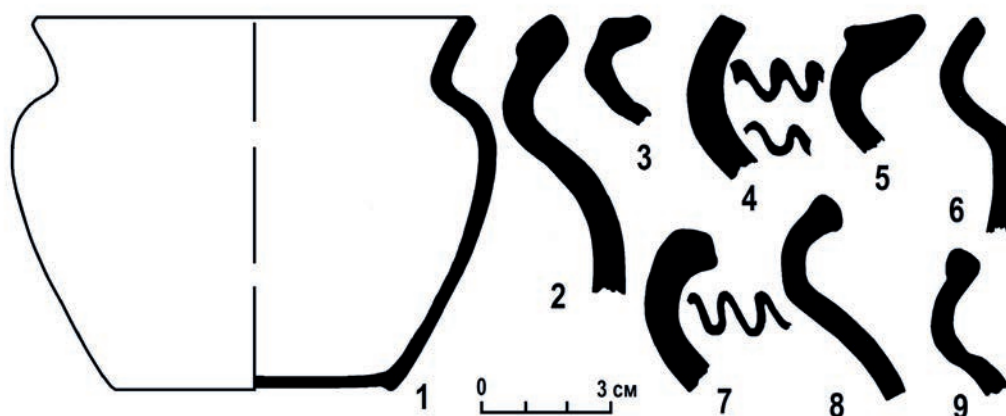
В ходе исследований по мере углубления в раскопе были сняты эти напластования с остатками кирпичей и обожженной глины, затем углистые остатки деревянных конструкций, песчаная подсыпка под строение цитадели и пѣстрый перемешанный слой. Под всем этим на глубине 40 см, на фоне вышедшего в юго-восточной части раскопа материка, обозначился край обширного углубления (кв.15–17), где в центре (кв.16) наблюдалось пятно просевших остатков вышеупомянутых оборонительных сооружений начала XV в. В дальнейшем стало понятно, что остатки просели в яму более древнего погребца, контуры которого и в северо-восточной части раскопа отчётливо обозначились только на глубине 90 см (рис. 47). Заполнение погребца составляли в основном гумусированный тѣмно-коричневый и чѣрный углистый слой, оставшиеся от крепостных сооружений XIV века (возможно, сгоревших). Вертикальный разрез ямы погребца дала оставленная в раскопе бровка (З-В) (рис. 48, стык квадратов 16 и 17, вид с севера).

*Рис. 48. Разрез ямы погребца жилой клетки.
Бровка запад – восток.
Вид с севера. Раскоп 1990 г.*

Яма имела форму овала размерами 2,5 x 2 м, три стенки её были отвесные, одна, с юга, более пологая, с дополнительной материковой выемкой-ступенькой (здесь, очевидно, осуществлялся вход в погреб). Дно ровное, плоское. Немногочисленные остатки дерева, а также отдельные тонкие углистые прослойки в заполнении указывали на бывшее наличие настила и облицовки стен.

Рис. 49. Керамика из ямы погребя в кв. 16 раскопа 1990 г.

Собранные керамические фрагменты были преимущественно неорнаментированные и имели аналогии в плёских материалах как XV в., так и более раннего времени (рис. 49). Венчики с утолщением и без, орнамент, где он был, линейный и волнистый. Единственная целая форма – миниатюрный неорнаментированный сосуд, возможно, предназначенный для питья (рис. 49, 1).

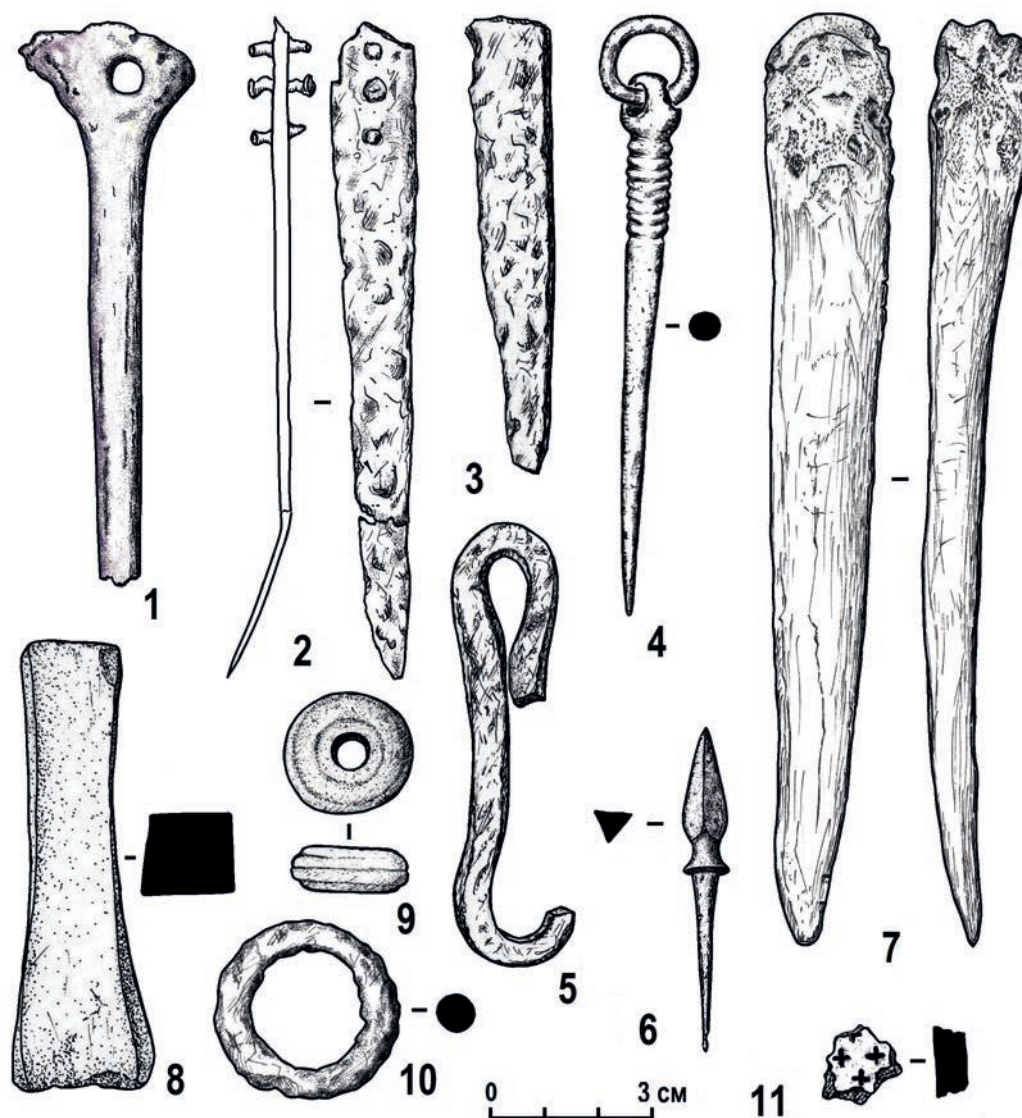
Среди индивидуальных находок из погребя нет сугубо женских принадлежностей. Здесь обнаружен точильный брусок, костяной кочедык для плетения из лыка (рис. 50, 7). Из двух обломков разных по форме ножей один сохранил заклёпки для составной (из двух пластин) рукояти; такие формы ножей появились в Плёсе только после ордынского нашествия (рис. 50, 2). Из походных принадлежностей – обломок подпружной пряжки и орнаментированный, с кольцом, заострённый стержень, который ранее нами был ошибочно отнесён к находкам из более ранней ямы (рис. 50, 4). Стержни подобного рода не имеют единого общепринятого названия и некоторыми авторами (со ссылкой на работу Л.А. Голубевой) обозначаются как «походная вилка». Соглашаясь с отнесением данного предмета к «дорожному набору», мы видим иное ему предназначение. Очевидно, он генетически связан с «шиллями» из финских погребений Верхнего Поволжья VII–X вв., где таковые встречались в составе мужского поясного набора, причём вместе с принадлежностями для добывания огня⁹. Подобными остриями можно было извлечь из трубки-футляра хранившийся там сухой трут, на которой

высекалась искра. Ранние «шилья» были без колец, но с утолщенным тыльным концом, через который в дальнейшем стало продеваться кольцо для подвешивания походной принадлежности к поясу. Переходной форме соответствует тип I по Л.А. Голубевой, «с округлыми массивными головками» X–XIII вв. Наиболее ранние находки данного типа, как указывает автор, происходят «из памятников Скандинавии, Восточной Прибалтики, Приладожья, Белоозерья и Верхнего Поволжья»¹⁰. Найденные в раскопах на Плѣсском городище три более поздних находки (без художественного оформления) могут быть отнесены к XV – 1 пол. XVI вв.

Обнаруженный погреб, в свою очередь, врезался в ещё более раннюю яму, с максимальной шириной 3,5 м по линии С–Ю; восточный её край уходил в стенку раскопа. В заполнении наблюдалось сложное сочетание слоёв и прослоек. Из остатков деревянных конструкций сохранился след обгорелого бревна диаметром 0,2 м на самом дне ямы (кв. 23); бревно имело меридианальную ориентацию. В заполнении среди керамического материала абсолютно преобладали остатки посуды «курганного» типа; ближе к дну иных и не было. Из других находок отметим встреченные на разных глубинах в заполнении железный крюк, изготовленный из крупного звена цепи и, вероятно, использовавшийся для подвешивания котла, а также крупную кость осетра (крайнюю плавниковую) с отверстием у основания и обломанным острым концом: кость, вероятно, использовалась для плетения сетей (рис. 50, 1,5). Эта яма могла относиться к домонгольскому времени.

Общая стратиграфия и характеристика находок указывает на то, что интересующий нас погреб в кв. 15–17 был связан с фортификационными сооружениями, которые прекратили своё существование незадолго до масштабных строительных работ 1410 года. Вероятно, над погребом находилась часть крепостной стены XIV в. – одна из жилых клеток для размещения ратников, а сама стена конструктивно мало отличалась от прослеженной в юго-восточном секторе того же раскопа более ранней, домонгольской¹¹.

Следы крепостных стен как таковых, связанных с фортификационной системой города Плѣса «списка градов русских», *in situ* в раско-

*Рис. 50. Некоторые находки из раскопа 1990 г.
 1 – орудие из кости осетра; 2–3 – ножи; 4 – острие; 5 – крюк;
 6 – наконечник стрелы; 7 – кочедык; 8 – точильный брусок;
 9 – пряслице; 10 – кольцо; 11 – фрагмент кашинной керамики.
 1–6,10 – железо; 7 – кость; 8–9 – камень; 11 – глина.*

пе 1990 года не прослежены. Они, как и более ранние, очевидно были скрыты при подготовке площадки вдоль края берегового плато под строительство новых укреплений 1410 года. Но следы былой активности, связанной с функционированием крепости в XIV столетии, раскоп 1990 года сохранил даже вне ямы упомянутого погребца. Характерная керамика и некоторые индивидуальные находки, связанные с данным периодом, были найдены в мешаном гумусированном слое, перемежавшемся с прослойками стерильной песчаной подсыпки под новыми укреплениями.

ями, а также в напластовании времён функционирования новых стен и башен. Из индивидуальных находок отметим наконечник бронебойной стрелы (тип 76, вариант 3 по А.Ф. Медведеву): пирамидальный, трёхгранный, с короткой головкой и расширенным упором. Подобные найдены в Новгороде, на Волыни, на Вятке, известны в древностях Булгара. Применялись до XIV века включительно. Арабы использовали такие для пробивания железных доспехов и щитов¹². Также недалеко от вышеописанной ямы найден фрагмент кашинной керамики с орнаментом в виде мелких крестиков на светло-синем фоне (рис. 50, 11). Аналоги ей известны в золотоордынских городах и датируются XIV столетием, один фрагмент имеется в коллекции древностей Московского Кремля¹³.

Примечателен и веретённый грузик, изготовленный на токарном станке из белого известняка (рис. 50, 9). Уже высказывалось мнение, что после ордынского разорения и нарушения былых торговых связей на смену пряслицам из волынского шифера пришли изделия из мягких осадочных пород Верхневолжья. Изготавливать их могли местные мастера – как в домонгольский период обрабатывали они и шифер (фрагмент в стадии обработки имеется в плѣсской коллекции).

На территории всей крепости помимо находок, указанных в связи с вышеописанными комплексами, следует упомянуть и другие, встреченные в коричневатом слое XIV в. и вне такового.

В самом позднем тёмно-сером напластовании городища (кв. 119 раскопа 1996 г.) встречен перстень с изображением руки (рис. 187, 1); судя по датировкам аналогов из других городов, в верхний слой он попал в результате перекопа. В жилом комплексе XV века найден заметно поношенный, но хорошо сохранившийся крест-энколпион с закруглёнными концами, в полной сборке, с соединительной втулкой (рис. 19, 12). Внутри имелся неопределимый тлен. Размеры изделия 8,3 x 5,0 см, материал – золотисто-красная бронза. На лицевой стороне в среднике изображение Распятия, по четырём сторонам в лотках – погрудные схематические изображения, вероятно, четырёх евангелистов. На оборотной стороне складня в среднике изображён святой воин с копьем в правой руке (Георгий, Дмитрий или Феодор Стратилат) в окружении четырёх фигур в лотках¹⁴.

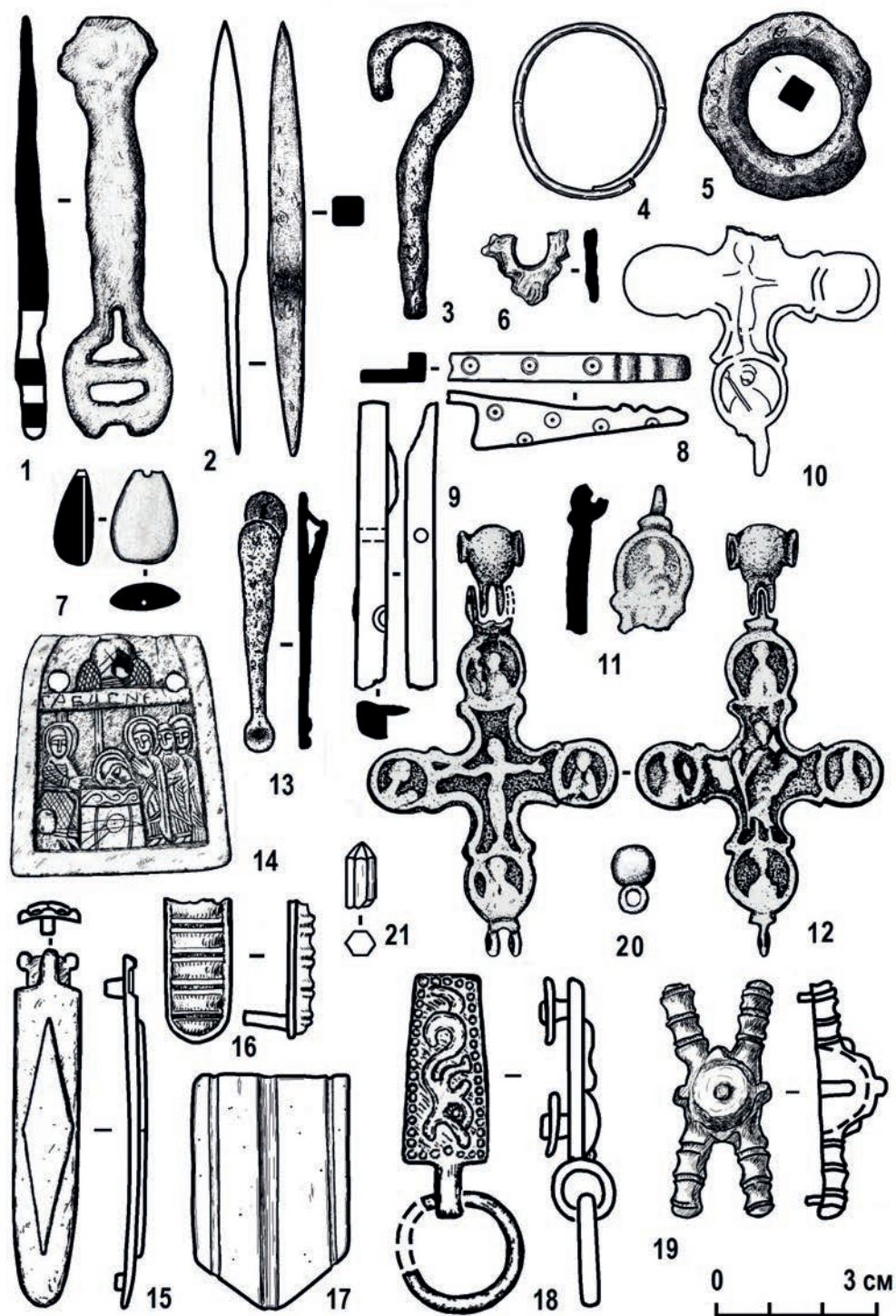

Рис. 51. Изделия 2 пол. XIII – XIV вв. из раскопов на Плѣсском городище. 1 – ключ; 2 – пробой; 3 – книжная застѣжка; 4, 7 – привески; 5 – височное кольцо; 6 – рамка пряжки; 8–9 – детали складных весов; 10 – иконка-привеска; 11–12 – фрагменты энколпионов; 13 – энколпион; 14–17 – детали мужских поясов; 18 – деталь конской сбруи; 20 – пуговица. 21 – кристалл-вставка.
1–3, 6 – железо; 4 – сердолик; 5, 11–18, 20 – медный сплав; 7 – серый сплав; 8–9 – кость; 10 – сланец; 21 – горный хрусталь.

Символика оборотной стороны изделия приобретает особое значение в свете обстоятельств подобных находок. Точный аналог плѣсской находки – но только одна передняя створка – обнаружен на месте Куликовской битвы. Изделие, таким образом, имеет хорошую опору для датировки: 1380 год¹⁵. В Плѣсе находка оказалась не единственной: в городищенских раскопах встречены ещё два фрагмента точно таких же изделий. Поломанная передняя створка встречена в кв. 228 раскопа 2004 года, на стыке примечательного слоя XIV в. с вышележащим тёмно-серым (рис. 51, 10). Ещё один, небольшой фрагмент найден в кв. 114 раскопе 1995 года, рядом с хозяйственной ямой, содержащей материалы рубежа XIV–XV вв. (рис. 51, 11). Вместе с ним найден кусочек цветного металла. Не исключено, что и то, и другое предназначалось для переплавки и имело отношение к вышеописанному ювелирному комплексу в кв. 107–108.

К изделиям русских мастеров XIV столетия может быть отнесена также каменная резная иконка, найденная в напластованиях 1 пол. XV в, но уже бывшая в долгом употреблении (в качестве своеобразного оберега) и имевшая следы ремонта (рис. 51, 14)¹⁶.

Вместе с тем, Плѣсская археологическая коллекция содержит немало предметов восточного происхождения. Среди них найденные в разные годы два фрагмента от двух разных экземпляров рычажных костяных складных весов, предназначенных преимущественно для взвешивания монет (рис. 51, 8–9). Таковые в XIV в. изготавливались в Булгаре, предназначены были прежде всего для взвешивания серебряных монет (что оставалось актуальным на Руси вплоть до денежной реформы Елены Глинской); находки, подобные плѣским, имеются во Владимире и Суздале¹⁷. Булгарскими по происхождению могли быть и другие изделия из кости (среди них, например, найденные в Плѣсе элементы рукоятей ножей и целые рукояти), а также стеклянные браслеты и бусы, наконечники стрел и другие атрибуты воинства.

Особенно убедительны в этом отношении найденные в напластованиях XIV–XV вв. металлические детали мужских поясов и элементы конской упряжи, которые находят точные аналогии среди древностей Булгара второй половины XIII – XIV вв. (рис. 51, 15–19)¹⁸. Какая-то часть

их оказалась в более поздних напластованиях в результате перекопа, но в большинстве своём они, как предметы долговечные и сакральные, просто продолжали служить потомкам первых владельцев (подобно тому, как потёртый на оборотной стороне крест-складень, аналогичный найденному на Куликовом поле, прослужил до второй половины XV столетия и оказался в подпечной яме одного из жилищ Плёсской крепости того времени). Обломок старого наконечника ремня (рис. 51, 16), очевидно, сохранялся в хозяйстве семьи сер. XVI в. среди запасов металла и предназначался для переплавки.

Рис. 52. Плёсское городище. Образцы кашинной посуды.

С востока по волжскому торговому пути завозился полудрагоценный поделочный камень. Из сердолика изготовлена каплевидная привеска к серьге в виде знака вопроса (рис.51, 7). Подобные серьги в русских землях начали пользоваться популярностью именно в рассматриваемый нами период, о чём писала М.В. Седова¹⁹. При этом следует заметить, что данный камень, судя по всему, попал на Русь уже в виде готовой подвески с горизонтальным отверстием (такие находки, в частности, из-

вестны на Северном Кавказе, где датируются XIV–XVI вв.)²⁰. Когда же по отверстию произошёл слом, камень приспособили в качестве привески к серьге, просверлив отверстие вертикальное. В раскопе 1995 года дорогая привеска отмечена в контуре ямы домонгольского времени, но находилась в просевшем коричневатом перекрывающем слое.

В раскопе 1989 года был найден небольшой кристалл горного хрусталя, попавший в верхние напластования в результате перекопа (рис. 51, 21). Как пишет М.Д. Полубояринова, наряду с сердоликом горный хрусталь (хрустальные вставки) поступал из Индии через среднеазиатские рынки в Булгар (где вставки встречаются только в золотоордынских слоях раскопов), а оттуда на Русь («в Новгороде ко второй половине XIII – XIV в. относится целая серия хрустальных вставок»). Размер найденного в Плесе кристалла (12 x 5 мм) почти совпадает с такой же находкой в древнем Воротынске (комплекс находок к. XIV – нач. XVI вв.) и также вполне подходит для использования в качестве вставки, например, для перстня²¹.

Одна из статей золотоордынского импорта – упоминавшаяся здесь кашинная посуда. Кроме вышеупомянутых экземпляров, на городище встречены и другие, в напластованиях преимущественно XIV в., а также в последующих, но не позднее середины XV в. (рис. 52). Глина в изломе от светло-серой до розовой, орнамент выполнен чаще всего чёрно-синим цветом по бирюзовому и коричневым по оливковому.

На стыке тёмно-серого и залегающего под ним более светлого слоя в раскопе 2004 года собраны и составлены фрагменты сосуда шаровидной формы, с зауженным устьем и с сохранившимся одним из выступов с отверстием для продевания верёвки. Форма для Плёса непривычная, и сосуд может быть отнесён к водоносам (по восточным, в частности, болгарским образцам) или рукомяям (при наличии носика). Состав керамического теста – с добавлением дресвы средних и мелких фракций – отвечает русской гончарной традиции средневековья. Орнамент же полностью соответствует тем изменениям, которые претерпевала поздняя «курганная» посуда: в нём наблюдается свободное сочетание мотивов (волна, тычок, линия); подобная комбинация не встречалась в материалах крепости, некрополя и посада домонгольского Плёса (рис. 53).

Рис. 53. Сосуд из раскопа 2004 года.

В коричневатом же слое (раскоп 1996 года) найдены железный пробой, книжная застёжка, перстнеобразное височное кольцо (похожее на местные домонгольские), литая шаровидная пуговица-«гирька», наконечник стрелы (рис. 51, 2–4, 13, 20). Последний относится к шиловидным бронебойным, квадратного сечения, с простым не акцентированным упором, наиболее близок к типам 90 и 93 (по А.Ф. Медведеву).

Хронологические и географические пределы применения широкие²².

Наконец, интересной и важной в контексте рассматриваемой нами темы находкой является фрагмент привески, выполненной из серого металла, с расходящимися в стороны и вниз криновидными выступами (рис. 51, б). В центре привеска имело овальное отверстие. Оно, вероятно, было гнездом для вставки кабошона из полудрагоценного камня или цветного стекла. Привески со вставками М.В. Седова по материалам Новгорода датировала концом XIII – началом XIV века²³. Наш экземпляр обнаружен в кв. 41–43 раскопа 1989 г., в продолговатой материковой яме размерами 4,5 x 1,1 м, глубиной 0,2 м. С двух концов в неё врезались ямы с материалами 1 пол. – середины XV. В её же заполнении встречена керамика курганного типа, обломок стеклянного браслета, железная скоба и ключ раннего типа А (подобная находка имеются на посаде в комплексах кануна ордынского нашествия) (рис. 19, 1). Учитывая аналогии и такой набор находок, а равно и стратиграфическую ситуацию, мы могли бы отнести комплекс с криновидной привеской к числу редких свидетельств начала возрождения цитадели сразу после прекращения функционирования некрополя и датировать его началом XIV или – не исключено – концом XIII столетия.

Большая же часть комплексов, связанных с интересующим нас периодом жизни Плёса до постройки укреплений 1410 года, относится

к середине – второй половине XIV века, когда московские князья начинают постепенно, а затем и достаточно быстрыми темпами, осваивать обширные костромские территории, куда входил и Плѣс. Эта бывшая составляющая Владимирского великого княжества была передана московским – первоначально не самым сильным – новым владельцам после их участия в успешном зимнем походе хана Узбека на Тверь в 1327–28 гг. Узбек таким дарением, в первую очередь, стремился ослабить начавший было вновь набирать силу Владимир, но, как оказалось в дальнейшем, совершил стратегическую ошибку²⁴. Нам уже доводилось высказывать свои соображения по поводу того, как разумно и дальновидно распорядились московские князья обширным территориальным резервом костромских земель, давая земли переходившим к ним на службу родовитым татарам – профессиональным воинам и таким образом концентрируя, накапливая здесь новые военные силы. Именно приглашенные на службу – оказавшиеся не при деле (а то и в опале) на родине – ордынцы составили, как ни парадоксально, тот боевой кулак, который не раз москвичи использовали в конфликтах с тем же «Казанским царством».

Одним из первых зримых свидетельств военной мощи, накопленной «на Костроме», стал факт отъезда (а не бегства!) Дмитрия Донского в свои северные владения из Москвы для сбора войск в связи с угрозой нашествия Тохтамыша в 1382 году. То же сделал и сын Дмитрия, великий князь Василий накануне появления Едигея под стенами города в 1408 году. При этом он имел возможность быстро выслать сильный летучий отряд конницы из числа служивших ему татар в оставшиеся без войска казанские земли, что заставило ретироваться Едигея, так и не взявшего Москвы²⁵.

Наличие в плѣсских древностях XIV в. элементов культуры востока, и в особенности воинских принадлежностей, не вызывает сомнений в том, что город не остался в стороне от упомянутых событий. У нас есть основания считать, что многие плѣсяне приняли участие и в Куликовской битве. Здесь надо вспомнить славный и знатный род Сабуровых: что его связывало с Плѣсом, как начиналась его история и как он под-

нялся по служебной лестнице на самый высокий государственный уровень.

Сабуровы, как и Годуновы и Вельяминовы-Зерновы, являются, согласно родословной, потомками мурзы Чета (происхождением, вероятно, из волжских булгар, что выдаёт, в частности, приобщённость к исламу). Чет вышел из Орды на службу московскому князю Ивану Даниловичу Калите в 1330 году, то есть сразу после перехода костромских земель к Москве, и такое совпадение нельзя назвать случайным. Про-

Рис. 54. Фёдор Сабур и Григорий Холонищев находят князя Дмитрия после Куликовской битвы. Лицевая рукопись XVII в.

фессиональный воин, который должен был привести с собой немалое количество обученных бойцов, в числе первых получил обширные земли в костромских пределах (и, возможно, оживил, обновил былые домонгольские крепости, такие как Плёс). Сабуровы, чей род в Бархатной книге упоминается раньше рода Годуновых, унаследовали немалую часть этих земельных владений и, вероятно, наращивали их по мере приближения к великокняжескому дому. Вспомним, что

Фёдор Иванович Сабур, один из богатейших людей своего времени, стоял первым в списке бояр при великом князе Василии Дмитриевиче и был свидетелем второй и третьей его духовной. Его земли и земли его потомков в XV столетии простирались на север и юг по обоим берегам Волги, как минимум от Плёса до Солдоги²⁶.

Логичным, в такой ситуации, будет считать, что для владельца этих земель упомянутые две крепости как раз и стали военными опорными пунктами и, в определённой мере, объектами заботы. Кардинальная реконструкция плёсской цитадели в 1410 году вряд ли обошлась без деятельного участия владельца окрестных земель Фёдора Сабура. Следы обнаруженных нами тыновых изгородей XIV–XV вв. могли в первую

очередь иметь отношение к выгороженным в крепости участкам Сабуровых и их военных слуг. Надо понимать, что по прибытии Василия Дмитриевича в 1408 г. «на Кострому», в дни нашествия Едигея, владельцы этих участков срочно покинули Плѣс и прибыли к назначенному месту сбора полков. Безусловно, точно так же к определённой точке сбора они направлялись и ранее, в канун Куликовской битвы, и участвовали в ней – чему есть уже прямое свидетельство.

Речь идёт о случае, когда после окончания сражения израненному великому князю Дмитрию два участника битвы, вероятно, спасли жизнь, разыскав его и обеспечив, тем самым, оказание своевременной медицинской помощи. Автор «Сказания о мамаевом побоище» называет их: Фѣдор Сабур и Григорий Холопищев. Важные подробности в описании события вносят летописи. Из Архангелогородского летописца мы узнаём, что юноши были «сыны боярские» и что Сабур («храбрый костромич», из текста другой летописи) в поиске сыграл главную роль. Храбрый костромич, как оказалось, отличался ещё и сообразительностью. Он понял, что если великого князя опасно ранят, то ближние боевые слуги постараются вывести его из битвы и укрыть где-нибудь в стороне, – а потому поиски вести надо не в гуще мёртвых тел. «И отскочиша за версту.., и наехаша государя, сидяща под березою посеченною, ранена вельми кровава, во единой срачице сидяща». После чего Сабур послал Холопищева к князю Владимиру Андреевичу, а сам остался при тяжело раненом Дмитрии.

Между тем, князья уже плакали по Дмитрию как по мёртвому и тому, кто найдёт тело убитого, сулили награду, высокий статус: «тот у нас будет в болших». Можно представить себе степень ликования победителей, узнавших, что великий князь жив и спасён – соответственно, и степень благодарности спасшим²⁷. Возвышенный Сабур в дальнейшем, вероятно, не раз блестяще проявлял себя в государственных делах, поскольку при сыне Дмитрия, великом князе Василии Дмитриевиче, он стал первым боярином. И, конечно, Плѣс, военный опорный пункт в вотчине первого боярина, не мог оставаться маленькой и морально устаревшей крепостью на фоне совершенствования методов ведения

войны, повсеместного распространения артиллерии. Строительные работы 1410 года подтверждают сказанное.

Следует заметить, что «плёские татары» формально были крещены и получали при крещении новое, христианское имя (то есть, публично, формально, признали величие божества-«хозяина» данных земель, что было достаточно распространено в эпоху средневековья, от викингов до Афанасия Никитина). При этом они не отказывались от своих прежних мусульманских обычаев, характерных не для всей Орды, но устоявшихся в Булгарии. Пример тому служил Фёдор – «храбрый коstromич» в бою против Мамаю, но имевший, судя по летописи, основное имя Сабур («терпеливый, выносливый» в исламе); его внук, Фёдор, получил имя Муса, в честь великого пророка. Верные военные слуги великого князя могли носить восточное боевое снаряжение, надевать на палец перстень-печатку с символикой барса, и при этом не игнорировать известных оберегов воина, крестов-складней, – которые оказались одинаковыми среди находок и на Куликовом поле, и в крепости города Плёса. Нельзя исключить, что в связи с битвой была отлита в большом количестве серия одинаковых крестов, которая служила в дальнейшем и талисманом, и своего рода знаком отличия ветерана-участника знаменитого сражения.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. // Русские летописи. Рязань, 2001. Том десятый. С. 477.

² Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – I пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Автореферат дисс. М., 2016. С. 148; рис. 40.

³ Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве. // РА 1997. № 2. С. 120.

⁴ Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение. // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. Табл. 140, 1. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 116–117.

⁵ Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на реке Сондуге Тотемского района. // Послужить северу. Вологда, 1995. Рис.10, 1.

⁶ Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. // Новгородский сборник. М., 1982. С.160.

⁷ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. // Город Болгар (Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков). Казань, 1996. С. 154–155.

⁸ См. статью в данном сборнике: Последние десятилетия плѣсской крепости. Травкин П.Н. Отчёт об археологических исследованиях Плѣсского городища в Приволжском районе Ивановской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.

⁹ Краснов Ю.А. Безводнинский могильник: К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980. Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник // АЭМК. Иваново, 1988. Вып. 14.

¹⁰ Голубева Л.А., Назначение железных игл с кольцами // СА. № 2. М., 1971.

¹¹ См. статью в данном сборнике: Крепостная стена домонгольского Плѣса.

¹² Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел XIII–XIV вв. // САИ Е 1–36. М., 1966. С. 79.

¹³ Болдырева Е.М. Поливная керамика... Рис. 40. Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы. // Древности Московского Кремля. МИА № 167. М., 1971. С. 23. Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Там же. С. 119, рис. 3, 4.

¹⁴ Определение И.М. Петрова. Травкин П.Н., Петров И.М. Кре-

сты-складни из средневекового Плёса. // Музеи Верхней Волги. Проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997. С. 174–175.

¹⁵ Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле. // Куликово поле: Материалы и исследования. М., 1990. С. 75.

¹⁶ См. статью в данном сборнике: Плесская каменная иконка-оберег.

¹⁷ Родина М.Е. Связи Северо-Восточной Руси со странами Востока в X–XIV вв. // Ислам в Центрально-Европейской части России. Москва – Нижний Новгород, 2009. С. 259–260.

¹⁸ Полякова Г.Ф. Изделия... С. 202–222, рис. 66.

¹⁹ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 16.

²⁰ Марковин В.И. Сердолик – «камень счастья». // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 271.

²¹ Полубояринова М.Д. Торговля Болгара. // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. М., 2008. С. 86. Никольская Т.Н. Воротынк. // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

²² Медведев А.Ф. Указ. соч. Табл. 30, 87.

²³ Седова М.В. Ювелирные изделия... С.43. Седова М.В.

²⁴ Горский А.А. Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 гг. // ВИ. М., 1995. № 4. С. 40.

²⁵ Травкин П.Н. Плёс, 1410. Записки археолога. Иваново, 2017. С. 13–20.

²⁶ Историко-географический атлас Ивановской области. Иваново, 2005. С. 39.

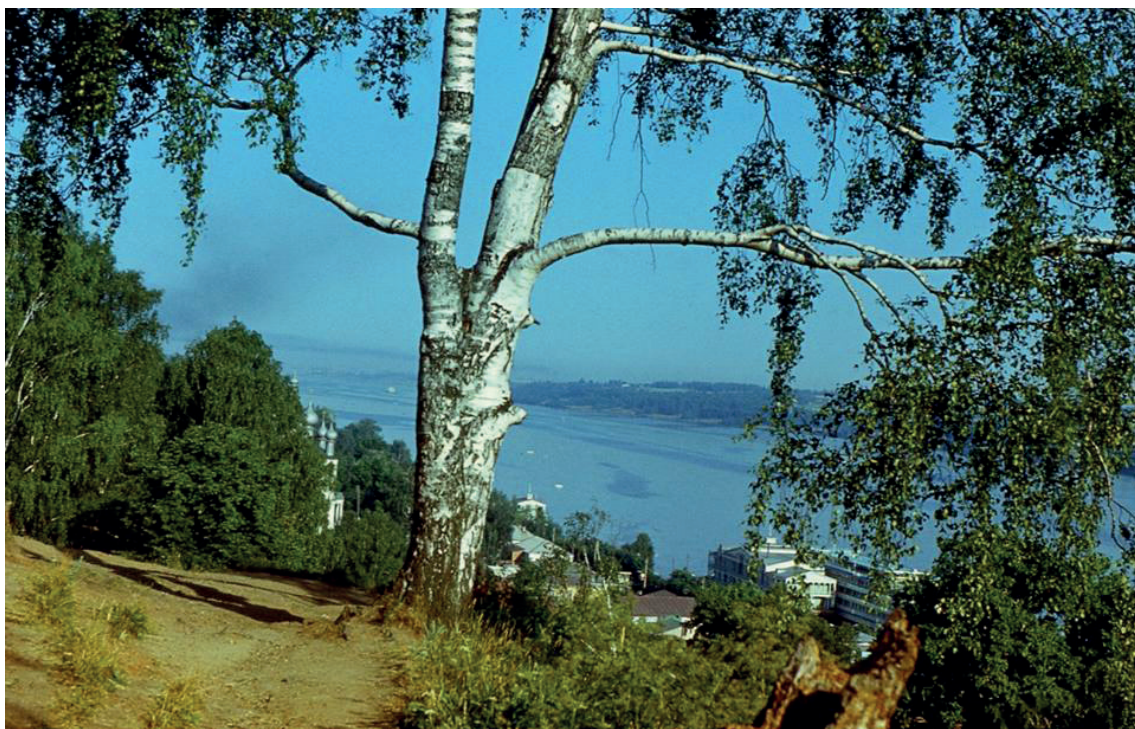
²⁷ Факсимильное издание: Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея. М., 1980. Архангелогородский летописец. // ПСРЛ. Л., 1982. Том. 37. С. 77. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 163.

Глава IV

*Крепостные сооружения
1410 года*

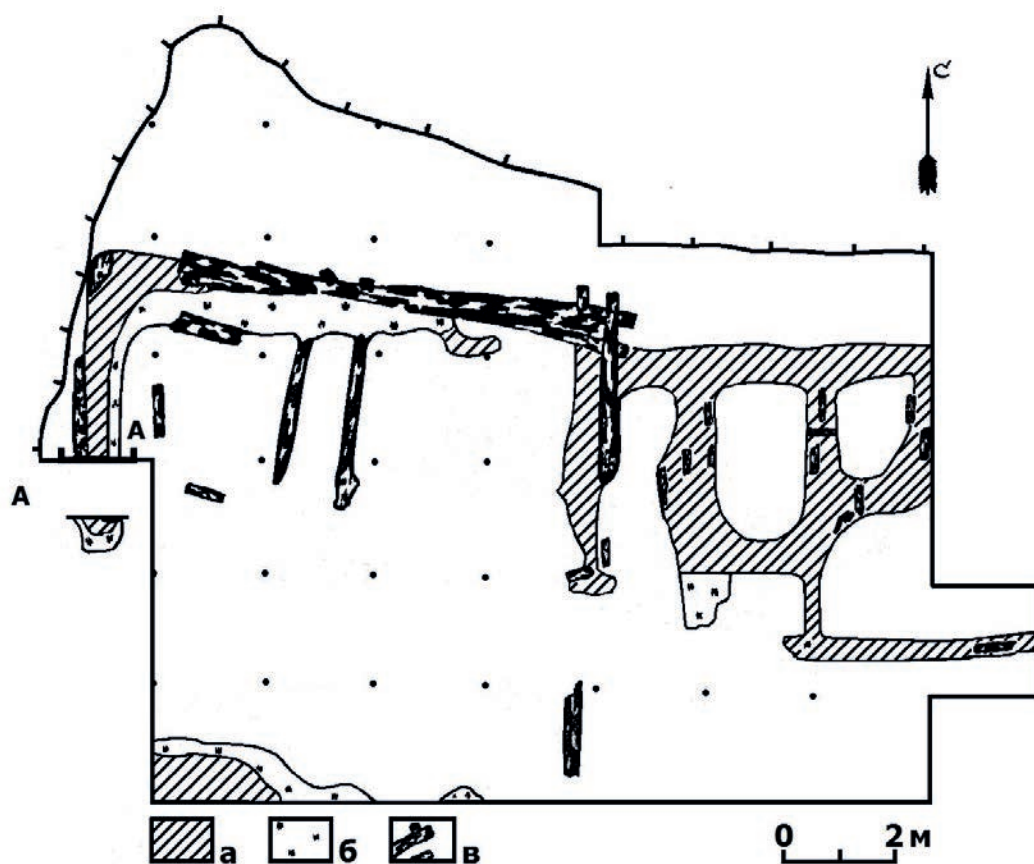
Начало археологических исследований Плёсского городища было положено П.А. Раппопортом в 1959 году. Он произвёл разрез крепостного вала, выявил его структуру и нашёл убедительные подтверждения летописному известию о возведении новых сооружений в Плесе в 1410 году¹.

Рис. 55. Северная мысовая часть Плёсского городища, место проведения раскопок 1990 г. Фото М. Карачинского, 1981 г.

Дальнейшие исследования, предпринятые в 1990 г., позволили получить дополнительную информацию об устройстве средневековых фортификационных сооружений. Раскоп площадью 172 кв. м был заложен на северном мысу городища, на месте, подходящем для возведения дозорной башни: отсюда Волга просматривается вверх и вниз по течению в целом более чем на десять километров в ясную погоду (рис. 55). Современная дневная поверхность раскопа была неровной, с большим понижением к северо-западу, максимальный перепад высот составил 1,6 м, что повлекло за собой искажение геометрических очертаний прослеженных конструкций на плане (северо-западная часть раскопа) (рис. 56).

Остатки сооружений 1410 года выявились в процессе разборки 1-го и 2-го пластов культурного слоя. В западной части раскопа на глубине

а - обломки кирпича, кирпичная крошка; б - угли; в - горелые остатки деревянных конструкций.

Рис. 56. Остатки крепостных сооружений 1410 года, прослеженные в раскопе 1990 г. на глубине 0,1–0,34 м.

0,1–0,3 м выявились горелые сосновые брёвна нижнего венца башни. Их диаметр (в остатках) достигал 0,2 м, длина – 9 м. Башня в плане представляла собой квадрат площадью 81 кв. м. Брёвна с каждой стороны башни шли в два ряда, параллельно; таким образом, между стенками внешнего и «вложенного» в него внутреннего бревенчатого короба оставался полуметровый промежуток.

В этом промежутке по периметру башни отчётливо прослеживались остатки кирпичной кладки. Слабо обожженные кирпичи были вылеплены в форме бруска с размерами в среднем 22 x 10 x 8 см, с неровными краями, нередко с отпечатками дерева и отпечатками пальцев строителей. Чаще всего кирпичи встречались в виде обломков, которые перенесли дополнительный обжиг и даже были ошлакованы под воздействием сильного огня во время пожара, уничтожившего башню.

Рис. 57. Остатки кирпичей из заполнения полостей стен башни in situ.

Выходы такого кирпича (а также обожженных бесформенных кусков глины) на современной поверхности прослежены по краю городищенской площадки, на месте туристских троп и обзорных точек. Кирпич и обожженные куски, вероятно, были применены при строительстве всего оборонительного комплекса в целом.

Судя по поперечным разрезам стен, кирпичная кладка использовалась не как фундамент (рис. 56, *разрез «А»*). Кирпич укладывался насухо, без раствора, а под лентами кладки повсеместно прослеживалось мощное деревянное основание (рис. 55, северная сторона башни). Кладка размещалась в полости между брёвнами на бревенчатый же настил, в два-три ряда. У северо-западного и юго-западного углов башни мощность кладки достигала 0,7–0,8 м (соответственно, 8–9 рядов). Возможно, таким способом были усилены обе внешние стороны башни (рис. 57). На выложенные ленты кирпича (или слои кусков глины) в полости многорядных стен был засыпана земля и мелкий валунный камень; его удалось проследить на отдельных участках раскопа.

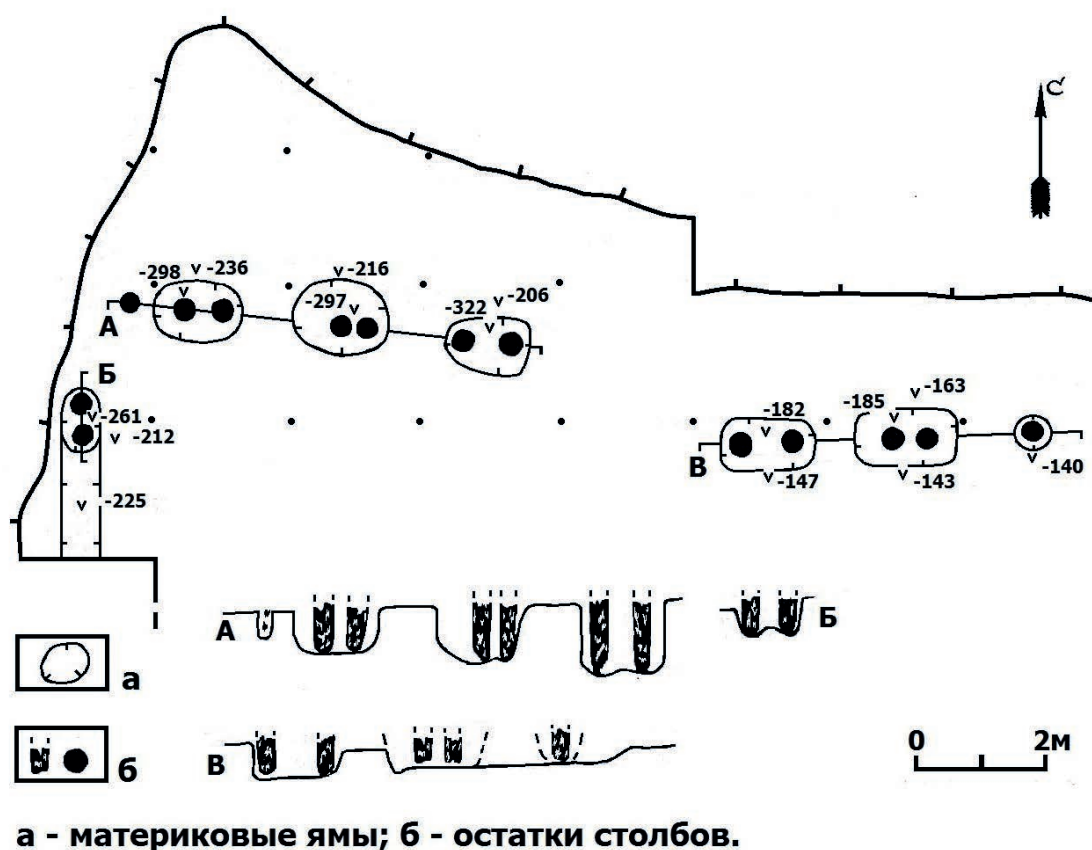

Рис. 58. Остатки опорных конструкций башни и участка стены крепости 1410 г.

Углы выявленной башни были сделаны с выпуском концов брёвен, «в обло», что придавало жёсткость конструкции. Видимо, в этих же целях использовались специальные бревенчатые тяжи, соединявшие противоположные стены постройки на уровне нижних венцов. Два та-

ких бревна, лежавших в меридианальном направлении, прослежены на участке их соединения с северной стороной башни.

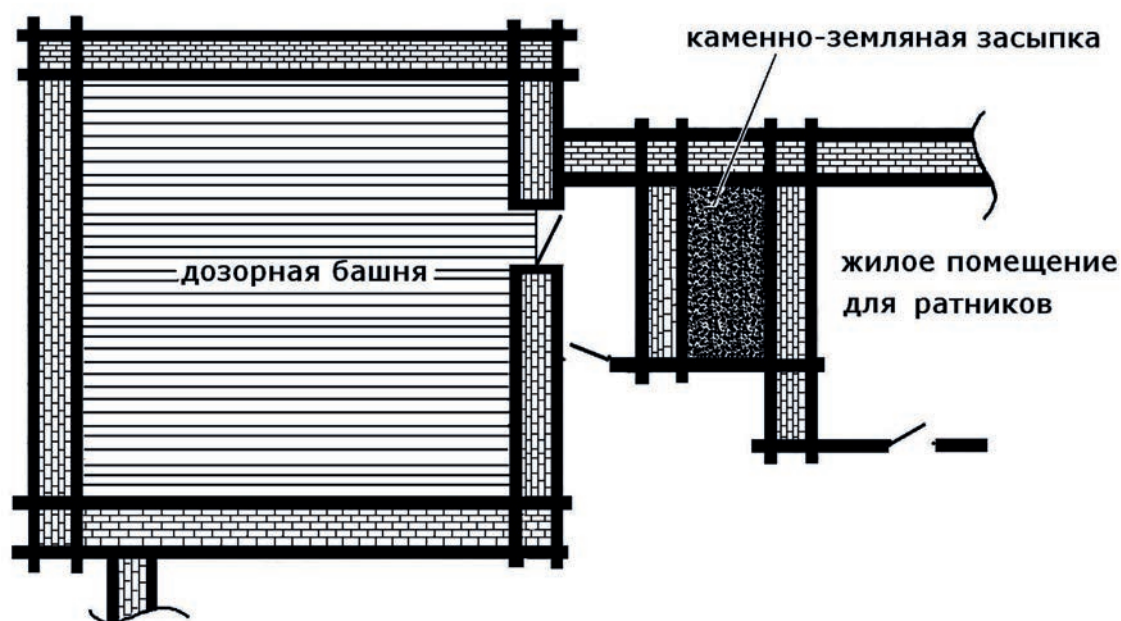

Рис. 59. Башня и участок стены 1410 года. Реконструкция по материалам раскопа 1990 г.

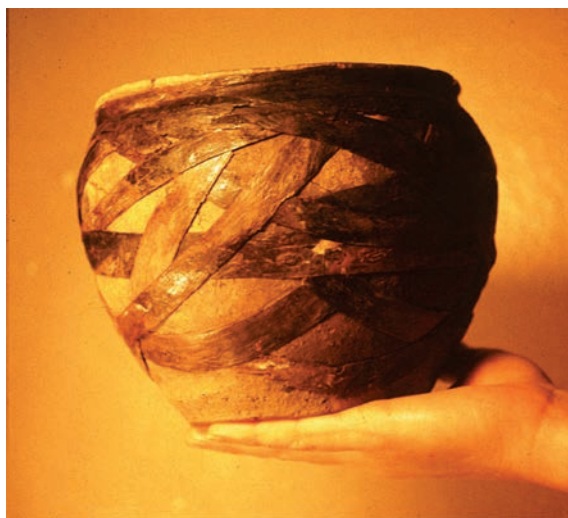
Примыкавший с востока к башне участок крепостной стены имел похожую конструкцию: двойные стены с заполнением промежутка кирпичом и смесью из камня и земли. То же касается и перерубов: будучи длиной от двух до трёх метров, они соединялись между собой и образовывали либо тарасы, заполненные грунтом и камнями, либо жилые камеры. Как отметил Н.П. Крадин, «узкие клетки заполнялись «хрящом», а широкие оставались полами. Они предназначались для защитников крепости. В каждой из них обычно было сделано по две бойницы и дверь» (рис. 59)².

Точно под наружными сторонами башни и стены на уровне материка были прослежены овальные в плане ямы с размерами в среднем 1,2 x 1,1 м и глубиной от 0,3 до 0,9 м. При возведении крепости в каждую из них было поставлено по 2 столба (остаточный диаметр в раскопе – 0,3 м) (рис. 58, разрезы «А» и «В»). Столбы служили опорами, своеобразным фундаментом, в средневековье применявшимся по необходимости и в домовом строительстве в данном регионе³.

Судя по стратиграфическим данным, для возведения башни на краю городищенской площадки был устроен небольшой горизонтальный уступ – берма, и на ней сделана песчаная подсыпка. С наружной стороны цитадели край площадки был укреплен слоем глины.

В большинстве своём находки, собранные в верхних слоях раскопа, могут быть датированы XV веком. Основанием для датировки служат, в первую очередь, керамические остатки, которые находят аналогии в керамических комплексах жилых построек крепости⁴. Вполне типичным, например, для данного времени по форме и по составу теста является треснувший и укрепленный полосами бересты горшок, обнаруженный в неглубокой ямке под северо-восточным углом башни (рис. 60). Он имел округлое тулово, отогнутый наружу и сужающийся к краю венчик, трёхслойный в изломе черепок с добавкой среднезернистой дресвы. В днище имелось неровное щелевидное отверстие, пробитое со стороны устья острым предметом (копьем?). По всей вероятности, сосуд представлял собой традиционную строительную жертву.

На месте башни и в непосредственной близости от неё были найдены два фрагмента восточной кашинной поливной керамики XIV – начала XV веков, имеющей аналогии среди древностей Московского Кремля⁵. Бронебойный гранёный наконечник стрелы из слоя глины у северо-восточного угла башни относится к третьему варианту 76-го типа по градации А.В. Медведева и имеет аналогии среди экземпляров XI–XIV веков; возможно, он связан с более ранним периодом существования крепости (рис. 61, 2)⁶. Особый интерес вызвал найденный на месте башни железный гранёный стержень, с явно выраженной массивной сужающейся к концу функциональной частью длиной 4,5 и толщиной 1 см, и более тонким и длинным (5,2 см) согнувшимся че-

Рис. 60. Горшок, обмотанный берестой, из-под северо-восточного угла башни 1410 г.

решком (рис. 61, 1). Не найдя прямых аналогий, автор с известной долей осторожности склонен атрибутировать находку как шип от боевой деревянной палицы.

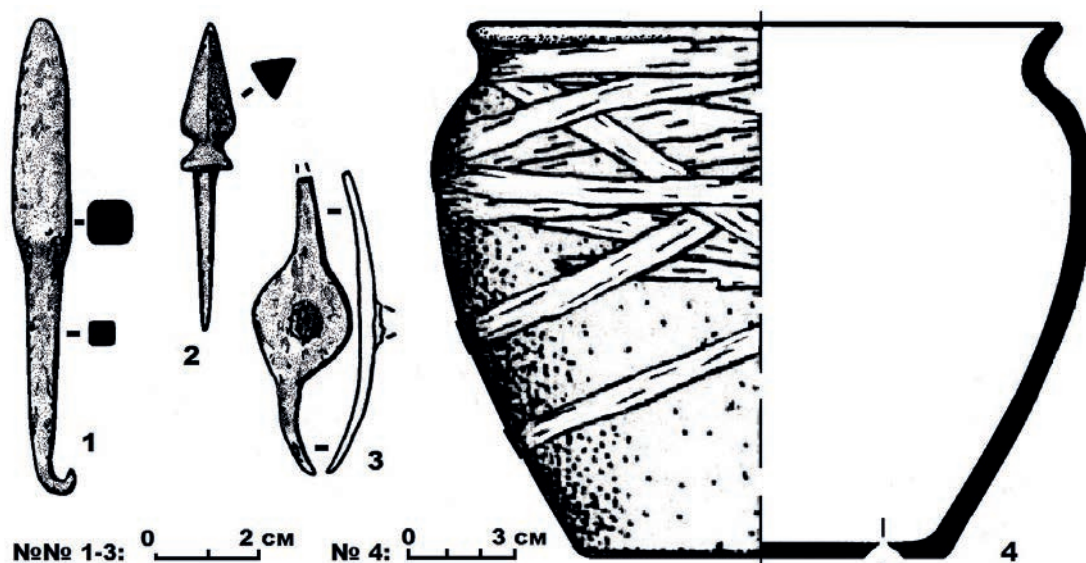

Рис. 61. Отдельные находки на месте башни.
1-3 - железо, 4 - керамика, береста.

Следует, наконец, отметить сравнительно небольшое количество находок бытового характера, а также полное отсутствие женских украшений и предметов, связанных с женским рукоделием.

По данным П.А. Раппопорта, многослойные деревянные стены с забутовкой стали применяться на Руси как средство противодействия вошедшей в военный обиход артиллерии⁷. Исследователь привёл пример подобной конструкции (псковский пригород Кобыла, 1462 г.) и высказал предположение о былом наличии подобной в Суздале, Владимире, Плесе и других городах. Раскопки в Плесе подтвердили данное предположение, а хронологический диапазон находок и совокупность летописных данных указывают на 1410 год как дату возведения цитадели⁸.

В публикациях последних лет уже не раз отмечалась тесная связь средневекового Плёса и Москвы и высказывалось мнение о наличии в районе Плёса таможенно-оборонительной системы, призванной регулировать пропуск судов и тем самым контролировать Волжский торговый путь⁹. Изыскания, предпринятые историками, фольклористами, этнографами, геологами, гидрологами и давшие основание для вышеуказанного предположения, отчасти объясняют впечатляющий масштаб

предпринятых в 1410 году строительных работ. Территория крепости была расширена в 10 раз. Насыпан новый вал. Многослойные стены и башни, сооружённые по последнему слову военной техники, опоясывали крепость на протяжении 800 метров.

Возможно, впервые при возведении сооружений такого типа в забутке использовался кирпич. Если бы он был применён по всему периметру стен и при сооружении всех башен крепости (что покажут дальнейшие исследования), его бы потребовалось изготовить, по грубым подсчётам, около 85 тысяч штук. Применение кирпича могло преследовать две цели. Во-первых, придание конструкции дополнительной жёсткости, а во-вторых, стабилизация уровня влажности в нижних венцах и основании сооружения, что предотвращало гниение или наоборот – излишнее высыхание дерева и возникновение щелей в брёвнах.

Видимо, в противопожарных целях поверхность стен и башен покрывалась известковой побелкой. Известь была прослежена в виде натёков

*Рис. 62. Туристическая обзорная площадка – экскурсионный объект в виде «разреза» башни 1410 года на месте раскопа 1990 г.
Проект автора. Год постройки: 2010.*

под деревянными основаниями конструкции, на фрагментах керамики и камнях (где её не смыло талыми и дождевыми водами). Отдельными конгломератами или в виде натёков на кирпичах она не встречена, что исключает предположение о каком-то ином её применении (например, в качестве связующего раствора для кирпичей).

Деревянные фортификационные сооружения Плёса были рассчитаны на долгое использование. Однако простояли они, возможно, только до известного нашествия казанских татар 1429 года: «...пришли татарове казанские на Галич без вести... взяли Кострому, а Плёс и Лух воивали»¹⁰. Если, в отличие от Костромы, имелось в виду, что Плёс и Лух не были взяты (или речь шла о разорении одноимённых волостей), то угрозу крепости могли представлять нашествие Мамутека в 1445 г. и междоусобная война в Московской Руси 1425–1453 гг. Так или иначе, сильный пожар в крепости был отмечен большим количеством ошлакованного кирпича и остатками сожженных домов¹¹.

На месте сгоревшей башни была возведена новая, но уже гораздо меньших размеров (6 x 6 м). Сооружение простояло не одно десятилетие и разрушилось от ветхости. В XVI столетии в плёсской крепости ещё собирались войска для формирования полка левой руки перед казанским походом, а в XVII веке крепости уже не было: под названием Плёс значился только посад¹².

Мысовая часть Соборной горы, где когда-то возводились средневековые башни, в настоящий момент стала неременной составляющей плёсских экскурсионных маршрутов. Этому способствовало сооружение удобной и своеобразной деревянной смотровой площадки. Её размеры, контуры и отдельные элементы на уровне второго-третьего венца повторяют соответствующие параметры башни 1410 года (рис. 62). Объект, по нашему мнению, стал хорошим способом мемориализации замечательного памятника русского оборонительного зодчества¹³.

- ¹ Более полная информация представлена во введении.
- ² Крадин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. М., 1988. С.16.
- ³ Травкин П.Н. Археологическое изучение Плёса в 1988–89 гг. // Материалы третьей научно-практической конференции «Проблемы изучения Плёса». Плёс, 1990. С. 11.
- ⁴ Травкин П.Н. Находки из плёсских жилищ первой половины XV века. // АПВКМ. Иваново, 1992. Вып.7. С. 3–10.
- ⁵ Древности Московского Кремля. // МИА. М., 1971. № 167. С.122, 223.
- ⁶ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е 1–36. М., 1966. Табл. 30,70.
- ⁷ Раппопорт П.А. Очерки... С.136–140.
- ⁸ ПСРЛ. Л., 1982. Том 36. С.168.
- ⁹ Халтурин В.Ю. Плёсская таможенно-оборонительная система. // Тезисы докладов областной научно-практической конференции «Вопросы изучения Плёса». Плёс, 1987. С. 22–25.
- ¹⁰ ПСРЛ. С. 74.
- ¹¹ Травкин П.Н. Находки... С.9.
- ¹² Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. С.118–123. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1987. С.386.
- ¹³ Первая публикация: Плёсская крепость 1410 г. // Плёсский сборник. Плёс, 1993. Выпуск I. Повторная публикация расширена, в неё добавлены иллюстрации, внесены поправки.

Глава V

*Жилые и хозяйственные
комплексы первой
половины XV века*

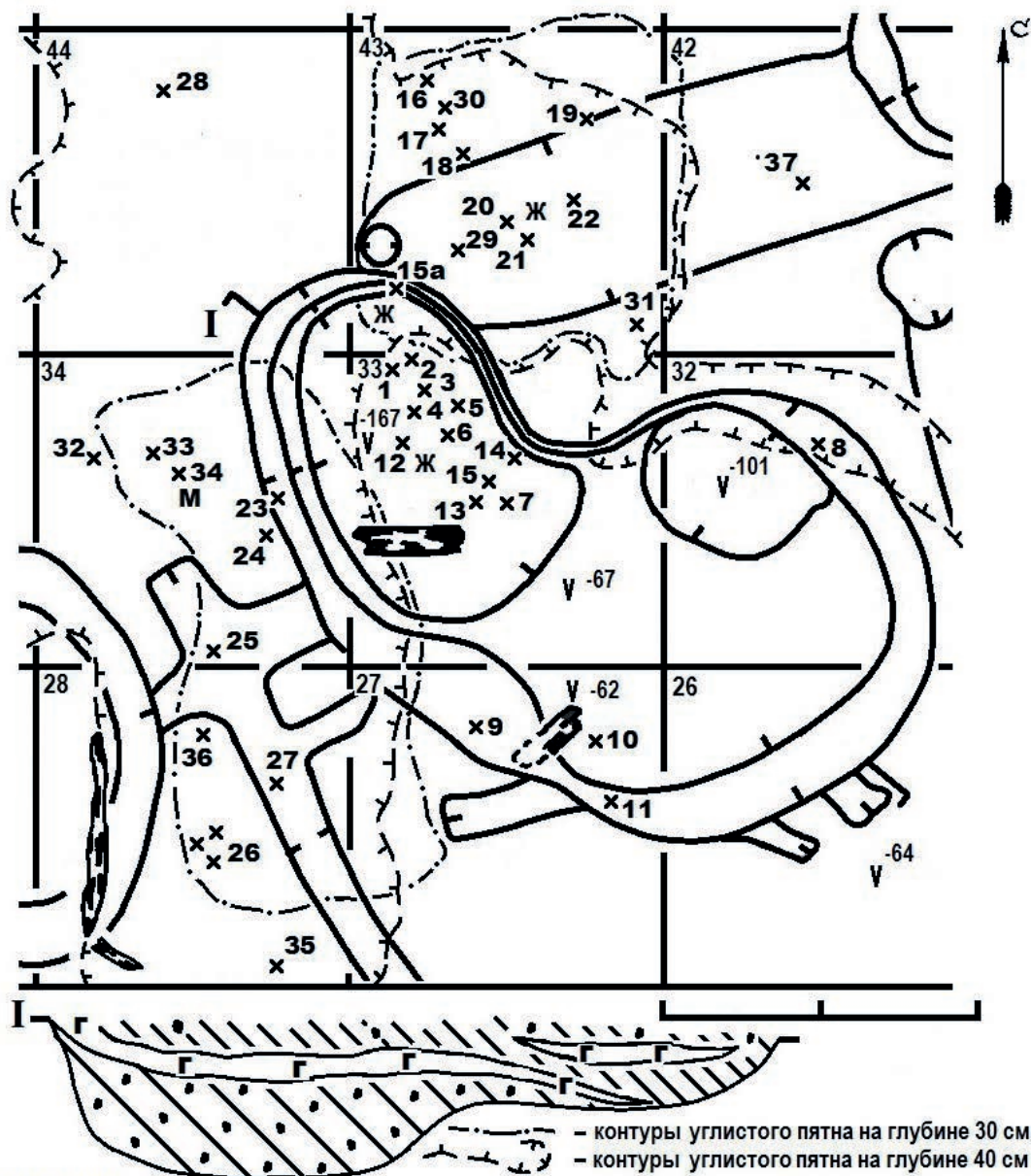
Культурный слой в раскопах Плёсского городища, как уже выше указывалось, имел особенность, значительно облегчающую его исследование: верхний горизонт представляет собой темно-серый (местами почти чёрный) пласт и связан с постройкой новой крепости в 1410 г. и функционированием её до середины XVI столетия. Нижняя граница пласта, на фоне более ранних светлых отложений, в раскопах определялась, как правило, довольно чётко.

Археологические комплексы 1 половины XV в. фиксировались в нижней части тёмно-серого слоя и встречались в основном в северо-восточной части исследуемой нами площади городища. На месте жилищ оставались развалы глинобитных печей; в тёмно-сером слое, с самого начала его отложения, выделялись остатки больших печей сложной конструкции, а под ними – подполья, состоявшие, как правило, из спаренных ям; на уровне материка контуры подполий имели более или менее правильную восьмёркообразную форму.

Такого рода комплекс был обнаружен в квадратах 26–28, 32–34, 43–44 раскопа 1989 года (рис. 63). Основанием для его датировки послужили две одинаковые серебряные монеты эпохи Василия Тёмного, отчеканенные между 1425 и 1446 гг. (по определению П.Г. Гайдукова). На одной стороне денги изображена голова в уборе, с круговой надписью «осподарь вся Руси» (читаются отдельные буквы); с другой стороны –

всадник с копьём, из круговой надписи «князь великий Василий» различимы отрывки КНЯ и ВЕ. Одна из монет (обломок) найдена в развале печи, над погребом, другая (целая) – в углистом слое, окружавшем и ча-

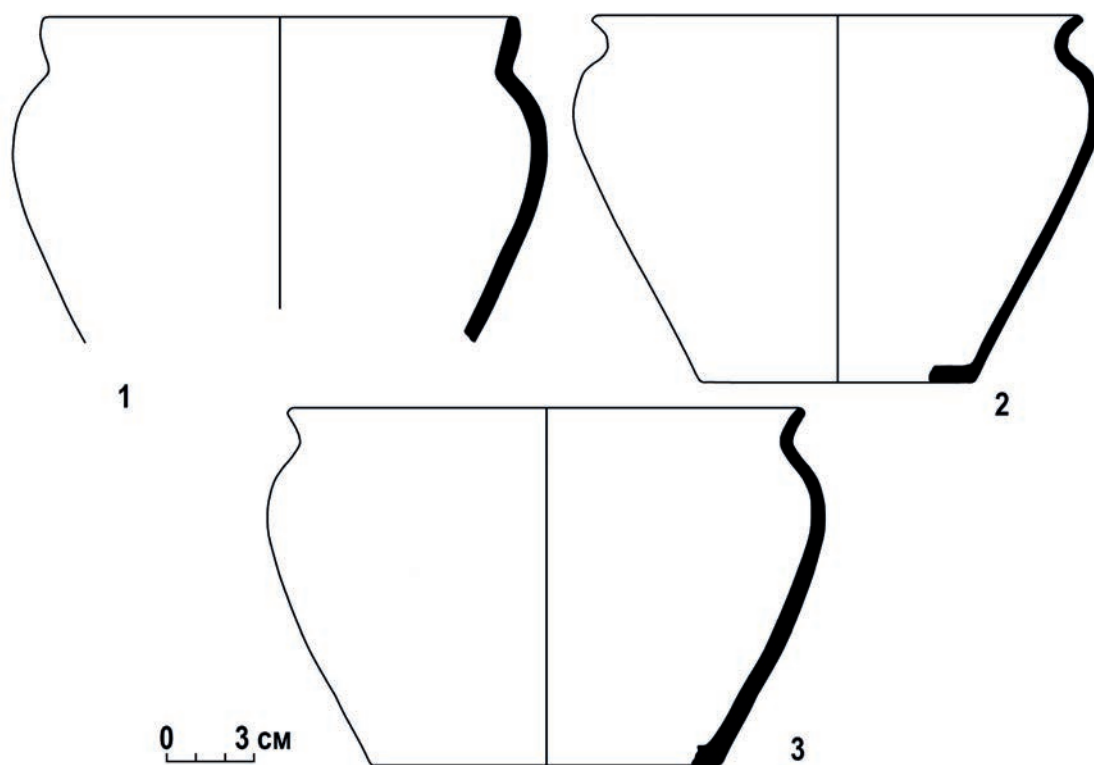

Находки в яме:

1. Нож с остатками костяной рукояти. 2. Энкалпцион. 3. Костяная рукоять. 4. Кольцо пряжки. 5. Нож. 6. То же.
  7. Фрагмент поливной керамики. 8. Фрагмент донца сосуда с клеймом. 9. Обломок топора. 10. Ключ. 11. Керамическая крышка сосуда. 12. Дужка навесного замка. 13. Денга Василия Тёмного. 14. Развал сосуда.
  15. Фрагмент швейной иглы. 15а. Обломок стеклянного браслета.
- Находки в углистом слое на глубине 20-30 см: 16. Точильный брусок. 17. Фрагмент зооморфной фигурки. 18. крестик каменный. 19. Нож. 20. Рыболовный крючок. 21. Заготовка пряслица. 22. Нож. 23. Фрагмент чаши. 24. Обломок пряслица. 25. Заготовка пряслица. 26. Развалы двух сосудов. 27. Донце с клеймом.
- Находки в углистом слое на глубине 30-40 см: 28. Грызла конских удил (фрагмент). 29. Нож. 30. Точильный брусок. 31. Рамка пряжки. 32. Фрагмент нутряного замка. 33. Обломок ножа. 34. То же. 35. Обломок серьги. 36. Обломок денги Василия Тёмного. 37. Энкалпцион.

Рис. 63. Остатки жилища в квадратах 26–28, 32–34, 43–44 раскопа 1989 года.

стично перекрывавшем яму (рис. 69, 10 и 65, 9). Углистый слой залегал в нижней части вышеуказанного тёмно-серого напластования.

Рис. 64. Развалы сосудов в кв. 32 и 28 на глубине 27–40 см.

Углистые включения выявились обширными пятнами на глубине 30 см к северу и западу от пятна развала печи и частично в пятне развала печи (см. контуры: рис. 63). Развал, никак не выдававший себя при прохождении первого пласта и первых сантиметров второго, при зачистке на глубине 30 см уже представлял собой чёткое овальное пятно глины и угля, с примыкавшим с востока зольным пятном, общими размерами 3,6 x 1,8 м (кв. 32–33). Углистое пятно с севера отличалось концентрацией находок бытовых вещей. Среди них рыболовный крючок, точильный брусок, три ножа разной степени сохранности: один, вероятно, столовый, с остатками костяной рукояти, и два рабочих, универсальных, с узким черешком и достаточно широкой спинкой (рис. 65, 4–5).

Из керамических фрагментов преобладают сероглиняные, трёхслойные в изломе, с добавкой дресвы. Почти все обломки – от горшков, имевших отогнутый венчик и следы дресвяной подсыпки на днищах

(рис. 64, 1,3). На одном из днищ неясные следы клейма. Примечателен крупный фрагмент чаши для вина с волнистым орнаментом внутри и снаружи¹, а также сломанная в процессе обработки заготовка пряслица и два изготовленных из стенки сосуда обточенных каменных диска, служивших, вероятно, фишками для настольных и иного рода игр (подобные достаточно часто встречались на городище в отложениях XIV–XVI веков) (рис. 65, 1–3). Обломок витого стеклянного браслета и крестовидная подвеска, выполненная из мягкого камня, обычны для домонгольских комплексов и могли попасть в данный углистый слой в результате перекопа (рис. 65, 6,8). Но мы вправе допустить их прямую связь с отложениями рассматриваемого периода: стеклянные браслеты ещё не вышли из употребления, а подобные крестики, по замечанию М.В. Седовой, «определённой датировке не поддаются, так как такие формы бытовали длительное время»².

С юго-восточной стороны, в полутора-двух метрах от местонахождения печи и ямы, в квадрате 25 при зачистке на той же глубине также оконтурилось углистое пятно. Оно не отличалось большим количеством находок, но могло быть связано с интересующим нас комплексом. На глубине 29 см в нём найден крест-энколпион (рис. 65, 10). Две створки (размеры 6,4 x 3,5 см), в сложенном состоянии, изготовлены из тёмно-жёлтой бронзы. В среднике передней створки помещена фигура Христа с орудиями страстей. Ниже стоп – Голгофа. Над головой в нимбе монограмма ИСХС и выше – изображение птицы над Уготованным Престолом с резными столпами по бокам. Лоток основания занят изображением четырёх витых столпов храма с завесой, упавшей, согласно мифу, в момент смерти Христа. На оборотной стороне – пять фигур высоким рельефом. В лотке вершины, видимо – погрудное изображение Спаса. Ниже – в полный рост фигура святого патрона-покровителя хозяина данного мощевика; эпитафия НИ КО указывает на св. Николая. Справа и слева от него изображены крылатые фигуры архангелов Михаила и Гавриила. В лотке основания, вероятно, помещена фигура Иоанна Крестителя с детской фигурой у левого плеча³.

Похожий энколпион, и тоже в сложенном состоянии, обнаружен в тёмном насыщенном слое квадрата 42, несомненно, связанном с угли-

стым пятном кв. 43, в непосредственной близости от него, на глубине 30 см (рис. 65, 11). На лицевой стороне изделия, выполненного из тёмно-жёлтой бронзы, виден чёткий рельеф Распятия, тело Христа прогнуто влево, голова склонена влево, ладони и стопы непропорционально велики. Под руками – погрудные фигуры предстоящих, над головой монограмма ИСХС и выше её – фигуры слетающих Небесных Сил. Обращает на себя внимание глубокий лоток створки: вероятно, предусматривалось эмалевое покрытие, но в данном случае оно отсутствовало. Центральную и нижнюю часть второй створки занимает удлинённых пропорций фигура святого в епископском облачении. По бокам на пе-

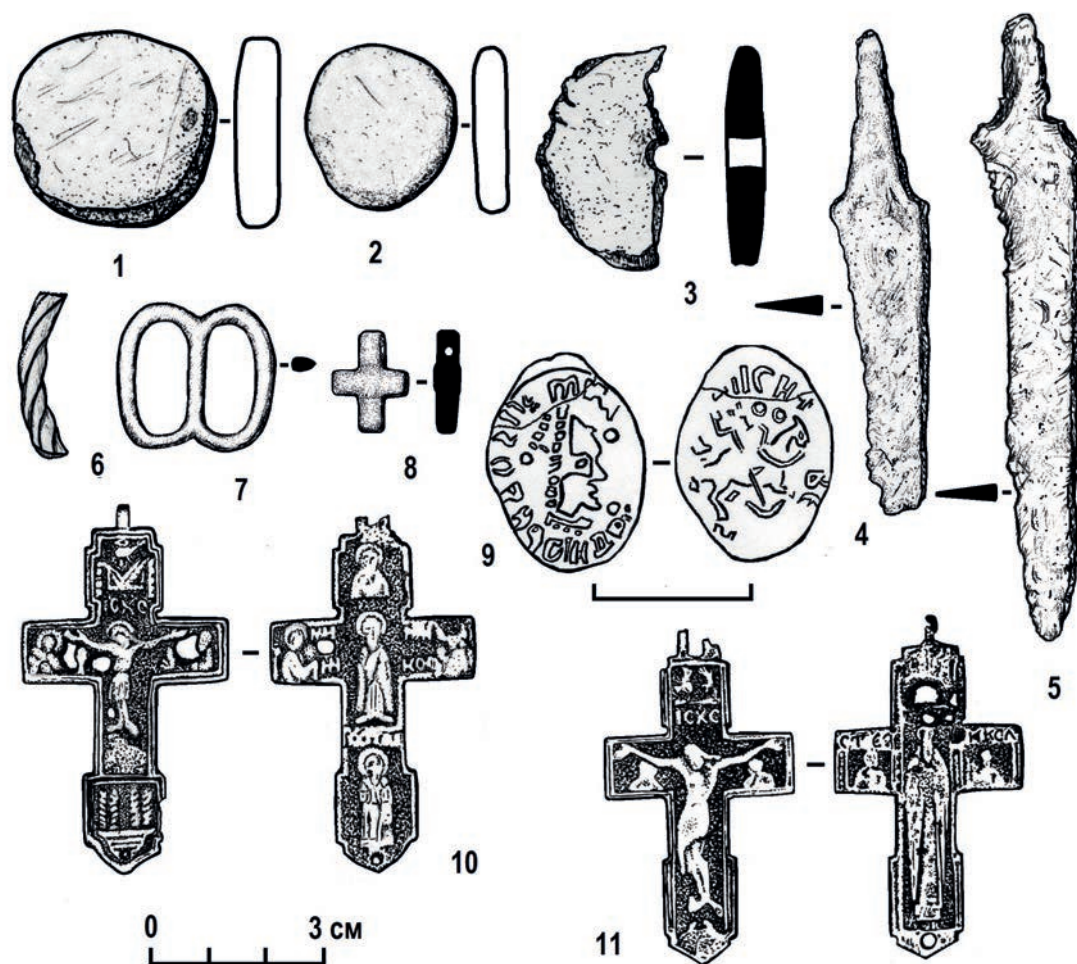

Рис. 65. Находки в углистом слое (кв. 26–28, 32–34, 43–44 раскопа 1989 г.).
1–2 – игральные фишки; 3 – фрагмент заготовки пряслица; 4–5 – ножи;
6 – обломок браслета; 7 – рамка пряжки; 8 – крестовидная подвеска;
9 – обломок монеты; 10–11 – энколпионы.
1–3 – керамика; 4–5 – железо; 6 – стекло; 7,10–11 – медный сплав;
8 – камень; 9 – серебро.

рекладине помещены погрудные изображения святых и над головами монограммы СТЕФ и НКОЛ⁴.

В углистом слое с западной стороны жилого комплекса, в непосредственной близости от найденной здесь монеты Василия Тёмного (кв. 28), прослежены развалы двух горшков, выполненных в местной гончарной традиции – сероглиняных, с добавкой дресвы, с трёхслойным в изломе черепком (рис. 64, 1,3).

На глубине 30–40 см углистое пятно значительно расширилось к северу и западу. В кв. 28 его чёткой границей служила полоса горелого

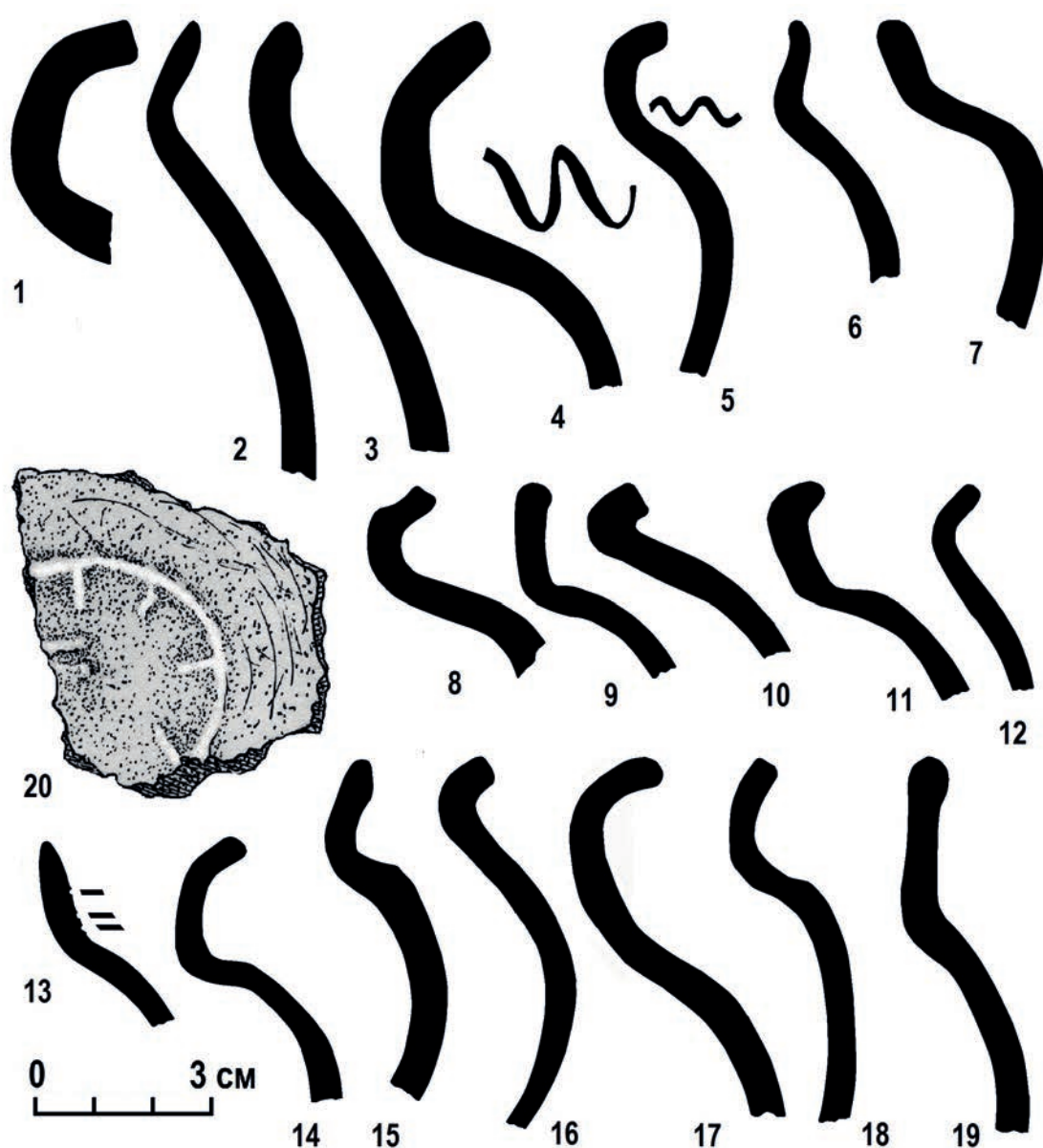

Рис. 66. Керамика из подпечной ямы жилого комплекса в кв. 26–27, 32–34, 43–44 раскопа 1989 г.

дерева длиной чуть более полутора метров и шириной до 0,2 м. В непосредственной близости от интересующей нас печи и подпечной ямы в углистом наложении продолжали встречаться многочисленные фрагменты разнообразной керамики (в том числе лощёной), но с преобладанием довольно грубой круговой, неорнаментированной, типа рис. 64, 2. Из индивидуальных находок выделим фрагментированные грызла конских удила и швейную иглу (уже в пределах площади подпечной ямы, в заполнении) (рис. 69, 12, 15), восьмёркообразную бронзовую пряжку (рис. 65, 7), а также обломки двух ножей, позолоченной серьги-одинца и второй из упомянутых монет.

На глубине 50 см зачистка выявила часть восточного и западного края ямы – на фоне вышедшего более раннего светлого слоя. Часть углистого напластования сохранилась только в виде окружавшего яму с севера пятна размером 2 x 0,7 м. Остатки печи над слоем заполнения выглядели извилистой полосой по южному и юго-западному краю ямы. Вышеупомянутая полоса горелого дерева (обгоревшего бревна) в кв. 28 (западный край жилища?) продолжала прослеживаться до глубины 52 см, где под ней встречены, видимо, специально подложенные под бревно нижнего венца сруба, камни (преимущественно колотые очажные).

Полный контур ямы погребя выявился на глубине около 55 см, на фоне материка. Погреб состоял из двух спаренных ям и в плане имел форму неправильной восьмёрки. Общая длина составляла 5 м. Ширина наиболее крупной ямы была 3 м, контур почти округлый, сечение линзовидное, глубина достигала 0,5 м от уровня материка. Меньшая яма имела ширину 1,7 м, но была более глубокой (до метра). Заполнение погребя слоистое (рис. 63, *разрез I*). Верхнюю треть занимал серо-чёрный культурный слой с включением углей, под ним прослойка печины. Ниже шёл мощный углистый слой с большим количеством костей (в основном домашнего рогатого скота и крупных рыб), а также керамики и очажного камня. Сохранились скудные остатки деревянных креплений погребя: в частности, в кв. 27 фрагмент бревна с врезанным в западную стенку погребя концом.

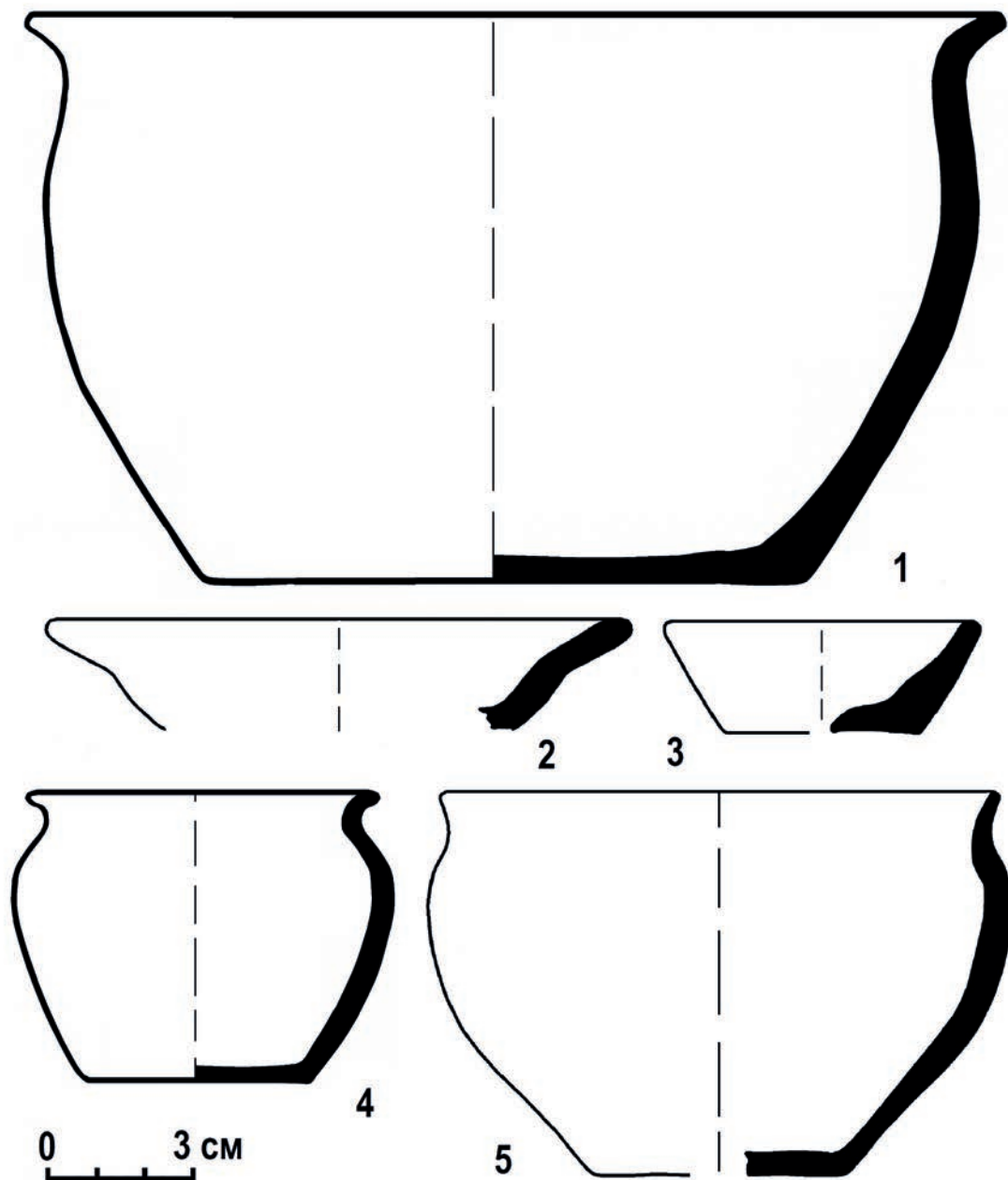

Рис. 67. Развалы сосудов в яме погребя (кв. 26, 32–34 раскопа 1989 г.).

Керамические остатки (как и другие вещевые находки), были сосредоточены в основном в северо-западной, заглублённой половине погребя. Следует отметить их обилие и разнообразие. Явно преобладала сероглиняная посуда (около 600 фрагментов), в том числе в виде развалов. Изделия в целом не отличались изяществом, выполнены на медленно вращающемся гончарном круге методом жгутового налёпа, из теста с примесью дресвы, песка и органики (навоза). Черепок на сломе, как правило, трёхслойный, что является следствием кратковременного

обжига при высокой температуре. Днища плоские и со следами дровяной подсыпки. На одном из них, с зольной подсыпкой, читается клеймо в виде круга с короткими спицами (рис. 66, 20).

Некоторые формы сосудов восходят к традиционным финским (один небольшой горшок – лепной, слегка подправленный на круге) (рис. 67, 1,5) и древнерусским «курганного типа». Примечательны крышка от миниатюрного сосуда (рис. 68, 1), тарель, миниатюрные мисочка и «питный» горшочек (рис. 67, 2–4).

Здесь же встречены несколько красноглиняных обломков, выполненных в той же технике (рис. 66, 1–2). Один красноглиняный фрагмент – с зеленоватой поливой; встречались фрагменты посуды из серой глины, но покрытые тонким слоем красной жирной глины по внешней поверхности. Есть единичные образцы белоглиняной (тонкостенные, но крупные сосуды из глины с небольшими добавками песка), в том числе с частым орнаментом из узких линий под краем венчика; однако венчик еще не имеет утолщения овального или с подтреугольным сечением, как у более поздних форм (рис. 66, 13). Особого внимания заслуживает чернолощёный фрагмент со штампованным орнаментом (рис. 68, 2): подобная орнаментация известна на болгарских изделиях.

Рис. 68. Крышка миниатюрного сосуда и фрагмент сосуда с штампованным орнаментом.

В Булгаре могли быть изготовлены миниатюрные складные костяные весы для взвешивания монет, покрытые циркульным орнаментом. Один из двух встреченных на городище фрагментов находился в заполнении ямы погребца (рис. 69, 9)⁵. В яме найдены также две дужки навесных замков, вероятно, разных вариантов типа В, распространенного, по Б.А.Колчину, в XII – первой половине XV вв. (рис. 69, 1–2). Здесь же находился ключ от замка типа Г (XIII – первая половина XV вв.) (рис. 69, 6)⁶. Всё это также убедительно свидетельствует в пользу вышеуказанной датировки комплекса.

Безусловно, заслуживает внимания ещё один, третий по счёту в данном жилом комплексе крест-складень. Он не только сохранился в сомкнутом состоянии (внутри был неопределимый тлен), но и с оглавием (соединительной втулкой). На одной стороне оглавия изображён Серафим, на другой Этимасия. В среднике лицевой стороны мощевика помещена фигура Христа. Тело, как и на других образцах, прогнуто влево, длани и стопы увеличены. В верхней части – птица и, видимо, Престол Господень. В основании створки – четыре столпа храма и упавшая завеса. Обратная сторона энколпиона сильно потёрта от долгого ношения. Угадываются извивающиеся лозы Древа Жизни, а в образовавшихся медальонах – погрудная фигура Христа, под ним и над ним – херувимы (рис. 69, 18)⁷.

Из двух найденных в погребке точильных брусков один по оформлению больше связан с традицией домонгольского времени: в его верхней части просверлено отверстие для подвешивания к поясу (рис. 69, 8). Вероятно, для обитателей дома интерес представлял не брусок как орудие (сохранился только его обломок), а тот мягкий поделочный материал (похожий на волынский шифер), из которого он сделан. Косвенным доказательством тому служит найденное в той же яме каменное пряслице. Вновь следует вспомнить, что в результате ордынского нашествия прервалось поступление на Верхнюю Волгу цветного поделочного камня из волынских земель, и в последующие один-два столетия местные мастера пытались заменить шиферные изделия поделками из камня местных осадочных пород. Об этом красноречиво свидетельствуют находки

из Плёса XII–XV вв. И в данном комплексе пряслице, диаметром 2,3 см, выполнено токарным способом из местного сланца (рис. 69, 14).

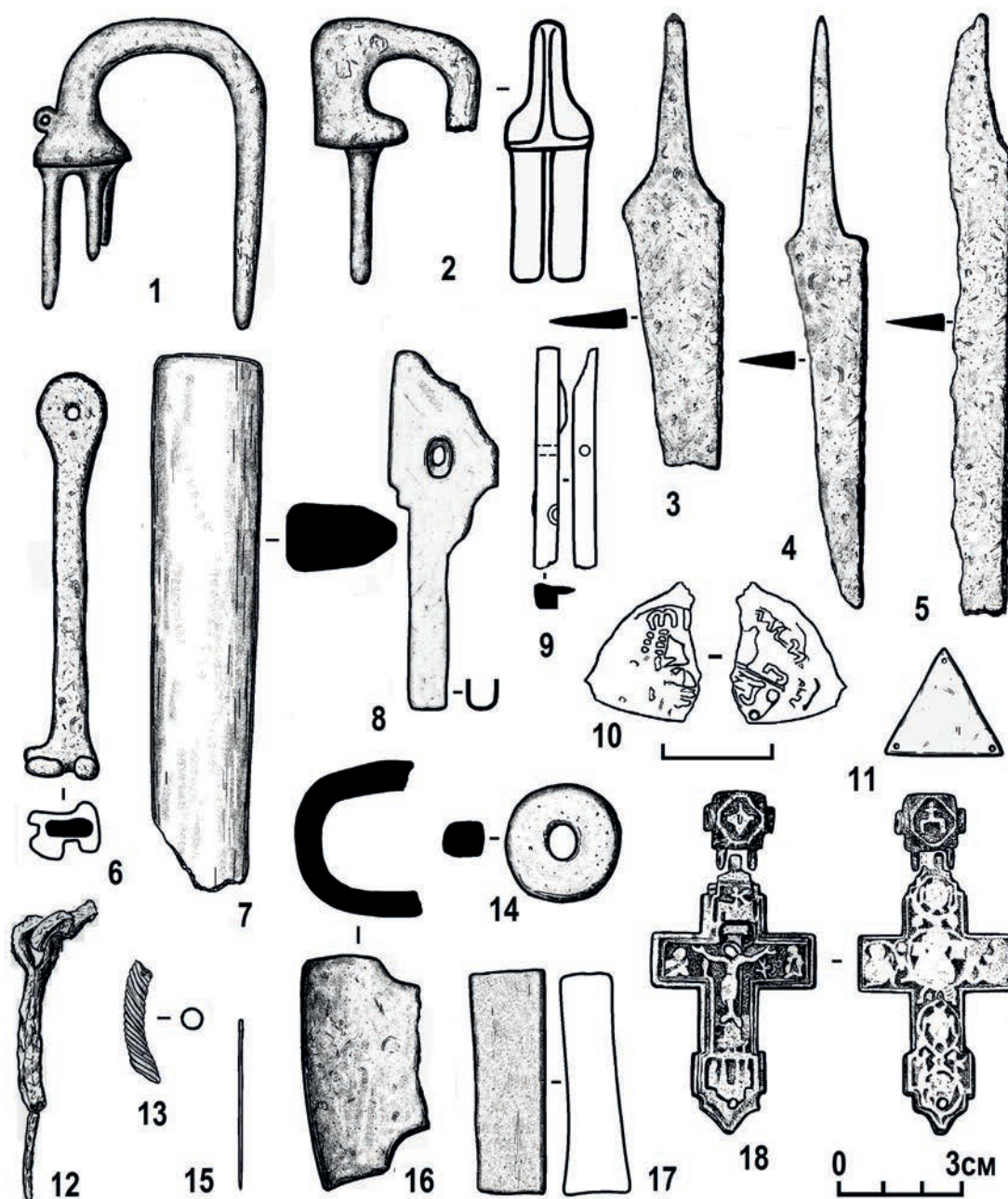

Рис. 69. Находки в яме погребя в кв. 26–27, 32–34, 43–44 раскопа 1989 г.

1–2 – дужки замков; 3–5 – ножи; 6 – ключ; 7 – рукоять ножа;

8 – фрагмент точильного бруска; 9 – фрагмент весов; 10 – монета;

11 – накладка (нашивка); 12 – грызла удил (остатки);

13 – обломок стеклянного браслета; 14 – пряслице; 15 – игла;

16 – фрагмент топора; 17 – точильный брусок; 18 – энколпион.

1–6, 12, 16 – железо; 7, 9 – кость; 8, 17 – камень; 10 – серебро;

11, 18 – медный сплав.

Пряслице и ряд других предметов свидетельствовали о присутствии в доме женщины. Среди находок мелкий обломок какого-то биллонового украшения, медная игла, обломок стеклянного браслета, а также – вероятно, одежная – нашивная бляшка из медного сплава треугольной формы (высота треугольника 2,5 см) (рис. 69, 11). В связи с последней целесообразно обратить внимание на «бляшки нашивные тиснёные» новгородских древностей, той же формы, что и плёсская, и также с отверстиями по углам; позднейшая из подобных датируется 1 половиной XV века⁸.

Частыми находками в жилых комплексах являются ножи. Два из найденных в подпечной яме представляют собой обычные хозяйственные, универсальные по назначению (рис. 69, 3–4). Третий имеет удлинённый и узкий клинок, что делает возможным отнесение его к ножам столовым (рис. 69, 5). Интересен обнаруженный здесь же фрагмент тыльной части топора: удлинённая вверх и вниз часть обуха уверенно относит изделие к эпохе развитого средневековья. С XV века в Москве фиксируется подобная манера обеспечивать жёсткость крепления на топорище; удлинения обуха имеются на находках XVI–XVII вв. в прикамских, марийских землях⁹. У плёсской находки втулка для насаживания на топорище имеет пока ещё не треугольную, а более архаичную округлую форму, и мы склонны рассматривать данную находку как некий более старый, переходный вариант.

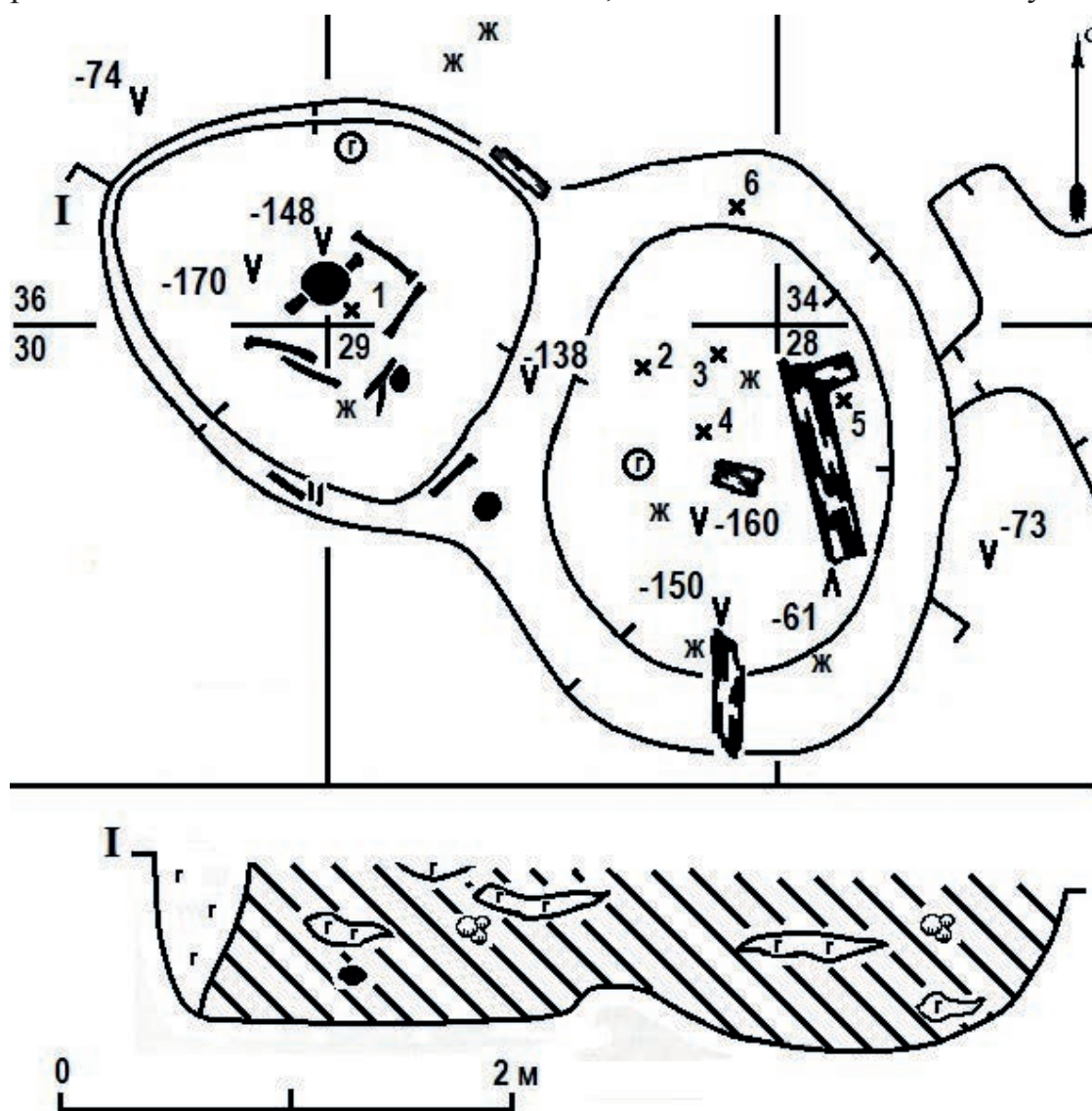
Таким образом, совокупность данных подтверждает датировку комплекса, указанную в начале его описания на основе находок монет Василия Тёмного. Комплекс представлял собой остатки более крупного, по сравнению с ранними плёскими, жилища, с большой глинобитной печью и двухкамерной подпечной ямой. При этом сруб по-прежнему ставился без фундамента, а под нижние венцы подкладывались камни в соответствии со строительными традициями, принятыми ещё в эпоху раннего средневековья. Полоса горелого дерева, которая неизменно прослеживалась в западной части квадрата 28 при прохождении двух археологических пластов (30–40 см и ниже) и ограничивала углистое пятно, представляла собой, очевидно, часть не до конца сгоревшей западной стены постройки. Подобное могло случиться, если пожар прои-

зошёл зимой, а стена дома в этом месте была особенно высоко и плотно присыпана снегом (традиция устройства подобных снежных завалин, ради сохранения тепла в избе, не исчезла в сельской глубинке и по сей день).

Похожий, но несколько более ранний комплекс, был прослежен в раскопе того же 1989 года, буквально в двух метрах к юго-западу от вышеописанного, в квадратах 28–30, 34–36.

Он был частично перекрыт вышеописанным углистым слоем, датированным монетой Василия Тёмного, и выявился только на глубине

Находки в яме: 1.Осколок стекла. 2.Нож. 3.Обрывок кожи. 4.Накладка с прорезью для ключа. 5.Фрагмент пряжки. 6.Дужка замка.

Рис. 70. Яма погребя в кв. 28–30, 34–36 раскопа 1989 г.

40–50 см – в виде тёмно-серого контура ямы уже на фоне светлых отложений XII–XIV веков. Яма имела вид неправильной восьмёрки и состояла из двух углублений, разделённых земляной перемычкой (рис. 70). Юго-восточное углубление шире, с овальным профилем, размерами 2,3 x 2 м. В сечении оно линзовидное, глубиной около 0,9 м от уровня материка, стенки имело наклонные. Второе (северо-западное) углубление имело почти такую же глубину, но было более узким и представляло в профиль треугольник с скруглёнными углами, размером 1,8 x 1,6 м. Дно его было горизонтальным, ровным.

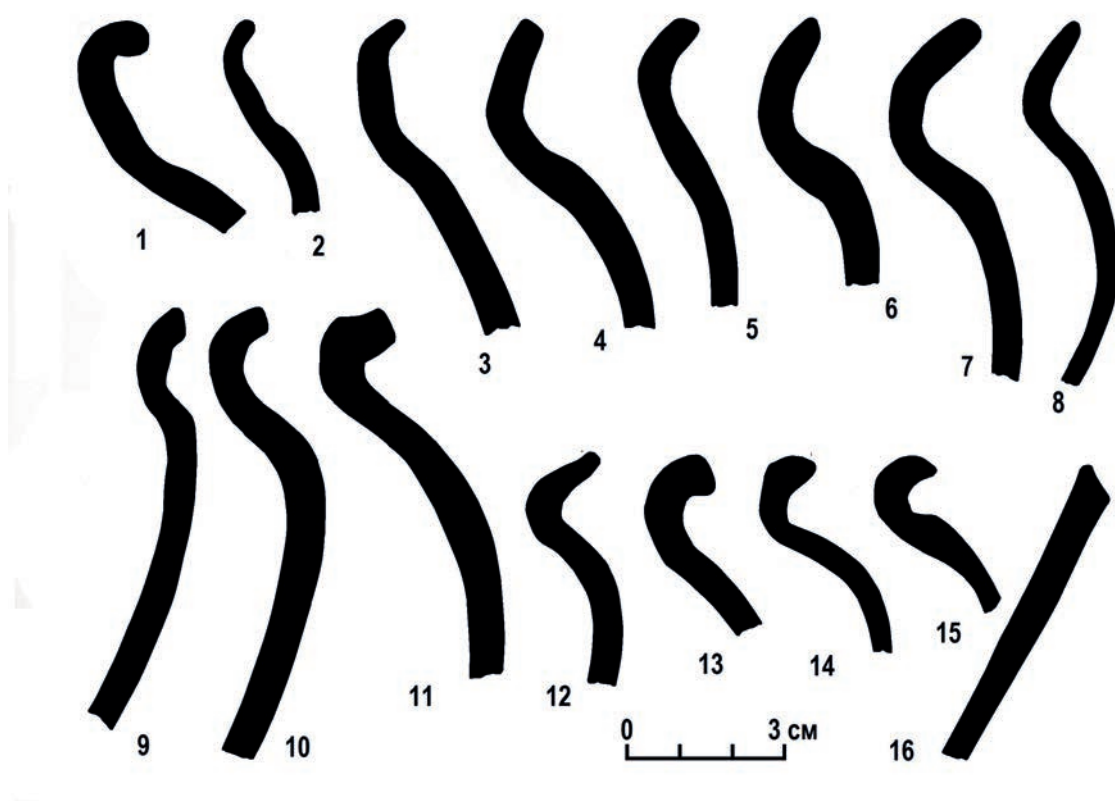
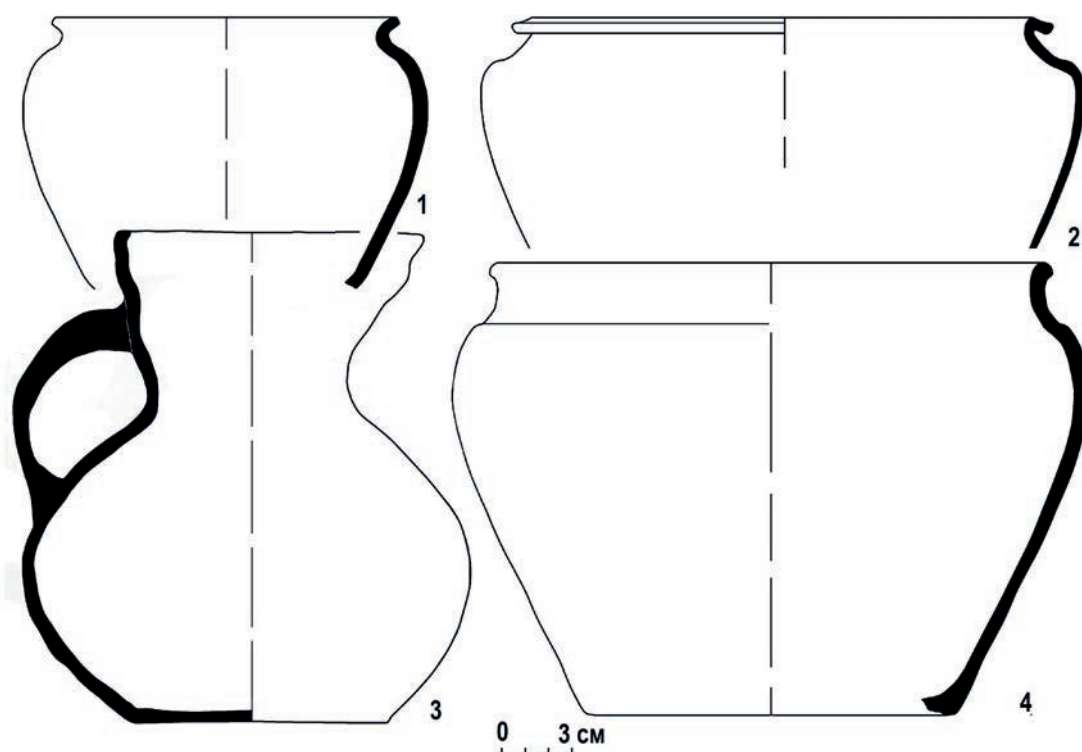

Рис. 71. Профили керамической посуды из ямы в кв. 28–30, 34–36.

Явные следы облицовки стенок подполья отсутствовали. Разрозненные фрагменты дерева встречались большей частью на уровне материка и могли быть остатками жилой постройки. Заполнение не однородное, представляло собой в основном серо-чёрный насыщенный слой, с небольшими прослойками и вкраплениями угля. Остатки печи, кроме разрозненных вкраплений полубожженной глины, фиксировались небольшими глинистыми прослойками в обеих частях ямы и на разных

глубинах – равно как и «рваный» валунный камень, имевший отношение к той же печи.

Керамика встречена преимущественно в широкой, юго-восточной половине подполья, где располагался собственно погреб, предназначенный для хранения не замороженных продуктов. Посуда представляла собой в основном тарные горшки из серой глины, вероятно, местного производства (около 300 фрагментов). Все венчики отогнуты наружу, некоторые формы ещё напоминают посуду «курганного» типа (рис. 71). Добавки в тесто: дресва мелких, средних и крупных фракций, песок, органика (навоз жвачных животных). Один образец имел красноватый цвет внешней поверхности, но тот же трёхслойный обжиг и остатки дресвяной подсыпки на днище (рис. 72, 4).

Рис. 72. Восстановленные формы посуды из ямы.

В заполнении ямы встречались единичные чернолощённые фрагменты – а также развал кувшина с чёрнолощеной поверхностью, высотой 20,5 см и диаметром 18,5 см (рис. 72, 3). От поздних образцов с территории городища (1 пол. XVI в.) он отличается менее выраженной шаро-

видной формой тулова и более походит на восточные, болгарские изделия с «приплюснутой» нижней частью¹⁰.

Немногочисленные иные находки также концентрировались в юго-восточном помещении подпола. Среди них два хозяйственных ножа с довольно широкой спинкой (рис. 73, 1–2). Пробой, судя по его размерам, предназначался не для запираания двери жилища, а для сундука, короба или укладки; возможно, к этой же ёмкости имела отношение и треугольная накладка с отверстием для поворотного ключа (рис. 73, 3–4). Также в погребе найдены неопределимый сильно коррозированный железный предмет, небольшой фрагмент навесного замка и невыразительные фрагменты кожи (обуви?).

Во втором, северо-западном углублении подпола из вещей, кроме нескольких обломков керамической посуды, найден мелкий, тонкий фрагмент стекла. Здесь же в заполнении выявлены человеческие останки – кости, частично в анатомическом порядке. Наибольшая часть костей находилась достаточно компактным скоплением в середине северо-западного отсека подпола, около его дна. Но несколько костей того же скелета были найдены в удалении – у южной стенки и в районе перемычки между отсеками. Кроме них, у краёв ямы найдено несколько костей детского скелета. Объяснение мы находим в том, что данное

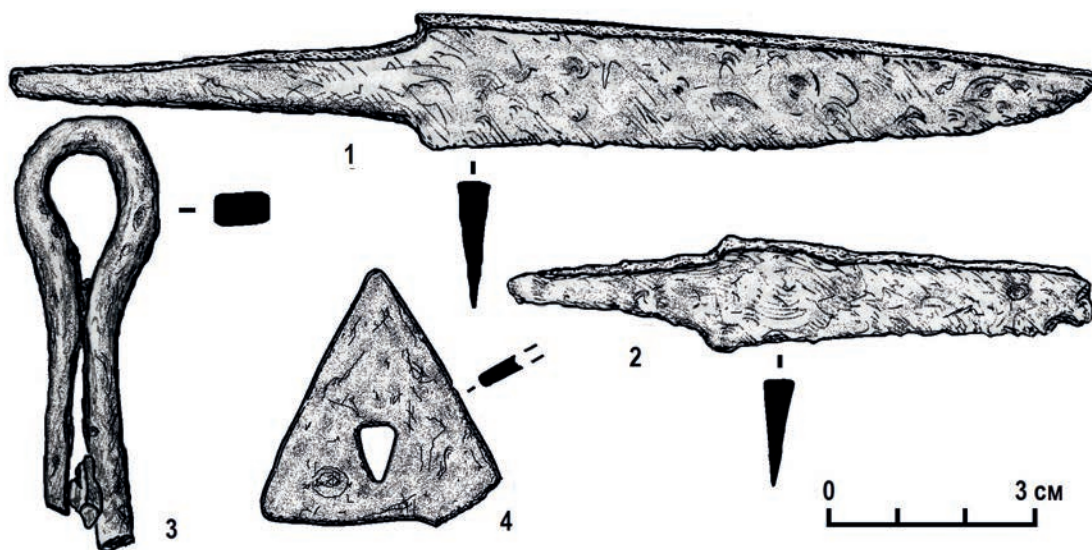

Рис. 73. Находки из погреба (кв. 28–29 раскопа 1989 г.).

1–2 – ножи; 3 – пробой; 4 – накладка.

1–3 – железо; 4 – медный сплав.

углубление подпола использовалось как ледник и не было заполнено в зимнее время – сезон передвижения войск по замерзшим рекам и вражеских атак на города и деревни. Возможно, одна из находившихся в крепости женщин (обитательница данного жилища?) воспользовалась пустым ледником как укрытием для себя и своего ребёнка во время военных действий, но из-за сильного переохлаждения или по каким-то иным причинам не смогла выбраться из него. Затем уже отдельные части мёртвых тел пытались вытащить из ямы животные.

Нельзя указать однозначно, с какими событиями всё это было связано. Необходимо вспомнить, что рассматриваемый жилой комплекс появился не раньше 1410 г., и его остатки в раскопе были перекрыты углестым слоем с монетами 1425–1446 гг. В данные хронологические рамки укладывается ранее упоминавшееся нашествие татар 1429 года. Кроме того, возможно, Плёс пострадал и во время «мамотяковщины», особенно если он действительно сгорел в набеге 1429 г. и какое-то время стоял без крепостных сооружений, как города Владимир и Кострома в самом начале XV столетия. «Того дни приде ис Казани рать изгоном – Мамотьяк царь да Ягуп салтан на великого князя. И бысть им бои и сеча зла у города Суздаля на поле, и битых бысть обоих много: и татар и руси. И одолеша татарове русь, и побегоша русь, и поймал царь великаго князя Василья Васильевичя да князя Михаила Андреевичя и в Казань свел». Трудно представить, чтобы при столь удачном исходе битвы победители не воспользовались возможностью грабежа окрестных земель; кроме того, из Суздаля через Плёс осуществлялся кратчайший выход на Волгу¹¹.

Довольно отчётливые остатки нескольких жилых комплексов, возникших в Плесе вскоре после возведения новых крепостных сооружений в 1410 году, были обнаружены в южном секторе раскопа 1995 года. Они начали прослеживаться уже к концу прохождения первого пласта раскопа. При этом здесь, в отличие от других исследованных участков городища, отсутствовали жилые комплексы и зримые напластования последних десятилетий функционирования крепости, а хронологически соответствующие им находки были единичны. К таковым, возможно, относятся найденные в кв. 112 на глубине 12–13 см от современной

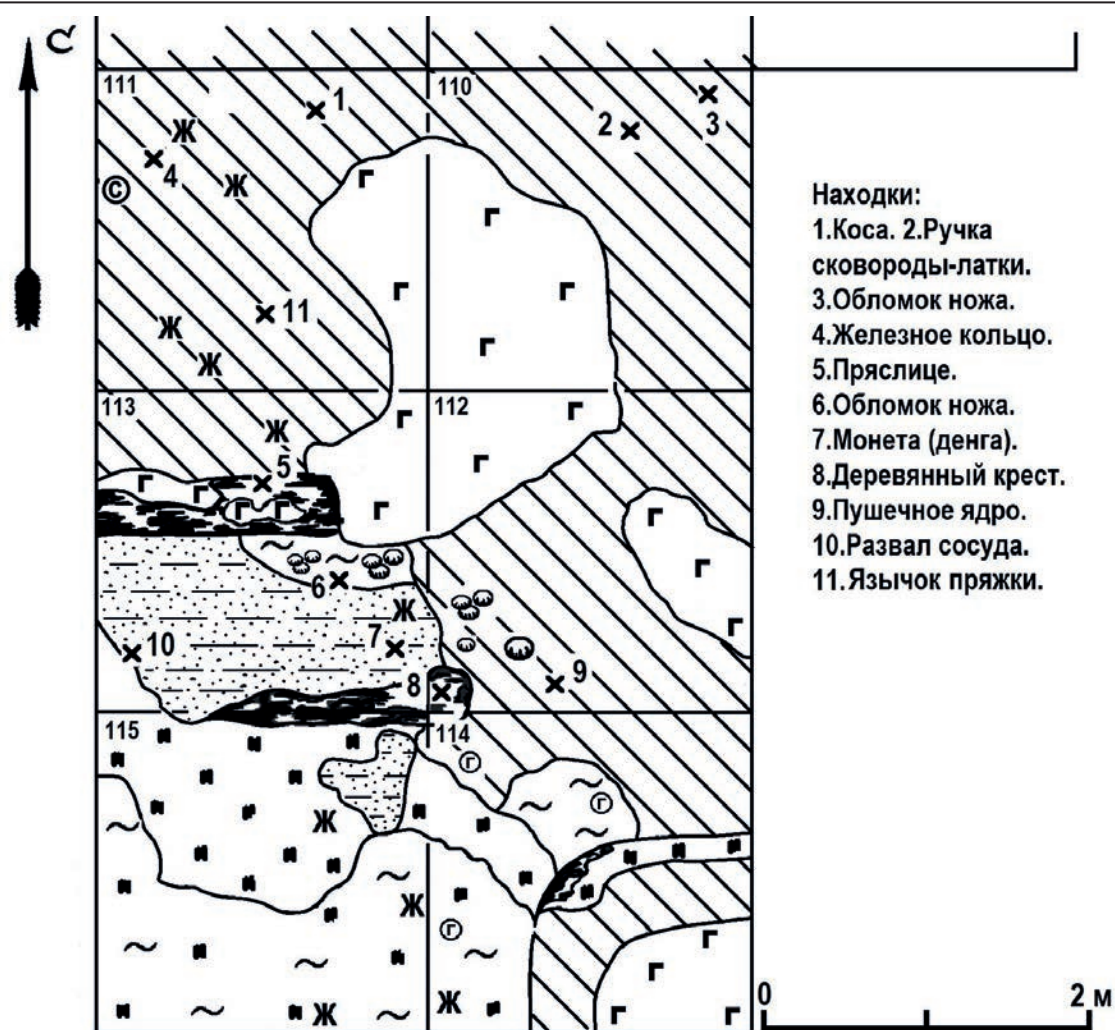

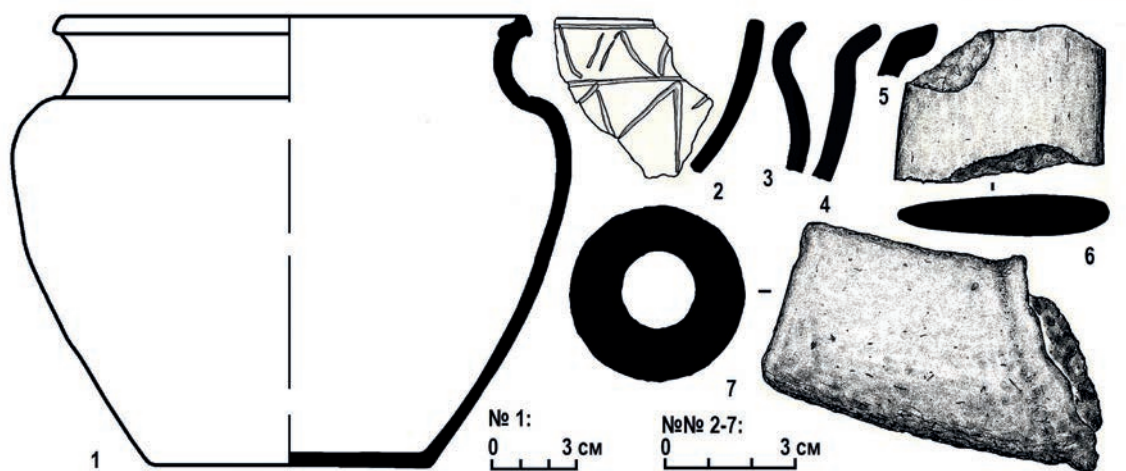
Рис. 74. Остатки печи в южной части раскопа 1995 года на глубине 30 см.

поверхности нож и массивное железное орудие (рис. 76, 13), а также найденное там же на глубине 18 см височное кольцо, два аналога которому датируются на памятнике первой половиной XVI столетия¹². Вещи, к тому же, найдены над ямой, куда обычно с течением времени несколько проседают более поздние слои и предметы.

Итак, на глубине 15–20 см в квадратах 112–115 раскопа 1995 года выявились остатки однокамерной каменно-глиняной печи, а на глубине 30 см – следы её опечка (рис. 74). Северный край опечка обозначился в кв. 113 в виде двух параллельных, впритык один к другому, брёвен диаметром 0,2 м и крупных кусков обожженной глины на этих брёвнах. Такие же остатки – полосы горелого дерева – шедшие в том же направлении, выявлены в полутора метрах южнее. Между ними был слой прокалённого песка, который, видимо, служил засыпкой опечка под вы-

шележащим слоем валунного камня. С северо-восточной стороны от печка на глубине 30 см сохранялись остатки массива полубоженной глины (вероятно, свода данной печи). С южной наблюдался углистый слой (далее углисто-золистый) с пятнами просыпавшегося из короба печка прокалённого песка. Ниже всех этих слоёв и прослоек обычная в таких случаях подпечная яма отсутствовала.

Среди остатков печи и в соответствующих, вероятно, ей напластованиях (гл. от 20 до 40 см) встречались фрагменты в подавляющем большинстве сероглиняной керамической посуды (горшков), с отогнутыми наружу венчиками, трёхслойным обжигом, добавкой песка, дресвы и органики (навоза) в тесто. Сохранились образцы посуды с клеймами на днищах (рис. 76, 18–19). Единичны находки обломков белоглиняных горшков, ровного обжига и с более тонкими стенками. Кроме горшков в данном собрании имеется обломок чаши для вина, с характерным орнаментом (см. ссылку на статью о посуде для пира) и ручка-втулка от сковороды (рис. 75, 2, 7).

*Рис. 75. Посуда из слоя печи и связанного с ней жилища.
Кв. 111–115 раскопа 1995 г.*

Найдены два фрагмента керамики с поливой бежевого цвета (рис. 75, 3–4); посуда изготовлена из красной глины с небольшими добавками песка и мелкой дресвы. Также из красной глины с похожими добавками был изготовлен кувшин с зелёной поливой, прошедший кратковременный обжиг на сильном огне (черепок в изломе трёхслой-

ный); части его (фрагменты ручки и венчика) лежали на остатках горелого дерева (рис. 75, 5–6).

Отдельного внимания заслуживает развал сосуда из красноватой глины с добавкой песка, изготовленный на медленно вращавшемся круге (рис. 75, 1). Горшок находился в слое остатков печи, внутри опечка, причём под слоем его заполнения. Такое местоположение вряд ли можно считать случайным; мы можем допустить здесь очередной (отнюдь не первый из прослеженных на данном памятнике) случай неких священнодействий, возможно, строительного жертвоприношения.

В развале печи также найдена серебряная монета-денга. Она не была проволочной и не имела чётких изображений ни на одной из сторон. По форме и отдельным чертам чекана денга напоминала первые монеты московских князей (2 пол. XIV – сер. XV вв.). Там же, в развале печи, найден двухсторонний крест, изготовленный из ценной породы дерева (кипарис? самшит?). Крест обломан сверху – так, как если бы его резко срывали с шеи в попытке оборвать шнурок (рис. 76, 10). На месте слома сохранилась часть отверстия, вероятно, для металлического колечка, через которое пропускался шнурок. Новое отверстие просверлено ниже и сбоку. Длина сохранившейся части изделия 3,6 x 1,8 см. На лицевой стороне его довольно примитивно выполненное изображение распятого Христа. Руки раскинуты в стороны, туловище прогнуто влево (как на вышеописанных энколпионах), однако, насколько позволяет судить сохранность изделия, ноги широко расставлены, одежда больше напоминает подпоясанную русскую долгополую рубаху, орудия страстей и надписи отсутствуют (рис. 76, 10). Изображение на оборотной стороне ещё более условно, однако в фигуре угадывается тот же персонаж, что и на оборотной стороне представленного выше энколпиона (рис. 65, 11). Удлиненная фигура и борода связывают плёссские находки с каноническим изображением Сергия Радонежского. Известно, что почитание Сергия началось раньше его официальной канонизации, как раньше, чем на иконах, появились и его изображения. Для русских воинов личность Сергия приобрела особый смысл после победоносной Куликовской битвы и стала своего рода символом победы. А его изображения, надо полагать, использовались в свете победоносной магии. В этом от-

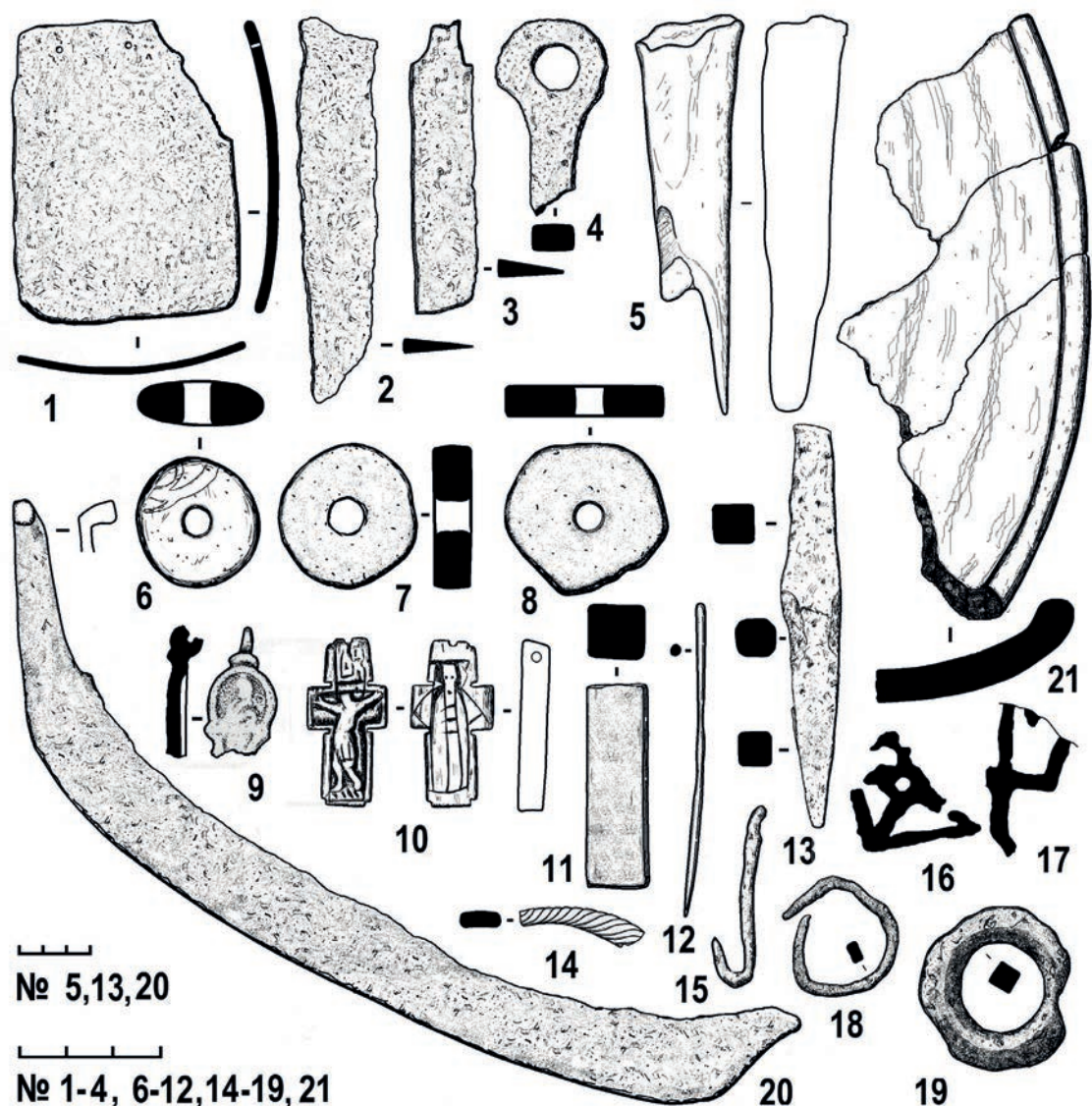

Рис. 76. Находки из развала печи и с близлежащих квадратов (южный сектор раскопа 1995 года).

- 1 – пластина доспеха; 2–3 – обломки ножей; 4 – пробой;
 5 – коток для плетения из бересты; 6–8 – пряслица; 9 – обломок складня;
 10 – крест; 11 – оселок; 12 – игла; 13 – кузнечное (?) орудие;
 14 – обломок браслета; 15 – рыболовный крючок; 16 – кольцо;
 17 – рамка пряжки; 18–19 – фрагменты гончарных клейм; 20 – коса;
 21 – обломок тарели.
- 1–4, 12–13, 15–17, 20 – железо; 5 – кость; 6, 11 – камень; 7–8 – керамика;
 9 – медный сплав; 10 – дерево; 14 – стекло; 21 – дерево.

ношении найденный крест сближается с другими христианскими принадлежностями-амулетами (складни, кресты с мировым деревом на обороте, иконки с дополнительными магическими начертаниями и т.п.). Учтём и то, что обитатели Плесской крепости в составе костромского

полка участвовали в Куликовской битве, дополнительным подтверждением чему может служить найденный в этом же жилом комплексе обломок креста, имеющего аналогию среди находок с места знаменитого сражения (рис. 76, 9).

Из атрибутов войны, найденных на месте жилища, отметим часть пластинчатого доспеха – пластину (10 x 8 см) с крепёжными отверстиями (рис. 76, 1). Она железная, никакого дополнительного покрытия на ней не отмечено. В кв. 112, в полуметре от остатков печка, на глубине (28 см) найдено пушечное ядро: по форме чуть вытянутый каменный шар (бело-розовый гранит), размерами 4,5 x 4 см, со следами подточки. Возможно, оно и стало причиной разрушения постройки, поскольку прилетело из-за пределов крепости и имеет на боку характерное тёмное пятно, остающееся после выстрела из пушки. Рамка пряжки характерного ромбического сечения (рис. 76, 17) могла иметь отношения к экипировке воина; подобные известны в древностях Булгара XIV–XV веков¹³.

Из железных хозяйственных принадлежностей отметим два обломка ножей, пробой, рыболовный крючок и полной сохранности косу-горбушу длиной 40,5 см (рис. 76, 2–4, 11, 15, 20). Массивный четырёхгранный предмет с одним острым концом мог быть кузнечным инструментом, но пригоден также и для дробления руды, и для «засекания» скоропортящихся продуктов или напитков в домашнем леднике (рис. 76, 13). Костяной инструмент с характерным прямым выступом – коток служил для работы с берестой (в отличие от изогнутого кочедыка для плетения из лыка) (рис. 76, 5).

С женскими рукоделиями связана найденная железная игла и три пряслица. Одно из пряслиц каменное, из серого валуна с зелёными прослойками (рис. 76, 16). Браслет (найден обломок) выполнен из прозрачного стекла цвета травяной зелени (рис. 76, 14).

В напластовании, с большой вероятностью связанном с комплексами 1 пол. XV в., обнаружен единственный встреченный на городище фрагмент деревянной посуды – край неглубокой тарели, выточенной на токарном станке (рис. 76, 21). Диаметр целого изделия составлял около 25 см. Местонахождение (кв. 115) может увязывать данный предмет как

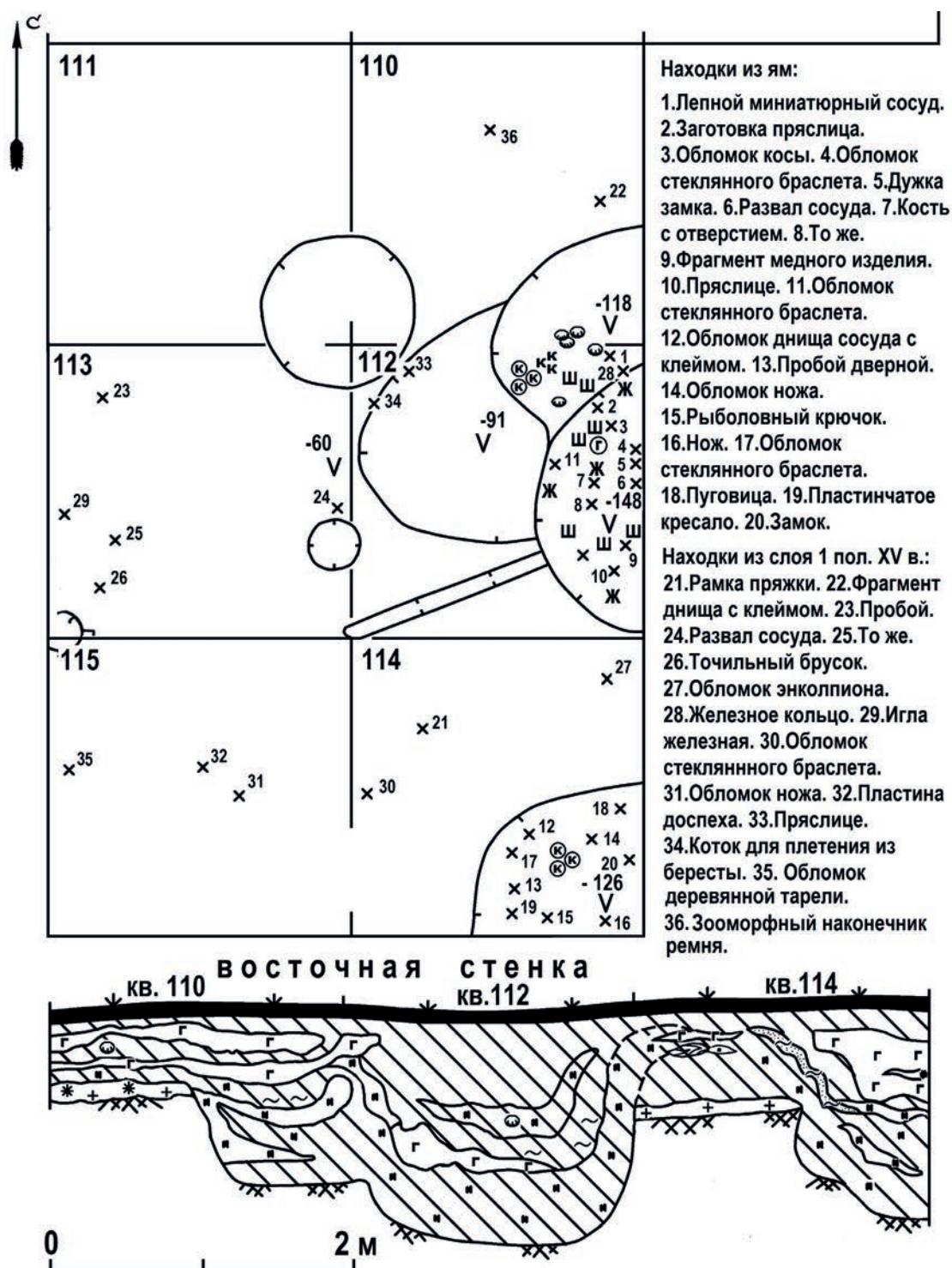

Рис. 77. Материальные ямы в кв. 110–114 раскопа 1995 года.

с развалом печи, так и с ямой в кв.114 (см. далее); чуть ниже глубины его залегания (43 см) тёмно-серый слой иссякал и наблюдалась граница с нижележащим, более светлым.

Наконец, отметим, что в хозяйстве владельцев сгоревшей постройки было много железных изделий, однако железо на данном участке отличалось плохой сохранностью. Найдено более двух десятков неопределимых предметов, кроме них – пять ломаных гвоздей.

На глубине 40 см в кв. 112, к востоку от остатков опечка, обозначились остатки другого жилого комплекса. Это были фрагменты глинобитной печи, частично просевшей в подпечную яму. Контуры самой ямы стали отчётливей проявляться на глубине 50–60 см и ясно обозначились на материке (рис. 77). Точнее, зачистка на уровне материка выявила три чашевидные ямы, перекрывавшие друг друга на разных глубинах. Парными среди них были две восточные, прорезавшие западную, заполненную в верхней отчасти выходящим наружу очажным «рваным камнем» с углями.

Восточные, уходящие в стенку раскопа, относительно неё были чуть более поздними и составляли (судя по профилю в стенке раскопа) обычную подпечную пару (погреб и ледник). Над погребом в профиле довольно ясно обозначалась истопка глинобитной печи: углистый слой толщиной от 7 до 12 см между верхним и нижним пластами глины; с юга к ней примыкала либо «чистая» камера, либо глинобитная лежанка, провалившаяся глубоко в погреб. Ниже остатков печи заполнение составлял почти чёрный насыщенный слой с углями.

Общая длина двухкамерной ямы составляла 2, 75 м, максимальная ширина от восточной стенки раскопа – 1, 9 м, максимальная глубина погреба относительно уровня материка достигала 1 м, ледника – 0,6 м. Дно относительно ровное, стенки почти отвесные, у дна наклонные. Какие-либо отчётливые следы, указывающие на облицовку стенок, отсутствовали.

Наибольшее количество находок, как и в иных случаях, отмечалось в более обширной яме погреба. В углистом заполнении у дна погреба собраны фрагменты сероглиняной керамики с отогнутыми наружу венчиками; имеются единичные экземпляры с линейным и волнистым орнаментом. Горшки (включая два восстановленных из развалов) изготовлены из обычных для региона глин, с добавлением дресвы и песка в тесто.

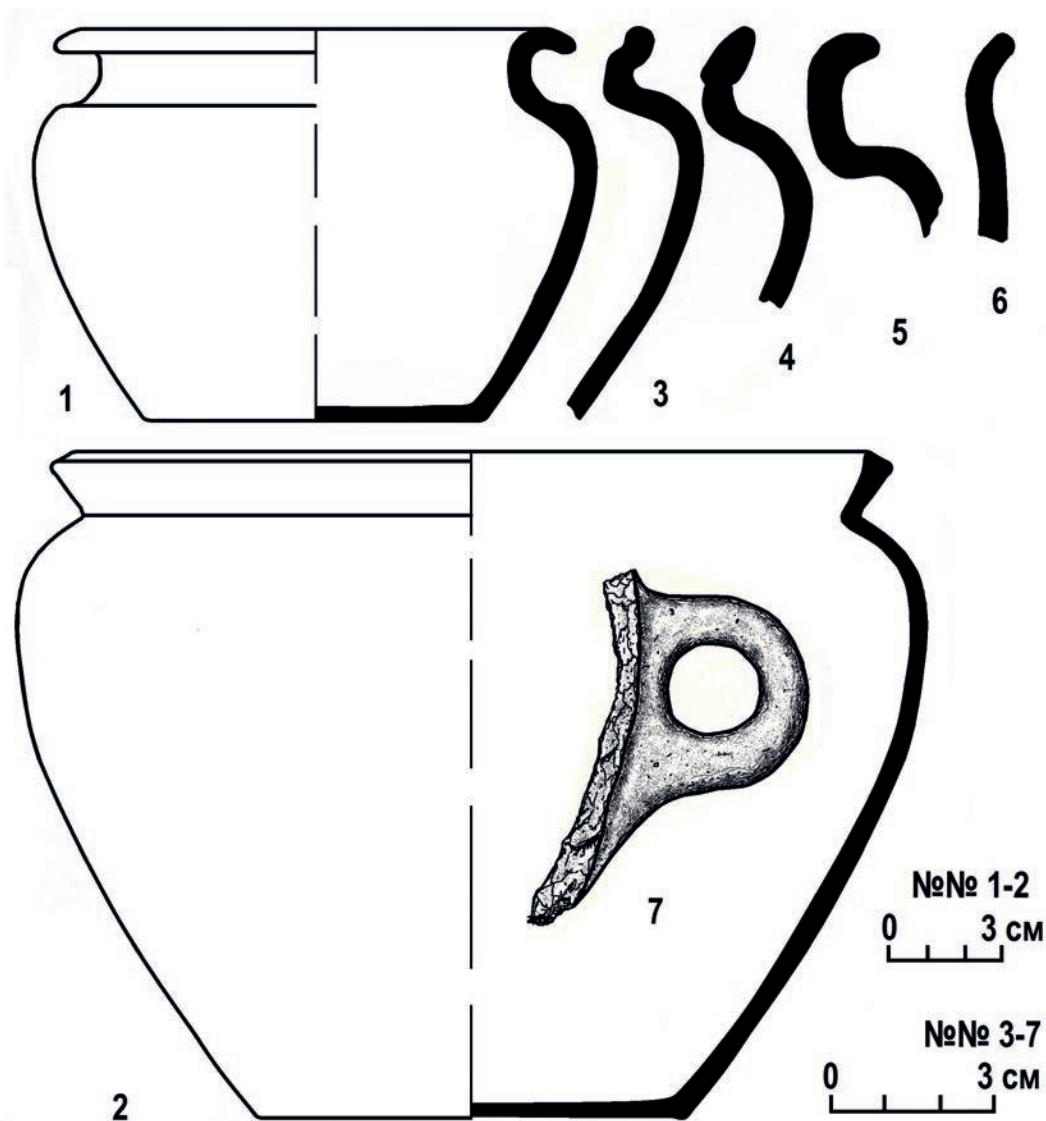

Рис. 78. Керамические находки из ямы в кв. 110, 112 раскопа 1995 г.

Более крупный, найденный в верхнем слое заполнения ямы (рис. 78, 2) имел чёрный в изломе черепок, снаружи коричневатый; возможно, он испытал сильный вторичный обжиг (в пожаре). Подсыпка под днище была зольная, край днища с небольшим валиком. Найденный ближе к дну горшок меньших размеров (рис. 78, 1), равно как и другие найденные здесь фрагменты сероглиняной посуды, получил короткий обжиг и имел трёхслойный в изломе черепок. Из примечательных форм отметим ручку сосуда (рис. 16, 7), а также красноглиняный венчик с двусторонней поливкой зелёного цвета (рис. 16, б). Чернолощёная и ангобированная посуда, образцы с вертикально поставленным венчиком, что характерно для более поздних комплексов, в заполнении ямы отсутствовали.

Примечателен найденный в яме лепной миниатюрный сосудик. Слеплен небрежно, вероятно, для одноразового использования. С ним могла быть связана и другая находка в яме: застывший выплеск цветного металла. Если учесть найденные здесь же, в яме, до десятка кусков стекловидного шлака, то всё это укажет на занятие ювелирным делом: обработка привозной «сырцовой» меди и производство здесь же (в данной постройке) ювелирных изделий. Вышеупомянутый лепной сосудик, в таком случае, предназначался для использования в качестве тигля (рис. 79, 2).

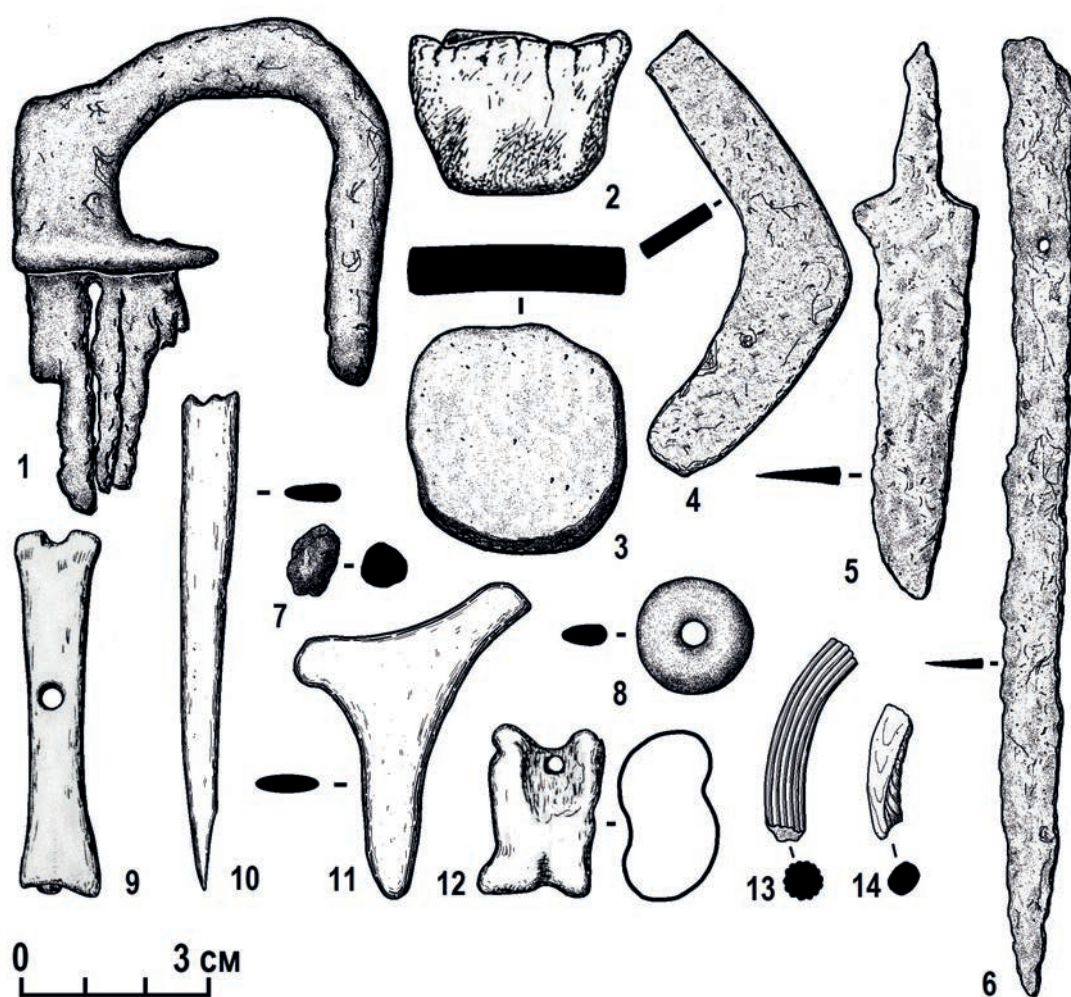

Рис. 79. Находки из ямы в кв. 110, 112 раскопа 1995 г.

- 1 – дужка замка; 2 – миниатюрный сосуд (тигель?); 3 – фишка;
 4 – предмет неизвестного назначения; 5–6 – ножи; 7 – слиток металла;
 8 – пряслице; 9 – приспособление для сучения ниток; 10 – острие;
 11 – коток; 12 – подвеска; 13–14 – фрагменты браслетов.
 1, 4–6 – железо; 2–3 – глина; 7 – медный сплав; 8 – известняк; 9–12 – кость;
 13–14 – стекло.

Из других встреченных в яме вещей следует обратить внимание на дужку замка типа В как на находку, важную для датировки комплекса: замки подобного типа, по мнению Б.А. Колчина, вышли из обихода в 1 пол. XV в.¹⁴ Из женских вещей укажем на небольшой выточенный из известняка грузик к веретену, кость с отверстием для сучения нити и два обломка стеклянных браслетов: один непрозрачного стекла (травяная зелень), другой прозрачный светло-зелёный, с продольно-рифлённой поверхностью (рис. 79, 8–9, 13–14). Для плетения из бересты предназначен некрупный костяной коток (рис. 79, 11). Ещё одно орудие из кости – проколка с косо срезанным к острию краем и подточкой на кончике (рис. 79, 10).

*Рис. 80. Контуры ямы в кв. 114 раскопа 1995 года на глубине 60 см.
Вид с северо-востока.*

Из определимых, сохранивших форму железных изделий в яме найдено два ножа: один короткий рабочий, с толстым лезвием, и один, вероятно, столовый – с тонким удлинённым лезвием и пластиной для двух боковых накладок рукояти (рис. 79, 5–6). Игровой фишкой (например, для игры в шашки или «кремешки», «камешки») мог служить один из более чем десятка найденных на городище дисков из обточенного обломка керамического сосуда¹⁵. А вот баранья кость, какие обыч-

но использовались для игры в бабки, в данном случае, вероятно, имела другое назначение. Местоположение просверленного в ней узкого отверстия свидетельствует, что кость носили как подвеску или держали где-то (в магических целях?) в подвешенном состоянии (рис. 79, 3, 12).

Как уже сказано выше, с данным жилым комплексом могли быть связаны находки из нижней части тёмно-серого слоя, в частности, фрагмент найденной в кв. 115 деревянной тарелки. К этому можно добавить фрагмент днища с остатками гончарного клейма из кв. 110.

Практически одновременно с вышеописанным, при зачистке на глубине 30 см, к югу от него, в кв. 114, выявились остатки ещё одного жилого комплекса. Судя по стратиграфии, эти комплексы, а также комплекс с печью в кв. 113, разделяло считанное количество лет, однако слой пожара последнего прорезался напластованиями (остатками печи), просевшими в подпечную яму в кв. 114. Точный контур ямы, в отличие от соседней (кв. 112), в вертикальном профиле (восточная стенка раскопа) не читался. Яма в кв. 114 вошла в раскоп только небольшой своей частью: на уровне материка вдоль восточной стенки раскопа на длину 0,9 м, вдоль южной – на 1,2 м (рис. 80). На глубине 30 см горизонтальный контур пятна имел подпрямоугольные очертания (со скруглённым углом), на глубине 60 см – округлые (рис. 77). На уровне материка яма имела наклонные стенки и ступенчатый выступ на середине глубины, общая глубина от уровня материка была около 0,6 м.

Центральную часть углубления заполнял массив развала глинобитной печи; его толщина составляла 0,4 м. Под ним заполнение ямы составлял тёмно-серый гумусированный слой с углистыми включениями и прослойками угля мощностью до 0,15 м. прослойки могут указывать на остатки пола постройки и облицовки стенок погребя.

Керамические остатки, собранные в яме кв. 114, похожи на образцы из ямы в кв. 110, 112: в основном тарная посуда из теста с добавками дресвы и песка, преимущественно с трёхслойным обжигом, горшки имели отогнутые наружу венчики и утолщенный край. На днище одного из них сохранилась часть клейма (рис. 81, 9). Из примечательных форм отметим сковороду (рис. 81, 10).

Как и в вышеописанной яме, в данной найдена часть замка (тип В), бытование каковых не выходит за рамки 1 пол. XV в. (рис. 81, 4). Пластинчатое кресало с кольцом имеет архаичную форму, восходящую к местным раннесредневековым финским образцам (заметим, что это не единственная такая находка на городище) (рис. 81, 3). В яме также найдены два ножа, один из которых был сломан, и обломок лезвия сточен к острию; в таком виде нож мог использоваться как угловой, например, для кроя кожи или бересты. Особенностью образца является также и то, что со стороны черешка имелось овальное расширение, откованное непосредственно при изготовлении ножа – упор для рукояти, роль которого в других случаях играла надеваемая на черенок медная пластина. Второй нож из ямы был столовый: с тонким лезвием и пластинчатым

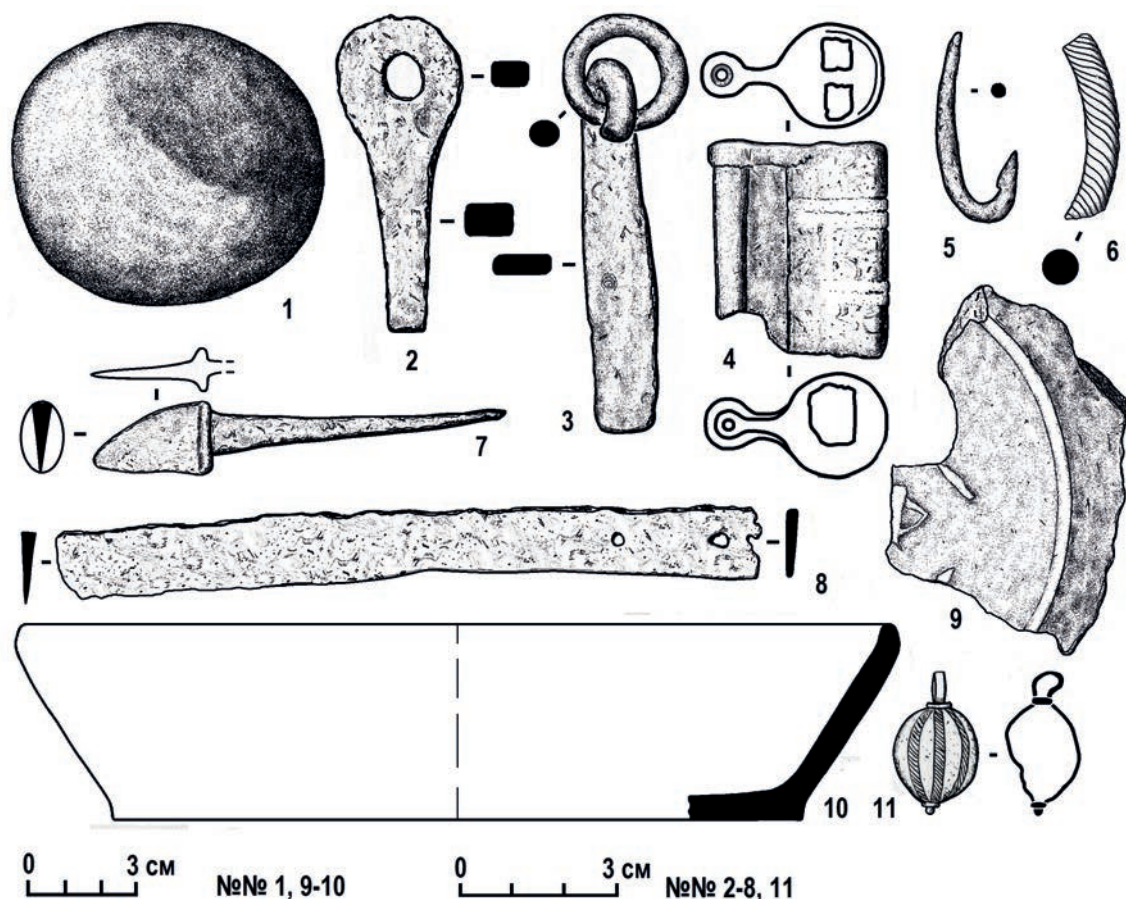

Рис. 81. Находки из ямы в кв. 114 раскопа 1995 г.

- 1 – пушечное ядро; 2 – пробой; 3 – кресало; 4 – корпус замка;
5 – рыболовный крючок; 6 – обломок браслета; 7–8 – ножи;
9 – фрагмент днища сосуда с клеймом; 10 – сковорода; 11 – пуговица.
1 – камень; 2–5, 7–8 – железо; 6 – стекло; 9–10 – керамика;
11 – медь, позолота.

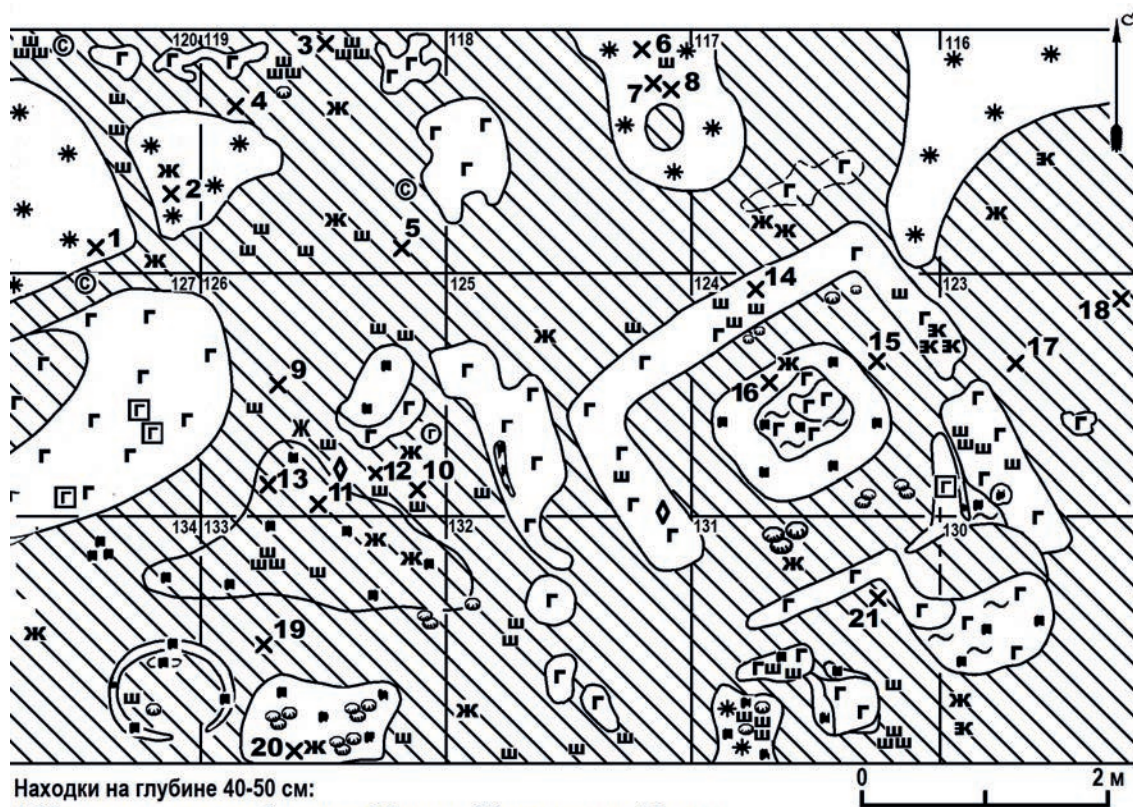
черенком с отверстиями, под две боковые накладки (рис. 81, 7–8). Из прочих бытовых находок отметим горловой рыболовный крючок (с заостренным тыльным концом) и небольшой пробой, который больше годился для сундука, одежной долблёной кади (укладки) или короба (рис. 81, 5,2).

Как и на месте развала печи в кв. 112–113, в яме, на глубине 70 см от уровня современной поверхности, найдено пушечное ядро – из серого камня, более крупных размеров (диаметр 8,4 см), с пятном, оставшимся после выстрела дымным порохом (рис. 81, I). Так же, как и в предыдущих комплексах, в заполнении встречен обломок браслета (светлое синее стекло) (рис. 81, б). Наконец, особого внимания заслуживает находка дорогого ювелирного изделия: крупной позолоченной пуговицы длиной 2,6 и диаметром 1,7 см. Она найдена в верхней части заполнения ямы, в просевшем слое жилища, на глубине 37 см. Пуговица – полая внутри, с одного бока помята, изготовлена из формованного медного листа (заметен стык краёв); петля и элементы декора на концах чуть вытянутого шаровидного корпуса припаяны; прочеканенный орнамент напоминает арбузные полосы (рис. 81, II).

Остатки большой, вероятнее всего, однокамерной печи и располагавшаяся под ней хозяйственная яма были исследованы в восточной половине раскопа 1996 года (рис. 82). По всему данному участку им соответствовали производственные остатки, связанные в основном с обработкой металла. На глубине до 30 см их перекрывал слой, оставленный располагавшимся в 2–4 м западнее жилищем, предположительно, одного из осадных дворов 30-х годов XVI столетия¹⁶. Хронологически промежуточных комплексов в ходе исследований на данном участке не встречено. А под слоем с производственными остатками начинался более светлый (с бежевым оттенком) пласт, соответствующий отложениям кануна постройки крепости 1410 года; в квадратах же 125–126 и 132–133 сразу выходили отложения, связанные с жилищем домонгольского времени (яма в указанных квадратах, см.: рис. 83).

Первые следы рассматриваемого жилищно-производственного комплекса при зачистке на глубине 30 см обозначились в виде бесформенных пятен глины (печины). На глубине 40 см площадь остатков печи-

ны расширилась. По линии СЗ–ЮВ (от кв. 118 до кв. 130) ширина её составляла около 6 м, что могло соответствовать ширине постройки; в кв. 130 слой развала печи ограничивался сохранившейся полосой угля – возможно, следом нижнего бревна сруба.

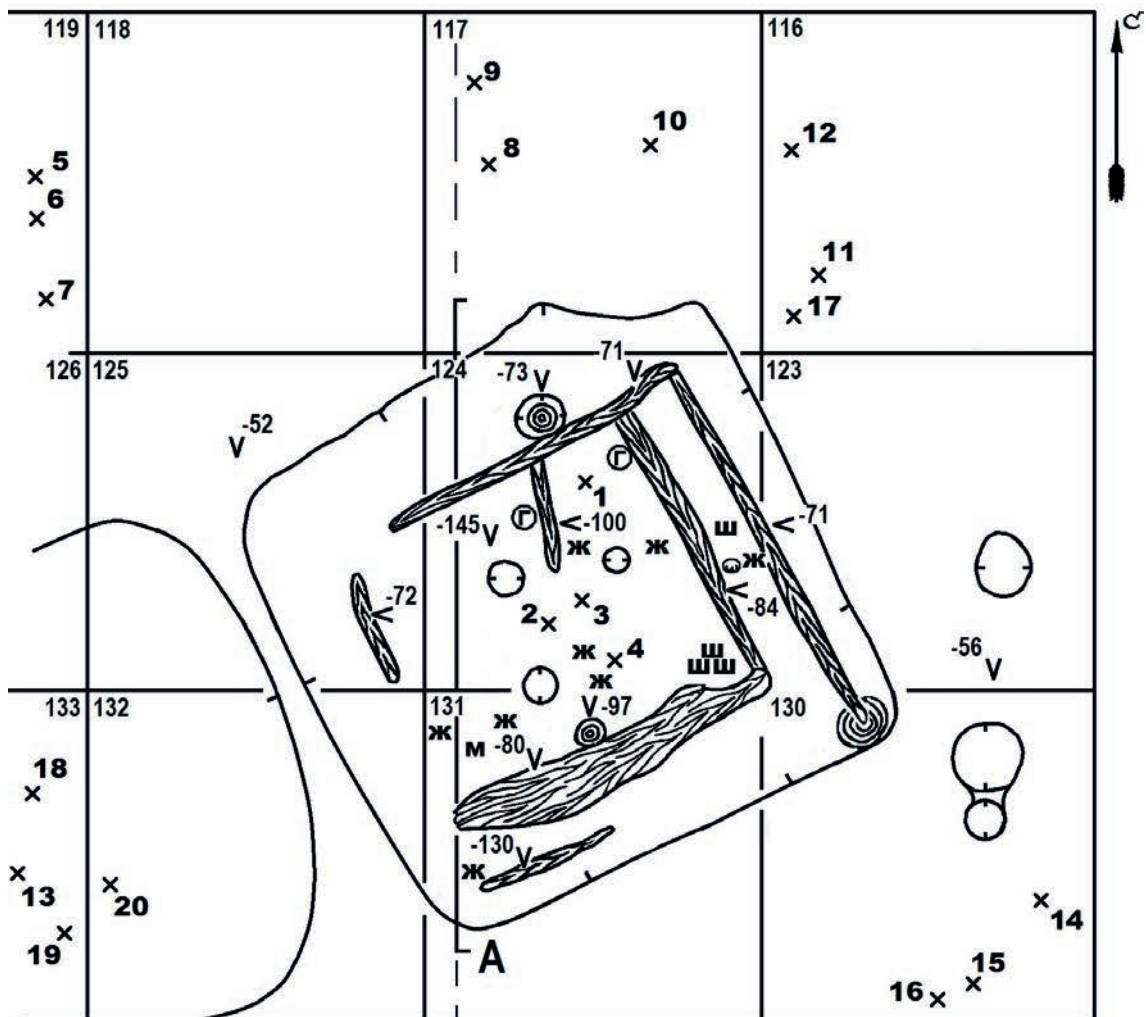
Находки на глубине 40-50 см:

1. Обломок стеклянного браслета.
2. Пряжка.
3. Кусок янтаря.
4. Грузик.
5. Пробой.
6. Кресало.
7. Пряслице.
8. Нож.
9. Обломок ножа.
10. Глина с отпечатками злаков.
11. Фрагменты сосуда с поливой.
12. Миниатюрный гвоздь.
13. Ядро.
14. Нож.
15. Игла.
16. Проволока.
17. Пряслице.
18. Клин каменный.
19. Точильный камень.
20. Глиняная бусина.
21. Обломок дна сосуда с клеймом.

Рис. 82. Участок раскопа 1996 г. на глубине 50 см.

На глубине 30–40 см в тёмно-сером слое выявилось большое количество производственных остатков – в первую очередь кусков железного шлака. Встречались также остатки железа плохой сохранности – в виде бесформенных кусков и неопределимых изделий. Их скопления отмечены в кв. 119–120, 126, 131. В гипотетических пределах жилища собраны фрагменты ошлакованной керамики, связанные, вероятно, с процессом «варки» или науглероживания чёрного металла. То же отмечалось и на глубине 40–50 см, причём в пределах жилища и даже верхнего слоя заполнения подпечной ямы шлаки найдены в больших количествах, и новые их концентрации отмечены в кв. 120, 126 и 133, 131–132; в кв.

Находки в яме:

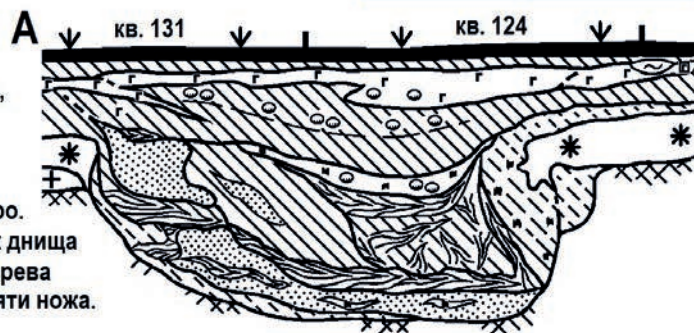
1. Кольцо. 2. Костяной спил.
3. Створка энколпиона.
4. Кресальный кремь.

Находки, связанные с комплексом, на глубине 30-40 см:

5. Нож. 6. Кресальный кремь.
7. Пробой. 8. Обломок ножа.
9. То же. 10. Коток. 11. Пушечное ядро.
12. Точильный брусок. 13. Обломок днища сосуда с клеймом. 14. Фрагмент дерева с обработкой. 15. Затыльник рукояти ножа.
16. Кость с обработкой.

Находки, связанные с комплексом, на глубине 50-60 см:

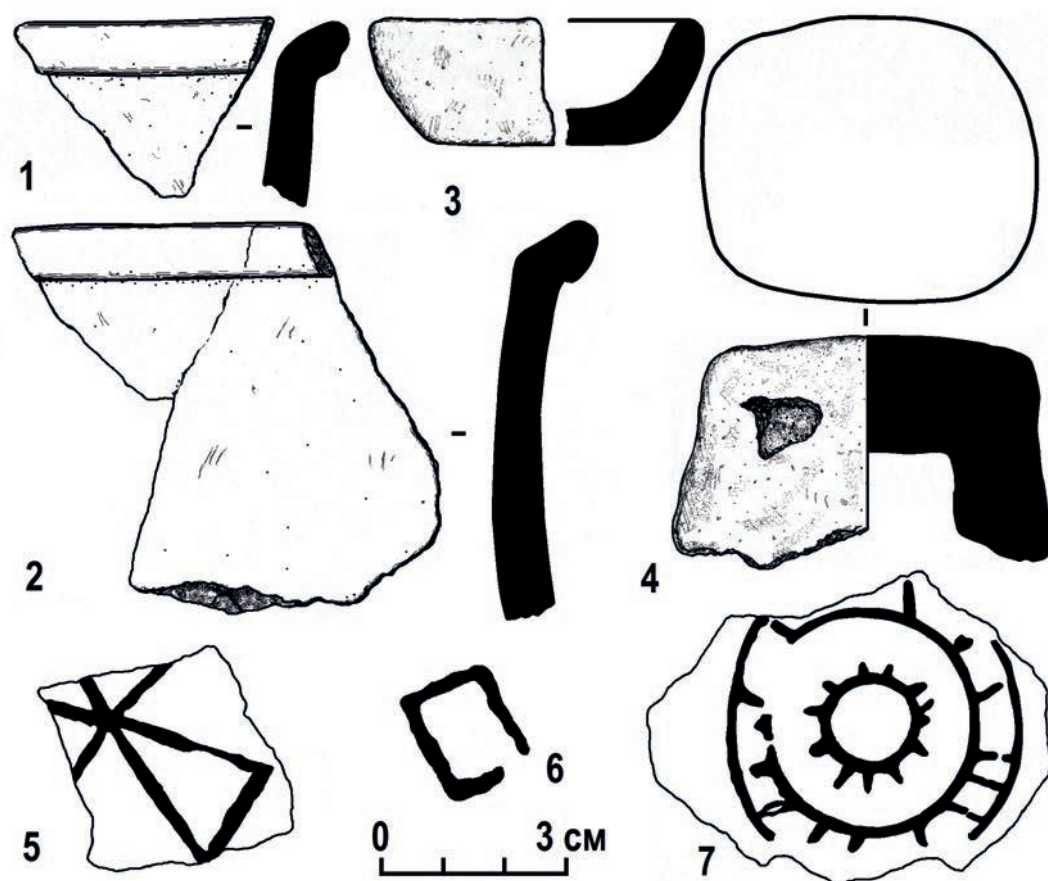
17. Пушечное ядро. 18. Глина с отпечатками зёрен. 19. Кресало. 20. Проколка.

Рис. 83. Подпечная яма исследуемого комплекса в восточной части раскопа 1996 г. (кв. 117, 123–125, 130–132) на уровне материка.

133 и 134 прослежены два очага, причём первый из них был заполнен валунным камнем (рис. 82).

Производственные остатки обозначили границу участка, находки с которого в целом относятся к рассматриваемому нами комплексу. Среди них следует отметить некоторые свидетельства работы с цветным металлом и костью: это найденные здесь пластина, проволока, застывший выплеск металла и неопределимое изделие из медного сплава, кости со следами обработки. Проволока встречена дважды: на последних нижних сантиметрах тёмно-серого пласта в кв. 121 и в верхнем слое заполнения подпечной ямы, куда просел слой постройки и печи; здесь же, кроме производственных остатков (шлаки, железо, ошлакованная керамика), найдены обычные бытовые (нож, швейная игла, кухонная посуда).

Рис. 84. Некоторые керамические находки комплекса в восточной части раскопа 1996 г.

Редкой для памятника находкой среди производственных отходов стал обломок янтаря. Поступая с берегов Балтики (где торговую активность проявлял не только Ганзейский союз, но и непосредственно

Новгород), это ценное сырьё использовалось для изготовления изделий русскими мастерами. Упомянем, в связи с этим, янтарный крестик, найденный в Плесской крепости, менее чем в десяти метрах к югу, в подпечной яме XV в., где также присутствовали находки производственного характера (раскопки 1999 года). Крестик был сломан (отсутствовала почти вся верхняя лопасть) и мог попасть к мастеру в качестве сырья. Отходы же производства, янтарная крошка, по волжскому пути отправлялись для продажи в Орду, где использовались для производства благовоний¹⁷. Этим отчасти может объясняться тот факт, что в Плесе на месте производств нами найден всего один потерянный кусочек драгоценной смолы.

Прочие находки в слое, насыщенном производственными остатками, связаны с разнообразными видами хозяйственной деятельности. Костяной коток использовался для работы с берестой (рис. 85, 13). Каменный клин – для проконопачивания срубов (рис. 85, 18). Обычны для данного памятника и рассматриваемой эпохи – пробой и короткое овальное кресало, точильный брусок. Обломок ключа связан с замками типа Г (рис. 85, 2,5,11). Сошник – не единственное сельскохозяйственное оружие, найденное на городище, однако в данном случае он сломан, и мог оказаться у мастера в качестве материала для выковывания новых изделий. Длина сохранившейся части 16 см, ширина 7 см (рис. 85, 1).

Из найденных ножей примечателен один: с разделительной медной пластиной у основания лезвия; величина пластины предполагает лезвие широкое, что больше соответствует ножу боевому, а не бытовому. Не характерен для бытовых ножей и найденный в комплексе затыльник к рукояти в виде железного цилиндрического колпачка длиной 4 и шириной 2 см (рис. 85, 3). Корпус изделия покрыт слоем меди, на тыльной стороне имеется отверстие для крепления петли «поворозы», с помощью которой оружие (в данном случае, вероятно, сабля) страховалось от выпадения из руки при активных манипуляциях в бою¹⁸. Отверстие сбоку могло служить для жёсткого крепления затыльника на рукояти. К категории воинских принадлежностей мог относиться и свинцовый грузик диаметром около полутора сантиметров; для гирьки кистеня он маловат, но мог использоваться для крепления на конце плети-нагайки

(рис. 85, 16). Упомянем здесь также бронзовую пряжку и обломок рамки ещё одной, похожей (близкой болгарским) формы, железное (кольчужное?) кольцо, а также три каменных пушечных ядра (рис. 85, 6, 9, 12).

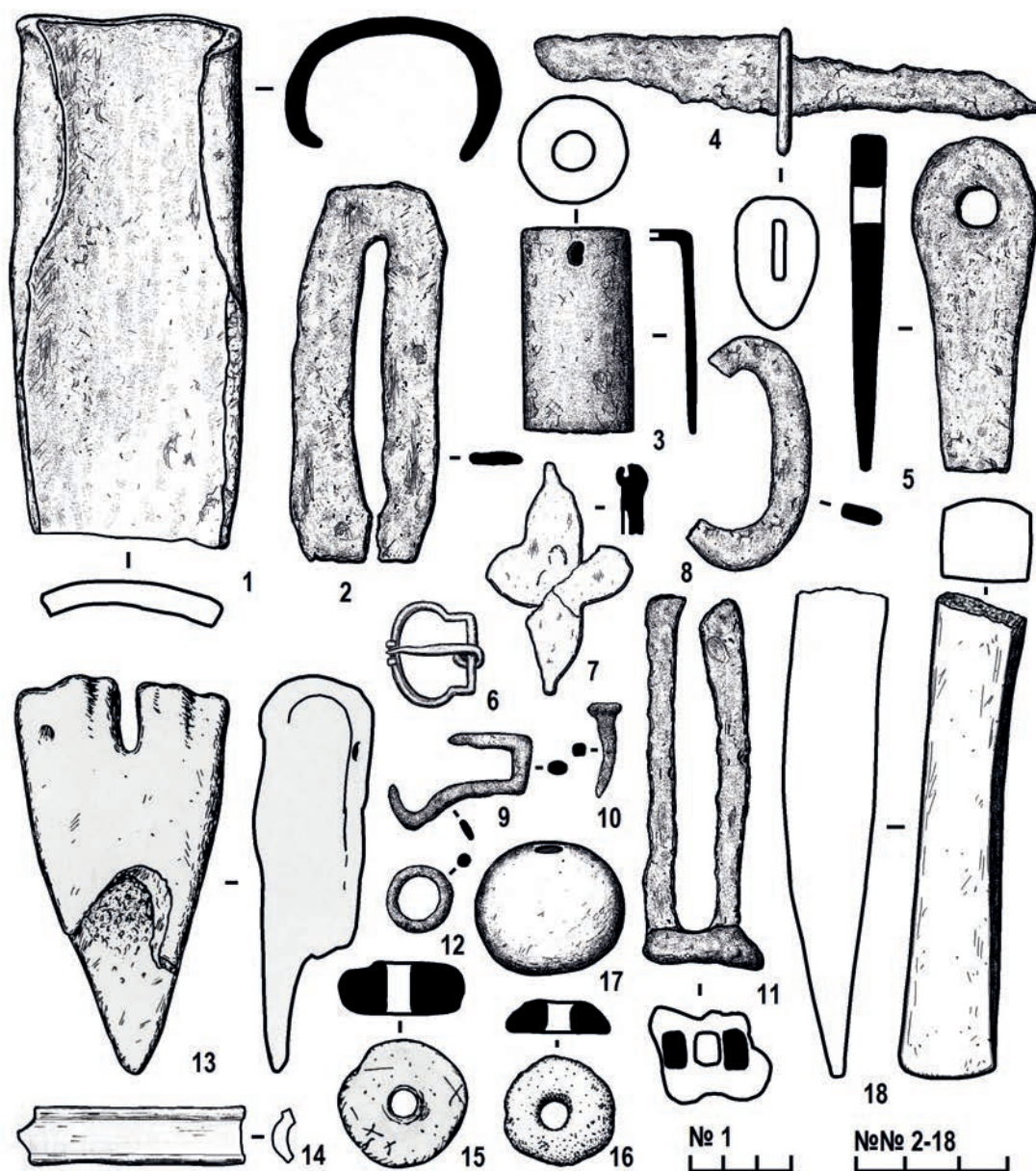

Рис. 85. Находки из рассматриваемого комплекса в восточной части раскопа 1996 г.

- 1 – сошник; 2 – кресало; 3 – затыльник рукояти; 4 – нож; 5 – пробой;
6 – пряжка; 7 – створка энколпиона; 8–9 – фрагменты железных изделий; 10 –
миниатюрный гвоздь; 11 – обломок ключа; 12 – кольцо; 13 – коток;
14 – обломок деревянного изделия; 15 – пряслице; 16 – грузик;
17 – грузик (бусина?); 18 – клин.
1–2, 5, 8–12 – железо; 3–4 – железо, медный сплав; 6–7 – медный сплав;
13 – кость; 14 – дерево; 16 – свинец; 18 – камень.

Из предметов женского обихода упомянем обломок стеклянного браслета, швейную иглу, крупную глиняную шаровидную бусину (от небольшого рыболовного грузила её отличает хорошо отглаженная поверхность и узкое сквозное отверстие), а также лепное пряслице, по одной стороне которого были нанесены крестовидные знаки – символы солнца (рис. 85, 15, 17). Последние из упомянутых находок связаны с местной финской традицией, которая прослеживается в плёсских домонгольских материалах и – ещё более отчётливо – в материалах раскопок предшественника Плёса, Алабужского городища¹⁹. Возможно, в этой же связи следует упомянуть и находку двух кусков глины с отпечатавшимися зёрнами злаков; разумеется, отпечатки могли появиться и в результате засыпки зерна на хранение в яму с не до конца подсохшей глиняной обмазкой, но таких ям на памятнике не обнаружено.

Керамическая посуда комплекса представлена преимущественно обычными для 1 половины XV столетия вышеописанными формами. На трёх днищах отмечены клейма (рис. 84, 5–7). Из особых форм можно отметить миниатюрный сосуд в форме блюдца с массивным краем (такой мог предназначаться для использования в качестве тигля) и фрагмент массивной крышки (рис. 84, 3–4). В углистом пятне (кв. 126, 133) на одной глубине (44 см) найдены два венчика от разных сосудов с добавкой песка в тесте и с жёлто-зелёной поливой поверхностей (рис. 84, 1, 2). Судя по формам обломков, по оформлению верхнего края, они представляют собой фрагменты высокого горла кувшинов, вероятно, болгарского производства²⁰.

К моменту зачистки на глубине 50 см в раскопе тёмно-серый слой, связанный с рассматриваемым комплексом, стал иссякать, а ещё десятью сантиметрами ниже сменился на светло-коричневый (бежевый) и углистый, почти чёрный, окружавший яму домонгольского времени в кв. 125–136, 132–133. То есть, как сказано выше, в тёмно-сером слое, ранней хронологической границей которого был 1410 год, отложение рассматриваемого нами комплекса являлись едва ли не самыми первыми, нижними.

На фоне нижележащих отложений XII–XIV веков контур подпечной ямы на месте жилища представлял собой квадрат со скруглёнными

ми углами и длиной стороны 3 – 3,2 м. Стенки ямы были неровные, а дно относительно ровное, слегка наклонное, с углублением до 0,85 м от уровня материка с северной стороны (рис. 83). Внутри прослежена конструкция деревянной обшивки стенок погребца. Доски (плахи) шириной до 15 см вставлялись в пазы угловых столбов подквадратного в плане «короба» шириной 1,8–2,2 м. Яма в зимнее время могла использоваться как погреб, а в тёплое время года заполняться льдом и служить в качестве ледника. Об этом косвенно свидетельствуют рыхлые грунтовые просыпки, служившие дренажом, вокруг «короба» и под ним. Со стороны юго-западной стенки и на дне просыпкой служил стерильный песок. Над песком сохранились следы деревянного пола – полоса древесного тлена покрытия (с южной стороны ямы) и перпендикулярный ей след переводины, опоры настила (с восточной стороны).

Заполнение погребца составлял гумусированный тёмно-серый слой вперемешку с древесным тленом. Сверху (примерно на уровне материка) линзой проседал углистый слой с большим количеством «рваного» камня, связанный с нижней частью печи. В погребце собраны фрагменты сероглиняной керамики, среди которых были образцы, по форме венчика восходящие к горшкам «курганного» типа. Найдены также гвозди, неопределимые куски железа и железного шлака, костяной спил. К числу примечательных находок отнесём железное кольцо и сильно окислившуюся бронзовую створку креста-складня, не первого из найденных в комплексах данного времени популярного оберега воинов развитого средневековья. Предмет сохранился в обломках, из всех деталей внешнего оформления на нём угадывался только антропоморфный погрудный силуэт (рис. 85, 7).

Комплекс по нескольким вышеуказанным признакам достаточно надёжно определяется первой половиной XV столетия и содержит достаточно много свидетельств жизни и работы человека или нескольких людей, не относящихся к элитному сословию. Возможно, дом находился в пределах княжеского осадного двора и в тревожное время служил местом жизни высокопоставленного его хозяина, однако по всему участку собраны доказательства работ мастера-ремесленника широкого профиля, чьи умения были бы очень востребованы в крепости – как минимум

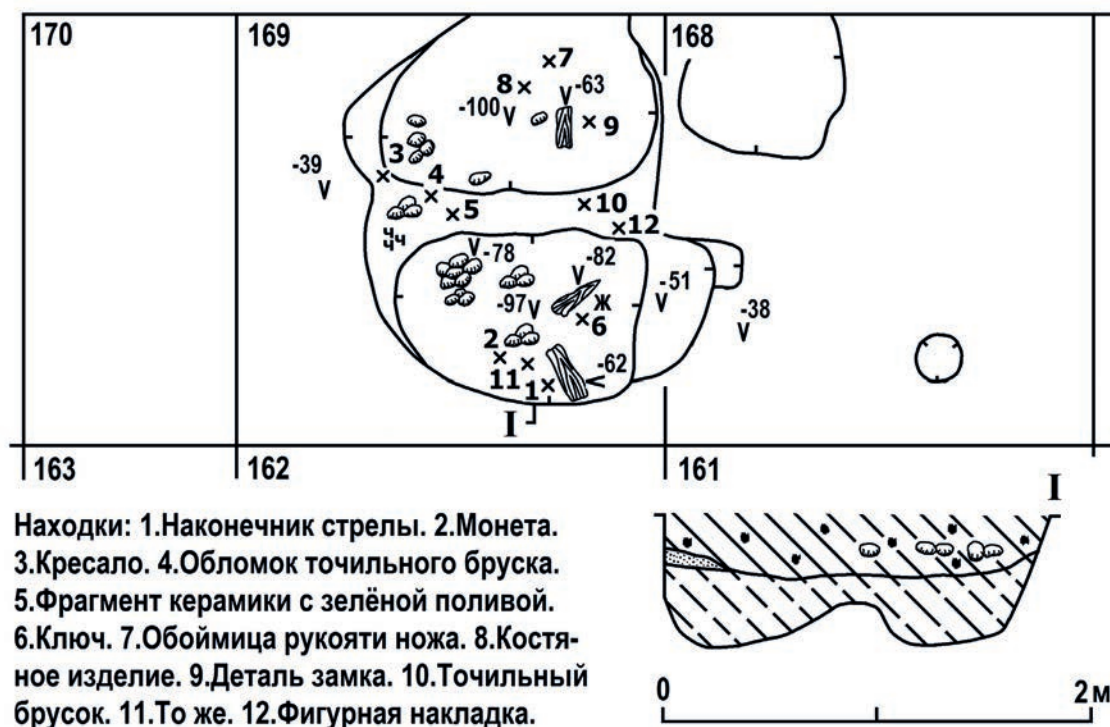

Рис. 86. Яма погребя в кв. 168–169 раскопа 1998 года на уровне материка.

для поддержания в порядке боевого снаряжения. Материалы городища указывают на возможность совмещения военного и мирных ремёсел (раскоп 1990 г.), так что в данном случае мастером мог быть одним из «боевых холопов» хозяина плёсского осадного двора, тех людей, которых вотчинник, дворянин, ведёт в бой в соответствии с формулой «конно, людно и оружно».

Яма погребя, относящаяся по времени к рассматриваемому нами периоду функционирования плёсской крепости, обнаружена в раскопе 1998 года. Отчётливых следов жилища, связанных с ней, здесь, в кв. 169 и вокруг него, не обнаружено, что объясняется следами дальнейшей активной застройки участка (след тына от кв. 170 в сторону кв. 148, обширный комплекс «дома наместника» середины XVI в. и др.)²¹.

Культурный слой в целом здесь не имел большой мощности, интересующие нас напластования были толщиной не более 7–8 см, и на глубине 30 см зачистка выявила под тёмно-серым слоем более светлый, коричневатый, который прорезала яма погребя. При зачистке на глубине 40 см ранний слой на участке сошёл полностью, и тёмно-серое пятно ямы уже окружал материк.

На глубине 30 см в кв. 169 и 162 отмечено бесформенное пятно пещины (тонкий слой глины), уже не связанное с отложениями «дома наместника». Возможно, оно имело отношение к нашему комплексу, хотя внутрь контура ямы не заходило, и в разрезе самой ямы соответствующей просевшей (как бывает в таких случаях) прослойки не наблюдалось. Но в заполнении встречались отдельные куски глины со следами воздействия огня.

На глубине 40 см пятно имело близкую к овальной форму размерами 1,8 x 1,4 м и уходило северным краем за пределы раскопа. На уровне материка контур несколько изменился, приняв неправильную восьмёркообразную форму. После выборки заполнения выяснилось, что дно представляло собой два линзовидных углубления с сохранившей 10-сантиметровую высоту перемычкой между ними. Глубина их примерно одинакова: 60 см от уровня материка. Стенки ямы почти отвесные. В юго-востока яма имела два небольших уступа на глубину 10 и 21 см от уровня материка (рис. 86).

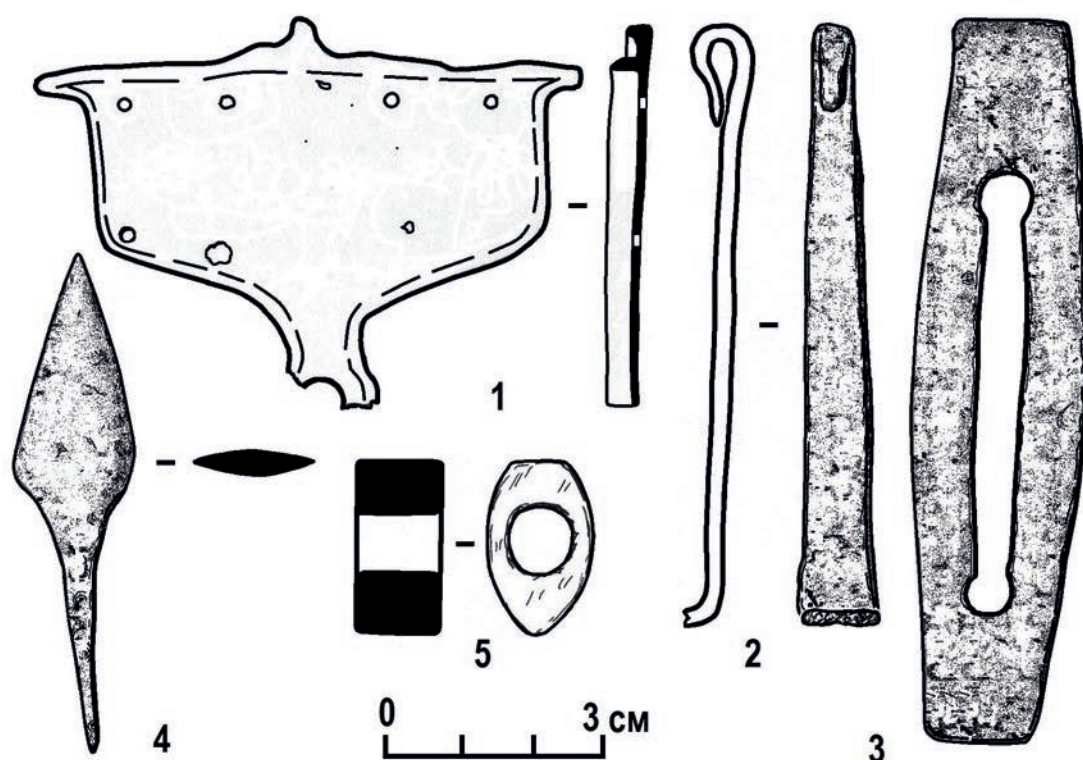

Рис. 87. Монета из ямы в кв. 169 раскопа 1998 г.

Заполнение ямы на глубину до 30 см от уровня материка составляла тёмно-серая гумусированная супесь с включениями угля, полуобожженной глины (пещины) и колотого очажного камня, в том числе в виде скоплений. Вместе с остатками отопительного устройства жилища встречалась рыба чешуя. Ниже, под едва заметной светлой песчаной прослойкой, залегал слой пестроцвета. Отмеченные в яме три короткие полосы древесного тлена шириной 5–7 см, судя по их местонахождению и глубине залегания, скорее связаны с полом жилища, а не с деревянной облицовкой погреба.

Судя по глубине ямы, пол в постройке был достаточно высоко поднят над поверхностью земли. Подвал же использовался как холодильник и

ледник, для чего одна из линзовидных ям ранней весной заполнялась речным льдом.

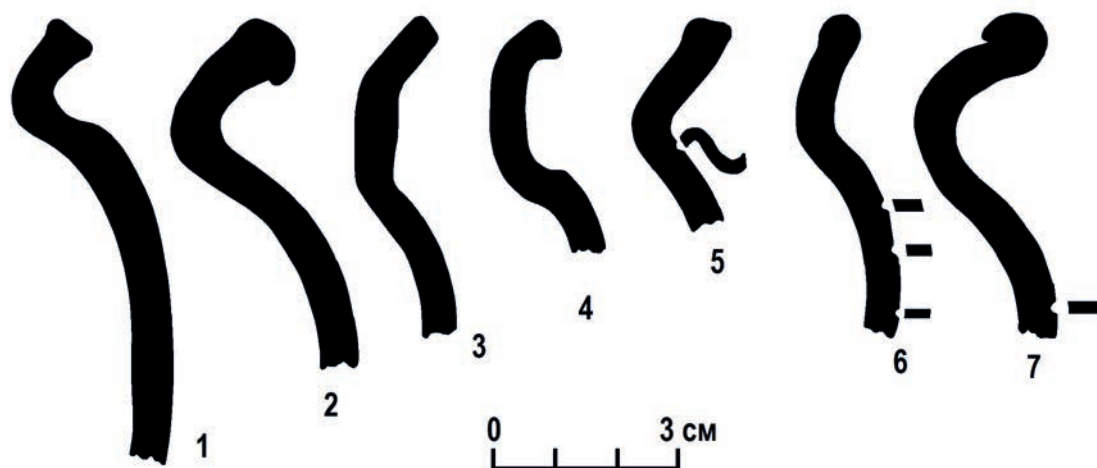

*Рис. 88. Находки из ямы в кв. 168–169 раскопа 1998 года.
1 – накладка; 2 – ключ; 3 – кресало; 4 – наконечник стрелы;
5 – втулка к рукояти ножа.
1–4 – железо; 5 – кость.*

Основанием для датировки комплекса, помимо стратиграфии, служит соотношение предметов из числа обнаруженных в заполнении ямы. Так в верхнем слое заполнения найдены монета и наконечник стрелы. Первая, по предположению П.Г. Гайдукова, является русским подражанием восточной денге с арабскими надписями и может датироваться XV веком (рис. 87). Стрела же имеет архаичную форму, соответствующую местной раннесредневековой финской традиции; подобные формы имеют место в плёсских посадских домонгольских комплексах. На городище аналог найден в раскопе 1989 г. в районе комплексов 1 пол. XV в.; в более поздних подобные наконечники отсутствуют (рис. 88, 4).

Форма найденного в яме удлиненного кресала с фигурным вырезом также архаична и уже в 1 пол. XV столетия начинает меняться на

более короткое изделие с овальным или подпрямоугольным силуэтом (рис. 88, 3). Найденный в яме ключ относится к типу В и в Новгороде бытует до указанного времени²². Железная фигурная накладка несколько напоминает найденную здесь же, на городище, в материалах 2 половины XIV века, однако имеет несколько более вычурную форму; обе они могут быть отнесены к культуре восточного воинства (рис. 88, 1).

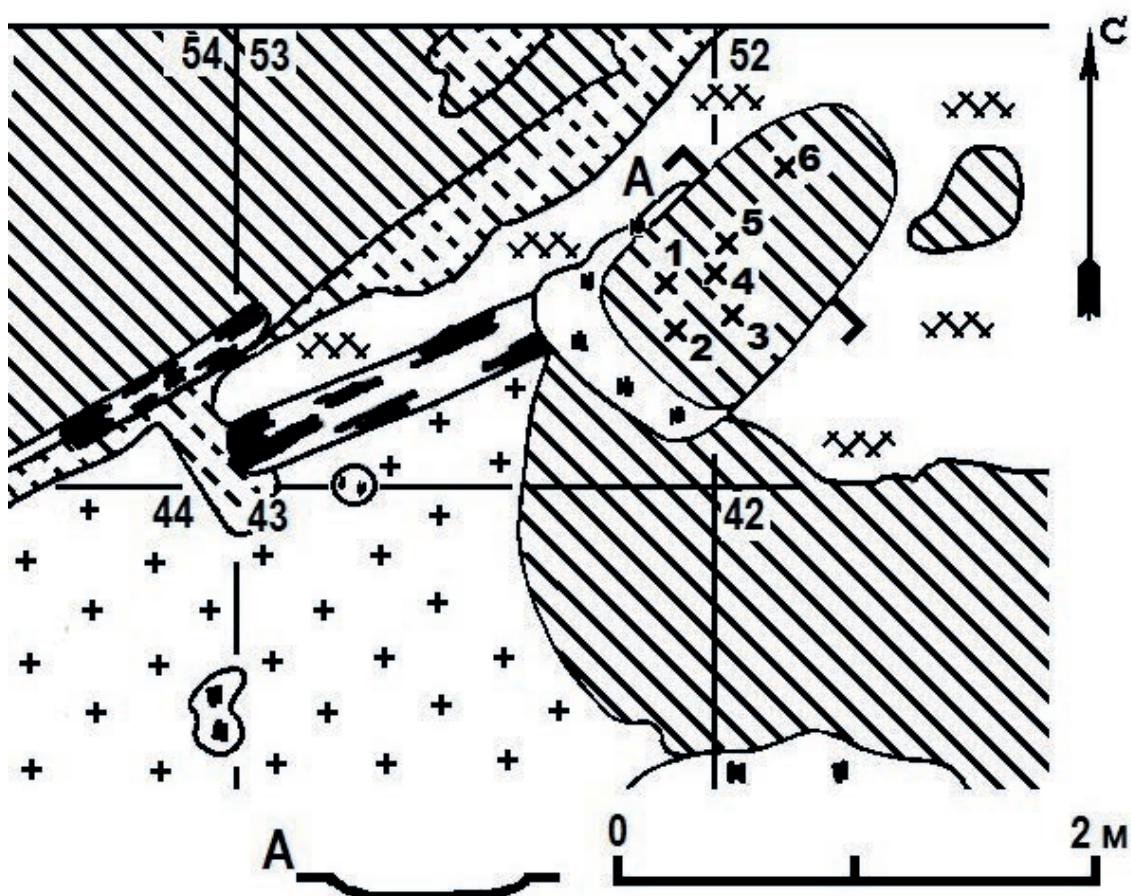

Рис. 89. Керамика из ямы. Кв. 169. Профили венчиков.

Керамические остатки, найденные в заполнении ямы, отличаются достаточным разнообразием (рис. 89). Преобладает сероглиняная с трёхслойным обжигом и добавкой дресвы в тесте. Многие формы похожи на домонгольские, имеют линейный и волнистый орнамент, хотя есть также и неорнаментированные образцы, характерные для времени после 1410 года. Кроме того, найден один образец красноглиняный и один – с жёлто-зелёной поливой. В целом находки и стратиграфия позволяют отнести данный комплекс к первым годам существования новой (1410 года) плёсской крепости.

Тем же временем с достаточной уверенностью может быть датирована яма в кв. 53–54 раскопа 1989 года. Она выявилась на глубине 40–50 см под углистым слоем, связанным с жилым комплексом и ямой (кв. 26–28, 32–34, 43–44), основанием для датировки которого служили находки двух монет Василия Тёмного, отчеканенных между 1425 и 1446 гг. (рис. 65, 9 и 69, 10).

Находки: 1.Обломок ножа. 2.То же, с остатками деревянной рукояти.
 3.Затыльник рукояти. 4.Монета-денга. 5.Обломок стеклянного браслета.
 6.Обрезок медного листа.

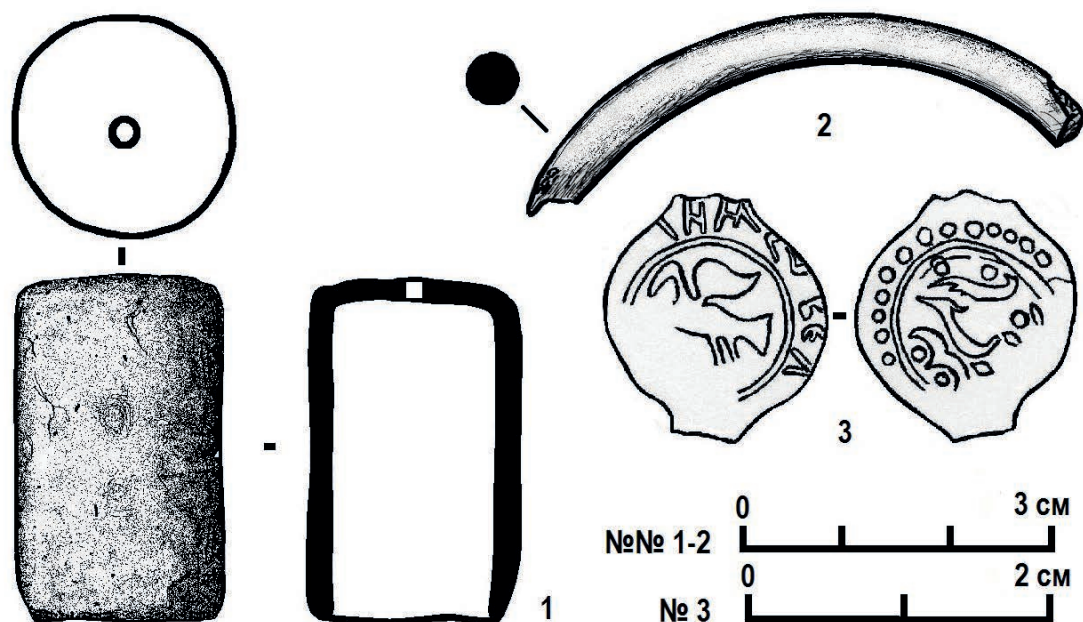
Рис. 90. Контуры ямы в кв. 52–53 раскопа 1989 г. на глубине 50 см.

При зачистке в раскопе на глубине 50 см яма выявилась на фоне материка и имела форму, близкую к овалу. Южный край её оконтуривался остатками углистого напластования, далее шло пятно тёмно-серого слоя, который начал откладываться после постройки крепостных сооружений 1410 года; заполнение ямы было таким же, тёмно-серым. В длину яма достигала 1,7 м, в ширину 0,9 м, в материк углублялась всего на 15 см, имея линзовидное сечение (рис. 90).

Керамический материал заполнения не выразителен: четыре фрагмента сероглиняной керамики с добавкой песка в тесте. Интереснее индивидуальные находки: фрагменты двух ножей (один – с остатками деревянной рукояти), звено цепи, обрезок листа медного сплава, камень со следами наточки металла, обломок гладкого стеклянного браслета

(рис. 91, 2). Отдельного внимания здесь заслуживает цилиндрический затыльник рукояти (сабли? палаша?), аналогичный по размеру и оформлению найденному в восточной части раскопа 1996 года (рис. 85, 3); отличается от него только отсутствием медного покрытия (рис. 91, 1). И, наконец, находка серебряной монеты-денги подтверждает датировку, основанную на стратиграфии. На одной стороне монеты изображена птица с круговой надписью КНЯЗЬ ВЕЛ, на другой – арабские письмена (рис. 91, 3). Монета относится ко времени правления Василия Дмитриевича московского.

Публикуя материалы нескольких жилых и производственных комплексов первой половины XV столетия, оговоримся, что в рамках одного издания невозможно представить всё обилие археологических материалов, полученных в результате многолетних раскопок Плёсского городища. Однако и данные сведения позволяют судить о том новом этапе в жизни Плёса, который наступил с постройкой в 1410 году впечатляющих масштабов новой крепости, соответствующей новым реалиям ведения войны, способной противостоять ударам артиллерии (судя по находкам каменных ядер, такого рода проверки на прочность плёсским укреплениям доводилось испытывать).

*Рис. 91. Находки из яма в кв. 53–54 раскопа 1989 года.
1 – затыльник рукояти; 2 – обломок браслета; 3 – монета.
1 – железо; 2 – стекло; 3 – серебро.*

Расширение площади крепости и существенное увеличение длины крепостных стен с жилыми клетями позволяло многократно увеличивать количество размещённых в ней бойцов. Соответственно, увеличилось и количество построек для размещения знатных воинов, среди которых были и постоянные владельцы небольших участков («осадных дворов», по позднейшей терминологии). Можно предположить, что в данный период речь может идти о людях боевого полка могущественного и богатейшего – первого боярина при московском князе Василии Дмитриевиче – Фёдора Сабура, а также его детей, и прежде всего Семёна Пешка Фёдоровича. Именно Семёну, а в дальнейшем продолжателям уже его рода, Пешковым-Сабуровым, как свидетельствуют письменные источники, принадлежали ближайшие к Плёсу земли (в границах современного Приволжского и Фурмановского районов Ивановской области)²³. А на противоположном берегу Волги, в частности, в районе р. Колдомы, земли принадлежали уже брату Семёна, Михаилу Фёдоровичу, который стал боярином и дворецким Великого князя Василия Тёмного и также мог принимать участие в обеспечении обороноспособности волжского города.

С 1410 года в крепости стали строиться просторные жилища, имеющие новые компоненты обустройства. К ним мы отнесём большие печи, позволявшие выделить в жилищах («пятистенках»?) чистые помещения, которые обогревались тыльной стороной печи, тогда как истопка с выходящим дымом открывалась в «чёрную» половину избы. В чистой половине к тыльной стороне печи могла быть пристроена тёплая лежанка или даже своего рода дополнительная «чистая печь» – сводчатая камера, позволявшая париться, как в бане, сушить одежду, снаряжение, продукты и т.п.²⁴

Под полом, поднятым над землёй, вероятно, до уровня третьего-четвёртого венцов сруба, выкапывалась двухсекционная яма, в горизонтальном плане имевшая профиль в виде восьмёрки. Более широкая секция выполняла роль погреба, куда можно было спуститься из чёрной половины жилища. Меньшая, отделённая перегородкой, в тёплое время года служила ледником.

Судя по найденным вещам, среди обитателей жилищ, как и прежде, были приверженцы восточных культурных традиций, чему способствовали и активные торговые связи с Булгаром. Знатный человек оставался конным воином, мечу, вероятно, предпочитал саблю, доспех был выдержан в восточном стиле; тот же стиль зримо присутствовал и в быту (остатки посуды, элементы костюма и другие вещи, в том числе найденные вне рассмотренных комплексов).

Вместе с тем, исходя из находок, нельзя не отметить безусловного доминирования в раскопах элементов русского быта, что лишь отчасти объясняется уровнем интеграции татарских (булгарских) переселенцев, а в основном связано просто с преобладанием русского населения и в новой (многократно выросшей по площади) Плесской крепости. Увеличение числа жителей в Плесе шло, как и прежде, в значительной мере за счёт населения округи, не потерявшего многовековых волжско-финских традиций. Традиции находили отражение в элементах строительства и обустройства быта. В раскопах имелись находки лепной керамики, посуды архаичных форм, изготовленной на медленно вращающемся круге, архаичной же формы наконечников стрел и кресал; к этому добавим каменное долотце для проконопачивания срубов, лепное пряслице с солярными знаками и равностороннюю крестовидную подвеску. Всё что находит аналогии в местных (и более широкого ареала) финских древностях²⁵.

Разумеется, найденные вещи были связаны не столько с хозяевами, заселявшими свои дома преимущественно в канун ожидаемых военных событий, сколько с «дворниками» (по терминологии XVI века) – их слугами, которые должны были находиться в крепости постоянно и поддерживать дом и всё хозяйство, в пределах двора, в надлежащем состоянии. Местом проживания дворника могла быть чёрная половина хозяйского дома. Находки кос здесь связаны, вероятно, с обязанностью слуги обеспечивать постоянный запас сена. Рядом с городом им возделывалась пашня (находки сошников, серпов). В хозяйстве имелись рыболовные снасти, включая сетевые, для масштабной добычи рыбы, а также всякого рода мужской рабочий инструмент (топоры, рабочие ножи, кочедыки и котки, оселки и проч.).

Здесь же выполнялись какие-то кузнечные и даже ювелирные работы – хотя последние могли производиться даже хозяевами домов – воинами. Исследователи приводят сведения о воинах-ювелирах Древней Руси и Скандинавии, указывая на ювелирное дело как на одно из «искусств», которыми надлежит обладать мужчине, «особенно если он имеет знатное происхождение»²⁶. От себя же, в дополнение, приведём пункт из духовной великого князя московского Василия I Дмитриевича, где он упоминает «пояс золот с камнем, что есм сам сковал»²⁷. Конечно, князь в данном статусе мог и не заниматься отливкой отдельных деталей драгоценного наборного пояса, но общее руководство в изготовлении вполне мог осуществлять, проявляя традиционный интерес к такого рода «искусствам».

Наконец, следует обратить внимание на находки с христианской символикой. В комплексах 1 пол. XV в. Плёсского городища, как показывают раскопки, нет металлических крестов-тельников – тогда как среди находок первой половины следующего столетия на этом же памятнике они не редки. Личным тельником, как известно, новорожденного принято наделять при крещении, и данные признаки принятия христианства, следовательно, в материалах рассматриваемой эпохи отсутствуют. Зато материалы данного времени представляют достаточно солидную для средневековой провинции коллекцию складней, а таковые, о чём уже говорилось выше, избирались воинами по принципу магической пользы. Удобство энколпионов заключалось в наличии пустого пространства между створками, и, очевидно, ценность заключённого внутри заветного волшебного предмета рассматривалась никак не меньше значения изображений на створках.

- ¹ См статью в данном сборнике: *Средневековая посуда для пира из Плесской крепости.*
- ² Седова М.В. *Суздаль в X–XV веках.* М., 1997. С.204.
- ³ Травкин П.Н., Петров И.М. *Кресты-складни...* С. 177–178.
- ⁴ Там же. С. 176–177.
- ⁵ Родина М.Е. *Связи Северо-Восточной Руси...* С. 259–260.
- ⁶ Колчин Б. А. *Хронология...* С.160.
- ⁷ Травкин П.Н., Петров И.М. *Кресты-складни...* С. 175–176. Точный аналог найден в Серпуховском р-не Московской области. Обстоятельства находки не известны. // <http://k1000k.narod.ru/foto/1-28.htm/>
- ⁸ Лесман Ю.М. *Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.).* // *Материалы по археологии Новгорода.* М., 1990. С. 80.
- ⁹ Розенфельдт Р.Л. *Инструменты московских ремесленников.* // МИА. Москва, 1971. № 167. С. 254–255. Шикаева Т.Б. *Могильники XVI–XVII вв.* // *АиЭМК. Йошкар-Ола,* 1989. Выпуск 15. С. 127
- ¹⁰ Хлебникова Т.А. *Неполивная керамика Болгара.* // *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности.* М., 1988.
- ¹¹ *Архангелогородский летописец.* // ПСРЛ. Л., 1982. Том 37. С.87.
- ¹² См. статью в данном сборнике: *Поздний тип височного кольца...*
- ¹³ *История татар с древнейших времён. Волжская Булгария и Великая Степь.* Казань, 2006. Том II. Цв. илл.
- ¹⁴ Колчин Б.А. *Хронология...* С. 162.
- ¹⁵ Анатолий Гейко. *Гра КРЕМЯХИ як джерело наукових студій.* Опішня, 2015.
- ¹⁶ См статью данного сборника: *Жилище плёссского осадного двора.*
- ¹⁷ Самойлович Н.Г. *Находки янтаря в Ростове Великом.* // *Археология: история и перспективы.* Ярославль, 2012. С. 156.
- ¹⁸ Подобные навершия-колпачки известны на саблях. В мордовском Армиевском могильнике похожий, цилиндрический, но более крупных размеров, выполнял роль наконечника ножен для меча (палаша). См.: Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. *Вооружение.* Табл. 124, 1–4. Голубева Л.А. *Мордва.* // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* Археология СССР. М., 1987. Табл. XLII, 28.
- ¹⁹ Травкин П.Н. *Язычество...* С. 70–71.

- ²⁰ Хлебникова Т.А. *Неполивная керамика...* С. 54–63.
- ²¹ См. статью в данном сборнике: «Дом наместника» в Плесской крепости.
- ²² Колчин Б. А. *Хронология...* С. 160–161.
- ²³ Травкин П.Н. *Плѣс и Плѣсская волость в XV–XVI вв.//Иваново-Вознесенский край: история и современность. Материалы II областной краеведческой конференции. Иваново, 1992. с.18–19.*
- ²⁴ Ойнас Д.Б. *Средневековая печь в г. Плесе. // АПВКМ. Иваново, 1989. Вып. 1. С.9–10.*
- ²⁵ Травкин П.Н. *Язычество...* С. 75–87.
- ²⁶ Ениосова Н.В., Нефѣдов В.С. *Погребение странствующего ювелира X в. близ с. Лопино под Смоленском. // Археологический сборник. М., 1999. Труды ГИМ. Вып. III. С. 69.*
- ²⁷ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 57.*

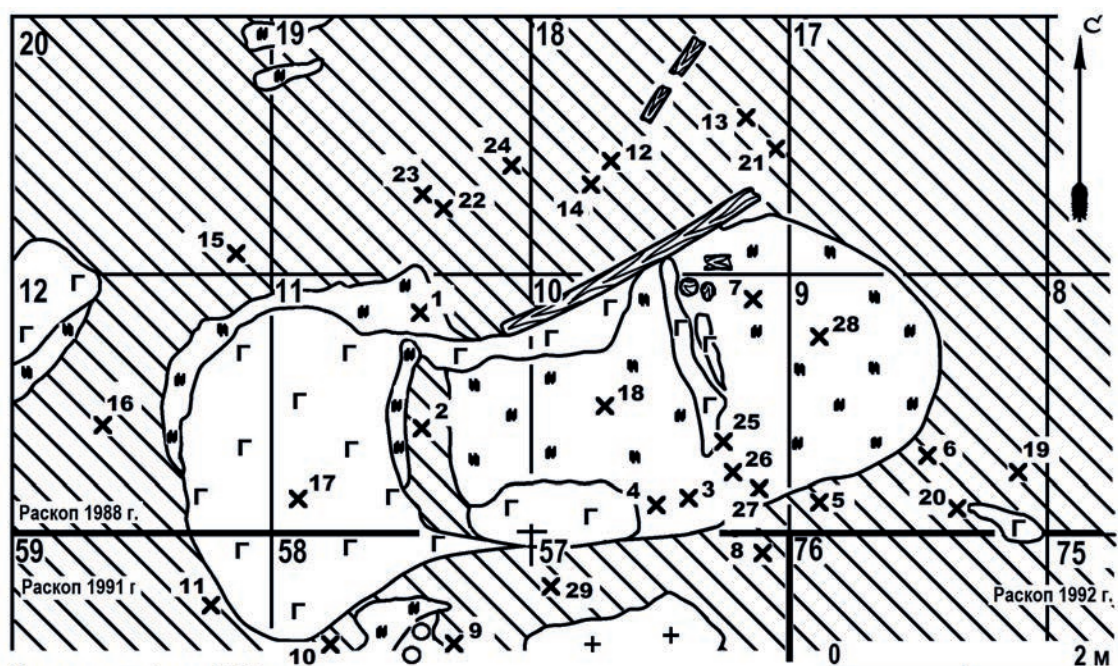
Глава VI

*Плесская крепость во
второй половине XV
столетия*

В ходе раскопок, произведённых в 1986–2005 гг. на территории Плёского городища, были выявлены жилые и хозяйственные комплексы, которые, на том или ином основании, нами отнесены ко 2 половине XV столетия. Сами постройки данного времени, за редким исключением, не оставили видимых контуров, отпечатков нижних венцов срубов. Они возводились без фундаментов или канавок-прокопов под нижние брёвна и, по всей видимости, могли опираться на камни различной величины – в зависимости от необходимости выровнять сруб по горизонтали на слегка наклонной поверхности. Главными свидетельствами наличия жилых (хозяйственных) комплексов по-прежнему оставались большие материковые ямы, чаще всего с остатками рухнувших в них печей. Здесь мы предлагаем к рассмотрению несколько таких комплексов, отражающих особенности материальной культуры малого города эпохи Великого московского князя Ивана III.

Признаки одного из таких жилищ в раскопе 1988 г. начали проявляться при прохождении второго пласта, на глубине 25–30 см, преимущественно в кв. 9–12. Почти весь квадрат 12 заняло углистое пятно, в котором найден фрагмент чаши с граффити; другие фрагменты чаши в дальнейшем были обнаружены в подпечной яме. Следовательно, пятно имело прямое отношение к комплексу и могло быть одним из свидетельств того, что постройка сгорела. Восточнее пятна на той же глубине

Находки с глубины 40-50 см:

1.Обломок дужки ведра. 2.Кость-бита для игры в бабки. 3.Ключ. 4.Нож. 5.Обломок дна сосуда с клеймом. 6.Обломок дна лепного сосуда. 7.Фрагмент миниатюрного сосуда. 8.Кресало. 9.То же. 10.Обломок стеклянного браслета.

Находки с глубины 25-40 см:

11.Сюльгама. 12.Пряслице. 13. То же. 14.Нож. 15.Рыболовный крючок. 16.Фрагмент чаши с граффити. 17.Керамическая фигурка коня. 18.Игла швейная. 19.Нож. 20.Неолитический шлифованный топор. 21.Пряжка. 22.Грузило к сети. 23.Каменная иконка. 24.Керамическое пряслице. 25.Обломок креста-тельника. 26.Грузило к сети. 27.Керамическое пряслице. 28.Каменная пластина-заготовка. 29.Обломок ключа.

Рис. 92. Остатки печи в раскопе 1988 г. на глубине 50 см.

вышли остатки печины, которые в дальнейшем, по мере углубления, вместе с углистыми остатками совпали с контурами ямы и обозначили двухкамерную печь (рис. 92).

Зачистка на глубине 50 см, а затем последующая, промежуточная, на глубине 55 см, позволили судить о конструкции печи. Истопка располагалась с востока, и её глиняный корпус с боков поддерживался бревенчатыми подпорными стенками; остатки одного из брёвен боковой опоры, длиной 2 м и толщиной 0,2 м, прослежены в кв.10, 18 (рис. 92). Опечек же, как и в некоторых других случаях, опирался на бревно, положенное на землю, поперёк печи, над погребом; след бревна, длиной 0,8 м и шириной 0,15 м, отмечен на глубине 60 см (рис. 94) . Длина истопной камеры могла составлять 1,3 м, ширина 0,8 м. Судя по контуру углистого пятна, у печи имелись загнетки, влево и вправо от жерла (рис. 93).

*Рис. 93. Контуры печи в раскопе 1988 г. на глубине 55 см.
Вид с северо-запада.*

В «чистой» части жилища, куда тепло могло бы поступать от выходящего в неё края печи, в данном комплексе была пристроена не тёплая лежанка, а своеобразная вторая, «чистая» печь, которая тоже имела сводчатую камеру, но не предусматривала разведения в ней огня (кроме, возможно, единственного раза – для обжига внутренней поверхности). Контуры на стенке раскопа и горизонтальные очертания на зачистке указывают, что внешняя ширина и длина данного сооружения составляли около 2 м. Форма свода могла быть близка к полушарной. Камера прогревалась от истопки, через глинобитную перегородку. В холодные дни вне зимнего сезона, при запрете топить печи, внутрь для прогрева могли насыпаться внесённые с улицы горящие угли. В «чистой» части печи, о чём говорилось выше, можно было также сушить одежду и военную амуницию, пищевые продукты, париться, как в бане и т.п. – что немаловажно в условиях военного быта¹.

Находки вне подпечной ямы, с наибольшей вероятностью связанные с рассматриваемым комплексом, обнаружены в развале печи и в непосредственной близости от неё, в тёмно-сером слое, под более поздними отложениями, на глубине от 25 до 50 см. Основанием служит сходство некоторых найденных здесь артефактов с вещами из подпечной ямы:

форм керамики, клейм (рис. 96, 6 и рис. 100, 1), а также находки в яме и снаружи фрагментов одной вышеупомянутой чаши с граффити.

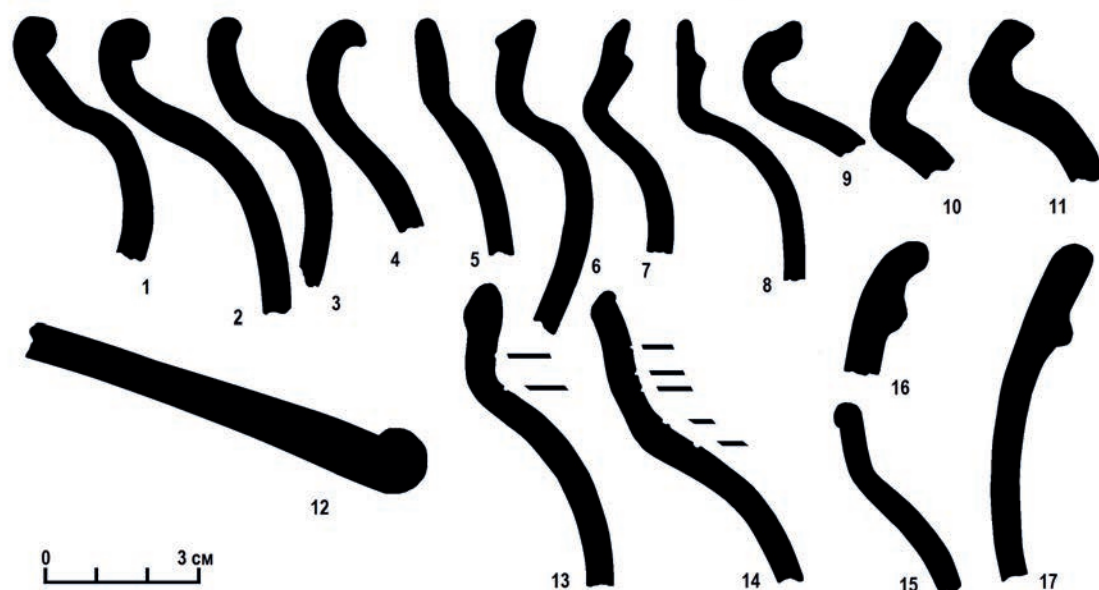
Среди образцов керамической посуды преобладали тёмно-серые, вероятно, от сосудов местного производства: с добавкой песка или некрупной дресвы в тесте, с разнообразным оформлением венчика (рис. 95). Посуда по форме уже мало напоминает «курганную», хотя изготовлена преимущественно методом кругового налёпа; на днищах в ряде случаев присутствовало клеймо мастера (рис. 96, 4–7), а вокруг днищ – следы срезания лишней глины ножом-бочаркой. По-прежнему изредка встречались обломки лепной посуды.

*Рис. 94. Контуры ямы с остатками печи на глубине 60 см.
Вид с юго-востока.*

Из привозной керамики следует отметить серо- и чернолощёную, в том числе кувшины с характерным оформлением края венчика (рис. 95, 16–17). Представлен особый вид тарной посуды: тонкостенные горшки достаточно большого объёма и лёгкого веса, выполненные из белой плотной глины без заметных добавок (рис. 95, 14). Один такой горшок, с диаметром устья 24 см, найден в виде развала среди остатков печи (рис. 96, 1). Там же встречен примечательный фрагмент: местное подражание привозной белоглиняной посуде: на её слегка отогнутый

Рис. 95. Профили венчиков керамической посуды из развала печи (раскоп 1988 г.).

сероглиняный венчик нанесён похожий орнамент в виде параллельных тонких полос (рис. 95, 13).

В целом привозная посуда из комплекса схожа с московскими и подмосковными образцами. Однако чернолощённый фрагмент с комбинированным (горизонтальные линии и штамп) орнаментом, выполненный из серой плотной глины, близок к изделиям из Булгара (рис. 96, 2).

Найденные в развале печи и на прилегающем пространстве ножи представлены двумя основными разновидностями: с обычным сужающимся черешком и широкой спинкой (рис. 97, 4–6), и с тонким лезвием и тонким пластинчатой основой рукояти (рис. 97, 7). На железной пластине-основе плёсской находки сохранились остатки деревянных накладок.

Форма лезвия одного из ножей является редкой для данного памятника: короткое лезвие со стороны спинки, у кончика, имеет достаточно резкий изгиб в сторону острия (рис. 97, 4). Поблизости найден ещё один подобный экземпляр – в шести метрах к востоку; возможно, он тоже имеет отношение к данному комплексу. Похожие ножи (правда, с более длинным лезвием) известны в поздних вымских могильниках, что может оказаться не случайным: здесь же, в нашем комплексе, встре-

чена бронзовая застѣжка-сюльгама с довольно примечательным оформлением закруглённых концов основы: аналогичное оформление имеют сюльгамы в вятском Грековском могильнике XVI–XVII в. (рис. 100, 5)². Прямое же письменное свидетельство связи Плѣса с данными территориями будет приведено ниже.

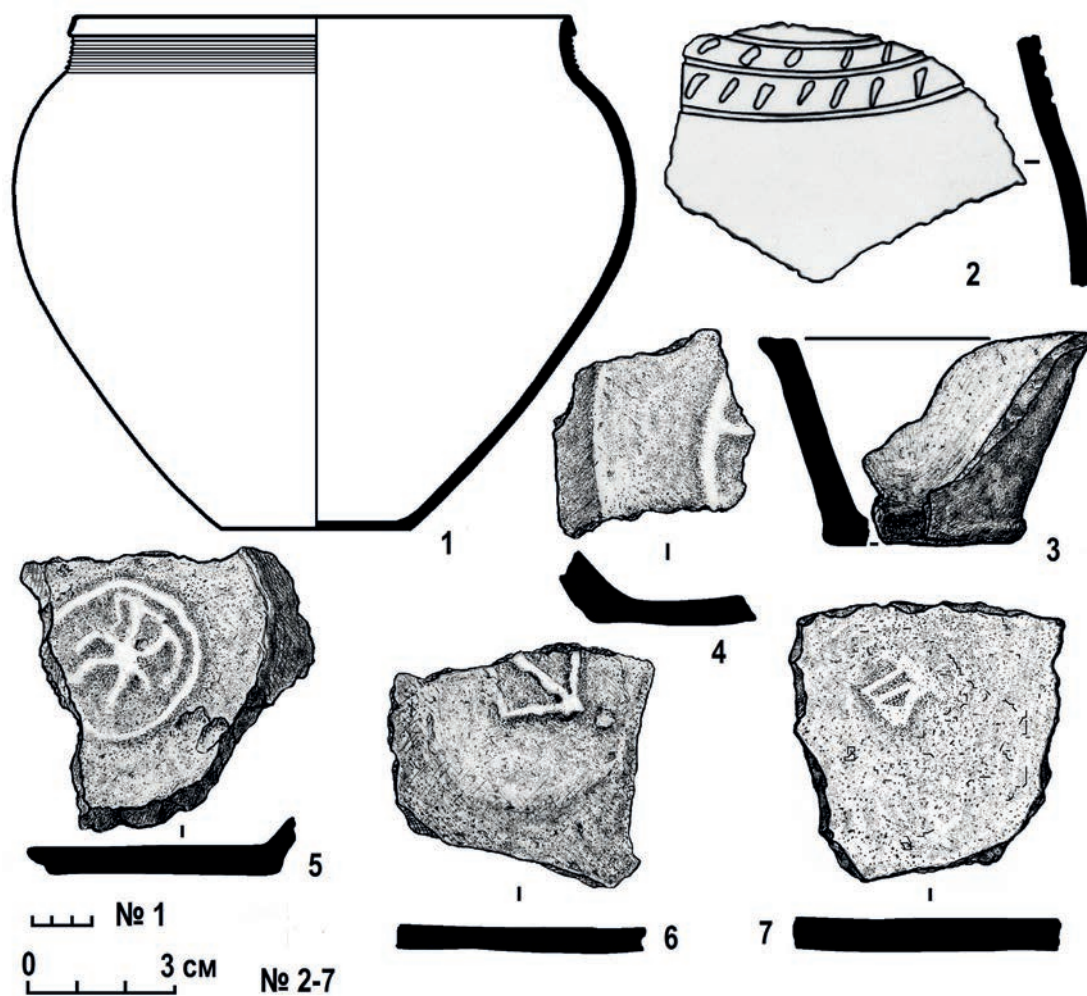

Рис. 96. Керамические изделия из развала печи и с прилегающих квадратов раскопа 1988 г..

Среди изделий из железа следует упомянуть ключ, подходящий к замкам типа Д и Е (по Б.А. Колчину) (рис. 97, 3); на данном памятнике торцевые ключи обычно встречаются в верхней части тёмно-серого слоя, в процессе прохождения первых двух глубин (от 0 до 30 см), и связаны с комплексами 2 пол. XV – 1 пол. XVI вв.. Из двух найденных кресал одно относится к не крупным овальным, характерным для позднего средневековья (почти прямоугольной формы), второе – архаичной фор-

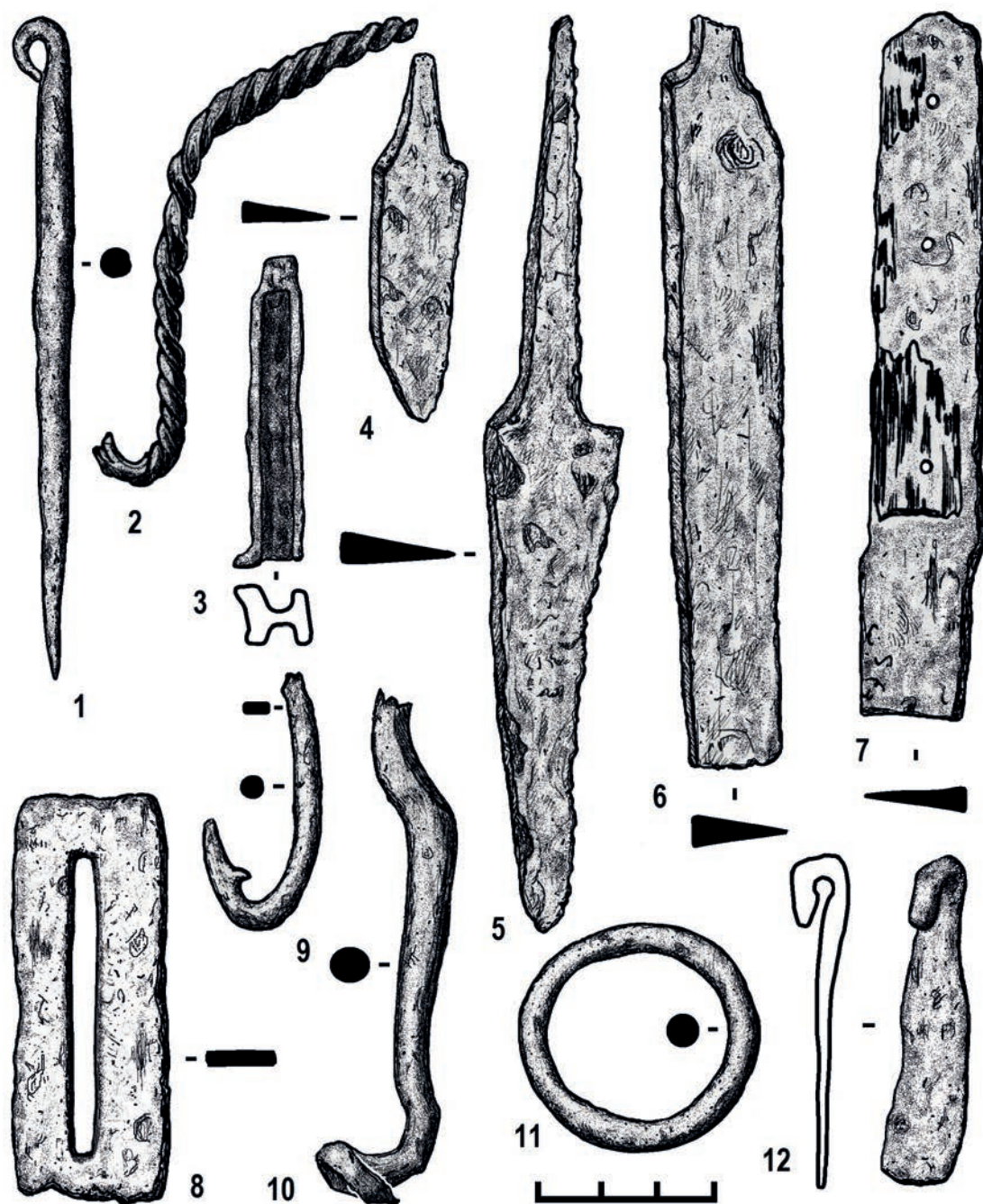

Рис. 97. Железные изделия.

1 – игла для трута; 2 – обломок ручки ведра; 3 – ключ; 4–7 – ножи;
8 – кресало; 9 – рыболовный крючок; 10–11 – детали конских удил;
12 – кресало (?).

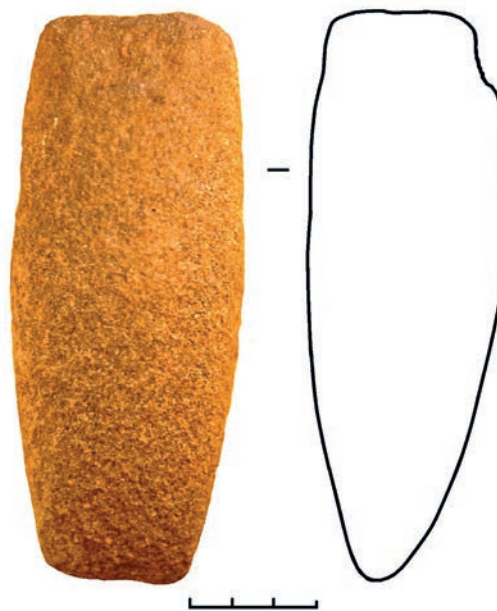
мы, восходящей к раннесредневековым финским пластинчатым кресалам (рис. 97, 8, 12). К финским верхневолжским наборам для добычи огня может восходить и булавка с петлёй на тыльном конце: с помощью таковых выпихивали из железной трубки сухой кончик трута, на который затем с помощью кресала и кремня высекалась искра (рис. 97, 1).

По сравнению с более ранними, плѣссские булавки данной эпохи стали проще по внешнему виду, но не менее необходимы – тем более в крепости, в связи с применением огнестрельного оружия (фитильные ружья и пушки).

В районе печи встречены два элемента конских удиц: сильно деформированное грызло (мудштук) и кольцо (рис. 97, 10–11). Форма найденного в развале печи витого железного стержня выдаёт в нём фрагмент ручки деревянного ведра (рис. 97, 2). Здесь же найден крупный рыболовный крючок (рис. 97, 9), а также два керамических грузила для ловли рыбы сетями (рис. 100, 12–13). Грузила изготовлены из той же глины, что и местная посуда (те же добавки в тесте) – скорее всего, они вылеплены гончарами из отходов производства посуды.

На месте дома вполне зримо былое присутствие женщины: найден обломок железной швейной иглы, 4 веретѣнных грузика (рис. 100, 9–11). Пряслица выполнены из обломков стенок керамических сосудов. Одно из них (из фрагмента «курганной» керамики) могло попасть в напластование комплекса в результате перекопа. Что же касается двух обломков стеклянных браслетов, то подобные и после раннего средневековья оставались в обиходе как минимум до XV века. Фрагмент браслета ранней формы – витого бронзового – представлял собой обрубок и предназначался для дальнейшей

Рис. 98. «Громовой топор» – обрег на месте жилища.

Рис. 99. Коник (белый ангоб, роспись).

переделки, вторичного использования ценного металлического лома (рис. 100, 2–4).

Примечательны находки религиозных принадлежностей. Среди них каменная нагрудная иконка с изображением сцены поклонения Гробу Господню и с магическим начертанием на лицевой стороне (ей посвящена отдельная статья)³. Примечательно, что в том же жилом комплексе найдена каменная прямоугольная пластина, приблизительно тех же размеров, что и иконка (рис. 100, 1). Выполненная из камня мягкой осадочной породы, с обработанными краями, она была приблизительно тех же размеров и могла предназначаться для изготовления похожего изделия.

В развале печи встречен обломок бронзового креста-тельника (рис. 100, б). На лицевой стороне сохранилось изображение орудия распятия, в боковых квадратных клеймах – обычные надписи: IC XC. На оборотной стороне клейма круглые, и в них угадываются изображения растительности, вероятно, символы Мирового древа. Подобные признаки «двоеверия» не однажды были отмечены в древностях Плёса, и в этом отношении символична ещё одна находка в рассматриваемом жилом комплексе: так называемый «громовой топор» (рис. 98). В качестве оберега дома в данном случае выступал найденный обитателями средневековой крепости (найденный, возможно, у впадения р. Шохонки в Волгу, где зафиксированы следы стоянки эпохи камня) массивный шлифованный неолитический топор. Судя по местонахождению в раскопе (в полутора метрах к востоку от печного жерла), он хранился либо на печи, либо у входной двери. Каменный «громовой» топор, как и «громовая стрелка», нам уже встречались в более ранних, раннесредневековых археологических плёсских комплексах; упоминаются они в качестве оберегов и средств лечения от болезней в древних письменных источниках и в этнографической литературе, в том числе местной. Корни же традиции уходят в глубины финской мифологии⁴.

Две находки из жилища могли бы быть, с оговоркой, отнесены к детским вещам. Это керамическая фигурка лошадки и бита для игры в бабки. Последняя имеет два пересекающихся под прямым углом отверстия – возможность максимального утяжеления залитым внутрь свинцом или плотно забитой в вымоченную в воде кость сырой глиной

(рис. 100, 7). Здесь следует оговориться, что игра не является сугубо детской; в неё часто играли мужчины, для чего имели свою битую и, как свидетельствуют раннесредневековые находки, свои на ней отметки и заклинательные знаки.

Керамические зооморфные и антропоморфные фигурки с древности в народной культуре рассматривались прежде всего как символы календарной обрядности. В связи с данным обстоятельством керамическая фигурка, найденная в развале печи, в «чистой» половине жилища, вряд ли была приобретена для детских забав: наличие таких изделий требовали правила календарных и иных ритуалов (рис. 99). Ниже приведено описание жилища в одном из осадных дворов, где не найден ни один предмет, указывающий на присутствие в доме женщин и детей, но встречены обломки зооморфных фигурок⁵.

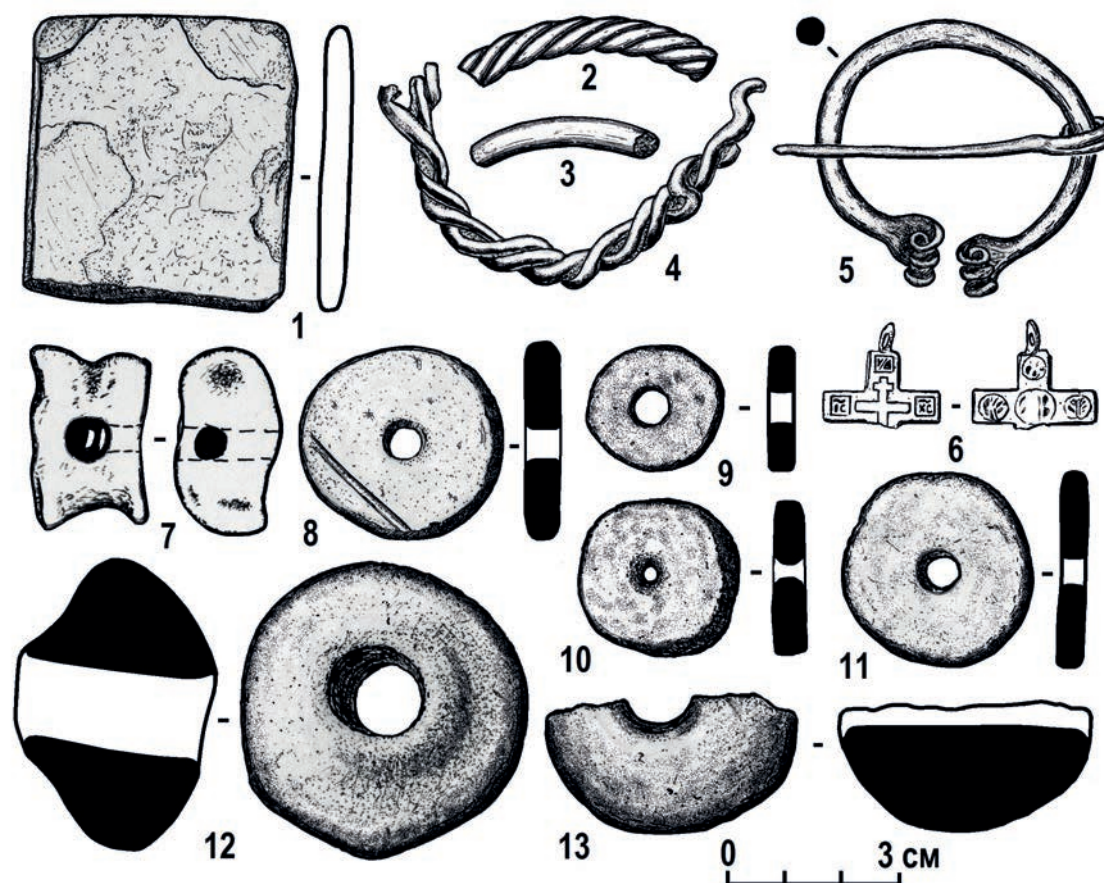

Рис. 100. Находки в жилом комплексе (раскоп 1988 г.).

1 – сланцевая пластина; 2–4 – фрагменты браслетов; 5 – застёжка-сюльгама;

6 – фрагмент креста; 7 – бита для игры в бабки;

8–11 – веретѣнные пряслица; 12–13 – рыболовные грузила.

1 – камень; 2–3 – стекло; 4–6 медный сплав; 7 – кость; 8–13 – керамика.

Керамический коник изготовлен из красной глины с добавкой песка и покрыт белым ангобом. По жирной белой глине серой краской нанесён орнамент – прорисованы элементы снаряжение оседланного коня. Как и все другие найденные на территории крепости зооморфные фигурки, данная не сохранилась целиком: у неё отбиты голова, конечности и то, что возвышалось над седлом (это могла быть фигурка всадника или верх высокого седла). Красноглиняные коники с росписью по белому ангобу найдены во многих старинных городах Центральной России (Москва, Коломна, Ярославль, Суздаль, Ростов и др.). Как правило, они встречались в перемешанных слоях раскопов и не имели узкой датировки. Два коломенских фрагмента, исходя из форм сопутствующей керамики, датируются 2 пол. XV – началом XVI вв., указывается на их сходство с находками из московского Кремля⁶. Найденный в Плесе образец также обнаруживает большое сходство с московскими (на что указал и осмотревший находку, по нашей просьбе, А.Г. Векслер).

Контур двойной ямы, прослеженной под остатками печи, на уровне материка имели форму, приближенную к восьмёркообразной. То есть, как и в ряде более ранних жилых комплексов городища, данная подпечная яма состояла из двух состыкующихся камер: погреба и ледника, причём ледник относительно вышерасположенной печной истопки оказался сдвинут (расширен) к югу.

Обе камеры в нижней половине имели форму неправильных овалов, шириной у дна до 1,3 м (восточная, ледник) и 1,8 м (западная, погреб). Западная и в верхней части имела форму овала, шириной до 2,5 м. Конфигурация восточной, при той же ширине, была более сложной, с выступами к северу (конфигурация указывает на устройство полки) и юго-востоку (если принимать во внимание дополнительную земляную ступеньку, здесь мог быть устроен отдельный ход к леднику). У восточного края ледника имелась дополнительная яма (0,7 x 0,4 м) – вероятно, дренажная, необходимая в условиях постепенного таяния запаса льда в летнее время. Глубина ледника составляла 1,78 м от современной поверхности, более глубокого погреба – 2,23 м. Камеры разделялись оставленной при копке земляной перемычкой шириной до 0,6 м, которая, вероятно, имела продолжение вверх в виде деревянной или дере-

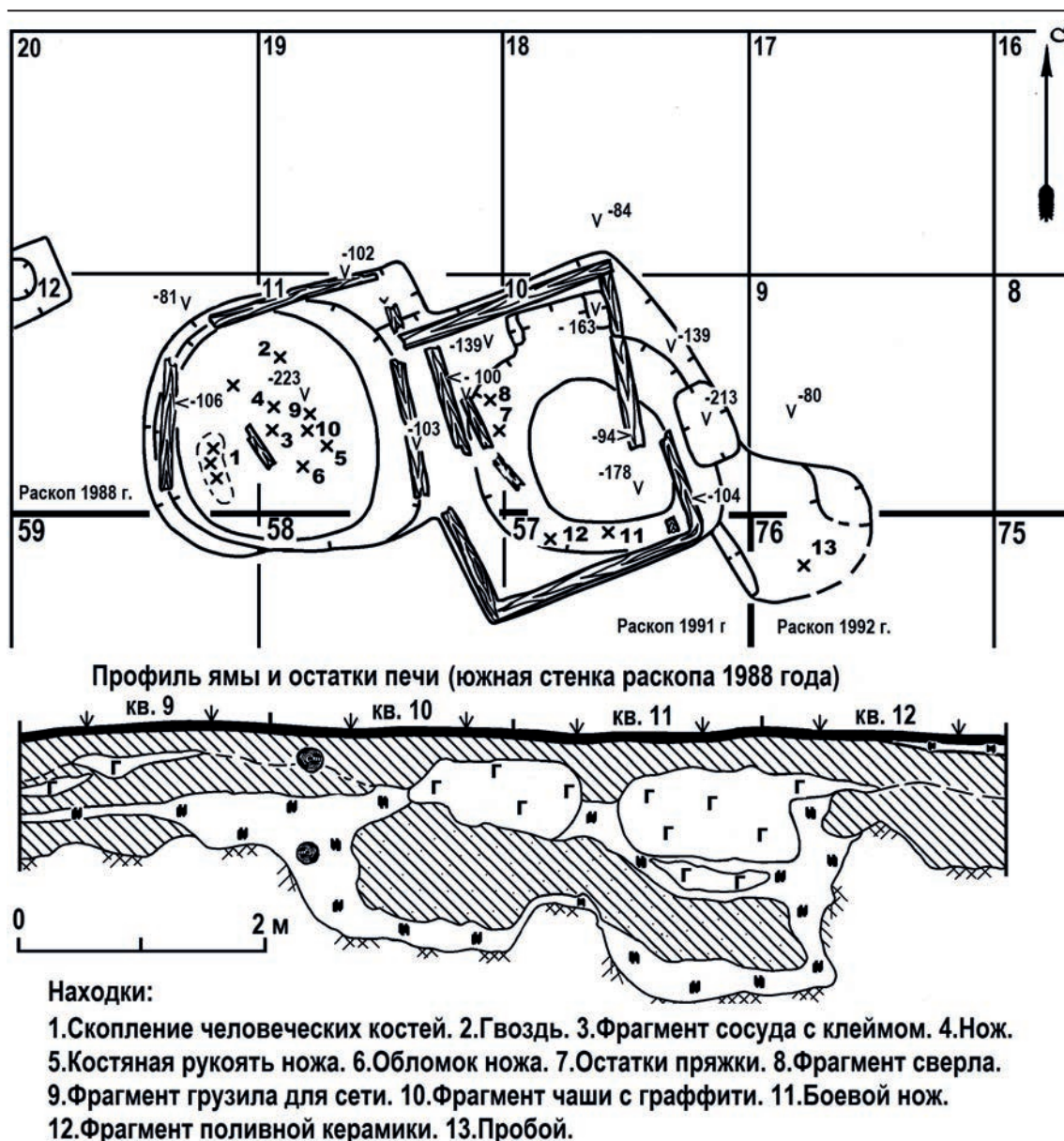

Рис. 101. Яма под печью в раскопе 1988 г.

во-земляной перегородки (что было необходимо для заполнения льдом ямы ледника и замедления его последующего таяния).

Судя по углистым остаткам (см. профиль в стенке раскопа, рис. 101), погреб и ледник были облицованы толстым слоем дерева. В верхней же части, под развалом печи, сохранились остатки бревенчатой конструкции, обрамлявшей обе камеры и опиравшиеся на специально устроенные, под размер конструкции, выступы-полки по краям камер.

Конструкция представляла собой два сочленённых сруба в один венец, размерами 2,5 x 1,7 м (восточный) и 2,2 x 3,8 м, ориентировочно (западный). Брёвна толщиной 0,2–0,25 м по углам были скреплены в

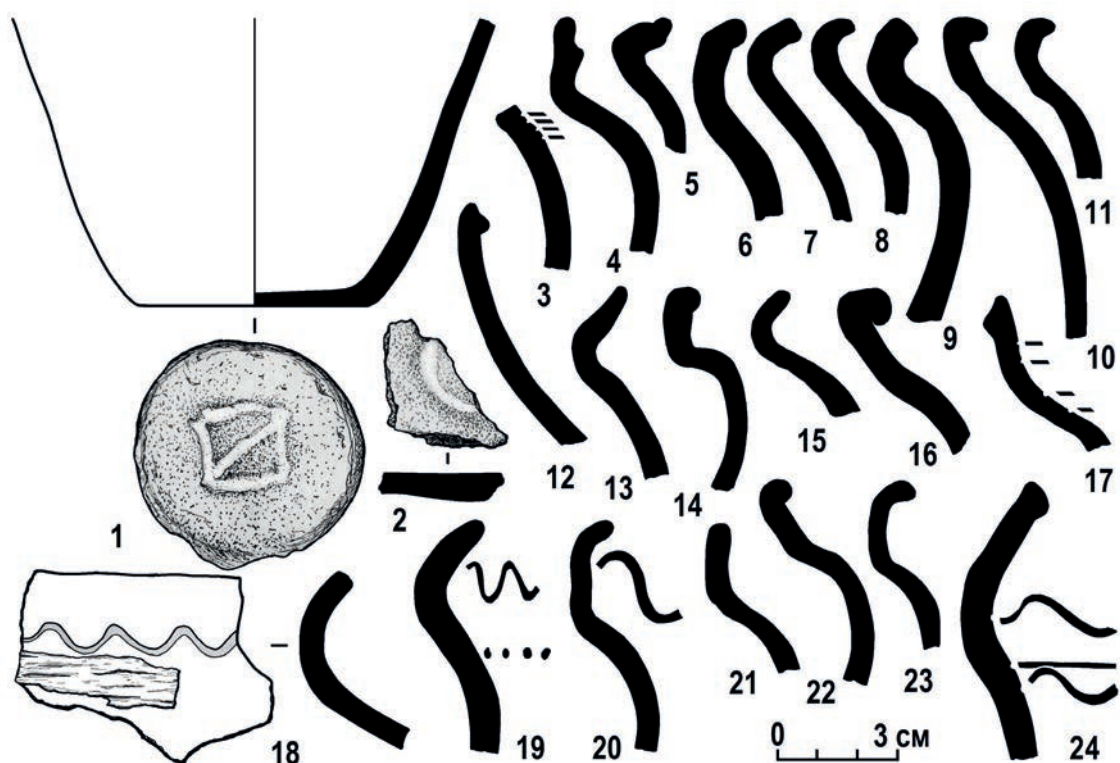

Рис. 102. Керамика из заполнения подпечной ямы (кв. 10–12 раскопа 1988 г.)

лапу, без выхода концов. Западная клетка конструкции была сдвинута на север, относительно восточной, на 0,6 м, что может указывать на устройство голбца – входа в погреб – с северной стороны печи, параллельно опечку.

Верхняя часть подпечной ямы была заполнена в основном просевшими остатками глинобитной печи и углистыми остатками деревянных конструкций. Под ними наблюдался серый, чуть осветлённый (возможно, песком из засыпки опечка) культурный слой.

Основные находки приходились на верхнюю часть заполнения. Здесь обнаружено большинство фрагментов керамической посуды – в основном сероглиняных тарных горшков, формы венчиков которых заметно перекликались с найденными в данном комплексе вне ямы (рис. 102, 4, 11, 15 и др.). В яме и вне её найдены два клейма одного мастера-гончара (рис. 102, 1 и рис. 96, б). И, как сказано выше, здесь была найдена основная часть чаши с граффити, которой посвящена отдельная публикация⁷.

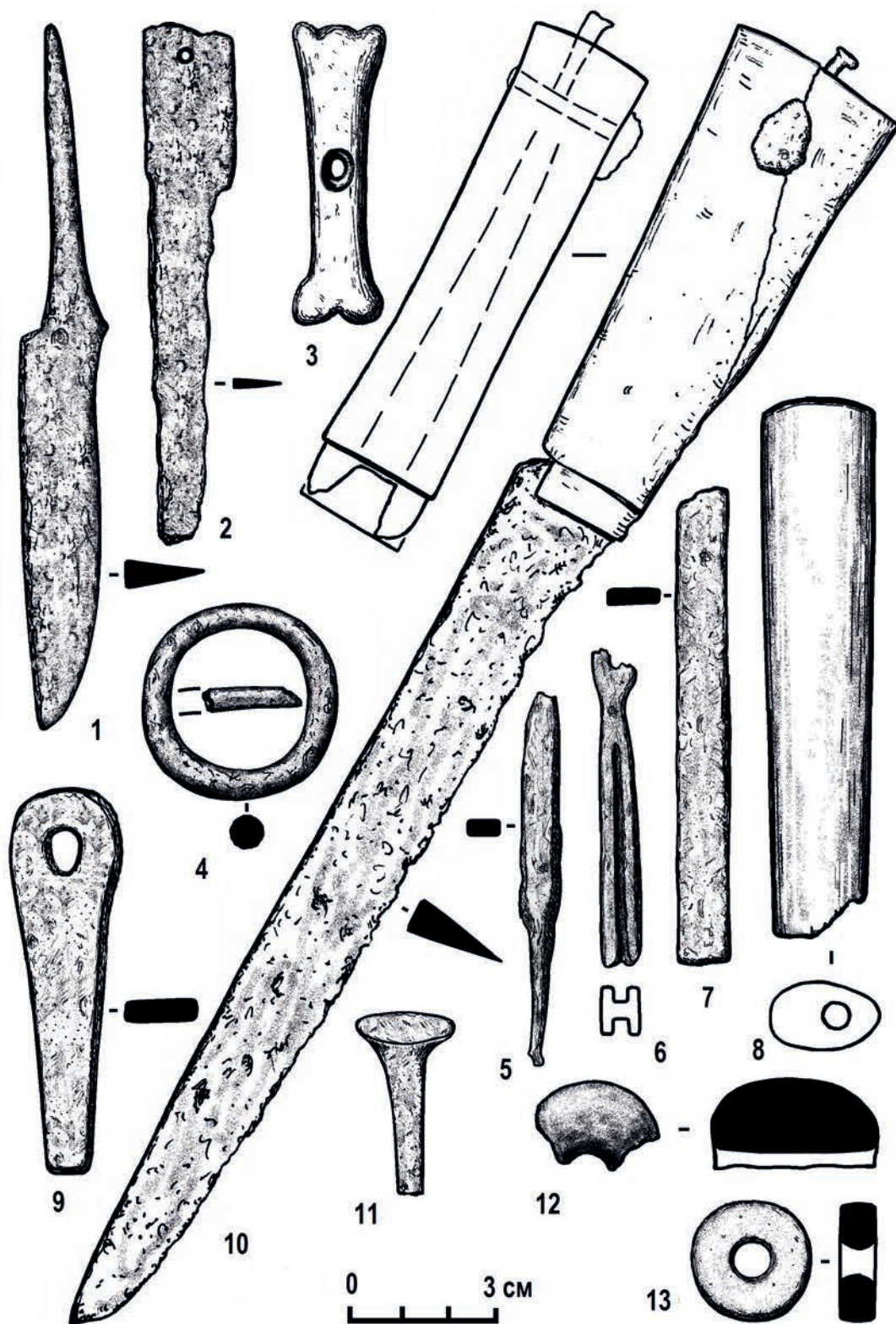

Рис. 103. Находки в подпечной яме (кв. 10–12 раскопа 1988 г.).
 1–2 – ножи; 3 – кость с отверстием; 4 – остатки пряжки (?); 5 – сверло;
 6 – ключ; 7 – доспешная пластина; 8 – рукоять ножа; 9 – пробой;
 10 – боевой нож; 11 – крепёжная деталь; 12 – грузило; 13 – пряслице.
 1–2, 4–7, 9, 11 – железо; 3, 8 – кость; 10 – железо, кость; 12–13 – керамика.

Всего в подпечной яме насчитывалось 1444 керамических фрагмента, из них:

- 263 сероглиняных венчика, 2 белоглиняных и 2 чернолощёных;
- 797 неорнаментированных фрагментов стенок, 135 с орнаментом;
- 212 фрагментов днищ, из них 1 от белоглиняного горшка.

Орнамент на указанных фрагментах преобладал линейный (белоглиняные горшки имели узкие полосы на шейке, рис. 102, 17). Встречался волнистый и комбинированный (тычковый с волнистым, линейный с волнистым) (рис. 102, 19–20, 24). На одном из орнаментированных венчиков сохранился фрагмент полосы берестяной обмотки (рис. 102, 18).

Индивидуальные находки отмечались в основном в верхней части заполнения, то есть в слое просевших остатков печи. Ближе к дну найдены только два ножа (рис. 103, 1–2), два точильных камня, гвоздь необычной формы (или не относящийся к строительству железный крепёжный стержень) (рис. 103, 11), часть упомянутой чаши с граффити, обломок поливного сосуда и скорлупа лесного ореха.

Выразительнее находки из верхних напластований ямы. Среди них крупный нож с костяной рукоятью, с клинком длиной 30 см (рис. 103, 10). Нож имел обоймицу у основания лезвия и затыльник (оба элемента утеряны), а также дополнительный поперечный крепёж-заклёпку на рукояти. Подобные крупные ножи могли использоваться в бою и не охоте; с учётом места находки (в крепости) есть основание отнести его к предметам вооружения. Здесь же обнаружены четыре железные пластины – удлинённые, толстые, почти одинаковые по величине (длиной от 9,8 см до 10,6 см, шириной 1,1 см), вероятно, нарубленные из одного прута (рис. 103, 7). Они лежали *in situ* в ряд, параллельно, на одинаковом расстоянии (около одного сантиметра) одна от другой. Такое обстоятельство позволяет предположить, что пруты были вшиты в какой-то элемент боевого доспеха, возможно, были частью тегилея; две похожих пластины были найдены в дальнейшем в 15 м к югу, в раскопе 1991 г. (в квадратах 71 и 73). Доспех подобного рода упоминается в завещании владельца окрестных земель Семена Дмитриевича Пешкова-Сабурова: «да Офонасю Жулебину приказщики мои дадут тегилеяй камчат, камка багрова, опушон горностаем»⁸. Найденное в яме кольцо, похожее

на элемент конских удиц, могло быть использовано в качестве рамки пряжки: прослеженные с ним железные остатки напоминали язычок пряжки (рис. 103, 4).

Из обычных бытовых находок отметим ещё один торцовый ключ, костяную рукоятку для ножа, дверной пробой, обломок сетевого груза и пряслице (рис. 103, 6, 8–9, 12–13). Кость с отверстием служила для сучения нитей и могла также использоваться в качестве детской игрушки-буркала (рис. 103, 3)⁹. Предмет, напоминавший черешковый наконечник стрелы, не имел острия, а на конце «черешковой» части сохранил следы плоского расширения, в связи с чем мы склонны видеть в нём наконечник не стрелы, а сверла (рис. 103, 5).

В заполнении собраны кости домашних и диких животных, различной сохранности, относительно целые и в виде фрагментов. Определение выполнено сотрудницей Палеонтологического института РАН И.В. Кирилловой. Материалы распределились следующим образом:

Кости домашних животных:

лошади – 2 экземпляра; крупного рогатого скота – 17; копытные средних и крупных размеров – 9; мелкий рогатый скот (в том числе овцы) – 14; свинья – 43.

Кости диких животных:

северный олень – 1; заяц – 1.

Разумеется, специфика памятника не позволяет на основе выносить какие-то обобщающие суждения – например, о составе городского стада. Обитателям крепости – воинам и членам их семей – мясо могло поставляться из их деревень, оно могло также закупаться на местном рынке. Что касается северного оленя, то лесной его вид встречался на данной территории вплоть до XIX века.

В подпечной яме данного жилого комплекса были обнаружены также человеческие останки. Компактное скопление костей скелета находилось у западной стенки погребца, под «чистой» половиной печи, на глубине 140–160 см. Кости были разной сохранности и, спрессованные давлением грунта, располагались так, как если бы тело изначально находилось в сидячем положении. Отдельные фрагменты (6 экз.) найдены в том же погребце вне скопления; вероятно, их растащили грызуны. Ана-

лиз костей был произведён на кафедре анатомии человека Ивановского государственного медицинского института.

«Все кости в основном сохранили форму и части (за исключением рёбер), имеют тёмно-серую, землистую окраску. Судя по резко выраженным лобному и теменному буграм, слабо выраженным шероховатостям угла нижней челюсти, слабо выраженным шероховатостям линии костей на черепе, а также относительно плохо выраженным шероховатостям на костях конечностей, можно полагать, что кости скелета принадлежат субъекту женского пола.

Хорошо выраженные швы мозгового и лицевого черепа, отсутствие патологических поражений зубов и отсутствие стёртости эмали на бугорках зубов свидетельствуют о довольно молодом возрасте субъекта, но не детском и не подростковом, т.к. отсутствуют эпифизарные хрящи (можно понять, что возраст женщины 25–30 лет).

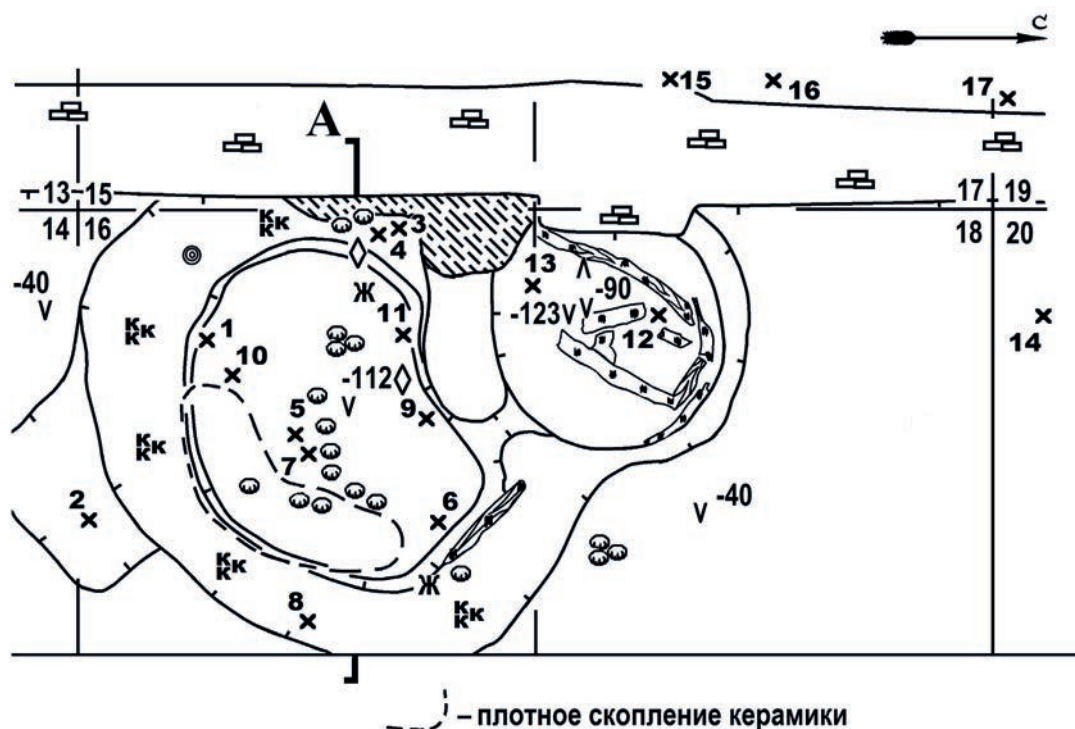
Используя таблицы Ролле для определения роста – по длине бедренной кости (144 см), локтевой (150 см), лучевой (140 см) – субъект имел рост в пределах 140–150 см.

Заведующий кафедрой анатомии человека ИГМИ
доцент Самойлов Г.А.»

В условиях крепости гибель молодой женщины могла наступить в результате каких-то внезапно случившихся боевых действий, не нашедших отражения в летописях, либо в результате большого пожара, от которого женщина попыталась спрятаться в погребе. В похожем более раннем случае (комплекс 1 пол. XV в. в раскопе 1989 г.) останки были обнаружены в яме ледника, то есть событие случилось зимой, здесь же, возможно, – летом.

Рассмотренный нами комплекс уже по составу керамических находок не может быть отнесён к первой половине XV века. Только во второй половине столетия, как отмечают исследователи, в русских древностях появляется ангобированные расписные изделия – такие, как найденная здесь игрушка-лошадка¹⁰. В то же время, у нас нет веских оснований отнести данный комплекс к последним десятилетиям функционирования крепости (в XVI столетии): остатки жилищ данного времени начинали прослеживаться сразу, под дёрном и обычно сопровождалась

находками монет. Печи сооружались с применением кирпича – а в данном случае без него. Кроме того, в керамических материалах комплекса ещё нет вертикальных венчиков с краем, оформленным в виде овала, но имеются «архаичные» образцы, в том числе с характерным для более раннего времени орнаментом.

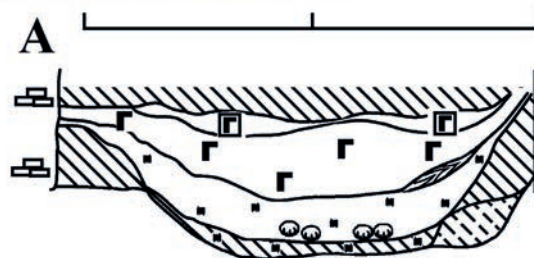

Находки в яме:

- 1.Осколок стекла. 2.Развал сосуда. 3.То же. 4.То же. 5.Створка энколпиона.
- 6.Фрагмент железного изделия. 7.Шило.
- 8.Игла швейная. 9.Нож с остатками деревянной рукояти. 10.Ключ.
- 11.Обломок ножа. 12.Фрагменты чаши для вина. 13.Игла швейная.

Находки, относящиеся к комплексу, вне ямы:

- 14.Нож согнутый. 15.Обломок ножа. 16.Свинцовая пломба. 17.Ключ.

Рис. 104. Подпечная яма в кв. 16, 18 раскопа 2005 года.

Наконец, для датировки комплекса немаловажным будет вспомнить найденные в нём вещи (ножи, сьюльгама), находящие аналогии в камско-вятских древностях, а также некоторые иные артефакты из раскопов (см. ниже), не связанные с данным комплексом, но совпадающие по датировке.

Приведём здесь одно из письменных доказательств связей Плёса и округа с указанным регионом. 1459 годом датируется документ, свидетельствующий о том, что местный небогатый землевладелец и воин, Осип Окинфов, писал завещание, «идучи на государеву службу великого князя на Вятку»; а из плёсской крепости, где он в составе полка «сидел в осаде», для юридического оформления документа его не выпускал воевода Несвижский¹¹. Источник связан с усилением экспансии великого московского князя Ивана III на северо-восток, где, до покорения Москвой, свои интересы отстаивал Великий Новгород. Но в 1478 году новгородские земли были присоединены к Москве, а в 1489 году была покорена и Вятка; великокняжеская активность на этом направлении снизилась, необходимость военного участия Плёса отпала. Таким образом, по совокупности данных, рассмотренный выше комплекс может быть датирован второй половиной XV столетия.

Остатки похожего жилища были прослежены в процессе работ в 2005 году. Отдельный раскоп, с отдельной нумерацией, был заложен южнее предыдущих в целях обнаружения земляных оборонительных сооружений раннего средневековья (рис. 3). И здесь, в квадратах 16 и 18, была обнаружены подпечная яма характерной восьмёркообразной формы. Она была перекрыта и заполнена остатками жилища. Выше, на глубине до 20 см, всё это, в свою очередь, перекрывал строительный мусор XIX в. (вперемешку с культурными остатками преимущественно XVI в.), связанный с возведением фундаментальной кирпичной ограды Казанского собора. Ограда и котлован, вырытый под ограду, частично затронули северный край средневековой подпечной ямы (рис. 104).

Не потревоженные отложения, связанные с описываемым комплексом, прослеживались с глубины 25–30 см, а контуры ямы – уже на фоне домонгольского слоя (северный край) и материка (с юга) – обозначились только при зачистке на глубине 40 см. Видимых свидетельств проведения каких-либо строительных работ во 2 пол. XIII – 1 пол. XV вв. в непосредственной близости от ямы не встречено, за исключением полосы, шедшей из юго-западного угла кв. 17 в кв. 20; полоса начала прослеживаться в нижней части отложений тёмно-серого цвета и могла быть следом тыновой изгороди 1 половины XV столетия.

Остатки печи, в виде отдельных кусков обожженной глины, над ямой встречались в мешаном слое на глубине 0–20 см. Под ним (начиная с глубины около 25 см), уже в не потревоженном тёмно-сером слое, их стало гораздо больше. А на глубине 30 см они были отмечены, кроме того, в виде округлого пятна шириной до 1,4 м (кв. 18 и 20). Керамика, сопутствовавшая остаткам печи, по своим характеристикам в целом совпадала с той, что встречена в яме. Среди индивидуальных

*Рис. 105. Свинцовая пуля
(кв. 17 раскопа 2005 г.).*

находок, с большой долей вероятности относящихся к рассматриваемому комплексу, отметим торцовый ключ к сничному замку (рис. 111, 5), свинцовую пулю (рис. 105), а также нож, специально изогнутый и приспособленный для использования в качестве ложкореза или скобеля (под правую руку); подобный был бы удобен в бортничестве для вырезания сот диких пчел из дупла (рис. 111, 4). Примечательна миниатюрная железная копия топора, размерами 4,4 x 2,2 x 1,2 см (рис. 111, 7). Топорик не пригоден для каких-либо работ и, вероятнее всего, был связан с широко распространённой средневековой практикой использования таких изделий в ритуальных целях, в качестве амулета, лечебного средства. Их находили в Северной и Южной Руси в погребениях мальчиков, юношей и мужчин, они встречены в марийском женском ожерелье, широко распространены были в финских древностях¹². Находки топориков-амулетов обычно связаны с памятниками раннего средневековья, однако плѣсская находка по форме напоминает «утяжелённые топоры третьего типа» (по классификации Б.А. Колчина, который относит их преимущественно к XV веку)¹³. Условия залегания также не противоречат датировке Б.А. Колчина. Более поздние экземпляры подобных изделий нам не известны, хотя вполне допустимы: автор «Домостроя»

сообщает о сохранении веры в их магическую силу, а плёские археологические (и этнографические) материалы неоднократно свидетельствовали о сохранении языческих практик и после XV столетия¹⁴.

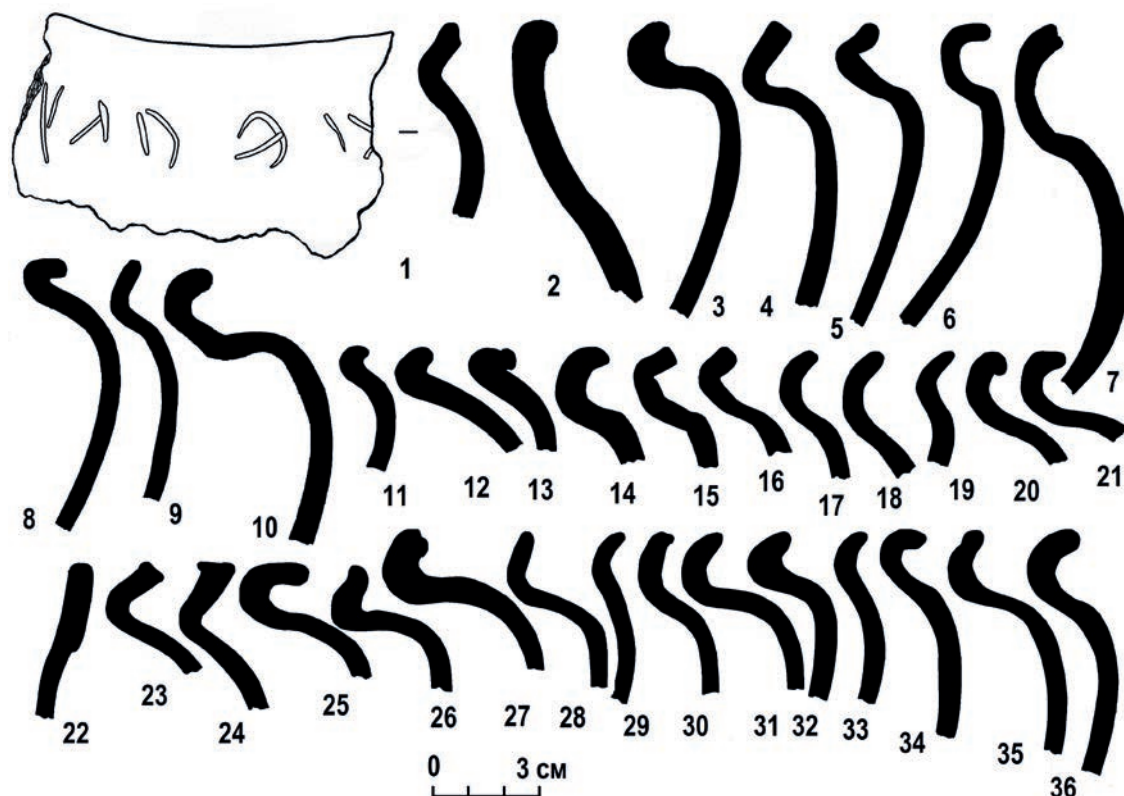

Рис. 106. Профили сосудов из подпечной ямы (кв. 16, 18 раскопа 2005 года).

Восьмёркообразная яма в кв. 16, 18 состояла, как обычно, из двух углублений, разделённых земляной перемычкой (высота около 30 см). Углубление меньших размеров, округлое, диаметром 1,1–1,2 м, могло служить ледником и располагалось под истопкой печи: именно над ним печина в виде обожженных кусков сохранилась слоем, пятном. Углистые остатки и древесный тлен – всё в виде полос шириной до 8 см – указывают на деревянную облицовку стенок или на своего рода деревянный короб, который к началу лета заполняли льдом. Пространство между стенками короба и стенками ямы в целях термоизоляции могло набиваться соломой – как слоем соломы перекрывались ледники и в более поздние времена. Находок здесь встречено немного, и в основном в верхнем слое заполнения: они попали сюда из жилого помещения, с просевшими его остатками.

Второе углубление, больших размеров, с юга от ледника, служило погребом. На глубине 40 см (на уровне материка) оно было овальным, с наибольшим расширением 2,4 м (у дна – 1,6 м). Дно ровное, стенки слегка наклонные. На высоте 0,2–0,35 м от дна по всему периметру (за исключением южной стороны) прослежен грунтовый выступ шириной 0,4 м – полка, имевшая, судя по остаткам тлена по краю, дополнительную деревянную облицовку.

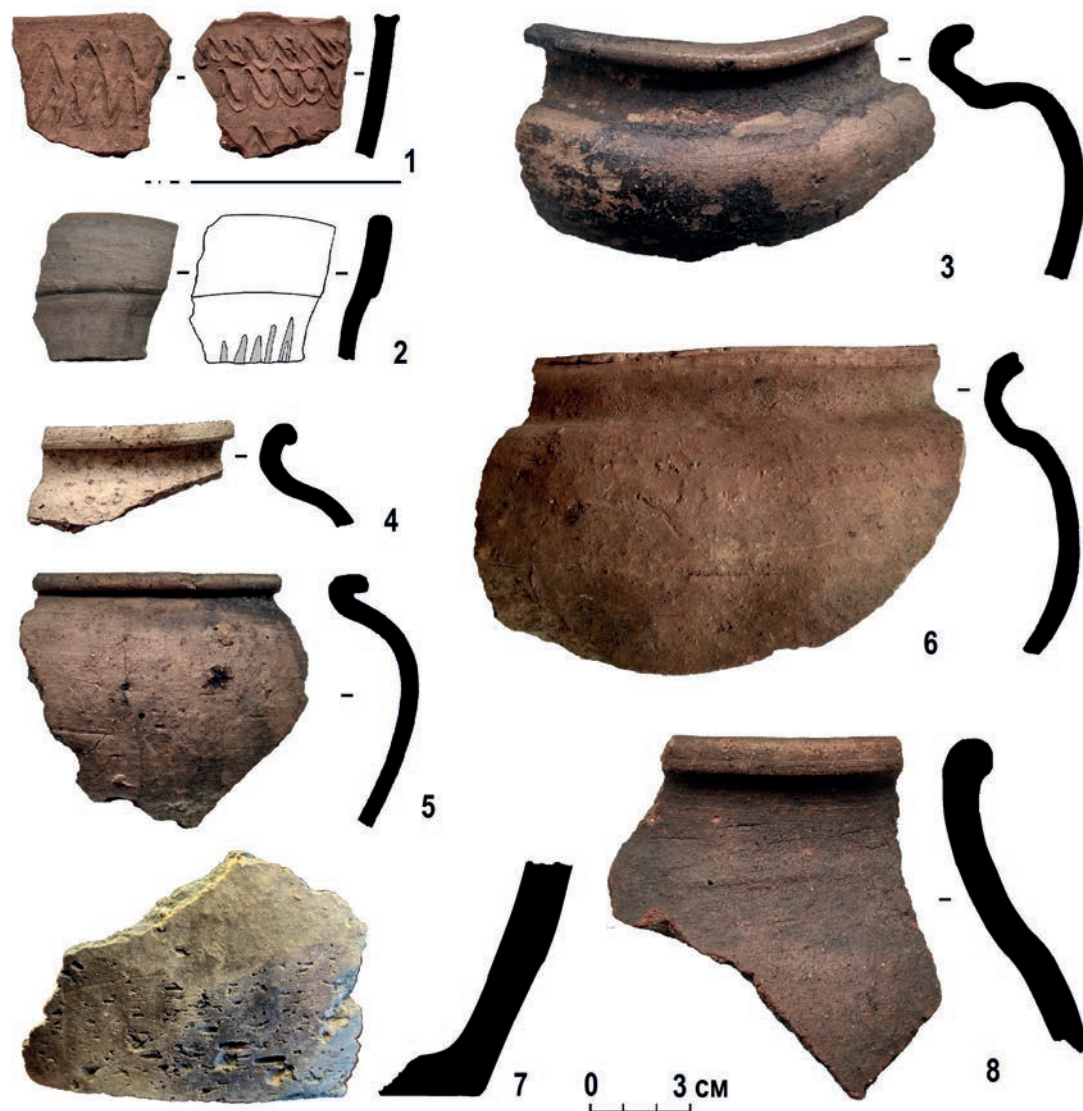

Рис. 107. Фрагменты сосудов из подпечной ямы (кв. 16, 18 раскопа 2005 года).

Заполнением погребка стали остатки постройки, в основном – печи, причём той её части, что выходила в «чистую» половину жилища (рис. 104, разрез «А»). Свидетельством может служить то обстоятель-

ство, что глинистый массив заполнения и слой кусков обожженной глины над ним разделялись тонкой, до 1 см, тёмной прослойкой, не содержащей углей и фрагментов керамики (что обычно находят в истопках). Под слоем глины в заполнении шёл 20-сантиметровый углистый слой, содержащий невыразительные остатки деревянных конструкций погребя, сверху и по краям – тёмно-серый слой, связанный с остатками постройки.

В отличие от ледника, погреб изобиловал находками, и прежде всего керамическими остатками. Собрано около 2 тысяч фрагментов глиняной

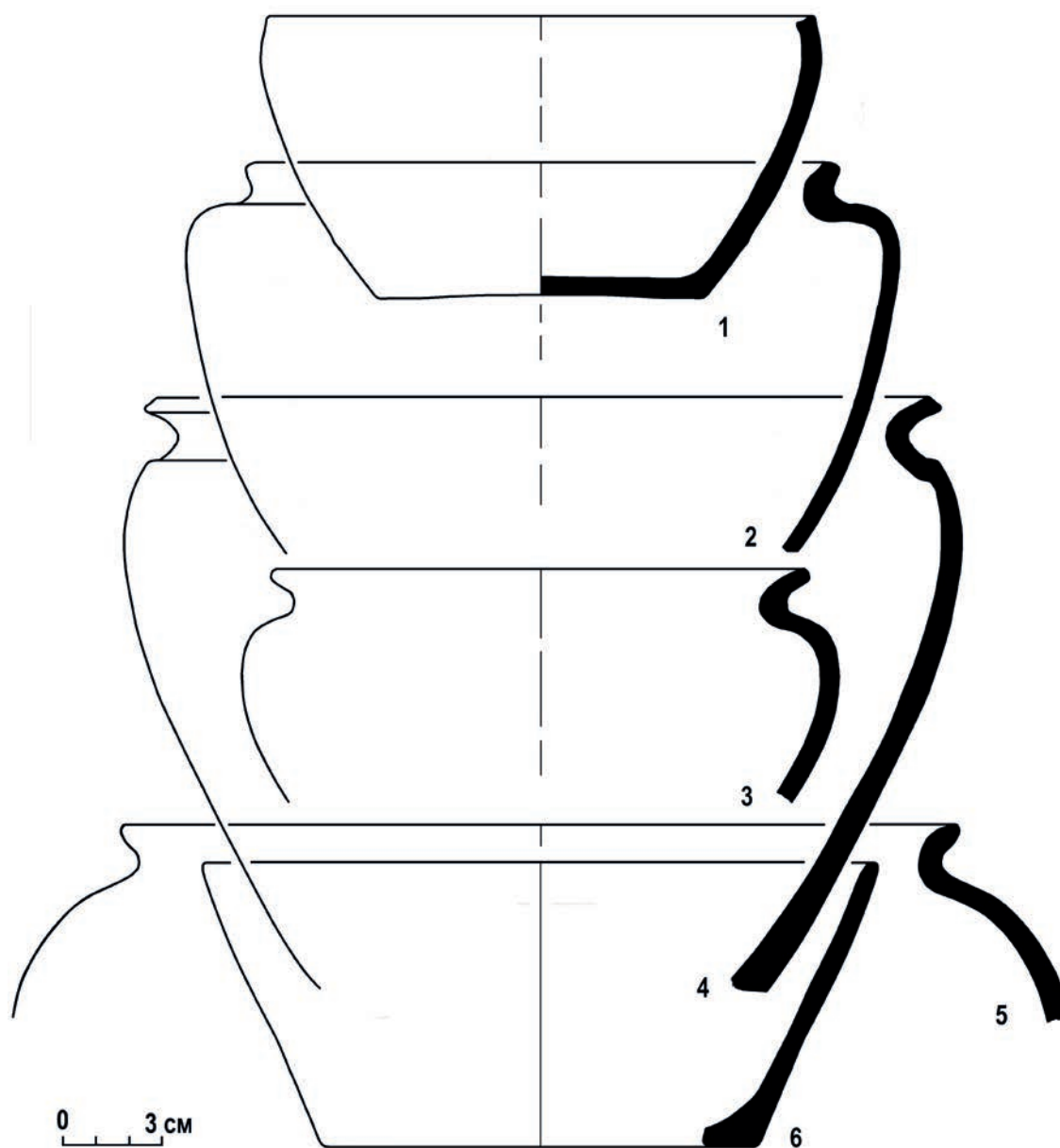

Рис. 108. Профили посуды из погребя (кв. 16 раскопа 2005 г.).

посуды – преимущественно тарной, хотя встречались и горшки с нагаром – следами их использования для приготовления пищи (рис. 107, 3). Подавляющее большинство находок встречено в углистом слое (под печиной), то есть на момент гибели постройки посуда находилась в подполе, причѐм стояла на вышеуказанной полке по его периметру. Здесь отмечены наиболее крупные фрагменты и развалы (рис. 108; 109). Горшки, судя по всему, разрушились от мощного удара сверху, вероятно, от обрушения массива печи и опечка: под полкой, дугой вдоль юго-восточного края, отмечено наслоение некрупных обломков, причѐм в основном верхних частей сосудов; днища, в виде более крупных фрагментов, найдены преимущественно на полке.

Большая часть сосудов снаружи имела серый цвет и была изготовлена из глин, которые встречаются слоями в моренных отложениях Плѣ-

Рис. 109. Остатки посуды из погребя (кв. 16 раскопа 2005 г.).

са и окрестностей. Значительная доля черепков в изломе была чёрного цвета, лишь с тонким более светлым (серым, коричневатым, реже красноватым) слоем по поверхностям. Белоглиняных фрагментов встречено менее десятка, в том числе венчик сосуда, изготовленного из жирной глины (подобная использовалась при ангобировании) с обильной добавкой органики (рис. 107, 4). Один крупный горшок (21 x 28 см, диаметр устья 21 см), собранный из развала, имел бежевый цвет поверхности, но черепок в изломе был в основном чёрный, с миллиметровым светлым слоем по наружной поверхности. Внешне сосуд напоминал белоглиняные горшки коломенского типа, но был тяжелее и без обычного пояса тонкого линейного орнамента по шейке (рис. 109, 4); подобные орнаментированные встречены в слое комплекса вне ямы. Как и этот горшок, большинство сосудов имели в тесте добавки мелкой и средней, реже крупной, дресвы. Не менее распространён в качестве добавки был песок, навоз крупных жвачных животных. Изредка встречался шамот, слюда (чего не наблюдалось в керамике предшествующего времени на данном памятнике) (рис. 106, 1; 108, 6).

Ассортимент найденной посуды включал, кроме многочисленных горшков, миски, среди которых самая крупная имела диаметр 20 см и высоту 8, 4 см (рис. 108, 6). Наименее крупные можно отнести к категории чаш для напитков: в развале печи и среди горшков на полке найдены фрагменты с характерным волнообразным орнаментом на внешней и внутренней стороне, что отражает, на наш взгляд, вызывавшую интерес в просвещенных кругах того времени мифологию, связанную с Дионисом (см. вышеописанный комплекс 1988 г.) (рис. 107, 1). И миски, и чаши схожи по керамическому тесту, сероглиняные, и могли быть изготовлены местными гончарами; некоторые изделия подрезаны у дна ножом-бочаркой (рис. 108, 1). Нагар на такого рода изделиях, как правило, отсутствует.

Все найденные фрагменты кувшинов изготовлены из плотной серой глины без видимых добавок. Внешняя их поверхность хорошо заглажена. Имеются следы лощения: горизонтального по краю венчика и в виде полос (зигзагов) по шейке (рис. 107, 2). Фрагменты чёрнолощёных кувшинов отсутствовали.

Горшки почти все сероглиняные, но цвет их внешней поверхности имел различные оттенки: от почти чёрного до светлого, иногда красноватого. Они разнообразны по форме и назначению. Из общей массы выделяются массивные толстостенные фрагменты крупных тарных сосудов (рис. 106, 2; 107, 8). Нагар на корчагах отсутствует, заметны обильные добавки в тесто песка, дресвы мелких и средних фракций.

Значительную долю горшков представляли округлобокие (рис. 108, 5; 109, 4). Некоторые экземпляры имели «притопленные» венчики (рис. 106, 3, 5–7, 10; 107, 3). Последние зачастую короткие, шейка могла отсутствовать (рис. 106, 8, 12–13, 27), хотя в целом в их оформлении наблюдалось разнообразие; многие венчики отогнуты наружу. Часть горшков отмечены следами приготовления пищи, другие использовались только как тарные (рис. 107, 5–6).

*Рис. 110. Имитация круговой надписи на сосуде из подпечной ямы.
Раскоп 2005 г.*

Орнамент на горшках, как правило, отсутствовал, однако один сосуд в этом отношении оказался примечателен. Обычный сероглиняный, предположительно местного производства, он имел своеобразное оформление: по всей окружности под шейкой шёл поясok из пересекающихся коротких линий и значков, напоминавших буквы. Оформление было нанесено по окончании формования изделия, по сырой глине, и могло представлять собой имитацию надписи (рис. 106, 1; 110). Фрагменты данного сосуда, в числе немногих, были найдены в подпечье со стороны истопки (кв. 18) и имели нагар на поверхности, образовавшийся в процессе приготовления пищи.

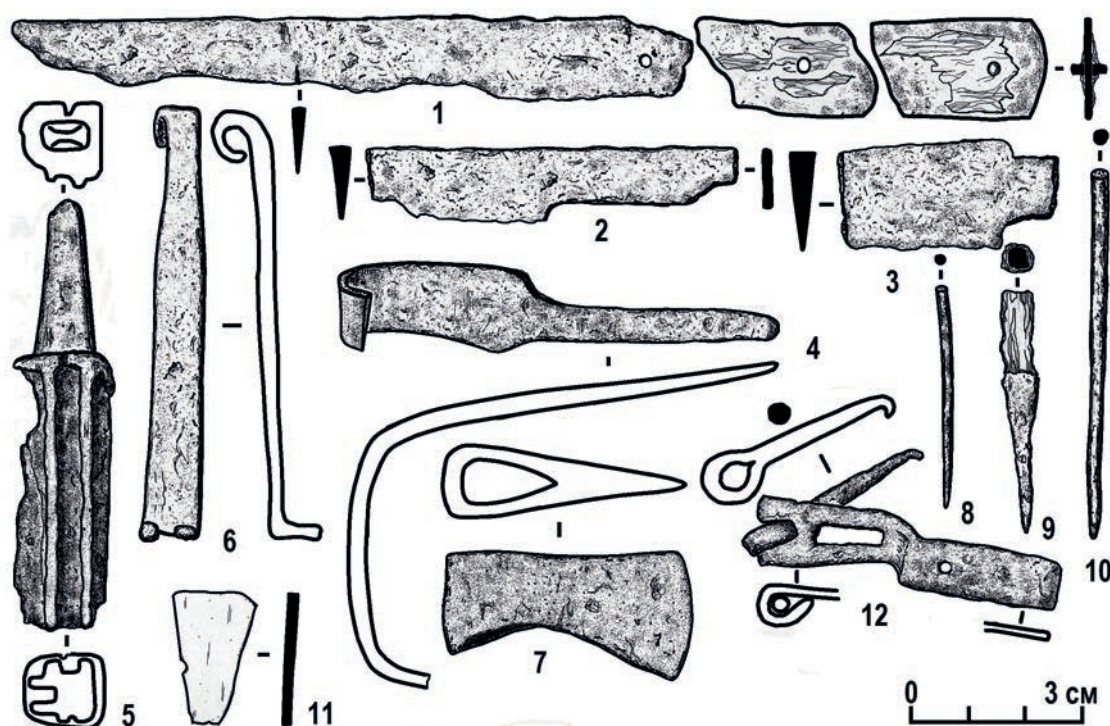

Рис. 111. Находки из подпечной ямы (кв. 16, 18 раскопа 2005 г.).

1–4 – ножи; 5–6 – ключи; 7 – ритуальный топорик; 8, 10 – швейные иглы;
9 – шило; 11 – осколок стекла; 12 – детали запора.
1, 9 – железо, дерево; 2–8, 10, 12 – железо; 11 – стекло.

В яме погреба (кв. 16) найдены остатки ножей, в том числе двух – с пластинчатым черенком и тонким лезвием (вероятно, столовых). На одном из ножей сохранились следы деревянной рукояти и крепежные штыри (рис. 111, 1). Найденный в погребе ключ относится к типу В (по Б.А. Колчину) (рис. 111, 6). Из других железных предметов отметим две сломанные швейные иглы разных размеров, шило с остатками

деревянной рукояти и часть крепежа для запора – судя по размерам, не дверного, а сундучного, либо кадочного (долблёная колода-укладка для одежды) (рис. 111, 8–10, 12). Найденный осколок стекла – без изгибов, не окрашен, прозрачный, замутнён (рис. 111, 11).

Рис. 112. Створка энколпиона (кв. 16 раскопа 2005 г.).

Здесь же, в заполнении погребца, найдена створка креста-складня. Изделие отлито из бронзы, его размеры 8,8 x 5,8 см. находка не расчищена, но понять изображение можно с помощью двух абсолютно похожих на плёсскую находок с Северного Кавказа, которые лучше сохранились. В центре, в окружении 4 фигур в лотках, в полный рост изображена Богородица. Имеется обратная древнерусская надпись «Святая Богородица, помогай» (на нашем экземпляре угадываются лишь отдельные буквы) и имя «Васил» в нижнем медальоне, также в обратном написании¹⁵. В лотке вершины, вероятно, помещено погрудное изображение Спаса (рис. 112). Исследователь северокавказских находок энколпионов В.А. Кузнецов по поводу их происхождения и датировки ссылается

на Б.А. Рыбакова, который указал точные аналогии в киевских древностях XIII века. Как оказался раннесредневековый артефакт в заполнение погребца, можно предположить, если иметь в виду прослеженные в раскопе, в непосредственной близости, остатки домонгольского жилища. Крест, вероятно, попал вместе с грунтом в засыпку сооружаемого опечка рассматриваемого нами комплекса (найден он в верхней части заполнения погребца). Можно было бы полагать, что крест находился в пользовании кого-то из жителей этого дома и, соответственно, был отлит в XV столетии с домонгольского образца по оттиску в глине. Однако, изучавшая данный вопрос Д.А. Беленькая указывает, что мастера позднего средневековья не слепо копировали древние изделия, а твор-

Рис. 113. Яма в кв. 8, 10 раскопа 2005 г.

чески развивали их формы¹⁶. Наша же находка не имеет отличий от раннесредневековых.

Менее чем в четырёх метрах к югу от вышеописанной ямы домашнего подпола, в том же раскопе, исследована большая яма иной конфигурации и назначения (рис. 113). Она начала прослеживаться также под строительным мусором XIX в. и не вполне отчётливыми здесь отложениями последних десятилетий функционирования крепости. На глубине 30 см, на фоне материка и остатков более раннего светло-серого слоя, яма имела в горизонтальном плане форму, близкую к квадрату со скруглёнными углами, с шириной одной стороны 2,4 м. Восточный угол выходил за пределы раскопа. Глубина от современной дневной поверхности 0,85 м, дно ровное, стенки наклонные. Заполнение ямы представляло собой тёмно-серый слой, в нижней части имевший интенсивную примесь в виде углей. У самого дна сохранилась прослойка угля толщиной до 5 см (рис. 113, *разрез «А»*).

Материалы заполнения ямы позволяют характеризовать её как уличный заглублённый очаг и свидетельствуют об интенсивном и разностороннем её использовании. Верхний пласт заполнения (30–50 см от современной дневной поверхности) содержал куски ошлакованной глины, колотый валунный камень и стекловидные шлаки. С ювелирным делом могла быть связаны находка сплющенного (для переплавки) перстня из медного сплава (рис. 116, 5). Здесь же найден небольшой тигель (рис. 116, 6). Он был без следов шлакования, а значит, мог использоваться для плавки свинца. Внутренний его диаметр у дна полусферической формы составлял 12 мм; найденные в крепости в слоях XV – нач. XVI вв. две пищальные пули имели диаметр 10 и 11 мм; совпадение (с учётом усадки при остывании и последующего искусственного окатывания отливки) может оказаться не случайным. Кроме производственных, в верхней части заполнения ямы отмечены кухонные остатки – кости, рыба чешуя, обломки керамики, найден фрагмент ножа и рыболовное грузило (рис. 116, 3, 11).

Кухонные и иные остатки отмечены и в нижней части заполнения, где наблюдались интенсивные углистые включения и встречены фрагменты недогоревшего дерева (вероятнее всего, дров). Ближе к дну было

гораздо больше обломков очажного «рваного» камня, керамики, индивидуальных находок преимущественно бытового назначения.

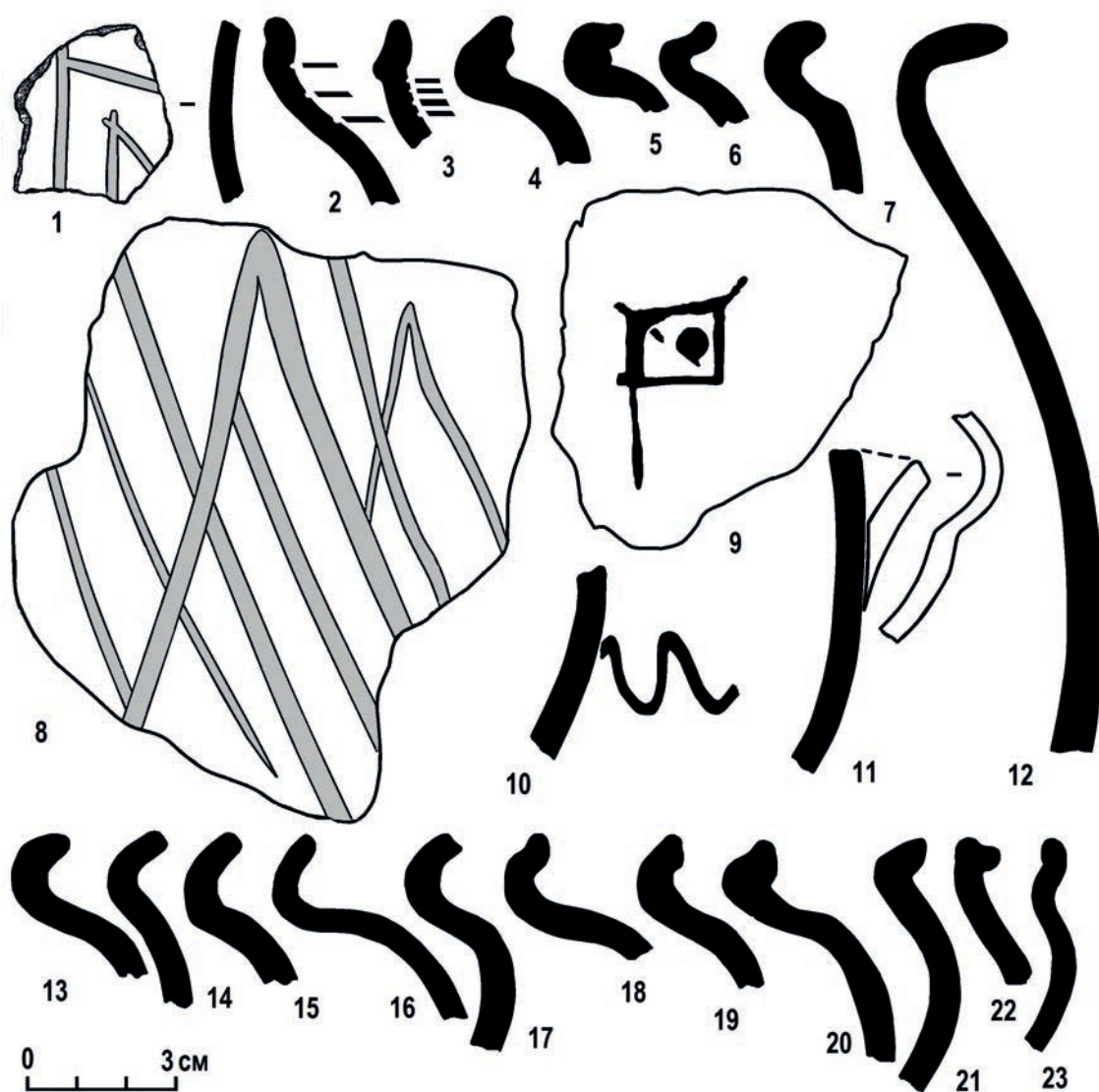
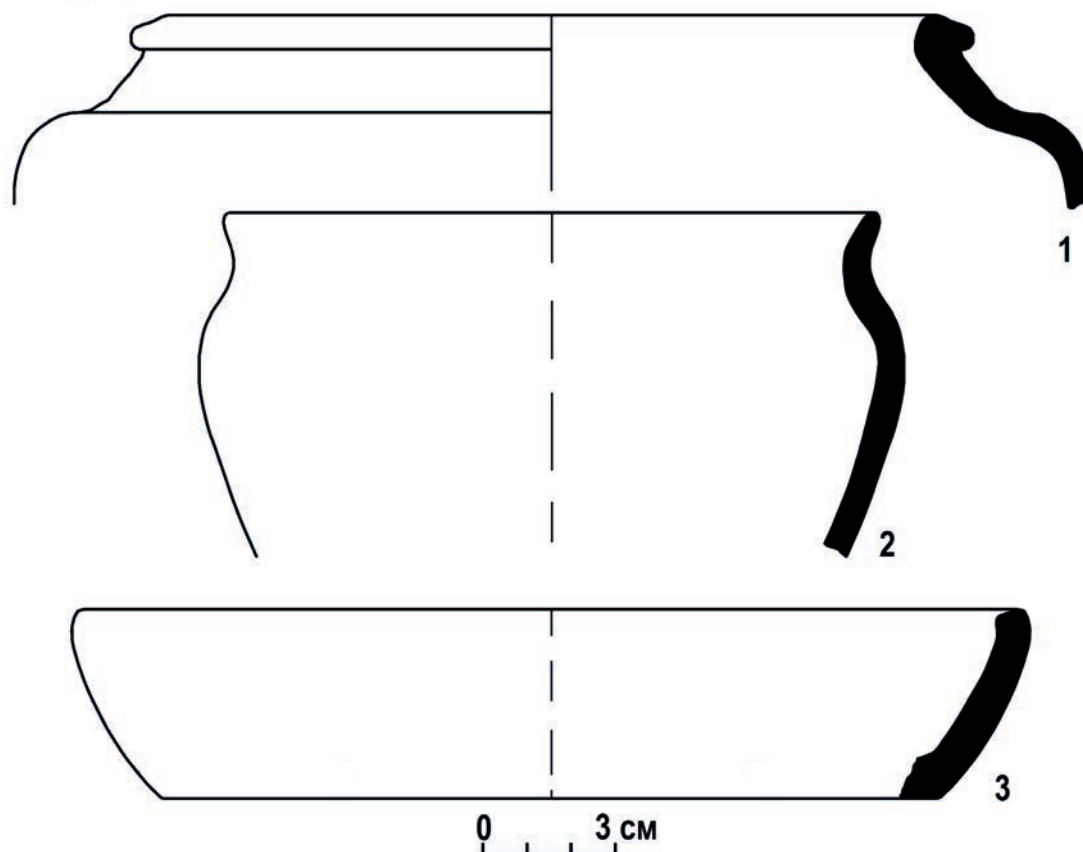

Рис. 114. Керамика из ямы в кв. 8, 10 раскопа 2005 года.

Среди железных изделий (сохранность их плохая) отметим нож и фрагмент ножниц, стреловидную пружину навесного замка, остатки швейной иглы и наконечника стрелы (?), две скобы и до десятка неопределимых обломков (рис. 116, 1–2, 8, 10). Встречены три точильных бруска, кости со следами обработки – в том числе орудие для сучения ниток и позвонки крупной рыбы, просверленный и обточенный для использования в качестве бусы (не единственная в крепости находка подобного рода) (рис. 116, 4, 7, 9). Единственная найденная в комплексе монета – медное пуло – не имела различимого изображения.

Керамические остатки, по сравнению с найденными в яме погребца, в целом более мелкие и связаны, в основном, с приготовлением, а не хранением пищи. Многие формы совпадают с найденными в погребце – по составу теста, характеру обжига, форме тулова и оформлению венчика (рис. 114).

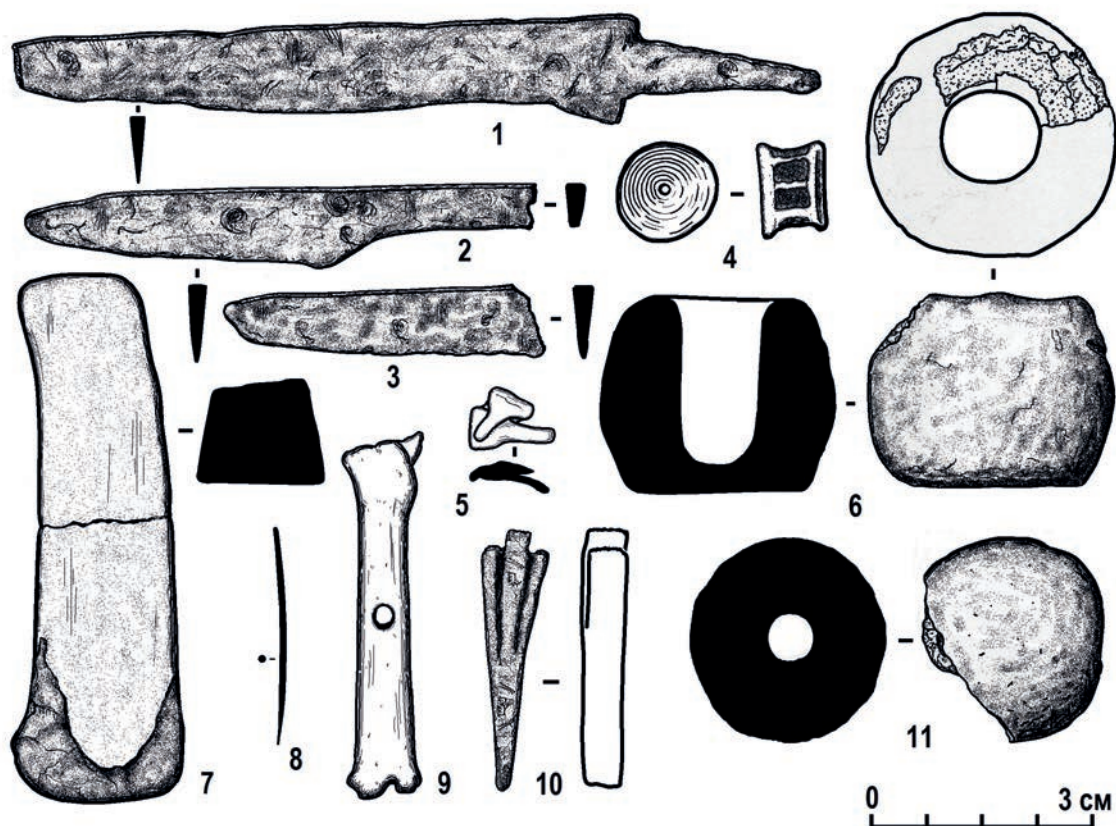
Рис. 115. Восстановленные профили керамической посуды из ямы в кв. 8, 10 раскопа 2005 г.

Похожа и привозная посуда: с полосами серого лощения (рис. 114, 8), а также тонкостенная из белой плотной глины, с рифлением по венчику (имеется и местное ей подражание) (рис. 114, 2–3). Найдены также фрагменты привозного сосуда с поливой (грязно-зелёное внешнее покрытие) и красноглиняного ангобированного (серая роспись по белому фону) (рис. 114, 1). В ряду местных изделий отметим фрагмент миски (чаши для вина?) с волнистым орнаментом, сосуда с выступом-сливом по краю, а также обломок днища с клеймом (рис. 114, 9–11).

Развалы в яме отсутствовали, частично удалось воссоздать формы относительно крупного горшка с притопленным венчиком, поменьше

– архаичной формы, восходящей к местной лепной посуде, и сковороды-латки (рис. 115, 1–3).

Рис. 116. Находки из ямы в кв. 8, 10 раскопа 2005 г.

- 1, 3 – ножи; 2 – фрагмент ножниц; 4 – буса из рыбьего позвонка;
5 – остатки перстня; 6 – тигель; 7 – точильный брусок; 8 – швейная игла;
9 – приспособление для сучения ниток; 10 – пружина замка;
11 – обломок рыболовного грузила.
1–3, 8, 10 – железо; 4, 9 – кость; 5 – медный сплав;
6, 11 – керамика; 7 – камень.*

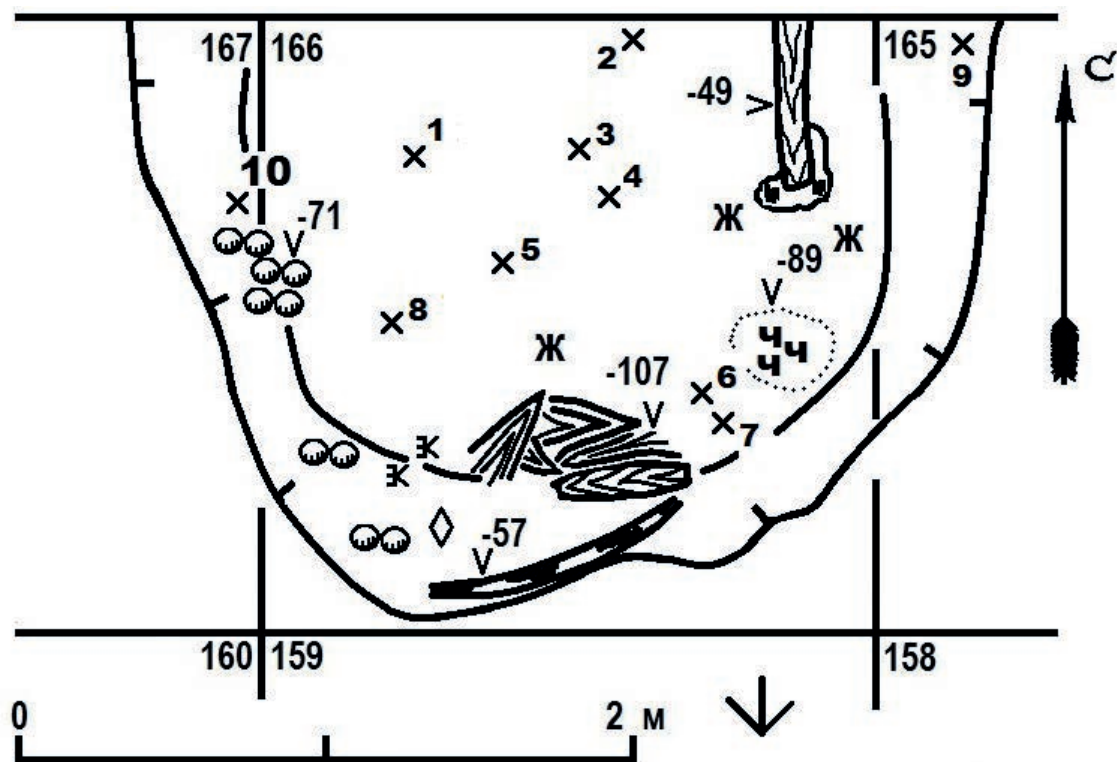
Во всём раскопе 2005 г., в целом не отличавшемся большой мощностью культурного слоя (35–45 см), вышеописанные два комплекса оказались единственными хронологически совпадавшими и в целом единственными, относящимися к эпохе развитого средневековья. Расположенные в непосредственной близости один от другого, они с большой долей вероятности принадлежали к одному домохозяйству, где имелся и дом с подполом, и летний уличный очаг. Характер находок указывает на пребывание в доме небогатого представителя воинского сословия, попавшего в плёсскую крепость по долгу службы. В его погребке имелся большой запас продовольствия (на что указывает обилие

тарной посуды), он соблюдал свойственный его кругу этикет (столовые ножи, чаши для пиров и кувшины), но, судя по остаткам инвентаря, сам выполнял часть «мужских» работ по дому и занимался литьём цветного металла (в том числе изготовлением пищальных пуль). Не исключено, что с ним в доме проживала жена и мальчик-подросток (находки швейных игл, бусы, кости с отверстием – «буркала» и амулета-топорика).

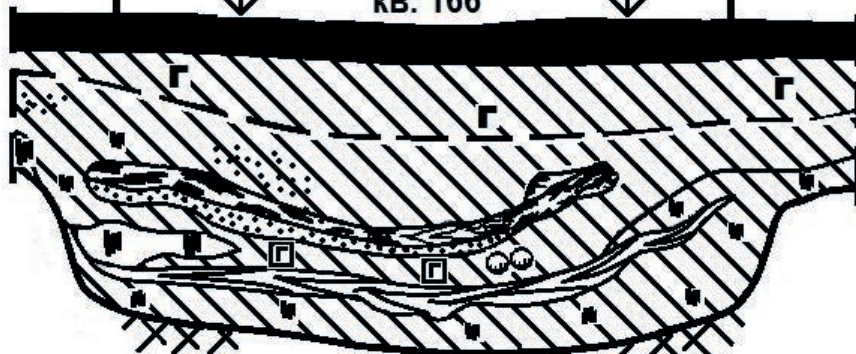
Наличие среди находок ангобированной посуды не позволяет датировать данный жилой комплекс временем ранее 2-й половины XV века. При этом мы не рискнули бы отнести его к следующему столетию. Печь в доме сооружена без применения кирпича. Найдена всего одна монета (в более поздних комплексах обычно больше). В керамическом материале не достаточно велик процент посуды из подмосковных центров, а в местных изделиях присутствует признак, связанный с работой одного мастера: грубый срез остатков глины у днища сосуда (подобное – и на изделиях вышеописанного одновременного комплекса 1988 года, где, кроме того, также обнаружено гончарное изделие с нанесённым по сырой глине подражанием надписи). Таким образом, комплекс в раскопе 2005 года также может быть отнесён ко второй половине XV столетия.

Монетой того же времени датируется подпечная яма у северной стенки раскопа 1998 года (рис. 117). Ширина ямы вдоль стенки раскопа (от кв. 165 до кв. 167) составляла 2,8 м, от стенки до южного края ямы – 1,9 м. В плане она округлая, вероятно, в раскопе оказалась большая её часть; не исключено, что севернее (за пределами раскопа) к ней примыкает яма ледника, а данная, здесь рассматриваемая, судя по общим характеристикам, представляла собой погреб. Стенки ямы погреба чуть наклонные, дно линзовидное, с небольшим углублением в центре. Глубина 1,1 м от современной поверхности и около 0,55 м от материка. Заполнением служила тёмно-серая гумусированная супесь, сильно насыщенная углем в нижней части, где, у дна, этот углистый слой достигал 20-сантиметровой толщины и был перекрыт полосой древесного тлена. Последний, по всей видимости, представлял собой остатки деревянного пола и, возможно, облицовки стен погреба. Угадывалось направление досок (или плах) по линии восток – запад, хотя в южной части ямы оно хаотично. Ширина досок определению не поддавалась, толщина

достигала 7 см. Выше полосы тлена, в средней части заполнения, прослеживалась прослойка яркого-жёлтого прокалённого песка толщиной около 4 см, над ней сразу – слой горелого дерева.

Участок северной стенки раскопа 1998 гг.:
кв. 166

Находки: 1. Пуговица. 2. Обломок лошаной подковы. 3. Фрагмент поливной керамики. 4. Пробой. 5. Монета "дозор". 6. Обломок ножа. 7. Фрагмент сничного замка. 8. Обломок точильного бруска. 9. Роговой спил. 10. Пуговица.

Рис. 117. Яма в северной части раскопа 1998 г.

В тёмно-сером заполнении ямы часто встречались обломки валунно-го камня (в том числе в виде скоплений на рубеже кв. 166 и 167), а также другие остатки печи (куски обожженной глины) – всё это отмечено между вышеуказанными полосами древесного тлена и горелого дерева, на

глубине 70–80 см от современной поверхности. В юго-восточной части ямы на глубине 89–93 см прослежено скопление чешуи крупной рыбы, рядом – 2 небольших фрагмента войлока; в заполнении, кроме костей животных, встречались рыбы кости.

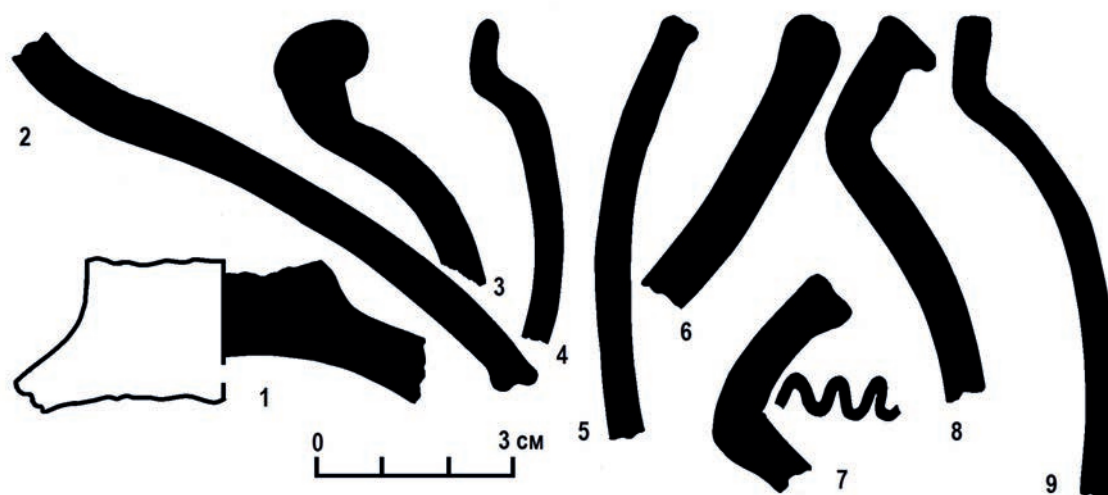

Рис. 118. Профили сосудов из ямы в кв. 165–167 раскопа 1998 г.

Керамические остатки в яме не отличались большим количеством и были представлены в основном достаточно крупными обломками (рис. 118). Это преимущественно сероглиняные округлобокие горшки с фигурными отогнутыми наружу венчиками (зачастую укороченными); имелись образцы горшков, напоминавших архаичную лепную посуду (рис. 118, 4). Один венчик вертикальный, с полосами рифления по шейке. Единичны образцы краснолощёной посуды и поливной (жёлтый цвет). Кроме фрагментов горшков, встречены обломки миски и крышек (тарелей) (рис. 118, 1–2).

Часть находок из железа представляла собой неопределимые фрагменты. В яме также найден небольшой обломок ножа и сничного замка (тип Е), сломанная лошадиная подкова (рис. 119, 2). Последняя – с одним шипом и четырьмя отверстиями для плоских гвоздей. находка на Плѣсском городище не единственная, встречаются подобные и на других памятниках. Так, целый экземпляр найден в Воротынске в комплексе конца XV – начала XVI вв. В Московских раскопах, по свидетельству О.В. Двуреченского, таких найдено 7 экземпляров, они им отнесены к сегментовидным, которые вошли в обиход в XV веке¹⁷.

Отдельного внимания заслуживают два одинаковых билонных ювелирных изделия – круглых, диаметром 2 см, отлитых в двусторонней формочке. Одно из них найдено в яме на глубине 59 см (ниже уровня материка), другое в пределах горизонтального контура ямы на глубине 32 см (рис. 119, 4). Форма изделий солярная, все элементы выполнены с имитацией шнура, отверстие в центре предполагает использование данных предметов в качестве узелковых пуговиц. Прямые аналогии плёсским находкам в археологических собраниях иных городов нам не известны. Подобным образом оформленные солярные знаки (подвески) имеются на памятниках ломоватовской культуры. Уже как пуговицы, похожие на плёсские, такие рифлёные изделия встречены на родановских городищах X–XIV вв., а также на р. Юг Кировской области (Подгорбуновское городище, слой 2 пол. XV – XVI вв.)¹⁸. Указанные параллели могут быть новыми косвенными свидетельствами причастности крепости, её обитателей, к московской экспансии на Северо-Восток, хотя нам также известно похожее изделие из Пскова¹⁹.

В той же яме найдена монета «дозор» московского великого князя Ивана III (рис. 119, 1). Имевшие хождение и после смерти правителя, в плёсских напластованиях 1 пол. XVI в. подобные зачастую встречаются в обрезанном виде: свидетельство кризиса 20-30-х годов. В раскопе 1998 г. обрезанная денга встречена в районе «дома воеводы» (см. отдельную публикацию сборника). Монета же из ямы в кв. 166 целая, полновесная и не затёртая; со всей очевидностью, она была потеряна в годы правления Ивана Великого.

Верхний край и полные боковые контуры рассматриваемой нами ямы определить не представилось возможным. С западной стороны яма срезаала ранние более светлые напластования, и выше её край в сплошном тёмно-сером слое не прослеживался; с востока тёмно-серые отложения доходили до материка, хотя в нижней их части встречалась «курганная» керамика и был найден кусочек сиреневого шифера (импорт домонгольского времени). Исходя из этого, нельзя уверенно связать с ямой находки, обнаруженные около неё. Кроме того, южнее, буквально рядом, был обнаружен и изучен ещё один комплекс данной эпохи (не исключено, правда, что они связаны между собой). Исходя из всего

этого, мы указываем находки, встреченные только в пределах контуров ямы – начиная с глубины около 30 см. На данной глубине найдена одна из двух упомянутых пуговиц (вторая – в яме ниже уровня материка). С некоторой долей риска можно связать с комплексом наконечник стрелы (рис. 119, 3) и ремennую пряжку с узором в виде прямоугольных вдавлений по краям (рис. 119, 5): они найдены в 3–4 см выше пуговицы. В то же время, достаточно хорошо заметно, что до глубины около 25 см наш комплекс перекрывается отложениями 1 половины XVI столетия, и найденный в них другой наконечник стрелы, например, характерен на данном памятнике именно для указанного более позднего времени.

Богатая находками подпечная яма была выявлена в северо-западной части раскопа 1991 года (кв. 59, 62, 65). В раскопе она оказалась не полностью и ограничивалась западной стенкой, однако и контуры на материке (неправильная восьмёрка), и профиль стенки указывают на знакомое устройство подпола: погреб плюс ледник (рис. 120).

Контур ямы начал прослеживаться на глубине 40 см: зачистка выявила тёмно-серое пятно с включениями глины, оконтуренное полосами угля и остатков глинобитной печи. Полный контур ямы вышел на глубине 60 см на фоне раннего светлого слоя.

Длина вдоль западной стенки достигала 3,05 м, максимальная ширина от стенки – 1,6 м. Восточный край её срезал небольшую более ран-

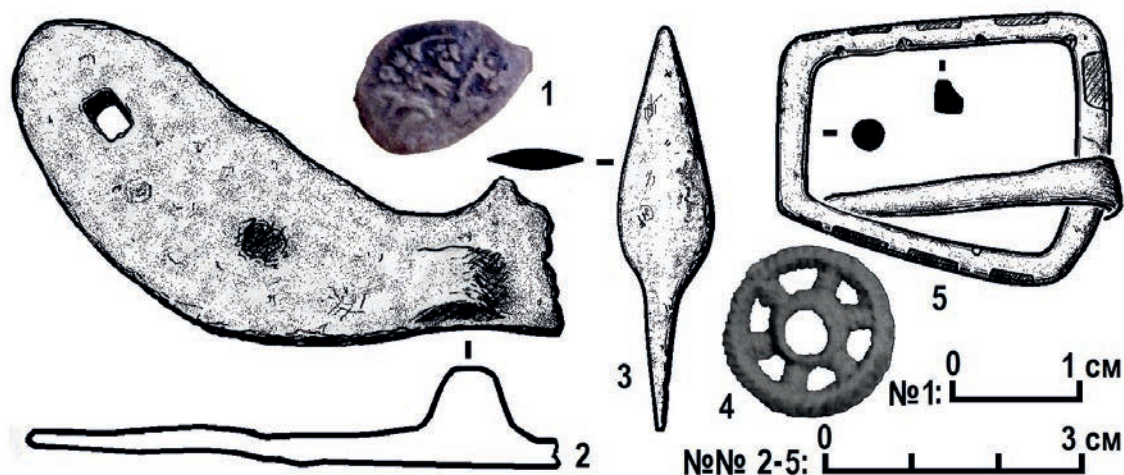
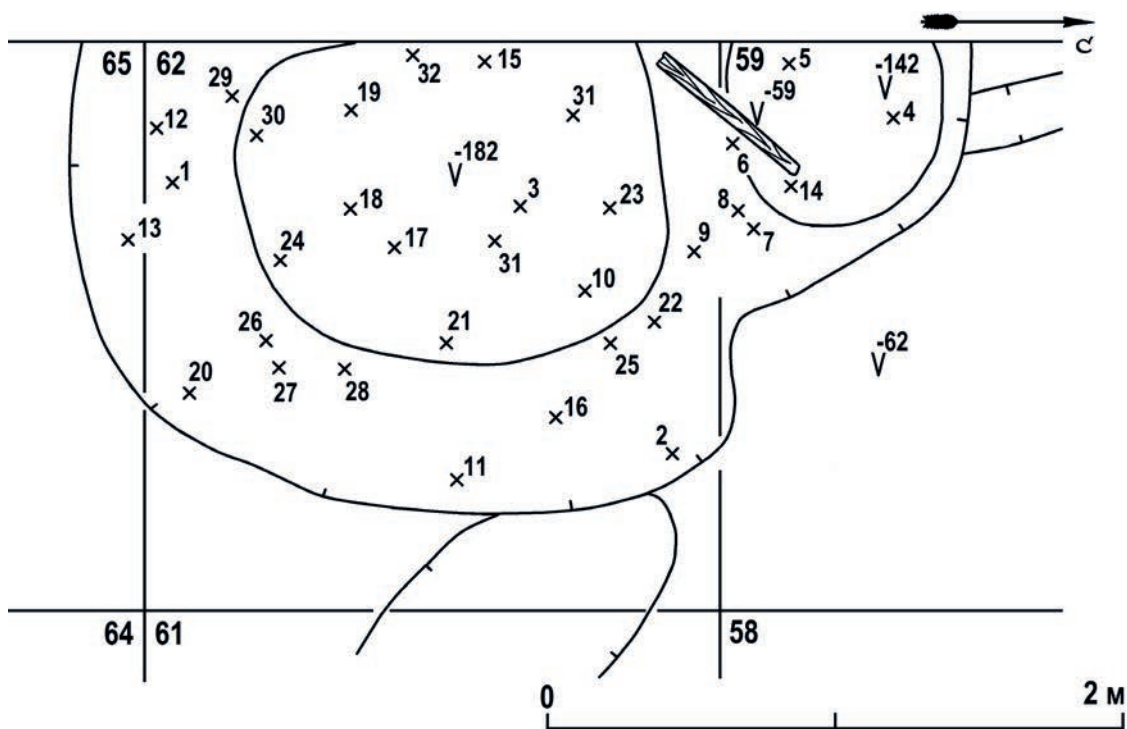
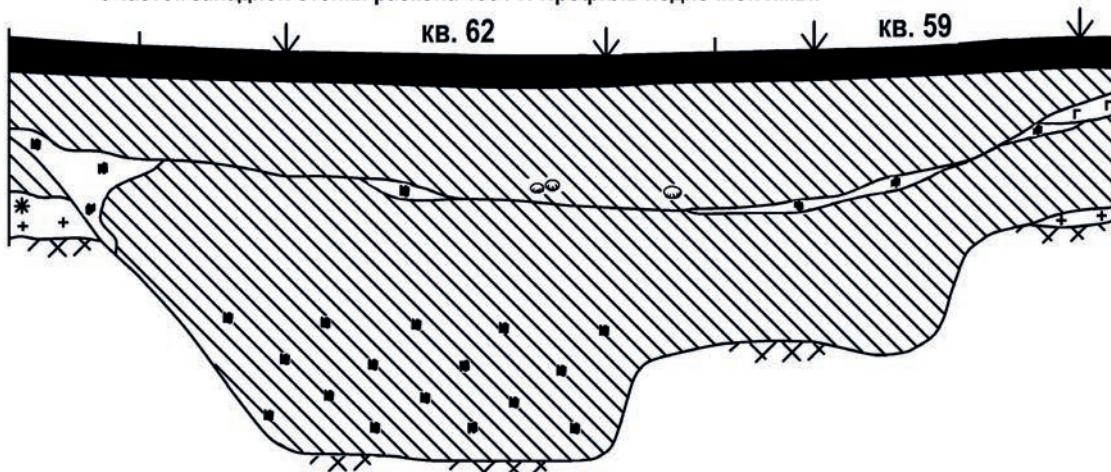

Рис. 119. Находки из ямы в кв. 165–167 раскопа 1998 г.
1 – монета «дозор»; 2 – фрагмент лошадиной подковы;
3 – наконечник стрелы; 4 – узелковая пуговица; 5 – ремennая пряжка.
1 – серебро; 2–3, 5 – железо; 4 – цветной металл (серый сплав).

нюю яму, северный – канавку тыновой изгороди. Отложения связанного с ямой жилища были перекрыты остатками комплекса, расположенного в двух метрах к северо-востоку, чуть более позднего, но относящегося к тому же периоду (см. выше: комплекс в раскопах 1988, 1991, 1992 гг.).

Участок западной стенки раскопа 1991 г. Профиль подпечной ямы.

Находки: 1.Фрагмент миски. 2.То же. 3.Нож с остатками деревянной рукояти. 4.Фрагмент поливной керамики.5.Скоба. 6.Нож с остатками деревянной рукояти. 7.Развал миски. 8.Фрагмент лепной миски. 9.Н:ож. 10.То же. 11.То же. 12.Медный гвоздь. 13.Остатки кожаной обуви. 14.Прядильная булавка. 15.Фрагмент пряжки. 16.Кость с отверстием. 17.Игла застёжки. 18.Рыболовный крючок. 19.Рыболовное грузило. 20.Пряслице. 21.Мудштук конских удил. 22.Каменная формочка. 23.Упор для сверла. 24.Обл-к ножниц. 25-30.Развалы горшков. 31.Накладка рукояти ножа. 32. Обл-к косы.

Рис. 120. Яма в кв. 59, 62, 65 раскопа 1991 года.

Печь, вероятно, была разобрана (глинобитная, без применения кирпича).

Два смыкавшихся углубления подпечья были, вероятно, разделены деревянной перегородкой: на её месте сохранилась полоса древесного тлена длиной 70 см и шириной до 10 см. Малая камера (очевидно, ледник) имела почти отвесные стенки и относительно ровное дно, с уклоном на север (дренаж?). Глубина достигала 80 см от уровня материка. Заполнение – тёмно-серый слой. Находки здесь встречены в верхней

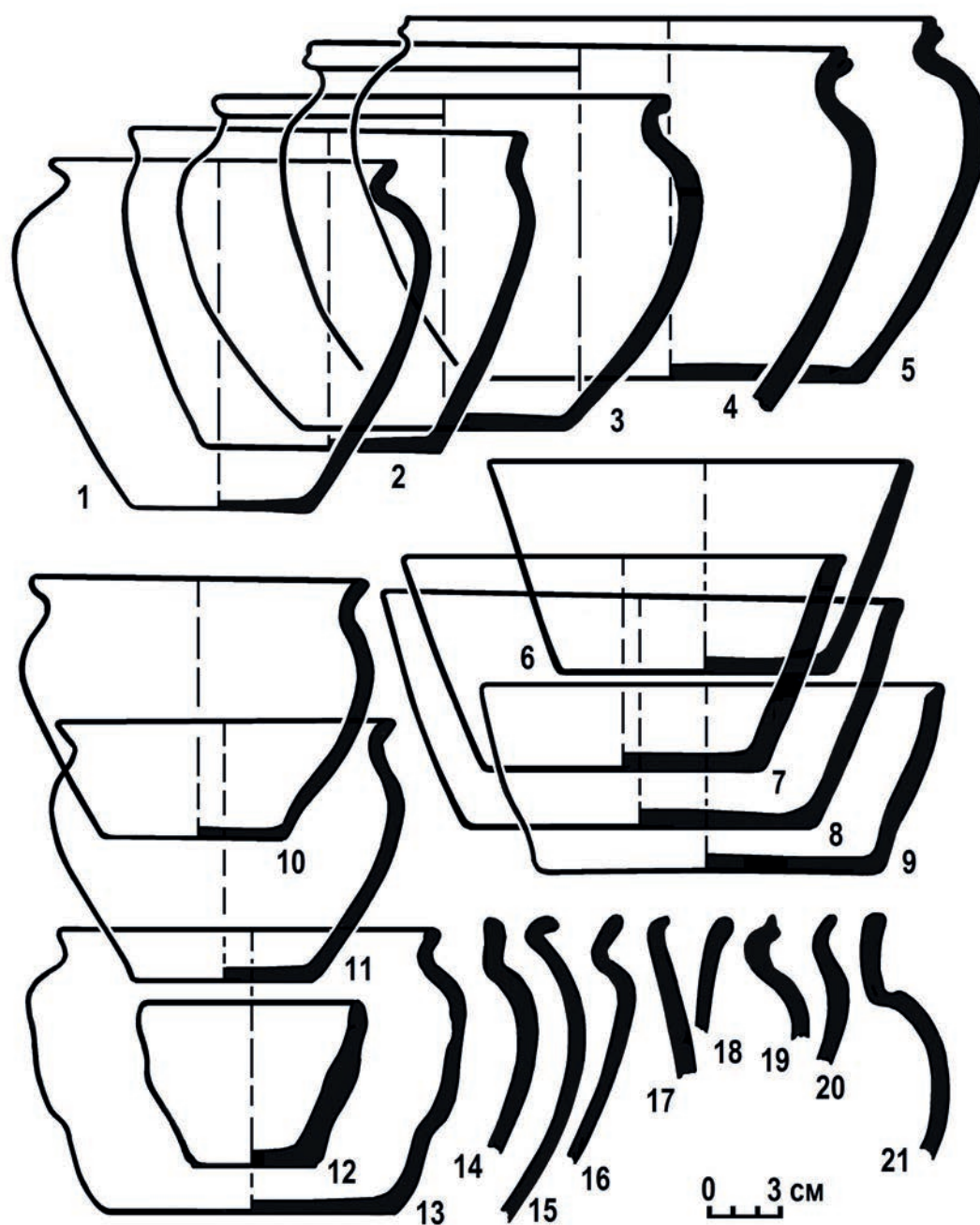

Рис. 121. Керамическая посуда из ямы в кв. 59, 62, 65 раскопа 1991 года.

части заполнения, куда просели из жилого помещения. Это обломки керамики (один – белоглиняный с тёмно-зелёной поливой), развалы двух мисок (одна из них лепная) (рис. 121, 9), нож, скоба и обломок прядильной булавки (рис. 122, 16).

Примыкавший к леднику с юга погреб имел наклонные стенки и ровное дно. Глубина его от уровня материка составляла 1,2 м. В тёмно-сером заполнении ощутима примесь угля. Каких-либо следов облицовки стенок не выявлено. В заполнении собрано много керамических остатков, в том числе 215 венчиков (все неорнаментированные); полностью или частично восстановлены формы 8 горшков (из них один лепной), 3 мисок (одна лепная) (рис. 121, 12). Посуда сероглиняная, иногда снаружи красноватая. Керамическое тесто содержало обычные добавки: песок, дресву преимущественно средних и мелких фракций, органику (навоз жвачных животных). Некоторые формы сосудов напоминали местные волжско-финские (рис. 121, 10–12, 20). Встречались горшки округлобокие, с укороченными или вертикальными венчиками; в основном же венчики отогнуты наружу, с утолщенным или фигурным краем. Посуда была преимущественно тарная и располагалась, судя по находкам *in situ*, на полках вдоль стен погреба.

Среди индивидуальных находок преобладали ножи и обломки таких. Из них 6 столовых, с тонкими лезвиями и пластинами под накладку рукоятей. У трёх сохранились остатки деревянных накладок. От одного сохранилась тыльная часть рукояти, скреплённая сквозным медным штырём-заклёпкой; рукоять была выкрашена жёлтой краской. Этот и ещё один нож интересны тем, что на клинках сохранились клейма мастеров (рис. 122, 6–7). Подобные столовые ножи найдены при раскопках в Москве, Новгороде, Пскове, Звенигороде, они представляют собой западноевропейский импорт²⁰. Из двух черешковых ножей один сохранил медную пластину, разделявшую режущую часть и рукоять; тонкое длинное лезвие позволяет отнести его к столовым (рис. 122, 9). Второй отличался достаточно большим размером (лезвие 11 см) и толстым обушком, что позволяло использовать его в качестве боевого («засопожника») или охотничьего (рис. 122, 5). Два найденные в яме ножа (рис. 122, 8, 10) у кончика имели изгиб спинки клинка в сторону острия,

что сближает их по форме с находками, относящимися к рассмотренному выше комплексу 1988 г.

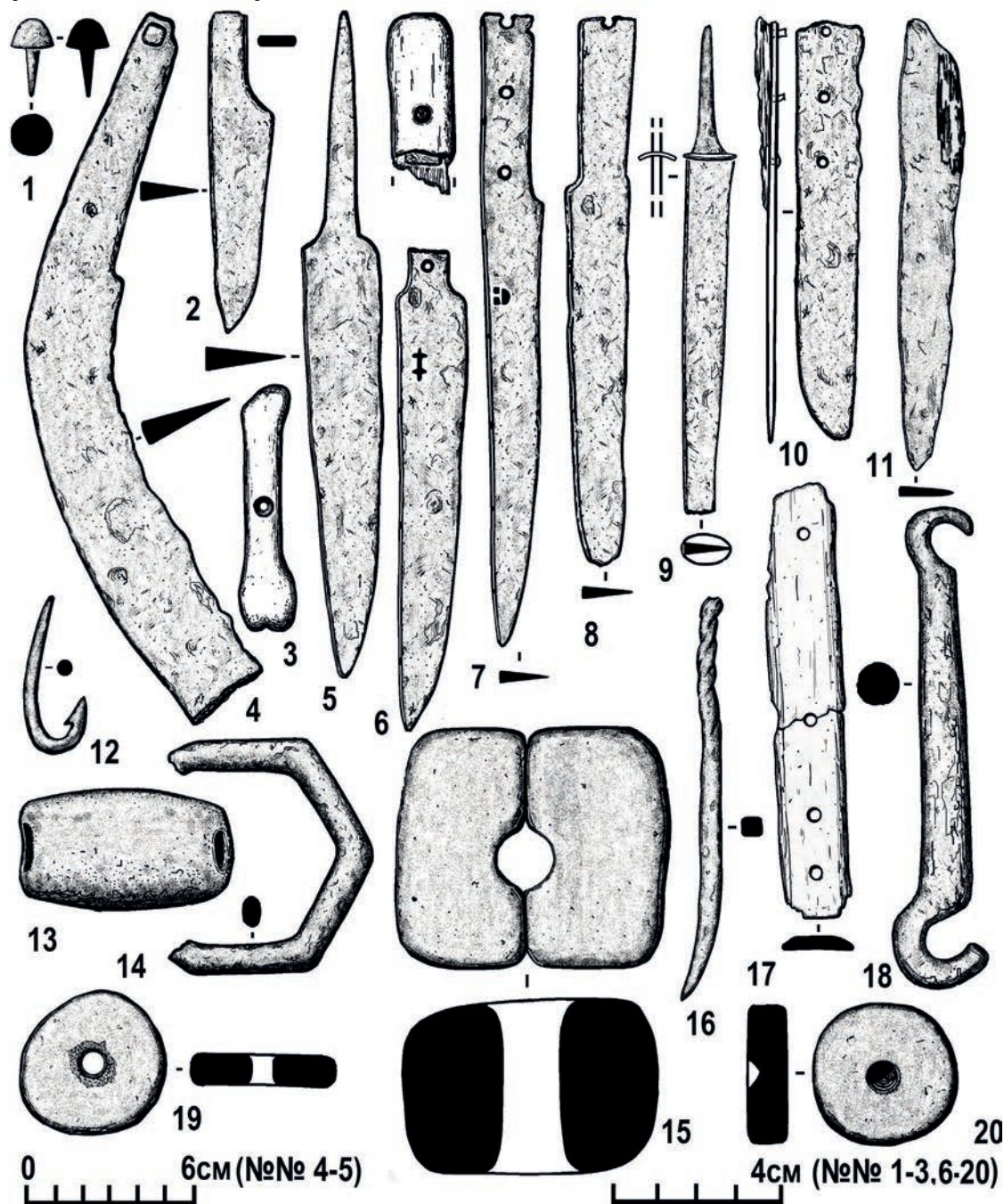

Рис. 122. Находки из ямы в кв. 59, 62, 65 раскопа 1991 года.

- 10 – декоративный гвоздь; 2 – фрагмент ножниц; 3 – кость с отверстием;
4 – фрагмент косы; 5–11 – ножи; 12 – рыболовный крючок;
13 – рыболовное грузило; 14 – фрагмент рамки пряжки;
15 – двусоставное изделие; 16 – фрагмент прядильной булавки;
17 – накладка к рукояти ножа; 18 – грызло конских удил;
19 – пряслице; 20 – упор для сверла.
1 – медный сплав; 2, 5, 7–8, 12, 14, 16, 18 – железо; 6, 10–11 – железо, дерево;
9 – железо, медный сплав; 3, 17 – кость; 13, 19 – керамика; 15, 20 – камень.

Из иных железных изделий укажем обломок ножниц, косы, прядильной булавки и рамки крупной (подпружной?) пряжки (рис. 122, 2, 4, 14, 16), сохранившийся целиком горловой рыболовный крючок (с заострённым тыльным концом) и грызло конских удиц (рис. 122, 12, 18). Кроме крючка, в яме находились ещё два предмета, связанных с рыболовством. Это грузила для сети (рис. 122, 13, 15). Первое – обычного вида, керамическое, изготовленное из того же теста, что и сероглиняная посуда данного комплекса. Второе было выточено из мягкого камня (известняка) в виде двух половинок с проточкой для пропуска верёвки; половинки, видимо, скреплялись обвязкой. Разумеется, изделие напоминает составную ювелирную формочку, что не может быть исключено. В таком случае с её помощью можно было, например, отливать недлинные (4,2 см) свинцовые стержни, нарезать их и прокатывать в пули (диаметр цилиндрического проёма между каменными половинками был 1,2 см, диаметр найденных в крепости пуль, как сказано выше, равнялся 1 и 1,1 см).

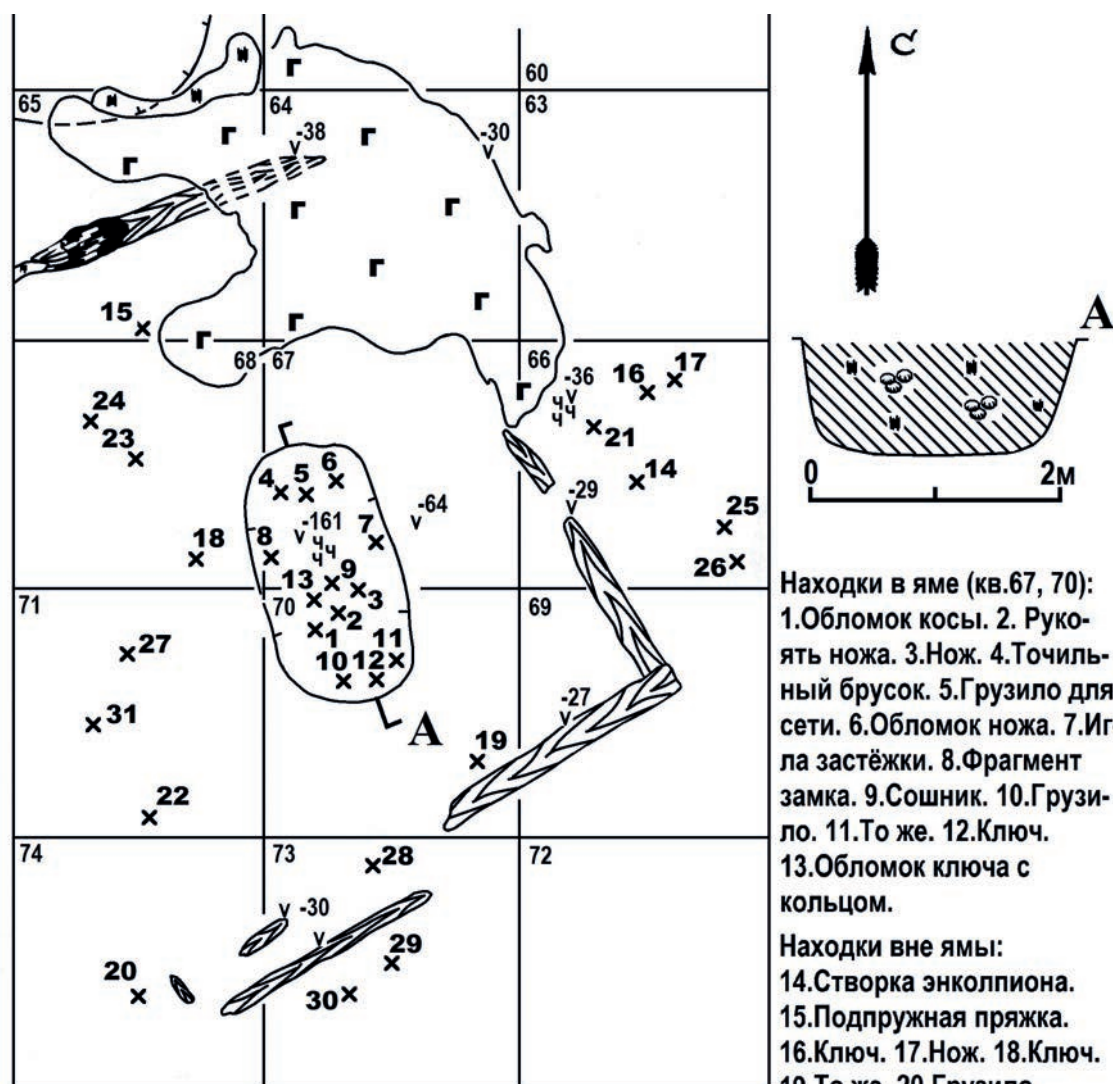
Из того же материала, известняка, но более плотного, было изготовлено ещё одно орудие: упор для лучкового сверла; на нём остался характерный рабочий след (рис. 122, 20). Также в яме найдено два костяных изделия. Это накладка для рукояти ножа, типа столовых, с четырьмя просверленными отверстиями для крепежа (рис. 122, 17), а также кость с поперечным отверстием в центре (подобные использовались для сучения нитей) (рис. 122, 3). Изделия из цветного металла представлены миниатюрным гвоздём с грибовидной шляпкой (рис. 122, 1). Наконец, определённую ценность для датировки комплекса имеет обнаруженное в заполнении ямы керамическое пряслице (рис. 122, 19); оно изготовлено из обломка красноглиняного сосуда, покрытого белым ангобом, и, следовательно, не может быть древнее последней трети XV столетия²¹.

К тому же времени могут быть отнесены остатки хозяйственного комплекса в раскопе 1991 года, почти вплотную с юго-востока примыкавшие к предыдущему, вышеописанному жилому комплексу. Их непосредственная связь не исключена: хозяйственная постройка оставила контуры нижнего венца, почти совпадавшие с разворотом подпечной ямы в кв. 59, 62, 65 (разница составляла около 20 градусов); направления подпечной ямы и хозяйственной, которая была обнаружена в гра-

ницах постройки, совпадали. Все указанные объекты перекрывались подерновыми наслоениями 1 половины XVI в. и обширным пятном печины под ними (кв. 61–66).

Юго-восточный угол хозяйственной постройки начал выявляться в кв. 66, 69, 70 на глубине 26 см, в тёмно-сером слое. Он был сложен в лапу, без выхода концов, из брёвен толщиной около 20 см (рис. 123). Остатки – полосы тлена меньшей толщины – указывали на второй угол, в кв. 74. Севернее, в кв. 64–65, была прослеживались остатки ещё одного бревна – полоса тлена, со следами горения, шириной 20–22 см.

21. Днище сосуда с клеймом. 22. Фрагмент дужки ведра. 23. Грузило. 24. То же. 25. Рыболовный крючок. 26. Ключ. 27. Фрагмент грузила. 28. Обломок пряжки. 29. Пластина доспешная. 30. Обломок пробоя. 31. Пуговица с остатками одежды.

Рис. 123. Остатки постройки и яма на месте хозяйственного комплекса в раскопе 1991 г.

Полоса обозначилась на глубине около 38 см под слоем пещины более позднего времени. Ширина постройки, таким образом, могла составлять около 4,7 м, длина – 5,6 м.

Внутри постройки отмечались следы хозяйственной деятельности. Зачистка на глубине 30 см выявила углистые пятна и скопления очажного камня, преимущественно в кв. 70, где в дальнейшем выявилась яма с теми же включениями. Угли, «рваный» камень, пятна глины и светлой супеси, скопления чешуи, костей рыб и животных, обломки сероглиняной посуды выявлялись в пределах постройки и на последующей глубине (30–40 см).

Среди находок обратила на себя внимание концентрация орудий рыболовства: найдено 5 грузил для сети и два рыболовных крючка (рис. 124, 10, 18–22). Грузила изготовлены из керамического теста, с теми же добавками, что и у местной сероглиняной посуды. Разница – в наличии случайных посторонних примесей (грузила лепились, вероятно, из собранных остатков, отходов теста). Среди обломков сероглиняной посуды оказался фрагмент днища с клеймом (рис. 124, 17). Знак поставлен не в середине, а у края, на чистом от песчано-дресвяной подсыпки пространстве.

Необычно и большое количество найденных здесь ключей: 4 ключа к замкам типа В (рис. 124, 2–5) и один – типа Г (рис. 124, 1). Из этого общего количества два художественно оформлены, орнаментированы (рис. 124, 1–2). Другие три проще в изготовлении: из гнутых железных пластин и с элементарной слесарной обработкой. Такие могли быть быстро изготовлены взамен сломанных (один экземпляр как раз сломан).

Из трёх ножей два – обычные хозяйственные (сохранились не полностью), а один – столовый, с клеймом на клинке, подобный двум экземплярам из примыкающего с севера жилого комплекса (рис. 124, 9).

Железные изделия представлены также поломанной застёжкой и подпружной пряжкой (рис. 124, 11, 13), фрагментарно сохранившимися дверным пробоем и дужкой ведра (рис. 124, 12, 15). Внимания заслуживает железная пластина для вшивания в доспех типа тегиля: точно такие же найдены в подпечной яме рассмотренного выше комплекса в раскопе 1988 г. (рис. 124, 6; рис. 103, 7).

Редкими находками на городище являются изделия из дерева. В верхней части отложений комплекса встречена задняя створка креста-эн-

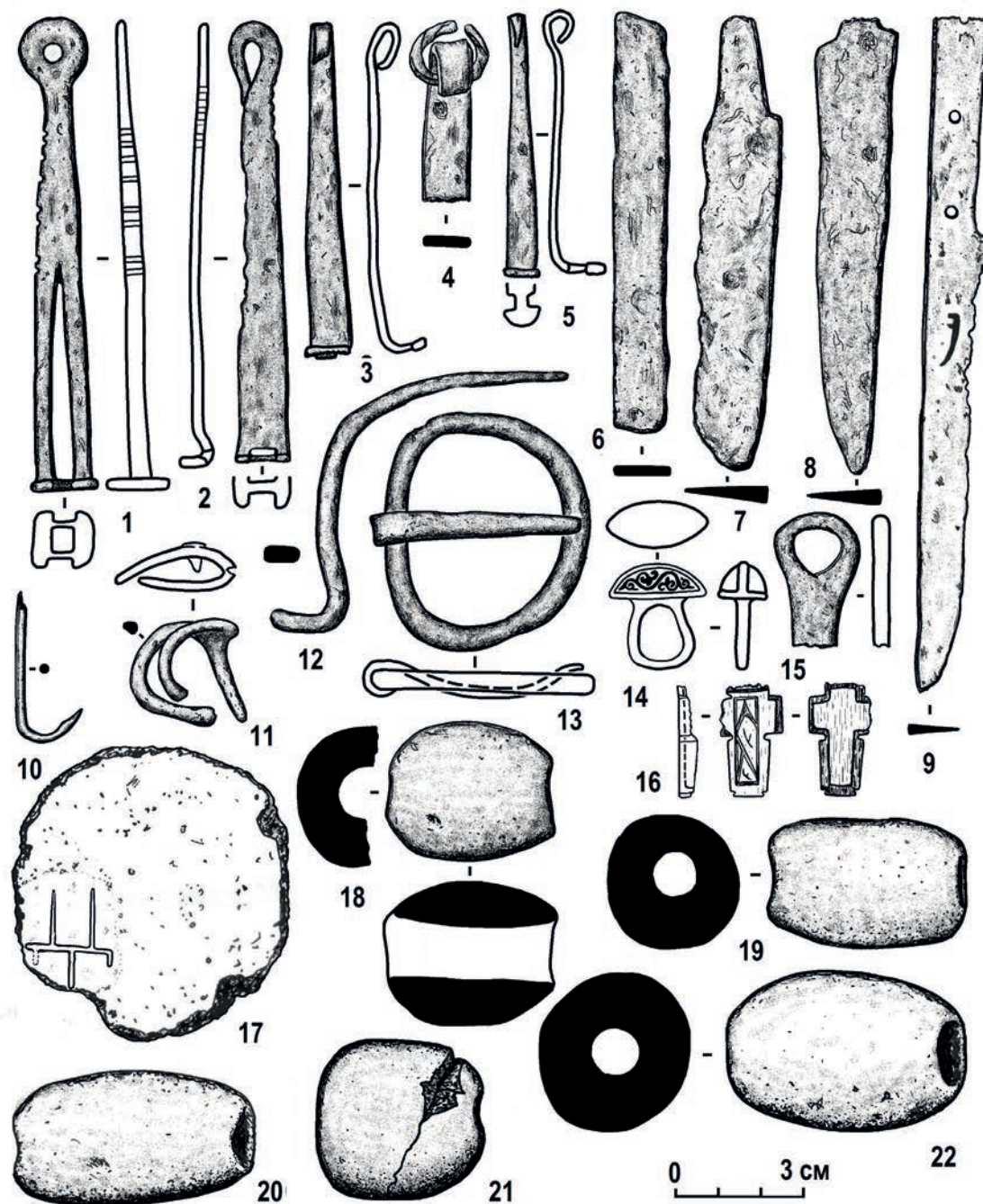
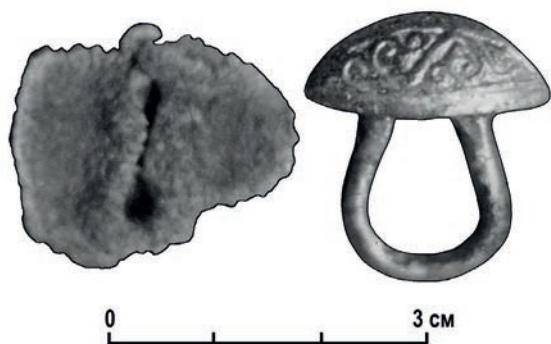

Рис. 124. Находки в хозяйственном комплексе (кв. 65–74)
раскопа 1991 г. на глубине 27–42 см.

- 1–5 – ключи; 6 – пластина доспеха; 7–9 – ножи; 10 – рыболовный крючок;
11 – остатки застёжки; 12 – фрагмент дужки ведра;
13 – подпружная пружка; 14 – пуговица; 15 – фрагмент дверного пробоя;
16 – створка креста-складня; 17 – фрагмент днища с клеймом;
18–22 – грузила для сети.
1–13, 15 – железо; 14 – бронза, позолота; 16 – дерево; 17–22 – керамика.

колпиона, вырезанного из дерева ценной породы (самшит? кипарис?). Изделие сохранилось не полностью, но прослеживается ковчежец и практически весь рисунок на внешней стороне. Рисунок не несёт отчётливой христианской символики (рис. 124, 16).

В нижней части отложений, на глубине 42 см, почти на стыке тёмно-серого слоя со светлыми ранними, найдена крупная (24x23x11 мм) бронзовая позолоченная пуговица. Отлитая между двумя одинаковыми створками составной формочки, она имела с двух сторон одинаковый же растительный орнамент (рис. 124, 14). Благодаря консервирующим свойствам металла, с пуговицей сохранилась часть одежды. Ткань шерстяная, плотная, вероятно, западноевропейская, изначально была окрашена в вишнёвый или малиновый цвет. Петля (прорезь для пуговицы) промётана льняной нитью (рис. 125).

Рис. 125. Пуговица с остатками ткани, найденная на месте хозяйственной постройки (раскоп 1991 г.).

Под наслоением, содержащим многочисленные следы хозяйственных работ, на фоне раннего светлого слоя XII–XIV вв. (начал выходить из-под тёмно-серого на глубине 42–45 см), а затем и материка, в квадратах 67–68 и 70 выявились контуры овальной в плане ямы. На уровне материка она имела размеры 210 x 90 см и была заглублена в

материк на 96 см (рис. 32, разрез «А»). Дно относительно ровное. В заполнении в большом количестве содержались угли, очажные камни, неопределимые железные обломки и скопления рыбьей чешуи. Керамика в яме сероглиняная, за исключением обломка со следами ангоба и росписи.

Индивидуальные находки в значительной мере перекликаются с теми, что найдены в пределах исследуемой постройки. Это три таких же керамических грузила для рыболовных сетей (рис. 126, 6–8), нож типа столовых (рис. 126, 3). В яме вновь встретился ключ типа Г, хотя в целом для Плёсского городища они редки (рис. 126, 5). Здесь же найден

элемент сличного замка: его П-образная дужка с остатками пружинного механизма; железное изделие во избежание коррозии было покрыто слоем меди (рис. 126, 1).

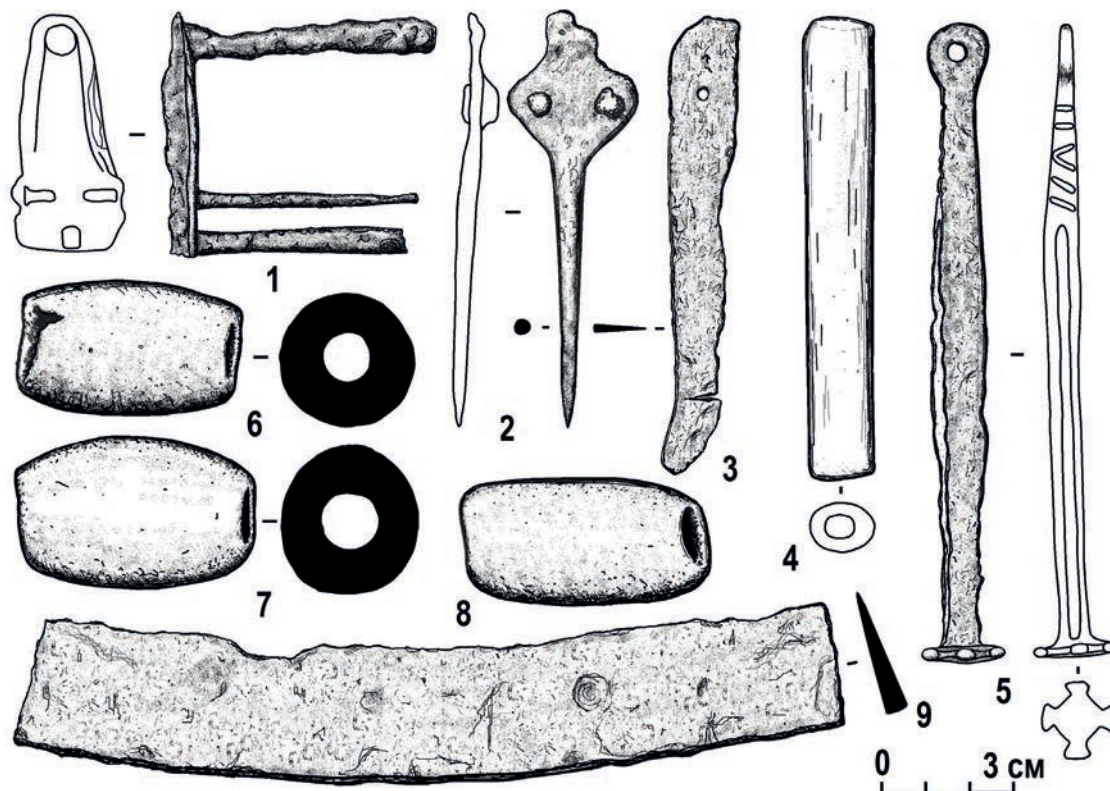

Рис. 126. Находки из ямы (кв. 67–68, 70 раскопа 1991 г).

1 – выдвижная часть навесного замка; 2 – игла застёжки;
3 – фрагмент ножа; 4 – рукоять ножа; 5 – ключ; 6–8 – грузила для сетей;
9 – фрагмент косы.
1–3, 5, 9 – железо; 4 – кость; 6–8 – керамика.

В яме же найдены два сельскохозяйственных орудия: обломок косы (рис. 126, 9) и целиком сохранившийся сошник (рис. 127). Сошник асимметричен; судя по конфигурации, он предназначался для двузубой сохи. Подобные были широко распространены в Поволжье, Прикамье, в Северо-западной Руси – с той разницей, что плёссские экземпляры (таковых два) меньшей длины и предназначены, вероятно, для менее глубокого погружения с землёю²².

Из других индивидуальных находок отметим целиком сохранившуюся костяную рукоять для ножа (рис. 126, 4). К числу необычных отнесём железную иглу от крупной застёжки с крыловидным расширением у основания. «Крылатые» застёжки широко бытовали у поволжских

Рис. 127. Сошник.
(Яма в кв. 67–68,70 раскопа 1991 г.).

финнов в VII–VIII вв. н.э. Это были сьюльгамы с длинными парными трубками у разъёма кольца, изготавливались из цветного металла. В регионе ближайшая находка отмечена в Кочкинском могильнике²³. Гипотетически, подобный способ оформления застёжек мог ещё сохраняться у марийцев, мордвы, коми (где ещё использовались сьюльгамы), но аналогии нам не известны.

Суммируя данные, мы имеем основания считать, что исследованная постройка, оставившая контуры нижнего венца сруба, представляет собой не жилое помещение, а клеть для хранения имущества (в частности, рыболовных снастей) и производства всякого рода домашних работ, например, обработки пойманной рыбы, разделки мяса, приготовления пищи. С этими работами непосредственно была связана и яма, прослеженная в пределах контуров постройки и имевшая

признаки очажной; следов каких-либо ремесленных работ яма не держала.

Хранимые в клетке ценности запирались на замки, ключи от которых находились в распоряжении не одного человека (хозяина) а менявшихся ключников – потому могли быть и частые потери ключей. К тому же постройка, видимо, использовалась в течение относительно

долгого времени (нижние венцы успели «врасти» в землю, а яма наполниться «очажным» содержимым).

По всей вероятности, хозяйственная клеть вплотную примыкала к вышеописанному жилищу, оставившему подпечную яму в кв. 59, 62, 65 раскопа того же 1991 года и была частью общего комплекса одного из осадных дворов крепости. Об этом свидетельствует расположение (непосредственная близость), указанное выше совпадение разворотов постройки, подпечной и очажной ям, общая стратиграфия. Свидетельством становится и соотношение находок. Так, все три найденные в Плѣсской крепости ножа с клеймами относятся к данному объединѣнному комплексу: два из них найдены в подпечной яме жилища, один – в очажной яме холодной клетки (рис. 129). Совпадают и другие артефакты: фрагменты кос, рыболовные крючки, грузила для сетей, единичные находки ангобированной керамики.

Веским основанием для датировки комплекса может служить сочетание найденных предметов, связанных с запорными механизмами. Так, в одной яме встречены и ключ типа Г, и фрагмент сличного замка. По материалам Новгорода и других городов, сличные замки (тип Е) появляются с середины XV в., тогда как замки типа Г со второй половины того же столетия из обихода исчезают²⁴. Второй половиной XV в., таким образом, и следует датировать прослеженный нами в раскопе 1991 года объединѣнный комплекс осадного двора.

Рис. 128. Ключи из хозяйственной клетки (раскоп 1991 г.) после их расчистки и консервации.

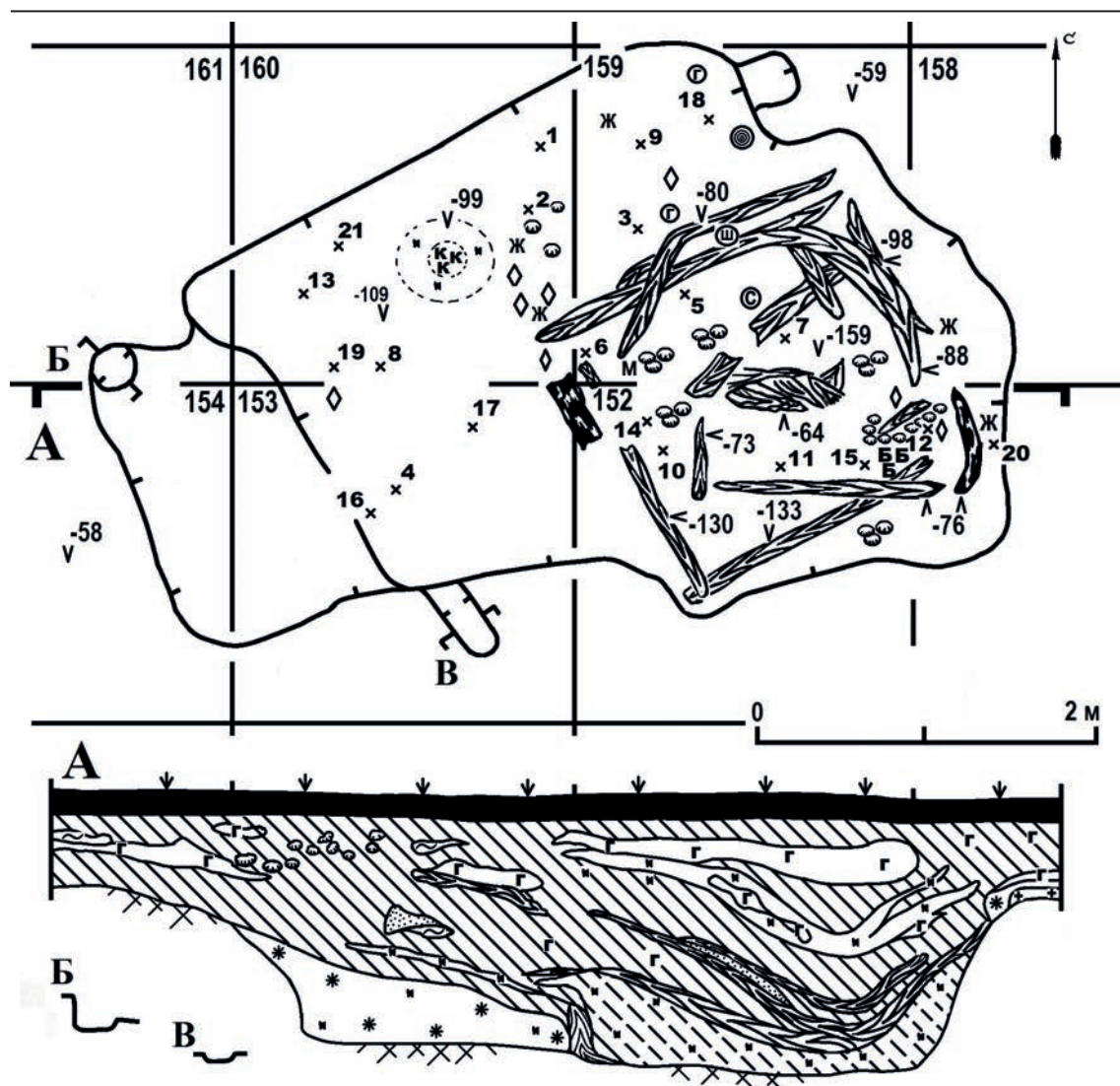

Рис. 129. Ножи с клеймами из очажной и подпечной ям после расчистки и консервации.

Остатки ещё одного жилого комплекса, в кв.151–154, 159–160 раскопа 1998 года, оказались примечательны тем, что здесь неплохо сохранились следы деревянных конструкций погребца. Контуры материкового углубления – в виде пятна тёмно-серого слоя – начали обозначаться на глубине 40 см.

Первоначально (на зачистке) это было пятно формы, близкой к квадрату, шириной около 240 см (кв. 151–152, 159). Сориентированное по линии СЗ–ЮВ, с запада пятно оконтуривалось полосой полубоженной глины (печины), с востока – шедшими из-под тёмного-серого слоя более ранними и более светлыми напластованиями. В тёмно-сером слое, связанном с комплексом, в большом количестве присутствовали включения угля и печины, встречались крупные куски сероглиняной керамики, найден рыболовный крючок, обломок пряслица, обточенный керамический диск («заготовка пряслица»), роговой спил, глина с отпечатками зёрен злаков. Западнее, в кв.153, слой был с той же характеристикой и, как оказалось в дальнейшем, связан с тем же комплек-

- Находки в яме: 1.Медное изделие (фрагмент). 2.Грызло конских удил. 3.Пробой.
 4.Пушечное ядро. 5.Ручка сосуда. 6.Обломок ножа. 7.Фрагмент сосуда с росписью.
 8.Ключ. 9.Ключ коленчатый. 10.Обломок ножа. 11.Проколка. 12.Медное изделие (фрагмент). 13.Наконечник стрелы.
 Находки над ямой (глубина 30-50 см): 14.Обломок пряслица. 15.Глина с отпечатками зёрен. 16.Роговой спил. 17.Набор для игры в бабки. 18.Точильный камень. 19.Керамический диск. 20.Поддельная монета-денга. 21.Ушко (затыльник древка стрелы).

Рис. 130. Яма в кв. 151–154, 158–161 раскопа 1998 года.

сом. Здесь, кроме того, встречались и пятна полубожженной глины, и древесный тлен – остатки постройки (опечка?). Под остатками оказалась интересная находка: мешочек (или шаровидной формы свёрток), в котором находились 44 бараньих косточки и сделанная из такой же косточки, с просверленными отверстиями, бита. Всё это представляло собой набор для игры в бабки (рис. 131).

Рис. 131. Набор для игры в бабки in situ. Кв. 153 раскопа 1998 года.

Количество бабок было чётным, что позволяло расставлять их парно, согласно правилам, сохранявшимся до недавнего времени. Отверстия в одной из костей отличали её как битую и позволяли утяжелить, например, залитым свинцом или даже просто набитой внутрь сырой глиной (в данном случае следы свинца отсутствовали). Ниже, в заполнении ямы, были обнаружены ещё две бабки, похожие на те, что были в наборе.

В кв. 151, в слое пещины непосредственно над ямой погребца, встречена не менее интересная находка: монета-подделка с изображением лучника на обеих сторонах. Монета была серебряной, её вес укладывался в московскую весовую денежную норму²⁵.

По мере прохождения слоя с глубины 40 см, на уровне материка, в юго-восточной части комплекса обозначились контуры ямы неправильных очертаний. Общая длина пятна с тёмно-серым заполнением достигала 5,2 м, ширина 3,6 м. С западного края контуры имели подпрямоугольные очертания, с востока были искажены расширением, связанным с устройством заглибления с опущенным в него срубом. На краях ямы отмечены две врезки для положенных над ней, крест-накрест, брёвен; сами брёвна не сохранились. Одно из них у западного угла ямы было

положено на вкопанный короткий столб (рис. 130, разрезы «Б» и «В»). Брёвна могли служить опорой для печка в располагавшемся над ямой жилище.

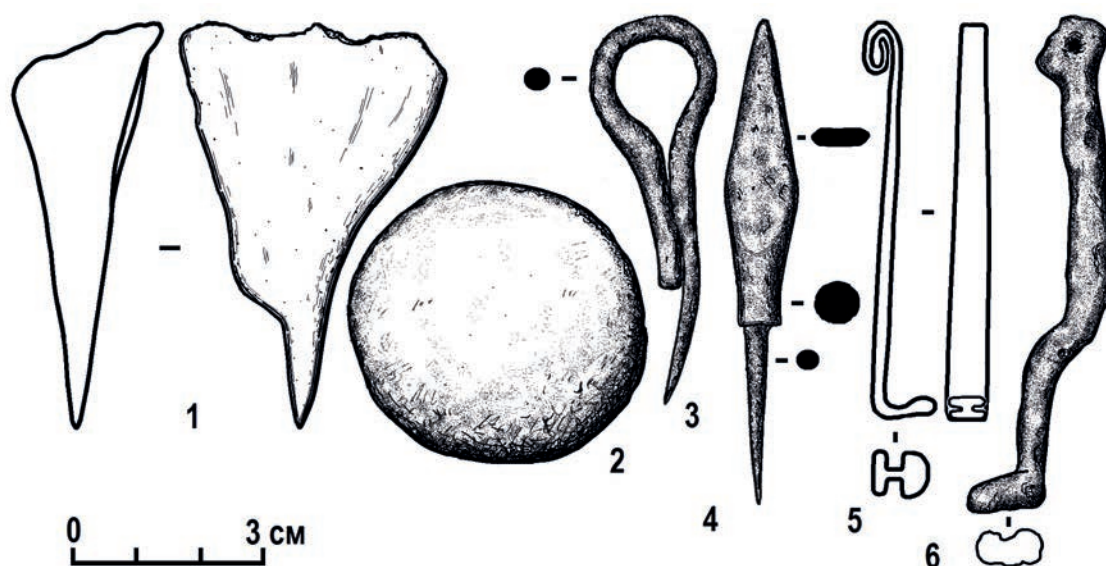

Рис. 132. Находки в яме (кв. 151–154, 158–161 раскопа 1998 года).

1 – проколка; 2 – пушечное ядро; 3 – пробой;

4 – наконечник стрелы; 5–6 – ключи.

1 – кость; 2 – камень; 3–6 – железо.

Яма достигала глубина 1,6 м от современной поверхности в восточной части, где были обнаружены остатки срубной конструкции погребка. Западнее в нижней части ямы были прослежены отложения раннего периода: более светлый, коричневатый лёгкий суглинок, что в раскопах плесского городища связан с культурными остатками преимущественно XIV столетия. Найденная в нём немногочисленная керамика соответствует указанному времени. Очевидно, рассматриваемый нами комплекс уничтожил раннюю яму, не нарушив только её самые нижние отложения. В этих отложениях, в кв.160, прослежено линзовидное в сечении пятно кострища в виде круга диаметром 60 см и мощностью до 7 см. В центре его сохранилась кучка жжёных костей, а у юго-восточного края найдено 3 кремнёвых обломка, вероятно, связанных с добычей огня.

Выше на всём обширном пространстве ямы тёмно-серый слой с включениями углей, «рваного» камня, обгорелых обрывков бересты (в восточной части ямы), с прослойками угля, пачины, песка (засыпка по-

толка или опечка) и древесного тлена. Последний по мере углубления особенно часто встречался в юго-восточной части ямы, в кв. 152, 159. В конечном итоге древесные остатки выявились в виде сруба погребца, под размер которого было специально выкопано углубление, прорезавшего остатки раннего светло-коричневого слоя. Сторона сруба около 280 см, сложен он был из нетолстых (около 10 см) брёвен «в обло» (если судить по единственно сохранившемуся соединению южного угла). Внутри был устроен деревянный пол.

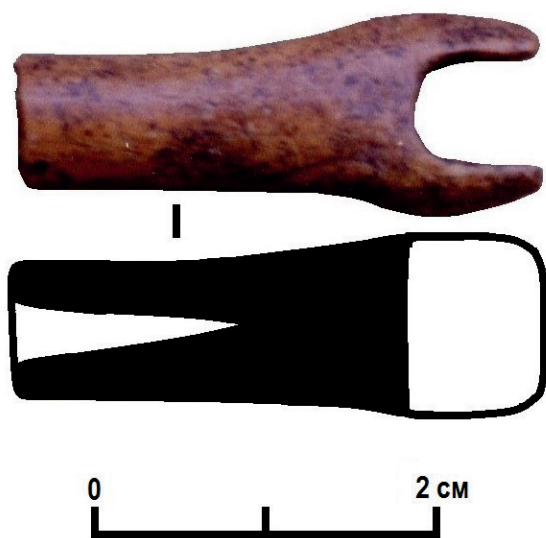

Рис. 133. Затыльник (ушко) стрелы.

Внутри сруба и вне его керамика встречалась в виде отдельных фрагментов, преимущественно сероглиняная. Единичны обломки посуды чернолощёной, белоглиняной, ангобированной. Индивидуальных находок внутри сруба и вне его в целом было немного. Среди них костяная проколка, пушечное каменное ядро диаметром 4,5–4,8 см, пробой (рис. 132, 1–3). Найденный к востоку от сруба железный наконечник

стрелы имел плоское утолщённое лезвие и хорошо выраженный упор. Мог использоваться как бронебойный. Прямые аналоги нам не известны (рис. 132, 4). Недалеко от наконечника и каменного ядра в верхней части заполнения ямы обнаружена единственная в своём роде находка на городище: затыльник древка стрелы (костяное ушко для накладывания на тетиву лука). Приспособление выточено из кости на токарном станке и хорошо отполировано; для крепления к древку просверлено узкое отверстие (рис. 133).

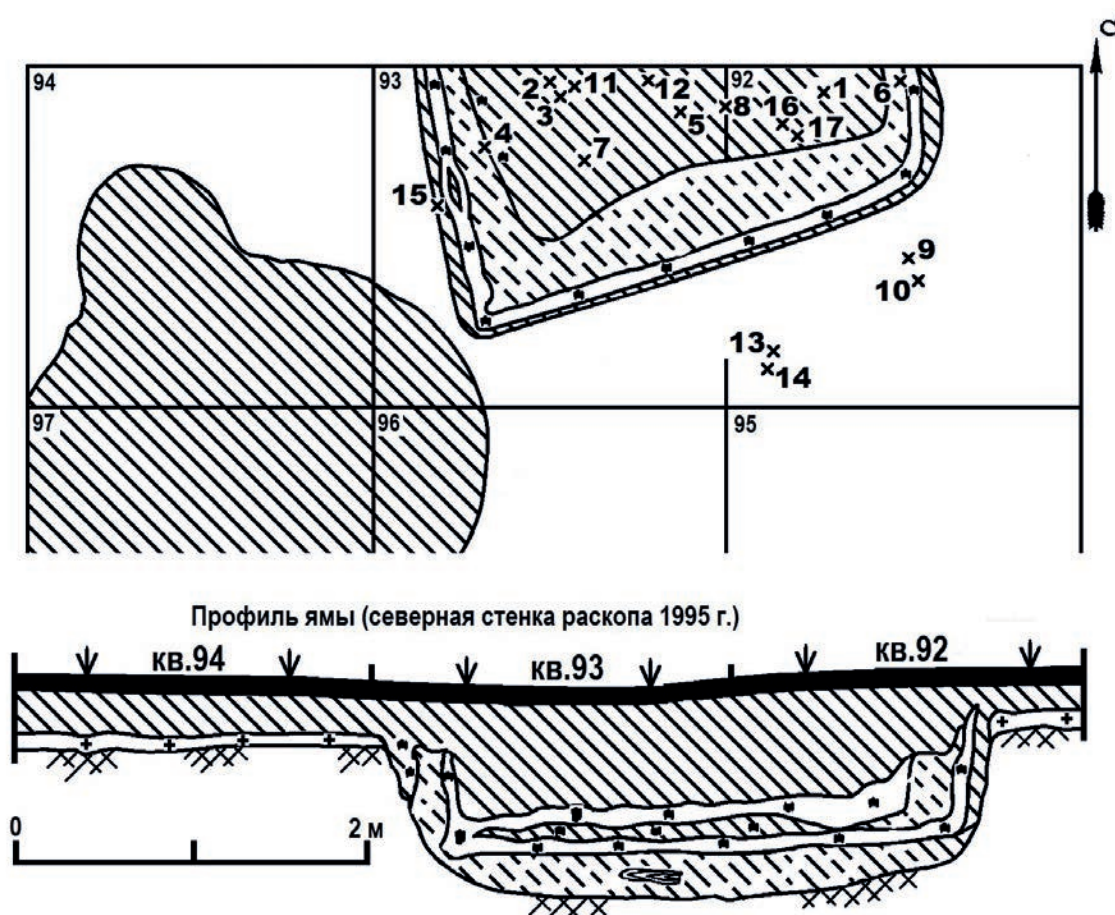
Оба найденных в яме ключа применимы к замкам типа В простого варианта (по Б.А. Колчину). Один из них примечателен тем, что имел коленчатый стержень (рис. 132, б) и по сравнению с другим был гораздо худшей сохранности. Аналогичной формы ключ найден в Плесе всего один, причём при раскопках посадской усадьбы домонгольского

времени. Не исключено, что в данной яме подобная находка оказалась к результате перекопа.

Таким образом, по совокупности находок, и в частности, по образцам керамики, яма не могла быть древнее 2 половины XV века. В то же время, следует учесть, что связанные с ней напластования срезались ямой (кв. 165–167), в которой найдена монета-денга великого московского князя Ивана III. Исходя из этого, время существования комплекса вряд ли затрагивает начало следующего, XVI столетия.

Многие материковые ямы, прослеженные при раскопках Плѣсского городища, попадали в раскопы не полностью. Но их исследование, как

Находки:

1. Обломок подковы.
2. Развал керамической крышки (тарели?).
3. Развал горшка.
4. Булавка прядельная.
5. Конские удила.
6. Поворотный ключ.
7. Фрагмент сосуда с поддоном и клеймом на днище.
8. Развал миски.
9. Ключ.
10. Кресальный кремь.
11. Крючок рыболовный.
12. Перстень железный.
13. Развал горшка.
14. Ручка ангобированного сосуда с росписью.
15. Обломок косы.
16. Фрагмент керамического изделия (писанки?) с желтой поливой.
17. Развал горшка.

Рис. 134. Яма в кв. 92–93 раскопа 1995 года на уровне материка (зачистка на глубине 60 см).

правило, позволяло определить их назначение и предоставляло новые дополнительные сведения об организации быта в разные периоды истории. Край одной из таких ямы обозначился у северной стенки раскопа 1995 года (кв.92–93) и указывал на бывшее наличие жилого комплекса. Прослеженная часть погребя оказалась интересна уже тем, что здесь достаточно хорошо читались следы внутренних деревянных конструкций.

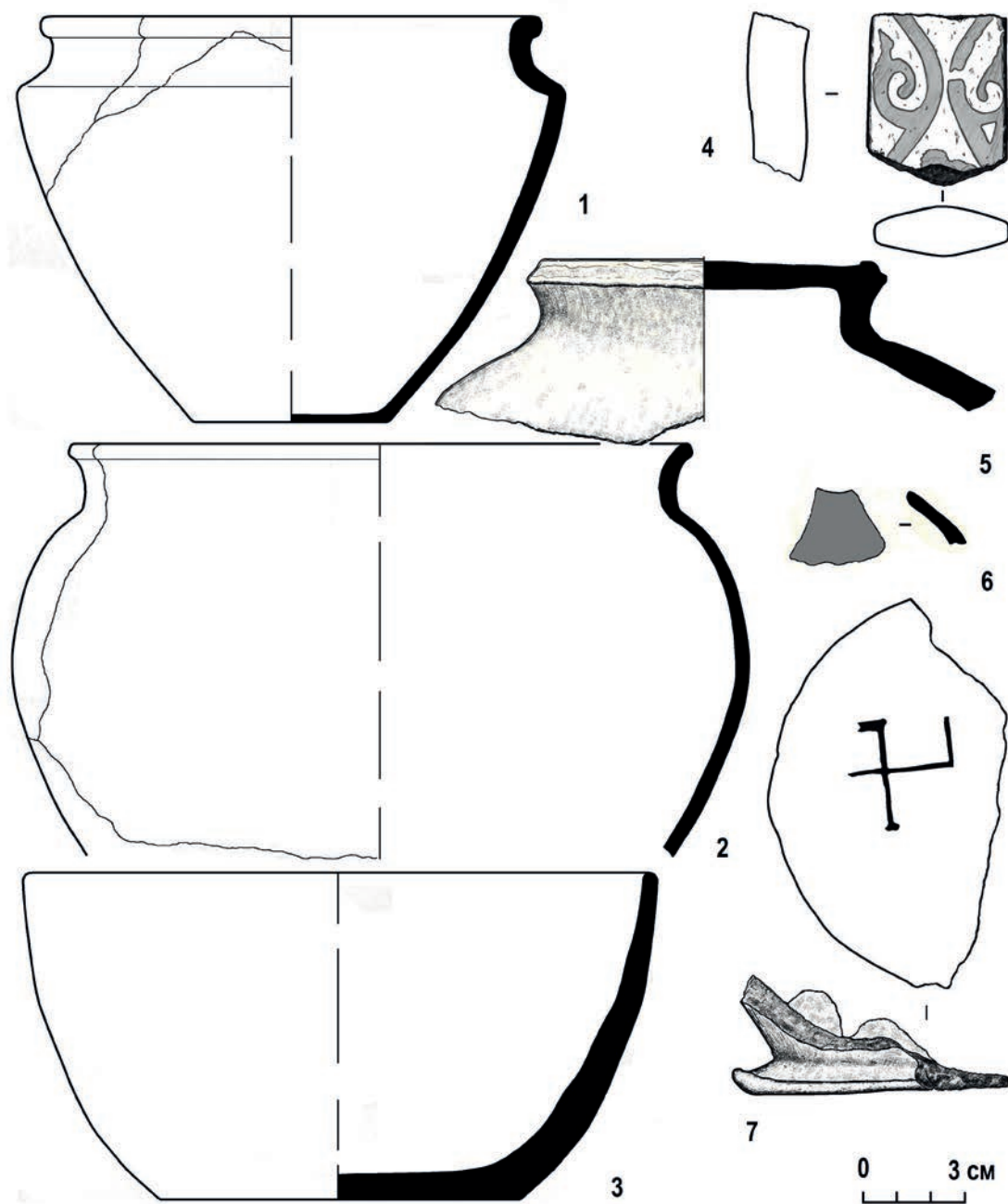

Рис. 135. Керамика из жилого комплекса с остатками погребя в кв. 92–93 раскопа 1995 года.

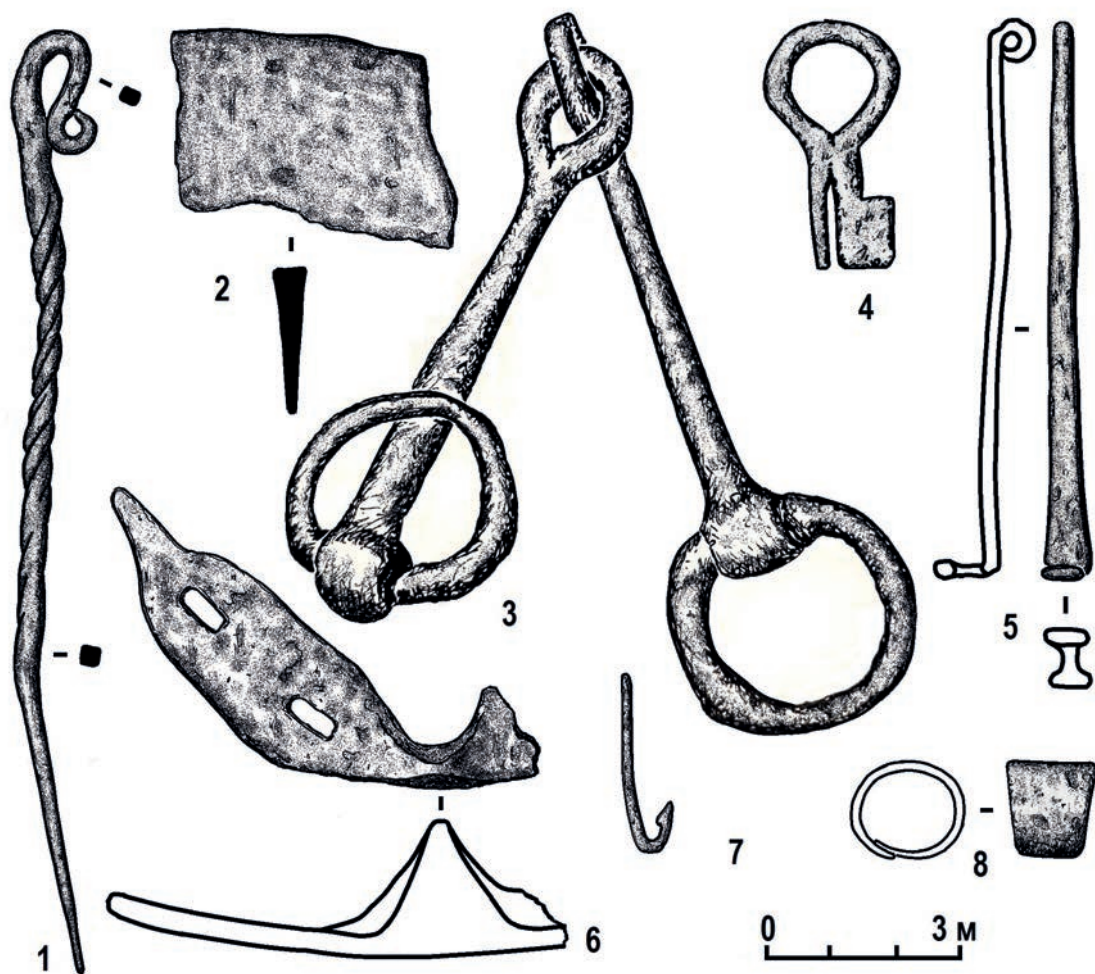
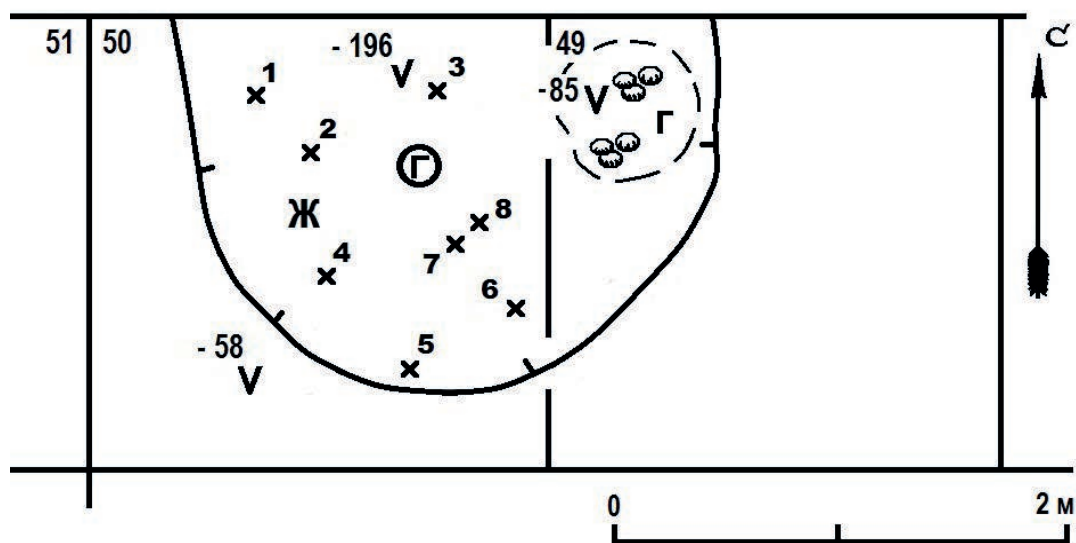

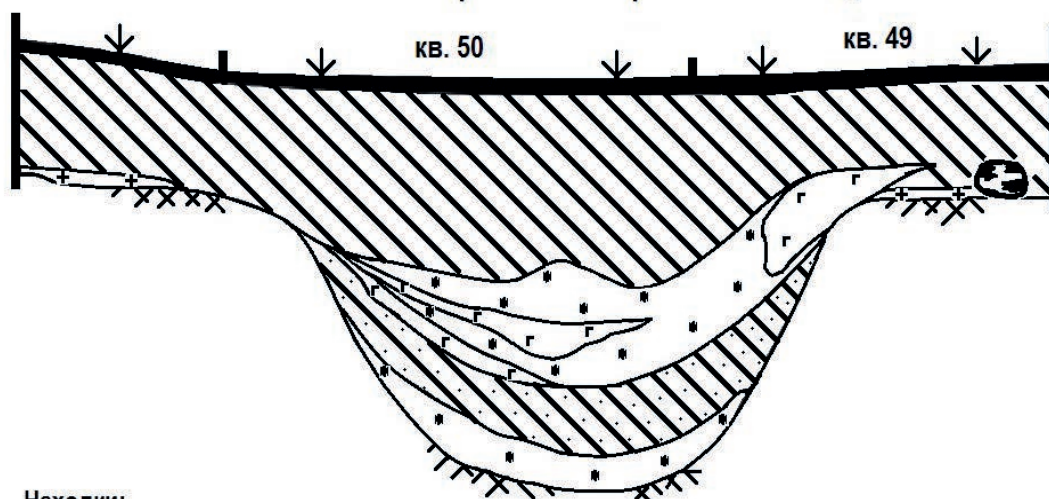
Рис. 136. Железные предметы из ямы погребя (кв. 92–93 раскопа 1991 г.).
1 – прядильная булавка; 2 – фрагмент косы; 3 – конские удила; 4–5 – ключи;
6 – лошадиная подкова; 7 – рыболовный крючок; 8 – перстень.

Яма перекрывалась более поздними напластованиями 2 пол. XV – 1 пол. XVI вв.. Отложения, связанные с ней, находились в нижней части тёмно-серого слоя, и её контуры начали обозначаться неровным пятном только при зачистке на глубине 40 см – на фоне выходящих со всех сторон более светлых ранних напластований. Зачистка на глубине 60 см обозначила её точный контур на фоне материка и выявила сложное заполнение (рис. 134).

Яма имела прямоугольные очертания. Ширина её вдоль северной стенки раскопа составляла 3,5 м. Максимальная глубина от уровня материка – 0,95 м. Стенки почти отвесные, дно ровное. В профиле северной стенки раскопа и в процессе послойной расчистки ямы были выявлены следы деревянных сооружений: пола и облицовки стенок. Дерево

Участок северной стенки раскопа 1989 года.

Находки:

1. Конские удила.
2. Фрагмент замка.
3. Крест-энколпион.
4. Ключ.
5. Язычок пряжки.
6. Обломок ножа.
7. Пряжка.
8. Корпус замка.

Рис. 137. Яма в кв. 49–50 раскопа 1989 года.

оставило углистые контуры в виде короба, не достигающего до стенок и дна ямы. Промежутки были заполнены мешаным грунтом с преобладанием материкового суглинка. Толщина деревянного пола и стенок могла составлять до 10 см.

Профиль северной стенки раскопа указывает на вероятные следы ремонта погребца: в старый «короб» был впущен ещё один, меньших размеров (его ширина 2,8 м в профиле стенки; ширина первого – 3,1 м). Пространство между ними просыпано мешаным грунтом.

В тёмно-сером слое заполнения «нового» короба собрана керамика, относящаяся в подавляющем большинстве к сероглиняной, с добавкой песка и дресвы в тесто. Два собранных из развалов горшка имели хорошо профилированную верхнюю часть (рис. 135, 1–2). Несколько фрагментов сосудов, подобно первому из указанных, были с «притопленным» венчиком. Подобно второму, часть горшков – округлобокие. Развал крупного мискообразного сосуда интересен тем, что, подобно ряду изделий из других городищенских комплексов Плѣса этого хронологического периода, на последней стадии изготовления был у дна подрезан деревянным ножом (рис. 135, 3). Примечателен фрагмент придонной части другого сосуда: подрезка здесь не была выполнена, и сохранился своего рода поддон; на дне же имелось клеймо, по форме близкое к свастике (рис. 135, 7). Из других керамических изделий отметим крышку, или тарель (фрагмент), обломок керамической погремушки, выполненной из красной глины и покрытой жёлто-зелёной поливой, а также найденный рядом с ямой на исходе тёмно-серого слоя обломок ручки сосуда с белым ангобом и коричневой росписью (рис. 135, 4–6).

Среди индивидуальных находок преобладали изделия из железа. Из обломков определялись фрагменты стремени и лезвия косы (рис. 136, 2). Сохранилась большая часть лошадиной подковы – того же типа, что и из датированной монетой Ивана III ямы в кв. 165–167 раскопа 1998 г. (рис. 136, 6). Атрибуты верховой езды дополняют хорошо сохранившиеся удила (рис. 136, 3). Из атрибутов рыболовства – небольшой рыболовный крючок с обломанным тыльным концом (рис. 136, 7). Фигурная железная булавка связана с прядением (рис. 136, 1). Несколько необычен перстень, изготовленный не из цветного металла, а из железной пластины, согнутой в кольцо небольшого размера (рис. 136, 8).

Наконец, особого внимания заслуживает сочетание найденных в яме ключей (рис. 136, 4–5). Один относится к числу заурядных изделий, сделанных из вытянутой железной пластины. Подобные не редки на городище и предназначены для отпираания замков типа В, бытовавших в Плѣсе в рассматриваемый период. Второй ключ – флажковый, поворотный. Таковые чаще всего увязывают с навесными замками, имевшими откидную дужку и широко распространёнными в Москве, Пскове и дру-

гих русских городах в XVI–XVII столетиях²⁶. В типологии Б.А. Колчина они представлены не были. Однако находки последних лет позволили дополнить новгородскую шкалу этим новым типом (тип И), причём начало их распространения определилось не XVI, а второй половиной XV века, что стало существенным аргументом в определении времени существования рассматриваемого нами объекта²⁷.

Похожий объект – часть ямы, выходявшей в раскоп из северной стенки, – был прослежен также в ходе работ 1989 года. Западный край ямы начал выявляться на глубине 50 см на фоне выходящего из-под тёмно-серого слоя раннего напластования серого цвета. Однако профиль стенки (разрез ямы) свидетельствует, что объект не относится к первым годам существования крепости 1410 года: он более поздний (рис. 137).

Яма (кв.49–50) имела округлые очертания и выходила из стенки раскопа на 1,7 м. Ширина вдоль стенки составляла 2,2 м, глубина достигала 1,4 м. Вертикальный профиль представлял собой неправильный полукруг. Отчётливых следов облицовки погребца не сохранилось;

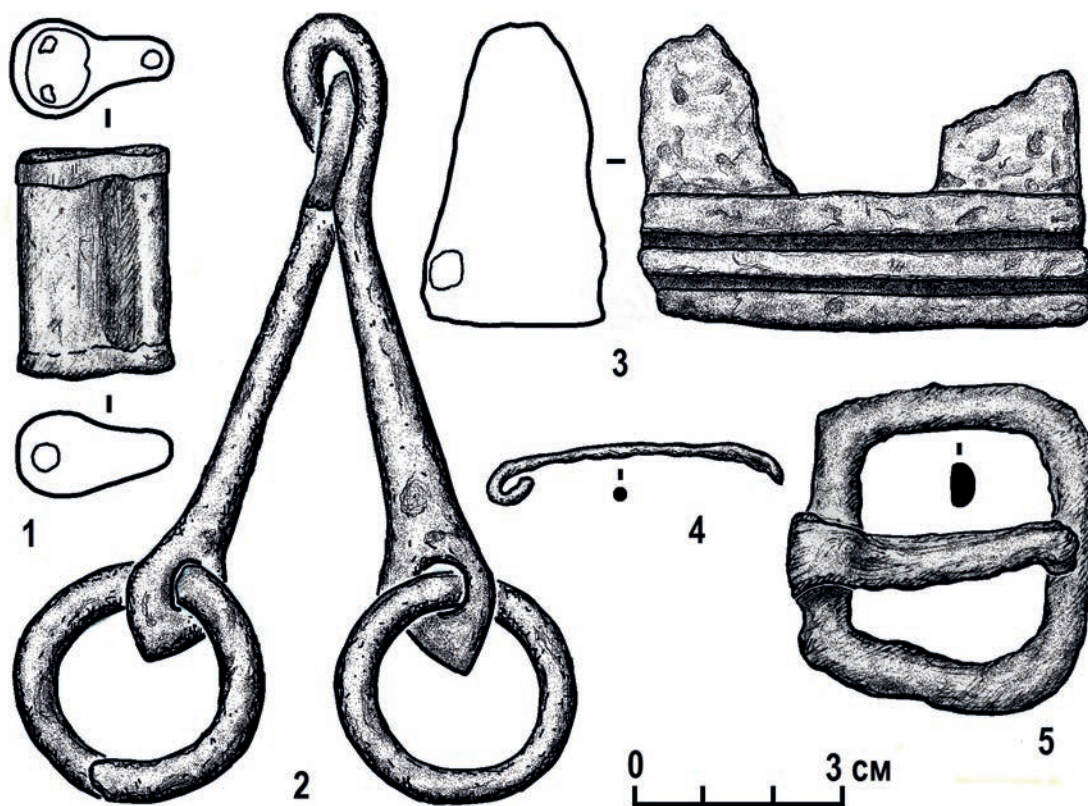

Рис. 138. Железные изделия из ямы в кв. 49–50 раскопа 1989 года.
1 – корпус замка; 2 – удила; 3 – фрагмент корпуса замка;
4 – язычок пряжки; 5 – пряжка.

возможно, с настилом пола и былой облицовкой связана углистая линза на дне и частично на стенках ямы. Мощная (до полуметра) углистая линза и сочетавшиеся с ней наслоения печины в верхней и средней части ямы могли представлять просевшие остатки постройки. Тёмно-серый слой между ними был осветлён примесью песка. В верхней части заполнения встречался очажный камень, в том числе в виде скопления (кв. 137).

Почти вся керамика в яме – сероглиняная, с добавкой дресвы и песка в тесте (всего 197 фрагментов, из них 51 венчик). Один обломок стенки – с линейным орнаментом, 2 – с волнистым. Один покрыт красным ангобом. Из индивидуальных находок отметим обломок ножа, точильный камень, язычок от пряжки, типологиче-

ские неопределимые остатки ключа, кольцо от удил и конские удила (рис. 138, 2). Непосредственно над ямой найдена подпружная пряжка и корпус миниатюрного замка высотой 3,3 см (рис. 138, 1). Корпус сильно корродирован, прорезь для ключа потеряла изначальную форму, но более всего подходила бы для торцового ключа (тип Д). В яме же найден фрагмент корпуса сличного замка типа Е, что не позволяет считать яму древнее 2 половины XV века (рис. 138, 3). В этой связи требовало бы пояснений обнаружение в яме креста-энколпиона, аналогичного экземпляру с Куликова поля, в полной сборке (рис. 139). Он мог попасть в более поздний комплекс в результате перекопа. Мы же склонны считать (как сказано выше, в описании материалов XIV в.), что столь ценный

Рис. 139. Энколпион из ямы в кв. 49–50 раскопа 1989 года.

атрибут просто был в долгом использовании (80–100 лет), о чём свидетельствует некоторая потёртость его оборотной стороны.

Рис. 140. Яма ледника в кв. 54–55 раскопа 1989 года.

Ещё одним примечательным объектом стала часть ямы, выходящей из северной стенки раскопа 1989 года (кв. 54–55). Она начала проследиваться в виде тёмного, почти чёрного пятна на глубине 40 см на фоне более ранних отложений. С западной стороны фоном оказался начавший выходить на глубине 35–40 см осветлённый слой XII–XIV вв.; с востока край ямы врезался в углистые напластования рассмотренного выше комплекса 1 пол. XV в., сама же яма не содержала углистых включений (рис. 140).

На уровне материка (на глубине 50 см) яма, имевшая продолговатую форму и вытянутая по линии ЮЗ–СВ, имела ширину 1,6 м, глубину 1,1 м в юго-западной части и 0,5 м у северной стенки. Между глубинами наблюдался плавный переход. Стенки вертикальные, с восточной стороны небольшой уступ в верхней части был забит слоем глины. С западной стороны вдоль стенки выкопана канавка – вероятно, дренажная. Заполнение составлял влажный тёмно-серый, почти чёрный слой. Благодаря влажной среде в яме лучше сохранилась органика, а железо

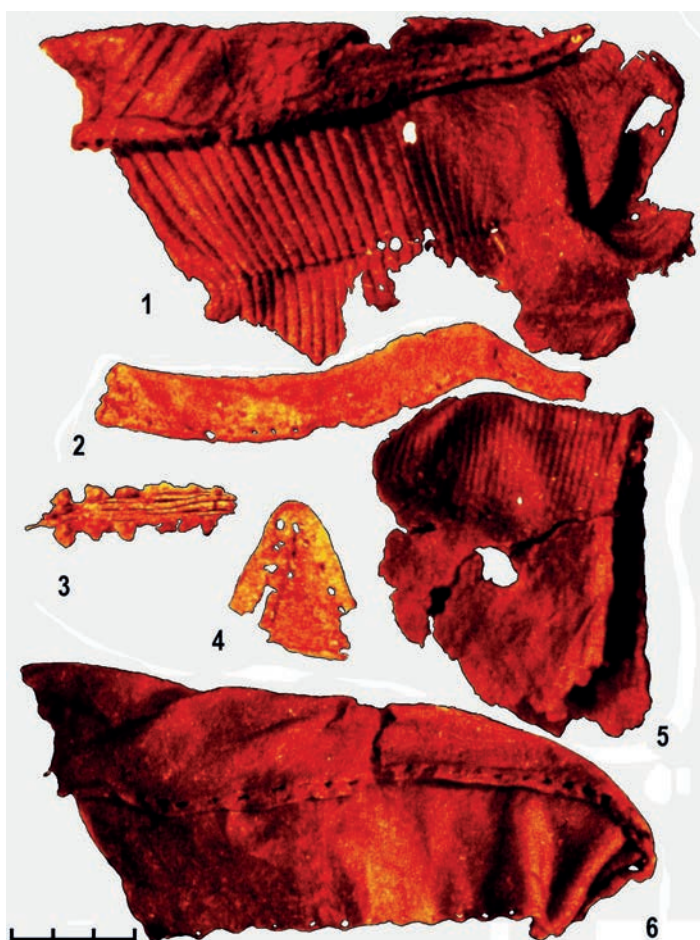

отмечено преимущественно в виде бесформенных окисленных обломков. Различимы оказались обломок ножа и скоба.

На стенах и на дне ямы обнаружены фрагменты бересты – достаточно много, чтобы предположить, что берестой были облицованы стены. Вероятно, она листами переплеталась между вертикально поставленными прутьями (своего рода циновка). Учитывая наличие дренажной канавки, характер и состояние находок, форму ямы, можно предположить, что яма служила ледником, а стены подобным образом были облицованы в гигиенических целях.

Среди других ям хозяйственного назначения данная оказалась особенно ценна тем, что в ней, благодаря влажной среде, сохранились образцы кожаной обуви. Мелкие фрагменты были отмечены ещё на глубине 45–50 см. Ниже, у дна, обнаружены крупные, определимые детали. Среди них верхняя часть мягкой кожаной обуви – туфли (рис. 141, б).

Несколько находок представляли собой детали мужских сапог «жѣсткой» конструкции, характерных для конца XV – первой половины XVI веков²⁸. Среди них две головки, из которых одна – двойная (рис. 141, а). Она покрыта поперечными линиями тиснения (как и вторая), с высоким, приподнятым вверх носком, которому соответствует вытянутая передняя часть слоёной подошвы (похожий фрагмент: рис. 141, 4).

Рис. 141. Остатки кожаной обуви из ямы в кв. 54–55 раскопа 1989 года.

Примечательна находка, связанная с креплением подошвы. Сохранившийся фрагмент представляет четыре слоя кожи (собственно подошву) и часть ранта, которые оказались скреплены часто посаженными (на расстоянии 6–8 мм друг от друга) железными гвоздиками (рис. 141, 3). Из вспомогательных деталей сапога в яме сохранилась часть поднаряда (рис. 141, 2).

Рис. 142. Остатки обуви и кроя из строительной канавы на территории плёсского средневекового посада.

Остатки таких же сапог в Плесе найдены и вне крепости, на территории средневекового посада. При рытье канавы под фундамент дворовой постройки (ул. Никольская, 3) в верхних напластованиях насыщенного слоя обнаружены головка и задник сапога, а также полоса кожного кроя. Детали обуви имели следы прошивки по краю. Оформление головки такое же, как на образцах из крепости (рис. 142). Лицевая поверхность кожи гладкая, что характеризует её как «тим» – русский аналог восточному сафьяну; он изготавливался на Руси по крайней мере со второй половины XIV в.²⁹

Представленные в данном разделе (а также, ввиду большого объёма, оставшиеся вне публикации) археологические материалы второй половины XV века свидетельствуют об отсутствии каких-либо радикальных изменений в организации быта обитателей Плесской крепости по сравнению с первой половиной столетия. С годами в качестве доминирующих утвердились жилые постройки с большими, в основном двухкамерными печами, обеспечивавшими комфортное проживание в «чистой», господской половине жилища. Истопка располагалась в хозяйственном помещении, ближе к входу в дом, и холопам доставались «горечи дымные», предоставлялась возможность готовить здесь пищу для хозяев и для себя в зимнее время – и, вероятно, возможность самим ночевать в тепле. По свидетельству московского посланника Дмитрия Герасимова, отраженному в книге Паоло Джовио, кухни в русских домах были отделены от «столовых» и «спален»³⁰.

Хозяева же «тепло имали» за счёт того, что прогреваемый противоположный жерлу конец печи заходил в чистое помещение. Здесь к нему могла пристраиваться тёплая лежанка, но чаще, судя по материалам раскопов, сооружалась сводчатая глинобитная камера, предоставлявшая дополнительные бытовые удобства, вплоть до возможности в ней мыться (париться). В то время года, когда топить печи в городе было запрещено, подобная «чистая печь» могла выполнять роль бездымного камина, в котором горящий без высокого пламени и дыма берёзовый уголь позволял осуществить дополнительный прогрев помещения или долго сохранять тёплой пищу, приготовленную на уличном очаге³¹.

Обычно строго под двухкамерной печью устраивался двойной же подпол – соединявшиеся краями округлые ямы, как правило, облицованные деревом. Удалось проследить, что вход в подпол (в наиболее обширную часть подпола – погреб под «чистой печью») осуществлялся через голбец. Под истопкой печи находился ледник, который использовался в тёплое время года (когда печи не топили, а процесс приготовления пищи переносился на улицу либо в холодную дворовую пристройку). Такое расположение подтверждается соотношением находок: ими, как правило, изобилует погреб, где встречалось, прежде всего, большое количество фрагментов тарной посуды, тогда как в заполнении ледников, вместе с просевшими в них остатками истопки, присутствовали, как правило, немногочисленные находки.

Весенние запасы речного льда в яме ледника должны были быть не малыми. Во-первых, они требовались для сохранения скоропортящихся продуктов. А во-вторых, лёд непосредственно требовался при организации трапез в жаркое время года – для охлаждения безалкогольных и алкогольных напитков. Как писал тот же Паоло Джовио, русские «охлаждают летом мёд и пиво, бросая в чаши куски льду, и с этой целью у знатных лиц с особым тщанием хранятся в подземных погребах огромные куски льду»³².

Общие трапезы, и в особенности пиры, в которых участвовали не только члены семьи, были составной частью жизненного уклада представителей правящего класса того времени. На трапезы приглашали не только себе равных: время от времени знатный человек давал пиры сво-

им ближним слугам, «боевым холопам». Археологические материалы крепости – места частого сосредоточения представителей элиты – свидетельствуют о том, что во второй половине XV века общеевропейские тенденции к установлению правил поведения, этикету, достигли русской провинции. Этикет предусматривал наличие особой столовой посуды – и на месте домов знати мы находим столовые ножи удлинённой формы (в том числе с западноевропейскими клеймами). Ножи напоминают те, что изображались на европейских миниатюрах³³. Чаши для вина, зачастую с особым орнаментом, могут указывать на соблюдение застольных ритуалов и выступать одним из свидетельств влияния эпохи Возрождения на русское общество. При этом косвенным свидетельством не всегда мирного завершения пиров служат находки потерянных крестов (в том числе крупных, складней), и в особенности с обломанной верхней частью, вывороченной петлёй, через которую продевался гайтан.

Новшества в организации войска, предпринятые в эпоху правления Ивана III, способствовали тому, что некоторые военачальники (и ратники) присылались в Плёсскую крепость из Москвы; находившиеся в крепости воины-землевладельцы имели (на условиях службы) деревни в достаточно отдалённых землях – и из этих деревень им время от времени приходило продовольствие. В результате в качестве тары в крепости оказывалась керамическая посуда, выполненная в иных, отличных от плёсской, гончарных традициях. Отсюда разнообразие состава теста, форм тулова и оформления венчиков сосудов среди многочисленных образцов, найденных в подпечных ямах (что, впрочем, могло бы стать темой отдельных исследований).

Местная же посуда по-прежнему сероглиняная, с добавкой дресвы и песка, изготовлена на медленно вращающемся круге. Неоднократно встречались образцы с заметными контурами примазанных жгутов или со сломом по месту скрепления жгутов (рис. 143). Несколько экземпляров найденных в разных подпечных ямах горшков и мисок (чаш для вина) могли принадлежать руке одного плёсского мастера. Нижнюю часть изделия он вытягивал из единого куска, а остатки глины нагрубо

срезал деревянным ножом, не заглаживая мест среза (рис. 16, 7). Вся его посуда сероглиняная, с добавками дресвы.

В комплексах 2 половины XV столетия Плесского городища уменьшилось количество находок восточной керамики; при этом заметно увеличилось количество изделий, связанных с центрами керамического производства в Москве и Подмоскowie. Прежде всего, обращали на себя внимания изделия из красной глины (в основном кувшины, кумганы, игрушки), покрытые белым ангобом, в ряде случаев с орнаментом (чёрным, серым, красноватым) по белому фону. Выше указывалось мнение исследователей о происхождении таких новых технологий. Мы же вновь отметим расширение культурных и торговых связей волжской провинции с Москвой на фоне становления и укрепления централизованного русского государства – не говоря уж о том, что в связи с усилением московской великокняжеской власти усилился и непосредственный контроль великого московского князя над волжскими крепостями, в особенности теми, которые находились в пределах «казанской украины» и всё более активно использовались в борьбе с Казанью. К числу таковых относился и Плес.

Археологические материалы 2 половины XV столетия с Соборной горы, в совокупности с письменным источником, позволяют также предполагать причастность плесской крепости к организованному Иваном III активному процессу присоединения к Москве Вятских земель.

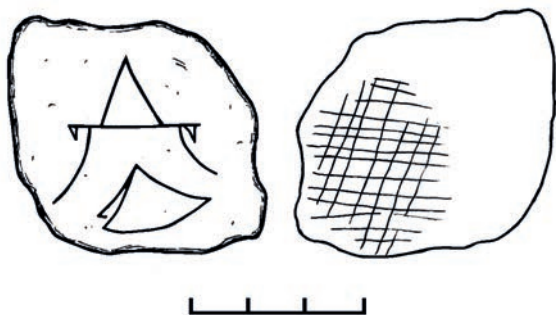

Рис. 143. Сосуд со следами скрепления глиняных лент (жгутов). Яма в кв.174 раскопа 1998 г.

К изложенным выше некоторым аргументам по данному поводу добавим нижеследующие, которые считаем нелишним здесь привести.

Обратим внимание на плёскую находку из напластований XV – начала XVI вв.: плоский камень с начертанием, похожим на изображение горы (кв. 229 раскопа 2004 года).

Рис. 144. Камень с граффити из Плёсской крепости.

Если принимать данную трактовку рисунка (а не изображение шатра с приоткрытой полостью, например), то символика его совпадёт с представлением некоторых финно-угорских народов о Мировой горе в качестве оси мироздания. Как пишет В.Я. Первухин, «этот миф усвоили и русские

люди, пришедшие на Урал в средние века» (в нашем случае – в Приуралье)³⁴. Вторая трактовка также заслуживает внимание – она может отражать представление о шатре как о жилище, доме (в особенности для кочевых народов и воинского сословия); а жилище на протяжении многих веков также являло собой образ мировой вертикали (рис. 144).

Ещё одна находка – обнаружена вдали от Плёса, но знакомая. В вятских землях, а именно на Ковровском городище (некогда важнейшем опорном пункте московских великокняжеских сил), была найдена передняя створка креста-энколпиона типа «куликовских»³⁵. Нами уже отмечалось, что наибольшее количество аналогов кресту с Куликова поля, найденных на одном памятнике (3 экземпляра), приходится на Плёс, находившийся некогда в ведении Фёдора Сабура, «первого боярина» великого московского князя Василия I Дмитриевича, участника знаменитой битвы. Во второй половине столетия роль Сабуровых при дворе оставалась значительной, а обширные земельные владения в районе Плёса за ними сохранялись. Новый великий князь, внук Василия Дмитриевича, с полным основанием мог рассчитывать на участие потомков «первого боярина» и собираемые ими военные силы с Плёсского стана, Шухомаша и окружающих земель в предпринимаемых Москвой вят-

ских походах; в связи с такими обстоятельствами и мог один из «прадедовых крестов» оказаться вдали от Плёса³⁶.

Кроме косвенных археологических свидетельств, как указывалось выше, имеются и письменные. К духовной Осипа Окинфова добавим следующее: в 1478 году на Вятке находился Василий Фёдорович Сабуров, который ранее упоминался среди бояр Ивана III. Сведениями о том, какими землями в районе Плёса он обладал, какое отношение имел к плёсской крепости и кто из местного населения мог быть в составе его отряда, мы не располагаем³⁷. Но при этом имеем в виду, что брат его, Семён Пешек Фёдорович, был обладателем обширных земель в Плёсском стане и Шухомаше – и он участвовал в северных походах (к Устюгу и на Кокшенгу), предпринимавшихся Иваном III в связи с той же конфронтацией с Новгородом, – а также непосредственно в походе на Новгород в 1477 г.³⁸

Уточняя сохранявшиеся владения Сабуровых в районе Плёса, обратимся к документу – раздельной сыновей умершего в 1484 году пятого сына Фёдора Сабура, Семёна Пешка. Они поделили между собой отцовские земли в Плёсском стане и в стане Шухомаш: сёла Якольское, Остафьевское и Колышинское с деревнями и пустошами³⁹. Даниле по прозвищу Чурка досталось «большое село Якольское» (ныне г. Приволжск) и с ним 15 деревень и пустошей (из ныне известных – Ильицыно, Ратово, Ивашково). У Константина, державшего кроме этого половину г. Зубцова, оказалось с. Остафьевское и 24 деревни и пустоши (в том числе д. Парушево и Ильинское в верховьях Тезы). Дмитрию, политическая деятельность которого известна по документам 1491–1495 гг., отошли в Плёсском стане пять деревень, и среди них Васьково (ныне Васькин Поток) и Одеришино. Фёдор Муса получил земли в Шухомаше. Сабуровы также владели некоторыми близлежащими землями вне указанных Плёсского стана и Шухомаша. Так, до 1459 года в составе владений Сабуровых находились сёла Вятского стана Наволок и Коростелево, отданные затем Троице-Сергиевому монастырю, а также колдомские сёла, отданные к 1462 г. Михаилом Сабуровым великой княгине, матери Василия Тёмного⁴⁰.

Степень значимости Плесской крепости для молодого Российского централизованного государства Ивана Великого может быть рассмотрена и в свете появления карт русских земель. Создание первого такого большого «чертежа», по свидетельству Б.А. Рыбакова, относится ко второй половине XV в. (переработанные варианты использовались иностранцами, побывавшими в России в XVI–XVII столетиях). Естественно, карты включали в себя только более или менее значимые города. Название «Плѣс» фигурирует на карте А. Дженкинсона, восходившей к московскому чертежу 1494 г. Город показан во владимирских землях вместе с собственно Владимиром, Костромой, Кинешмой, Юрьевцем, Балахной и Н. Новгородом⁴¹. Обозначен он и на карте Г. Геритса; из вышеупомянутых городов на ней отсутствуют Кострома и Кинешма. На карте Гийома Делиля из всех вышеупомянутых городов указаны лишь Кострома и Плѣс⁴².

В завершение остаётся отметить следующее. Несмотря на то, что в раскопах 1986–2005 гг. на Соборной горе комплексы первой половины XVI в. находились непосредственно под дёрном и не были разрушены каким-либо поздним строительством, плотность застройки предшествовавшей эпохи, времени Ивана III, преобладала; и количество собранных вещественных материалов в целом не уступало более поздним.

---

¹ Ойнас Д.Б. *Средневековая печь...* С. 9–10.

² Савельева Э.А. *Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. Рис. 16, 9.*

Шапран И.Г. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на средней Вятке. // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Здесь же укажем на похожее оформление хронологически синхронных мордовских сьюльгам (V Рождественское селище и городище, Татарстан).

³ См статью в данном сборнике: Плѣсская каменная иконка-оберэг.

⁴ «у финнов *Укопківі* — камень громовника Укко; каждый дом, где они сберегаются, безопасен от молнии». // Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Том 1. Ч.6–1–1. Травкин П.Н. Язычество и первые попытки христианизации раннесредневекового населения Ивановского края. // Плѣсский сборник. Плес, 1995. Выпуск 2, с. 67. Домострой. // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 99. Травкин П.Н. Традиционный погребальный обряд в Костромском Поволжье по археологическим и этнографическим данным. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск - Санкт-Петербург, 1998. С.114.

⁵ См. статью в данном сборнике: Жилище плѣсского осадного двора.

⁶ Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах). // АП. М., 2004. С. 310. Спиридонова Е.В. Керамические игрушки XIII–XVIII веков из Ярославля. // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2007. С. 197. Колызин А.М. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля). // РА. 1998. № 2. С. 116.

⁷ См статью в данном сборнике: Новое о культуре средневековой провинции (чаша с граффити из Плѣса).

⁸ Смирнов Л.П. Плѣс. К истории города. 1986 г. // Архив ПГИАХМЗ. Фонд № 10, опись № 12.

⁹ Поветкин В.И. Об одной из детских музыкальных забав на Руси. // Материалы по археологии Новгорода. С. 187–191.

¹⁰ Коваль В.Ю. Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв. // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1.

¹¹ Духовная Осипа Окинфова. // Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси. СПб., 1857.

¹² Голубева Л.А. Амулеты. // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 153.

¹³ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Производство, технология). // Труды Новгородской археологической экспедиции. Том II. МИА. № 65. М., 1959. С. 26. Рис. 9.

¹⁴ Домострой. С. 98.

- ¹⁵ Кузнецов В.А. Энколпионы Северного Кавказа. // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 82–85.
- ¹⁶ Беленькая Д. А. Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV веков // *Древняя Русь. Быт и культура*. С. 223.
- ¹⁷ Никольская Т.Н. Воротынк. // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 121–125. Двуреченский О.В. Средства и приёмыковки лошадей в Москве и Московской земле. // *АП. Материалы научного семинара*. М., 2004. С. 240–242.
- ¹⁸ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. Табл. XIX, 1–2. Макаров Л.Д. Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины. // *Памятники железного века Камско-Вятского междуречья*. Ижевск, 1984. Рис.8, 6.
- ¹⁹ Лабутина И.К. Раскоп 1967 года в Окольном городе Пскова. // *Археологическое изучение Пскова*. Псков, 1994. Выпуск 2. Приложение 1, рис.19,1.
- ²⁰ Беленькая Д. А., Розанова Л. С. Ножи с клеймами из Зарядья. // *Древности славян и Руси*. М., 1988. Сергина Т. В. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // *Археологическое изучение Пскова*. М., 1983. Рис.16, 1.
- ²¹ Векслер А.Г., Гусаков М.Г. К вопросу об изготовителях красноглиняной керамики в Московии в XV–XVI вв. // *Кадашевские чтения*. М., 2014. Вып. XIII. С. 202.
- ²² Халиков А.Х. Семёновский клад железных изделий. // *Из истории ранних болгар*. Казань, 1981. Рис.1.
- ²³ Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник.
- ²⁴ Колчин. *Хронология...* С. 82–84.
- ²⁵ См. статью в данном сборнике: *Некоторые особенности денежного обращения на «казанской украине»*. Рис.4.
- ²⁶ Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // *САИ*. М., 1971. Вып. Е 1–34.
- ²⁷ Кудрявцев А.А. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода. Автореф. канд. дисс. М., 2014.
- ²⁸ Курбатов А.В. Обувная мода в средневековой Руси. // *Археология, история нумизматики, этнография Восточной Европы*. Сб. статей памяти проф. И.В.Дубова. СПб., 2004. С. 486–488.
- ²⁹ Осипов Д.О. Этапы развития кожевенно-сапожного ремесла средневековой Руси. // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Казань, 2014. Том III. С. 316–317.
- ³⁰ Паоло Джовио. Книга о московском посольстве. // *Все народы едино*

суть (*История Отечества в романах, повестях, документах. Век XV–XVI*). М., 1987. С. 491.

³¹ Об использовании запасов берёзового угля не для производственных, а для бытовых нужд, а также о запрете топки печей в противопожарных целях свидетельствуют сохранившиеся документы XVII столетия. // *Материалы для истории Владимирской губернии. Выпуск третий. Владимир, 1904. С. 70–71. Борисов В.А.. Собрание трудов (материалов) в трёх томах. Иваново, 2002. Том первый. С. 166.*

³² Паоло Джовио. Книга... С.498.

³³ Герцог Ланкастерский и король Португалии Жуан I за ужином. Миниатюра из «Собрания староанглийских хроник» Жана де Ваврена. Франция, конец XV века. В кн.: Ари Турунен. Только после Вас. Всемирная история хороших манер. М., 2019.

³⁴ Травкин П.Н. Язычество... С. 64.

³⁵ Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. Рис. 60, 2.

³⁶ При этом, разумеется, не исключено, что энколпион мог попасть на Вятку и из других мест; похожие находки встречены, в частности, в Нижнем Новгороде и в Подмосковье (селище Настасьино).

³⁷ Зимин Л.А. Формирование боярской аристократии в России во 2-й половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 191.

³⁸ Там же.

³⁹ Грамоты XIV и XV вв. московского архива Министерства юстиции: исследование Мейчика Д.В. М., 1883. С. 117.

⁴⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 195, 248.

⁴¹ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – нач. XVI в. М., 1974. С. 42.

⁴² Там же. С. 95.

Глава VII

*Последние десятилетия
крепости
(начало – середина
XVI века)*

В течение всего цикла наших исследований Плёсского городища в раскопах на северной оконечности Соборной горы не было обнаружено следов застройки позднее 50-х годов XVI столетия. Не было встречено и монет более позднего времени (за исключением потерянных прохожими во 2 пол. XVIII–XX вв., то есть через многие годы после окончания существования цитадели). Из самых последних построек наиболее хорошо сохранившимися можно считать жилые комплексы «дома наместника» и дома одного из осадных дворов – им посвящены отдельные публикации. Наряду с этим, практически в каждом новом полевым сезоне открывались многочисленные следы обитания крепости в последние десятилетия её функционирования – с начала и до середины XVI вв.

В раскопе 1990 года чётко зафиксированы остатки последней из построенных на северной мысовой части Соборной горы крепостной башни. Надо заметить, что мысовая оконечность многие годы служит видовой точкой для экскурсантов на главном современном туристическом маршруте Плёса. А потому и к моменту начала раскопок площадка была вытоптана, дерновое покрытие отсутствовало, так что с началом археологических работ следы позднейшего крепостного сооружения начали прослеживаться уже с первыми сантиметрами препарированного

грунта. В южной же, задернованной части раскопа остатки последней башни были выявлены только на глубине 30–40 см.

Башня, судя по остаткам, была сложена из брёвен толщиной от 25 до 30 см (по крайней мере, нижние её венцы). Брёвна сохранились в виде

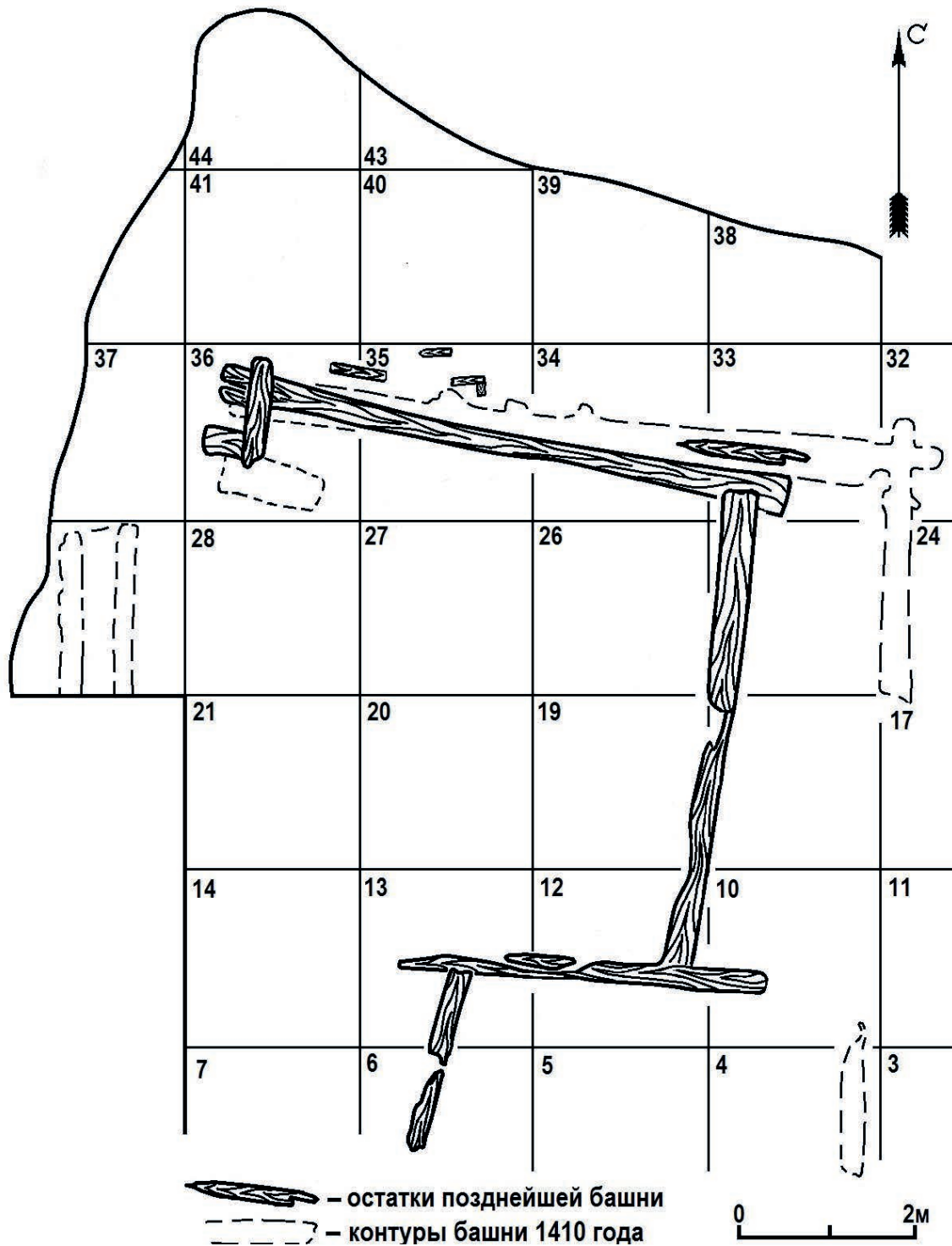

Рис. 145. Остатки позднейшей башни Плѣсской крепости в раскопе 1990 г.

тлена, без следов воздействия огня. Когда-то они были сложены на углах (кв. 33 и 36) с выпуском концов, «в обло» (рис. 145). Размеры башни составляли 6 х 6 м. В отличие от её предшественницы, возведённой в 1410 году, она имела простые, а не двойные стены (где пространство между брёвнами заполнялись хрящом).

Рис. 146. Полосы древесного тлена позднейшей башни над горелыми остатками сооружения 1410 года. Кв. 35–36. Вид с юга.

Своей северной стороной новая башня опиралась на недогоревшие остатки старой, с которой были убраны фрагменты кирпичей и хрящ заполнения полости (рис. 146). Под просевшим в грунт юго-восточным углом новой башни обнаружено несколько опорных камней-валунов.

С северной стороны описываемого сооружения под дерновым слоем сохранились находки, которые с наибольшей вероятностью относились к постройке. Прежде всего, это керамические остатки – обломки преимущественно сероглиняной посуды с добавкой дресвы и песка в тесте. У самого северо-восточного угла башни, с внутренней стороны, на глубине выявленного древесного тлена собран развал чернолощёного кувшина, высотой 18,8 см и диаметром тулова 18,9 см (рис. 147). Аналогичный ему обнаружен в «доме наместника» 50-х годов XVI столетия (см. соответствующую публикацию в данном сборнике). В двух метрах западнее, но почти под дёрном, найден рельефный керамический фрагмент, покрытый прозрачной поливой (рис. 148).

Рис. 147. Кувшин из верхнего слоя раскопа 1990 г.

Из других индивидуальных находок мы не можем указать ни одного предмета, с наибольшей вероятностью относящегося к времени функционирования данной, а не предыдущей башни. Гипотетически таковым может быть шип от палицы, найденный при прохождении первого пласта в кв. 40, с северной стороны, почти на склоне. Основанием служит аналог, встреченный в раскопе 1999 г. (кв.203) в позднейшем напластовании, рядом с подпечной ямой конца XV – 1 пол. XVI вв. Примечательны найденные на глубине 20–30 см (выше древесного тлена), два керамических диска, выточенных из обломка сосуда. Такие обычно признаются за «заготовки пряслиц», однако на территории городища их обнаружено больше, чем самих пряслиц. В крепости, заселённой преимущественно мужчинами-воинами, такие диски могли использоваться в качестве фишек в настольной игре (шашки?) либо в «кремешки» («камешки»).

Рис. 148. Фрагмент керамики с рельефным орнаментом из верхнего слоя раскопа 1990 г.

На месте древних жилищ на территории крепости в большинстве случаев не прослеживались остатки бревенчатых срубов. Срубы ставились без какого-либо заглублённого фундамента, и нижние венцы их также не углублялись в землю. Кроме того, условия содержания крепости требовали быстрой расчистки территории на месте очередной обветшавшей или сгоревшей постройки. В результате основны-

ми следами жилищ в раскопах являлись развалы печей и хозяйственные ямы-погребца, располагавшиеся непосредственно под печью, а в отдельных случаях углистые отложения на месте пожара.

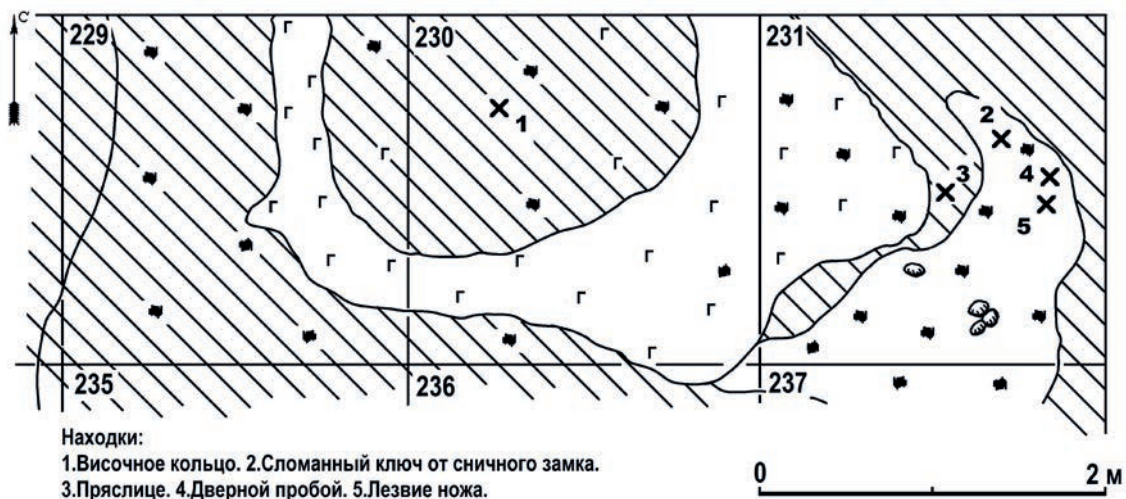

Рис. 149. Остатки жилого комплекса в северной части раскопа 2004 г. Зачистка на глубине 20 см.

Рассмотрим материалы нескольких таких комплексов.

Один из них был выявлен уже при прохождении первого пласта культурного слоя в квадратах 229–230 раскопа 2004 г. (рис. 149). Зачистка выявила глинистое пятно в виде неправильного овала шириной 3,8 м, уходящего в стенку раскопа. Внутри овала в кв. 229–230, наблюдалось более тёмное пятно, с включениями углей и глины. К востоку, в кв. 231 и 237, вплотную к вышеуказанному, обнажилось углистое почти чёрное пятно с достаточно большим содержанием колотого очажного камня. Ширина пятна по линии север–юг составила 2,6 м. Все эти пятна представляли собой, очевидно, следы единого комплекса, который характеризовали бытовые находки: керамика форм, присущих плёсской посуде 2 пол. XV – 1 пол. XVI вв., обломок ножа и звена цепи, сломанный ключ от сничного замка, дверной пробой и бронзовое височное кольцо с изображением головы хищника и птицы (подобный тип колец дважды отмечен на городище, и также в поздних комплексах) (рис. 152, 4, 16).

При прохождении последующих 10-сантиметровых пластов пятно в кв. 229–230 всё более чётко обретало контур прослеженной на уровне материка ямы погребца. Остатки печи, фактически уже в пределах

погребя, содержали колотый камень, угли, много фрагментов частично обожженной глины. Важной находкой стал обломок кирпича (на глубине 40 см), подобные которому связаны на данном памятнике с печами начала-середины последнего столетия существования крепости.

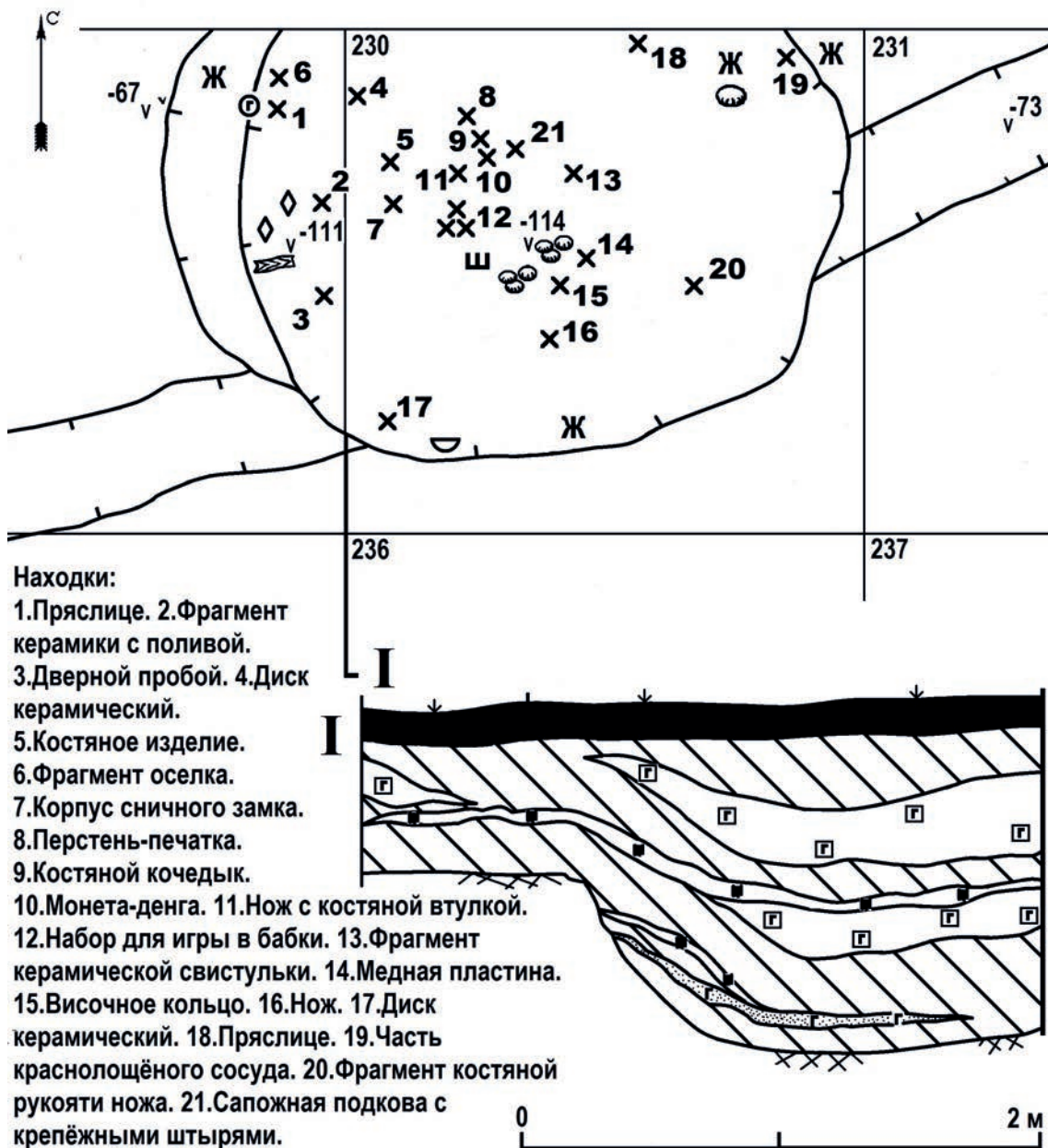
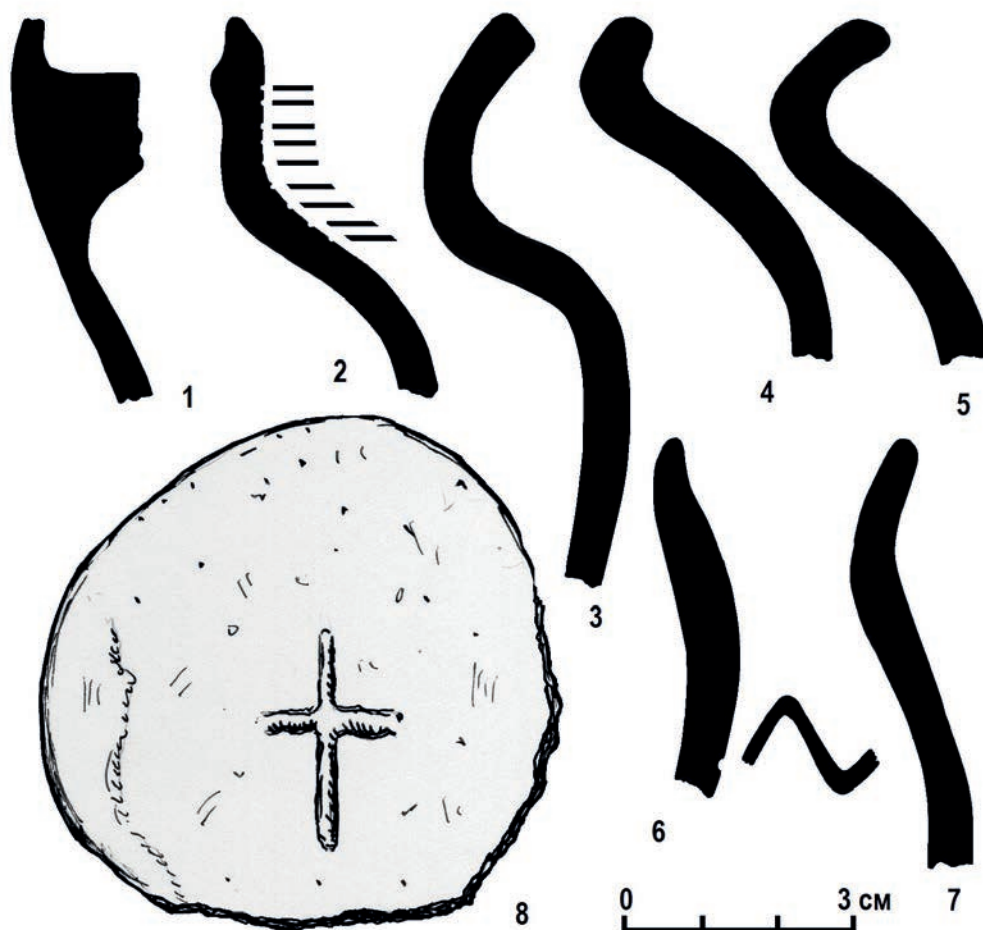

Рис. 150. Материковая яма (остатки погребя) в кв. 229–230 раскопа 2004 года.

В погребя, также выше уровня материка, встречены достаточно многочисленные обломки посуды, преимущественно сероглиняной, с добавками не крупной дресвы и песка в тесте. Имелись обломки красноглиняной и белоглиняной посуды, без добавок. Один фрагмент – с

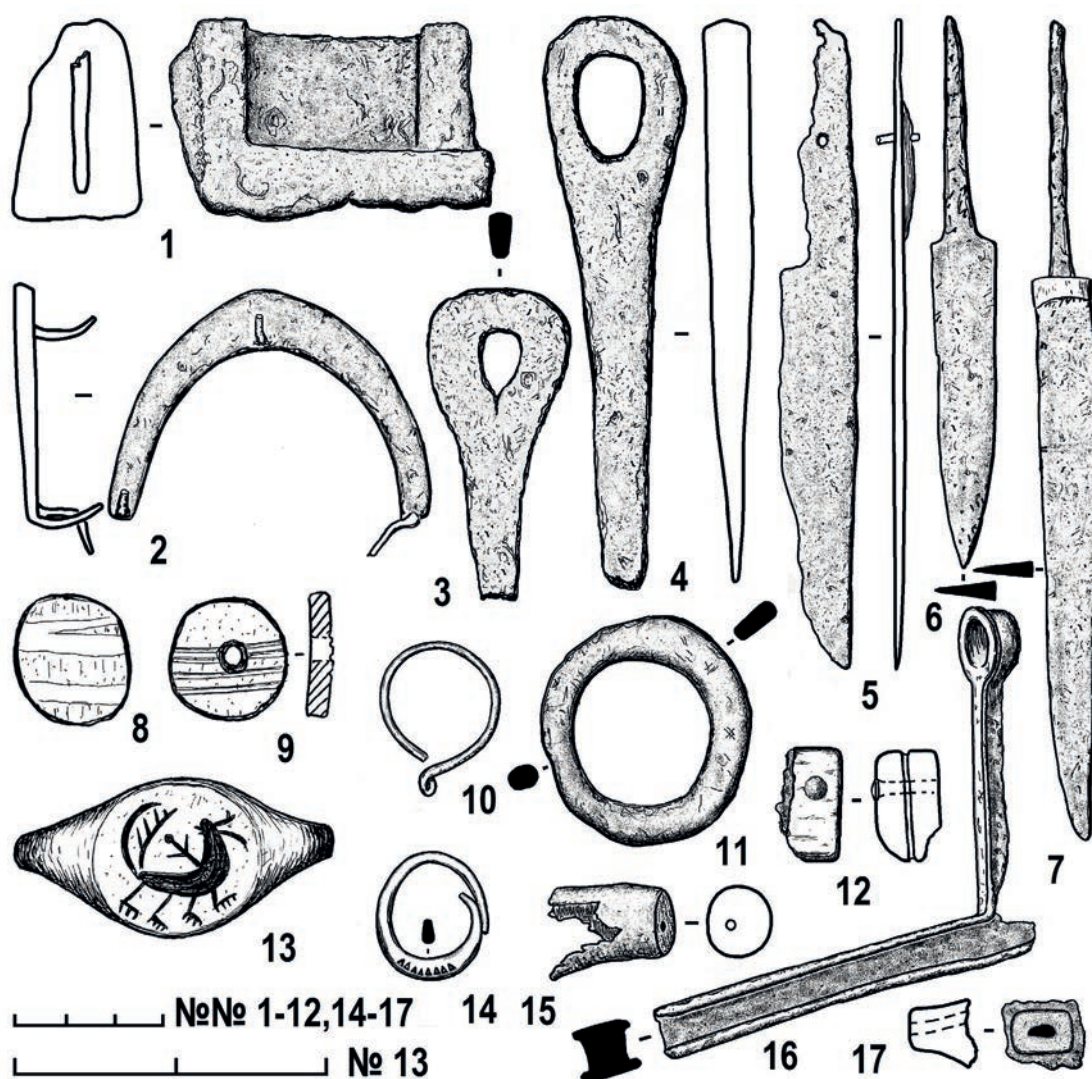
зелёной поливой. Кроме керамики, найдены орнаментированная серьга (мужская?), рамка пряжки, дверной пробой, пряслице из обломка красноглиняной посуды с рифлением (рис. 152, 3, 9, 11, 14).

Рис. 151. Керамика из подпечной ямы в кв. 229–230 раскопа 2004 года.

На уровне материка, на глубине 67–70 см от современной поверхности, яма в кв. 229–230 имела форму овала и длину 1,6 м вдоль северной стенки раскопа, куда она частично и уходила (рис. 150). Дно плоское, стенки отвесные, за исключением западной стороны, где наблюдалась ступенька на середине глубины ямы и, возможно, был организован вход в погреб. Глубина ямы от материка составляла 0,65 м (рис. 153).

В заполнении преобладал темно-серый гумусированный слой, который перемежался с линзовидными просевшими в яму пластами глины и угля. Самый мощный пласт полубожженной глины (развал корпуса

*Рис. 152. Находки из жилого комплекса в северной части раскопа 2004 года.
 1 – корпус замка; 2 – подкова от сапожного каблука; 3–4 – пробои;
 5–7 – ножи; 8 – диск (фишка); 9 – пряслице; 10 – височное кольцо (серьга?);
 11 – рамка пряжки; 12 – фрагмент рукояти ножа; 13 – перстень;
 14 – серьга; 15 – фрагмент напёрстка (?); 16 – ключ;
 17 – фрагмент свистульки.
 1–7, 11, 16 – железо; 8–9, 17 – керамика; 10, 14 – медный сплав; 13 – серебро;
 15 – свинцово-оловянный сплав.*

печи), до 35 см толщиной, начал прослеживаться ещё почти под дёрном и проседал в яму нижней частью. Другой пласт, толщиной до 20 см, находился под ним, на середине глубины заполнения ямы; он был такой же по составу и отделялся от вышележащего углистым 10-сантиметровым слоем. Последний мог быть следом истопной камеры, хотя нельзя исключить и того, что напластования принадлежали к разным печам,

и в таком случае разделялись остатками сгоревшего жилища (рис. 150, *разрез 1*). В нижней части заполнения, в 10 см выше дна, прослеживались остатки стерильной песчано-глинистой подсыпки (4–6 см) и тонкая углистая прослойка – возможно, остатки деревянной конструкции погребца.

На активное хозяйственное использование объекта указывает обилие находок в заполнении ямы. Остатки посуды в целом были аналогичны найденным в вышележащих пластах. Отметим наличие фрагментов горшков из плотной белой глины без добавок (рис. 151, 2), белоглиняной ручки сосуда (рис. 151, 1), серолощёной посуды, красноглиняной (в том числе кувшина). Большинство же составляли остатки посуды сероглиняной, с добавкой дресвы и песка в тесте. Обратили на себя внимание несколько обломков краснолощёного сосуда и связанные с ними находки: возможно, из кусков того же сосуда были изготовлены найденные в яме две «заготовки пряслица» – обточенные почти круглые диски без отверстий.

Рис. 153. Часть ямы после выборки. Кв. 230 раскопа 2004 года. Вид с юга.

Из других индивидуальных находок отметим разных форм ножи. Среди них один рабочий, с утолщенной и несколько необычной, изогнутой спинкой. Два более тонких, вероятно, можно отнести к столовым: один черешковый, с сохранившейся разделительной втулкой у основания черешка, другой с плоской пластиной вместо черешка и остатками одной из деревянных боковых накладок рукояти; обломок тыльной части ещё одного такого же ножа сохранил фрагменты обеих накладок (рис. 152, 5–7, 12). К числу хозяйственных принадлежностей относились обнаруженные в яме фрагменты оселка, дверного пробоя, сличного замка (тип Е), а также костяной кочедык¹.

Рис. 154. Перстень с печаткой из ямы в кв. 229–230.

С пребыванием в жилище женщин и детей могли быть связаны два пряслица из красноглиняного и серогоглиняного фрагментов сосудов, височное кольцо (или серьга) с завитком на одном конце, обломок глиняной свистульки. Найденный здесь же свинцово-оловянный предмет напоминает напёрсток; отверстие в нём могло

быть пробито тыльной стороной швейной иглы при сильном нажатии (рис. 152, 9–10, 15, 17).

К мужским принадлежностям можно отнести сапожную подкову от высокого каблука, с сохранившимися длинными крепёжными штырями, серебряный перстень-печатку с вырезанным на щитке всадником на драконе, а также два вышеупомянутых керамических диска, изготовленных из фрагментов красноглиняных сосудов (вероятно, фишки для настольных игр) (рис. 152, 2, 8, 13).

В данной яме, как и в одном из комплексов 2 половины XV столетия (кв. 153 раскопа 1998 г.), найдены принадлежности для игры в бабки. Встречены они, правда, не компактным скоплением, а на разных глубинах заполнения. Количество игральных астрагалов – 14, плюс бабка с отверстием, выполнявшая роль биты. Количество костей-бабок чётное, что позволило бы расставлять их попарно, как это указано на гравюре

начала XIX столетия. При этом следует заметить, что на гравюре бабки стоят в два ряда по 11 пар: как раз такой расстановке соответствует количество бабок из набора раскопа 1998 года, а не из данного погребца (рис. 155).

Наконец, важной находкой в заполнении ямы стала монета-денга из тех, что начали чеканить непосредственно в ходе денежной реформы Елены Глинской, то есть, начиная с 1535 года. Она позволяет надёжно датировать комплекс второй четвертью XVI столетия.

Таким образом, на данном участке раскопа от самых верхних напластований до дна материковой ямы встречены культурные остатки первой половины-середины XVI века. Датировка эта не вызывает сомнений вне зависимости от того, принадлежат ли расположенный один над другим два пласта печины к одной печи или это остатки двух, разделённых небольшим промежутком времени. Керамический материал верхних напластований по характеристикам не отличается от собранного в заполнении ямы. Обе печи сооружались из одинаковой глины, с

*Игра в Бабки.
Le jeu des Osselets.*

Рис. 155. Игра в бабки. Гравюра 1812 г.

применением слабообожженного кирпича, обе были, вероятней всего, однокамерными. Кирпич мог использоваться для сооружения печного пода, что давало возможность прочнее ставить и с меньшими усилиями извлекать горшки, выпекать хлеб прямо на поду (без специальных плакеток, как в раннем средневековье в рассматриваемом регионе) и т.д. «Подики кирпичные» были широко распространены на Руси в данный период, о чём свидетельствует, в частности, «Домострой»: «А печи всегда посматривают внутри и на печи, и по сторонам, а щели замазывают глиною, а под новым кирпичом поплатить, где выломалось...»².

Сохранились остатки кирпича и в подпечной яме комплекса в северо-восточной части раскопа того же 2004 года, в 2–4 м от вышеописанного, в районе кв. 233–235. Следы жилого комплекса также начали проявляться уже при прохождении первого пласта: в кв. 232–233 на зачистке оконтурилось пятно глины, вокруг него в тёмно-сером культурном слое наблюдалось обильное включение угля.

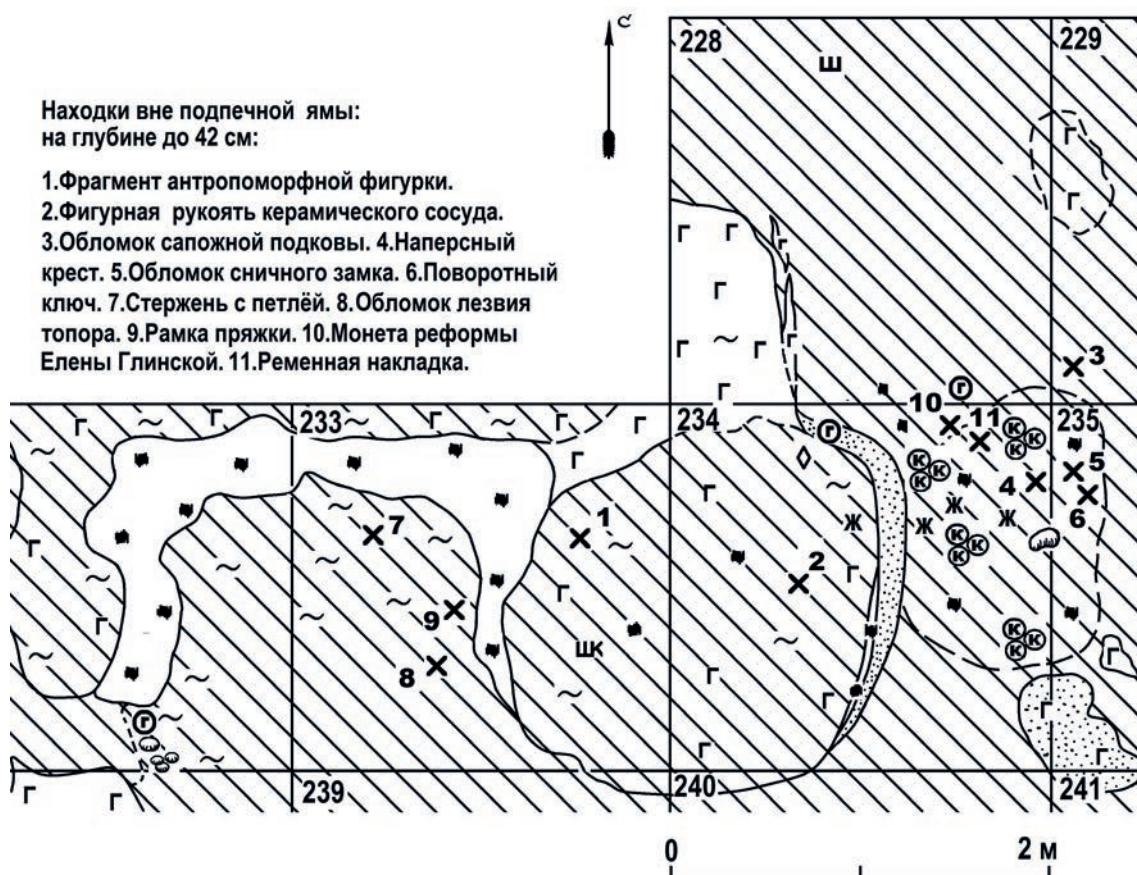
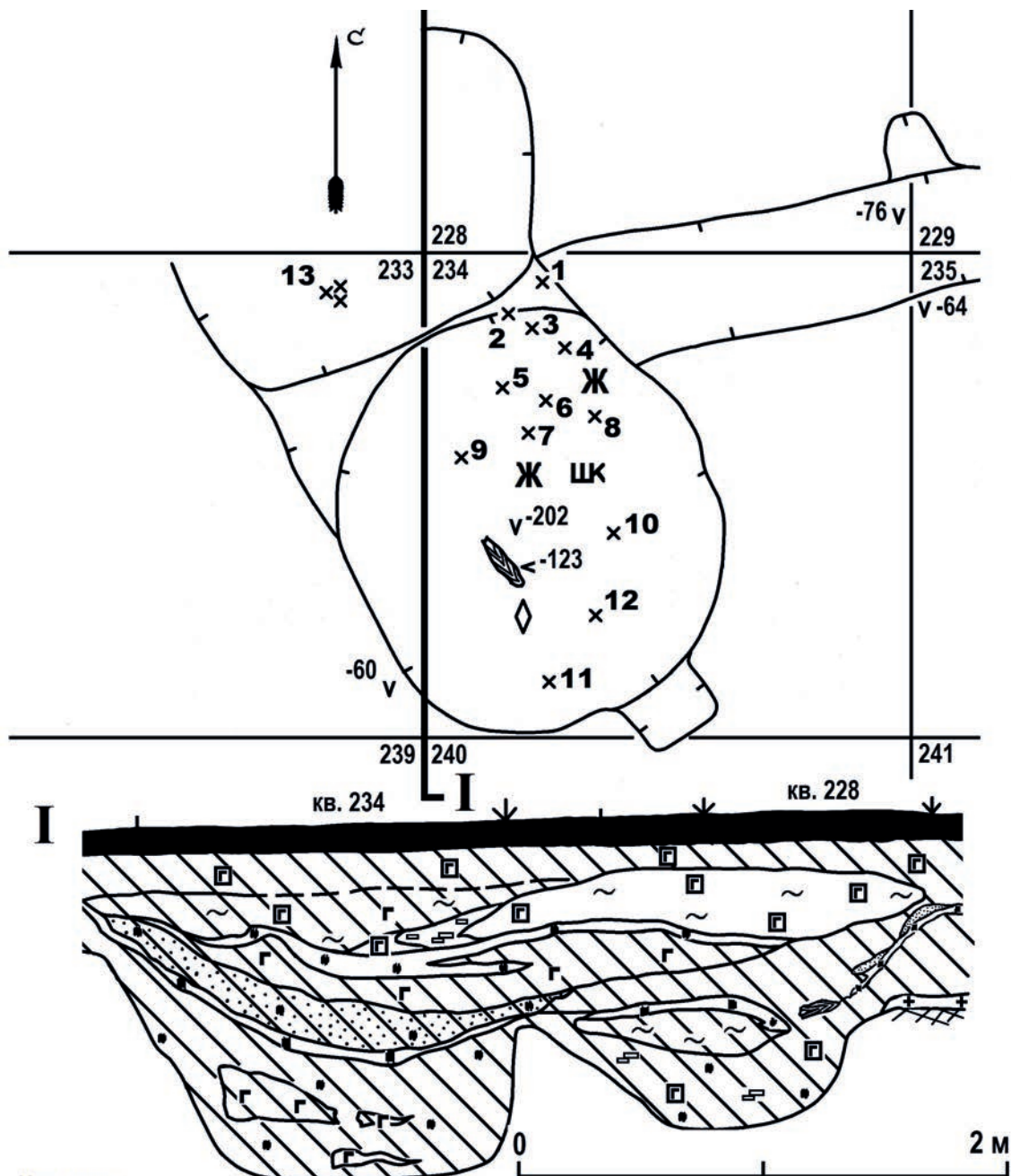

Рис. 156. Контур подпечной ямы в кв. 228, 233–234 раскопа 2004 г. на глубине 40 см.

Совпадал и характер керамических остатков: преобладали серо-глиняные фрагменты; около 5 % , как и в целом по раскопу на данной глубине, составляла керамика краснолощёная; встречалась белоглиняная с характерным стоячим, сужающимся кверху, венчиком и линейным

Находки:

1. Серьга. 2. Коса-горбуша. 3. Выплеск металла. 4. Железный предмет. 5. Дужка замка.
6. Обломок ключа. 7. Проволока (медный сплав). 8. Фрагмент стеклянного сосуда. 9. Оселок.
10. Камень с искусственным углублением. 11. Фрагмент поливной керамики.
12. Керамический диск. 13. Развал сосуда.

Рис. 157. Подпечная яма в кв. 228, 233–234 раскопа 2004 г. на уровне материка.

орнаментом (рифлением) по шейке (рис. 158). Интересной находкой из первого пласта стал фрагмент керамической красноглиняной антропоморфной фигурки (голова), с белым ангобом (рис. 159, 9). По мнению Т.Н. Никольской, местом производства ангобированных игрушек была Яузская гончарная слобода, и наибольшее количество таких находок связано с Москвой; но известны они, например, и в Воротынске, и в Верее в слоях XV–XVI веков³.

На последующих глубинах подпечная яма обозначилась более чётко: большая часть её находилась в кв. 234, 233 и 228; северо-западная часть выходила на пределы раскопа. Контур отчётливо проявился на глубине 40 см (рис. 156). Связанные с ней культурные отложения прослеживались, в непосредственной близости, до середины следующего пласта: на глубине 42 см была найдена монета времён реформы Елены Глинской – а ближе к исходу пласта уже на более раннюю эпоху указывал характер керамики и фрагмент складня конца XIV – начала XV вв. (почти сразу ниже выходил более светлый серо-коричневый слой).

На всех предыдущих глубинах никаких следов связанной с комплексом постройки не сохранилось. На её печальную судьбу указывали

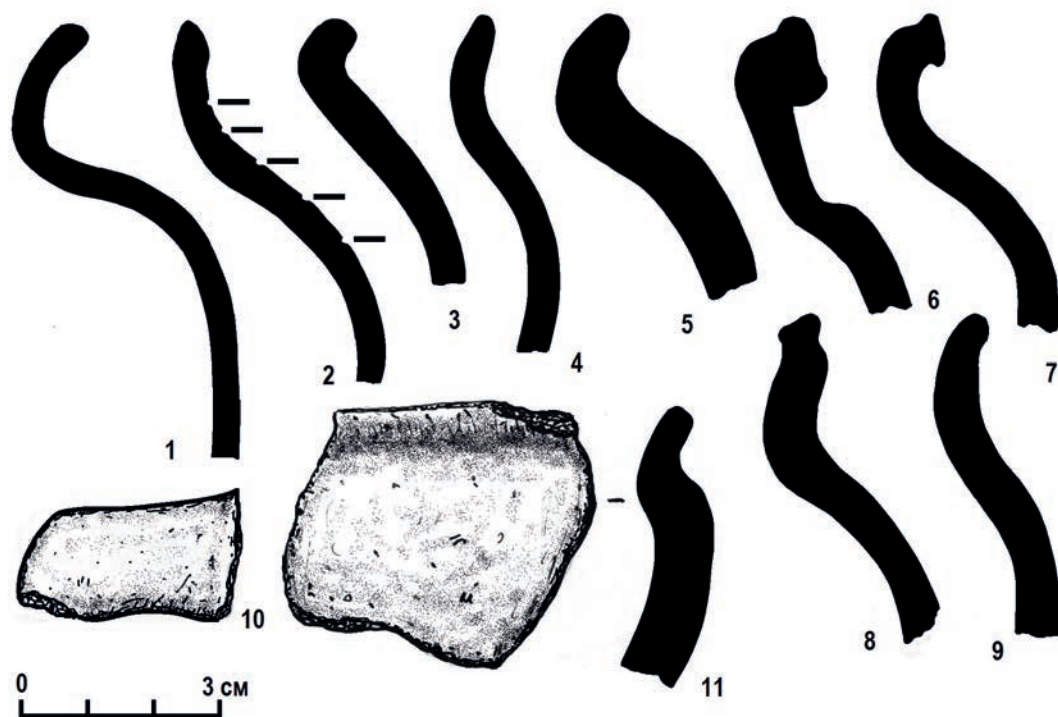

Рис. 158. Керамика из комплекса в северо-западной части раскопа 2004 г.
1–9 – круговая посуда; 10 – ручка сосуда; 11 – фрагмент лепного сосуда.

обильные остатки сгоревшего дерева: зольные пятна к западу и востоку от печи и ямы, обильные включения угля в тёмно сером (почти чёрном) культурном слое.

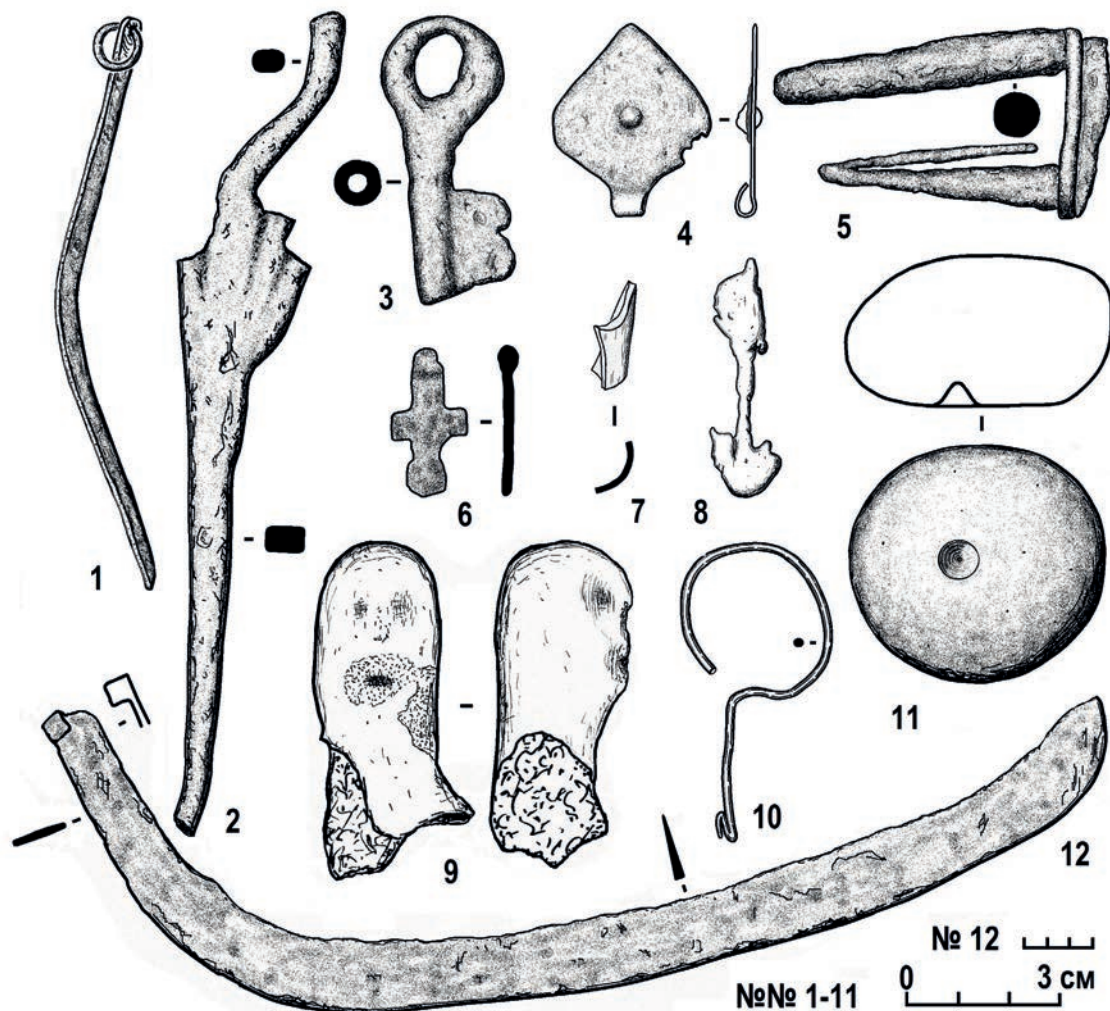

Рис. 159. Индивидуальные находки из комплекса в северо-западной части раскопа 2004 года.

- 1 – заостренный стержень; 2 – светец; 3 – ключ; 4 – поясная накладка;
5 – дужка снического замка; 6 – крест; 7 – осколок сосуда;
8 – выплеск цветного металла; 9 – фрагмент антропоморфной фигурки;
10 – серьга; 11 – упор для сверла; 12 – коса-горбуша. 1–5, 12 – железо;
6, 8, 10 – медный сплав; 7 – стекло; 9 – глина; 11 – камень.

На глубине от 30 до 45 см с востока от местонахождения печи (в кв. 234–235), в непосредственной близости, отмечено достаточно обширное (1,8 x 1 м) пятно кухонных отходов, костей домашних животных и рыбы, рыба чешуя (рис. 156). Здесь же найдены вышеупомянутая монета, остатки снического замка и поворотный ключ, обломок сапожной подковы и железная ременная накладка, небольшой нательный крестик

очень плохой сохранности. Среди керамических остатков встречались красноглиняные и белоглиняные обломки. Интересен фрагмент лепного сосуда (найден на глубине 25 см) (рис. 158, 11); несмотря на распространение гончарного круга, и даже быстро вращающегося гончарного круга, сохранение практики изготовления лепной посуды подтверждается рядом находок с Плёсского городища и посада.

К западу от печи и ямы найден обломок лезвия топора, рамка пряжки и заострённый стержень с кольцом. Последний, по аналогии с более древними похожими предметами, мог использоваться для выталкивания из железной трубки хранящегося там сухого или даже зажженного (тлеющего) фитиля; в крепости это особенно актуально в связи с применением пушек и пищалей (рис. 159, 1)⁴.

Контур подпечной ямы почти целиком проявился на глубине 60 см, когда сошли напластования связанного с ней жилища. Целиком – на глубине 65–68 см (рис. 157). Яма была двухкамерной и на зачищенной поверхности раскопа имела контуры неправильной восьмёрки. Южное углубление оказалось полностью в рамках раскопа, северное – почти наполовину. Южное было неправильных очертаний, размеры его составляли 1,7 x 1,5 м, глубина 0,96 м от уровня материка. Дно ровное, стенки наклонные (южная стенка – в большей мере), с юго-восточной стороны на глубине 35 см от материка имелся подпрямоугольный выступ размерами 34 x 26 см.

Вторую часть ямы отделяла от первой перемычка в 28 см ниже уровня материка. Вертикальный профиль второго углубления имел неправильную линзовидную форму, с максимальным заглублением в материк на 42 см от перемычки. В профиле отчетливо просматривались остатки большой печи (около 3,3 м в длину, судя по совокупности длины глинистых слоёв). Сплошной толстый (до 30 см) слой обожженной глины с золой наблюдался преимущественно над вторым углублением. Он был отделён от менее светлого и яркого (затемненного гумусом) глинисто-золистого слоя (такой же толщины) перемычкой из кирпичных остатков; вероятно, кирпичной перемычкой разделялись истопка и чистая камера двухкамерной печи.

Оба слоя подстилала 12-сантиметровая угольная прослойка. Под ней – линза темно-серого слоя с включениями песка, общей мощностью около 35 см. Ниже вновь углистая полоса толщиной от 2–3 до 5 см, возможно, фиксирующая пол постройки; полоса «просела» и в первое, и во второе углубление подпечной ямы. Ниже её заполнением первой, более глубокой части, был темно-серый слой с включениями углей и тремя сужающимися в сторону перемычки полосами глины. В более мелком северном углублении в темно-сером слое также наблюдался уголь, но кроме того, обломки кирпичей и куски обожженной глины.

Керамические остатки в обоих углублениях имели сходство с материалами вышеописанной ямы кв.229–230; в северной части, в кв.233, прослежен развал сероглиняного сосуда; других находок, кроме фрагментов керамики, не встречено. Судя по всему, в этой части подпола был устроен ледник, отделённый от «холодильника» (второй половины ямы, служившей погребом) земляной перемычкой.

В южной половине (в погребу), где на вход указывает выступ-ступенька, встречено довольно много индивидуальных находок: обломок ключа от сничного замка, фрагмент стеклянного желтого сосуда, кремальный кремь, оселок и керамический диск, выточенный из обломка лощеного красноглиняного сосуда. Последняя находка примечательна тем, что в точности из такого же обломка (возможно, от одного сосуда) были сделаны ещё два диска, найденные в яме кв.230 (рис. 152, 8).

Среди других находок из погреба обратили на себя внимание вещи, связанные с ремесленными занятиями: это выплеск цветного металла (медный сплав) и комок проволоки из того же материала, а также камень с воронкообразным углублением (след упора для лучкового сверла) (рис. 159, 8, 11). В целом комплекс можно датировать, как и вышеописанный, первой половиной XVI века.

Ещё один комплекс, который может быть отнесён к 1 пол. XVI вв., встречен в ходе исследований 1999 года. В кв. 204–207 была обнаружена обширная подпечная яма, особенностью которой стало наличие дополнительного, простейшего отопительного устройства – очага (рис. 16). Как и в большинстве случаев, жилая постройка не оставила следов нижнего венца и опор: вероятно, она была разобрана в процес-

се последующих строительных работ середины XVI столетия. Остатки, связанные с жилищем, начали прослеживаться сразу после снятия дёрна и прохождения верхнего пласта. Несмотря на то, что, вероятнее всего, постройка её и внутренние сооружения были разобраны, уже под дёрном начали встречаться следы активной хозяйственной деятельности: ошлакованная керамика, гвозди, ножи, железные обломки. Керамические остатки характерны для рассматриваемого позднего периода функционирования крепости: преобладали фрагменты сероглиняной посуды, с добавками дресвы и песка в тесте; фрагменты чернолощёной, бело- и красноглиняной, без заметных добавок, составляли около 10 %. То же соотношение наблюдалось и при прохождении 2-го пласта.

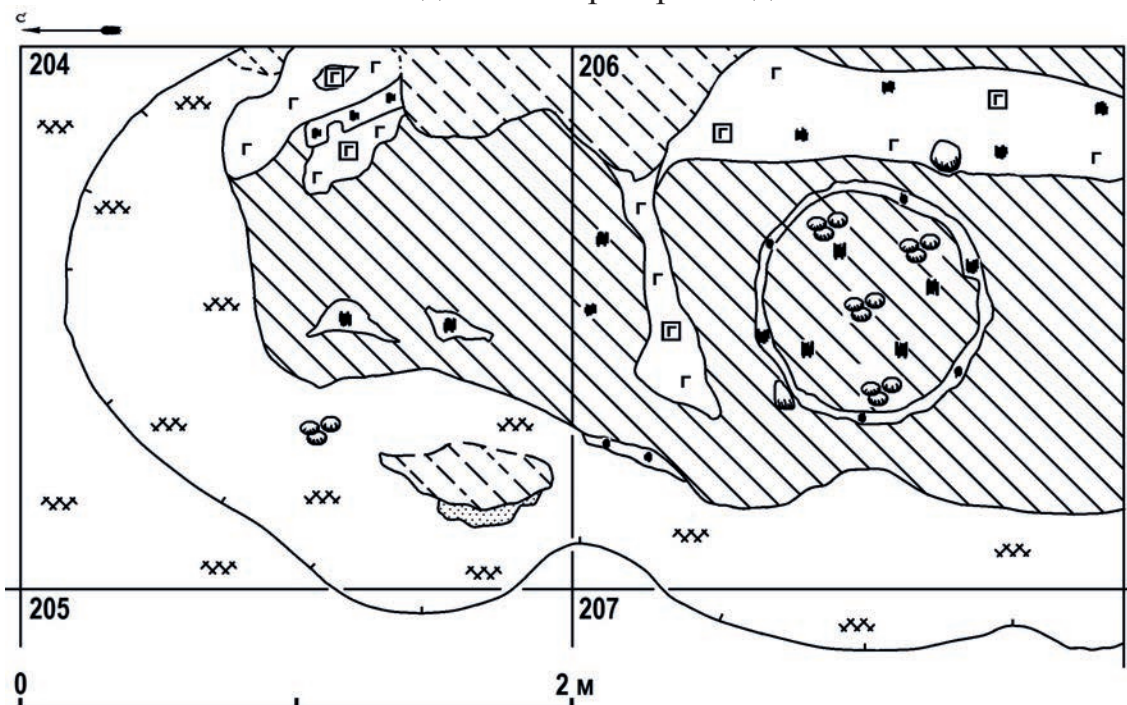
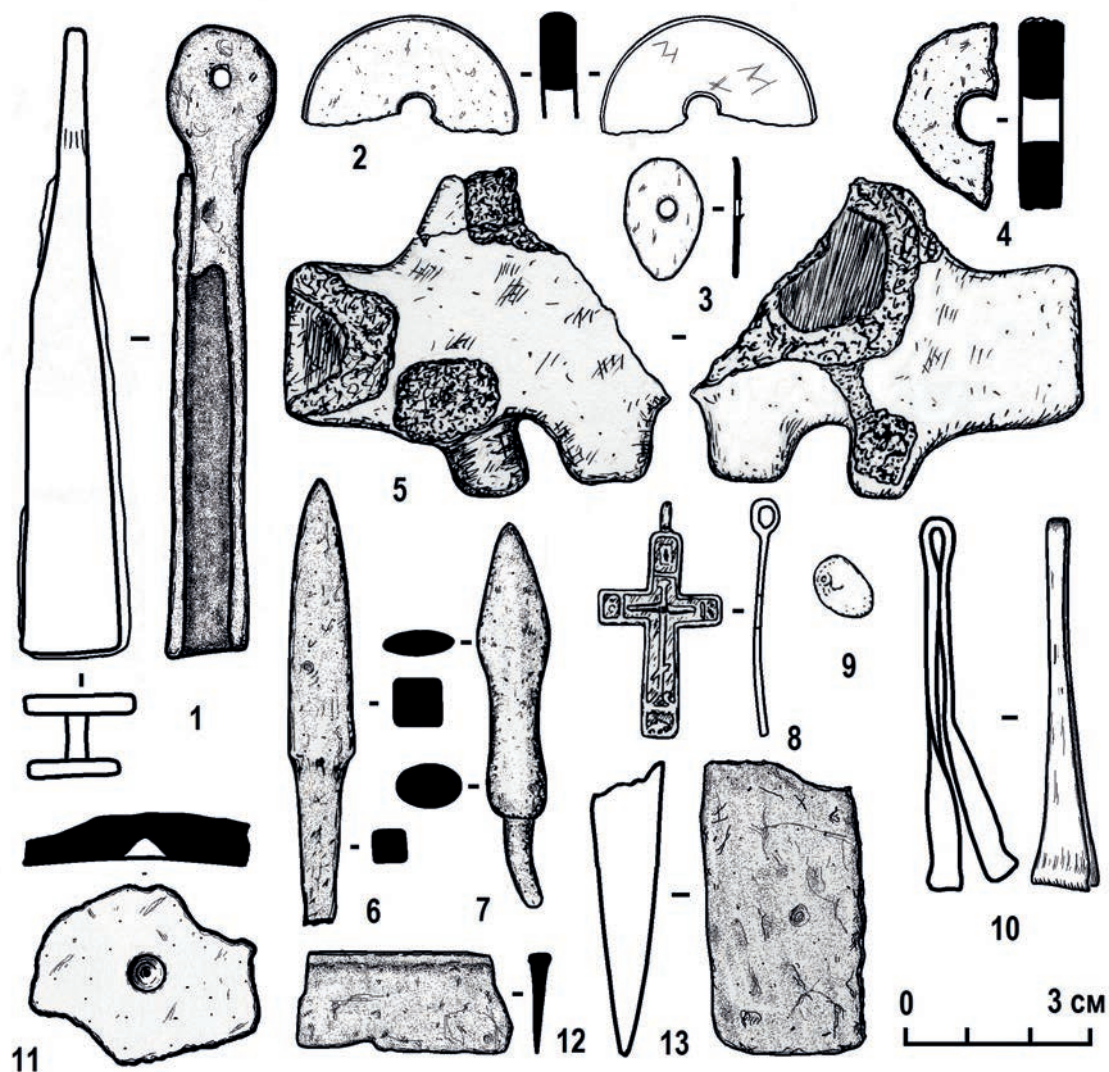

Рис. 160. Раскоп 1999 г. Очаг в яме (кв. 206) на глубине 120 см.

Из примечательных находок упомянем монету – медное пуло (рис. 161, 10). Изображение не читается, однако её форма и даже сам факт наличия мелкой монеты в землях, где обычно испытывался их дефицит, указывают на время самых активных связей Плёса с Москвой (а это как раз последний период функционирования цитадели). Среди других находок интересны наконечник стрелы и шип от палицы, аналогичный шипу, встреченному в раскопе 1990 года на месте последней башни (рис. 161, б).

Рис. 161. *Находки из напластования жилого комплекса в кв. 204–207 (над подпечной ямой и в непосредственной близости от неё, с глубины от 10 до 30 см).*

1 – ключ; 2 – фрагмент пряслица с граффити;

3 – затыльник рукояти ножа; 4 – обломок заготовки пряслица;

5 – фрагмент зооморфной поделки; 6 – шип от палицы;

7 – наконечник стрелы; 8 – наперсный крест; 9 – монета «пуло»;

10 – пинцет; 11 – упор для лучкового сверла;

12 – клин; 13 – обломок пещни.

1, 6–7, 12–13 – железо; 2, 4–5, 11 – глина; 3, 8–10 – медь, медный сплав.

К числу самых примечательных бытовых находок можно отнести обломок пряслица с двумя процарапанными на поверхности буквами «М» и косым крестом. Другой обломок, вероятно, представляет часть заготовки пряслица, которая отломилась при сверлении отверстия (изделие осталось не обточенным по краю) (рис. 161, 2, 4). Над ямой погре-

ба и в непосредственной близости от неё на глубине 0–30 см встречены, кроме того, ключ от сничного замка (с припаянной пластиной на месте поломки), обломок ударной части пешни, железный клин (к топору?), а также выполненные из медного сплава односторонний наперсный крест и затыльник рукояти ножа (рис. 161, 1,3,8,12–13). С ремесленными работами связаны ювелирный пинцет и фрагмент керамики со сверлиной (упор для лучкового сверла) (рис. 161, 10–11). Возможно, с данным жилым комплексом связан и найденный в 2 м к северу от края ямы фрагмент полой глиняной зооморфной фигурки (рис. 161, 5).

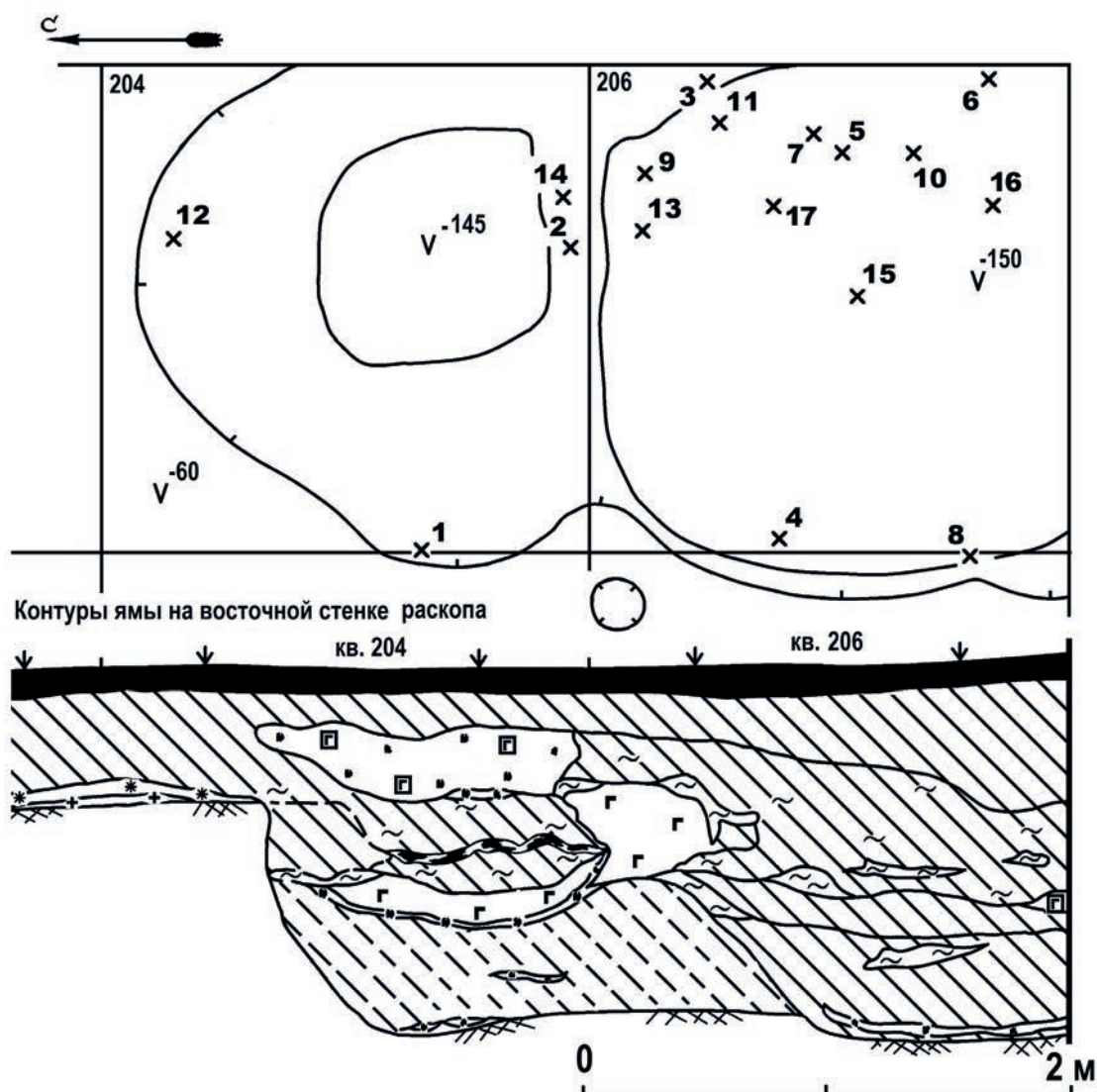

Рис. 162. Яма в кв. 204–207 после выборки. Вид с северо-запада.

Контурсы подпечной ямы жилища начали прослеживаться при прохождении 2-го пласта культурного слоя. Зачисткой на глубине 30 см выявлено обширное пятно – профиль ямы, уходившей в восточную и южную стенки раскопа (рис. 160). Край ямы обозначался полосой полубожженной глины. Ширина полосы варьировала от 50 см с северного до 12 см с западного края ямы. Внутри контура содержался тот же тёмно-серый слой, что и снаружи, вне ямы, со схожим керамическим материалом (рис. 164, 2–7).

На последующих глубинах яма всё больше напоминала в плане неправильную восьмёрку, то есть состояла из двух углублений (рис. 162

и 163). При прохождении 4-го пласта отчётливо проявлялась тёмная гумусированная полоса, разделявшая эти два углубления; в ней – слабые остатки дерева, причём волокна шли вертикально, как на вертикально поставленных досках или брёвнах. В целом же восьмёркообразное пятно на уровне материка имело длину 3,9 м и максимальное расширение 2,2 м, оставаясь по-прежнему ограниченным южной и восточной стенками раскопа.

Находки:

1. Обломок сличного замка. 2. Кольцо. 3. Обломок лезвия топора. 4. Игла. 5. Клин. 6. Книжная застёжка. 7. Фрагмент днища сосуда с клеймом. 8. Обломок стеклянного браслета. 9. Пряслице. 10. Фрагмент рыболовного крючка. 11. Обломок ножа. 12. Фрагмент миски. 13. Перстень. 14. Серьга. 15. Фрагмент миски. 16. Фрагмент ножен. 17. Обломок ножа.

Рис. 163. Яма в кв. 204–207 после выборки.

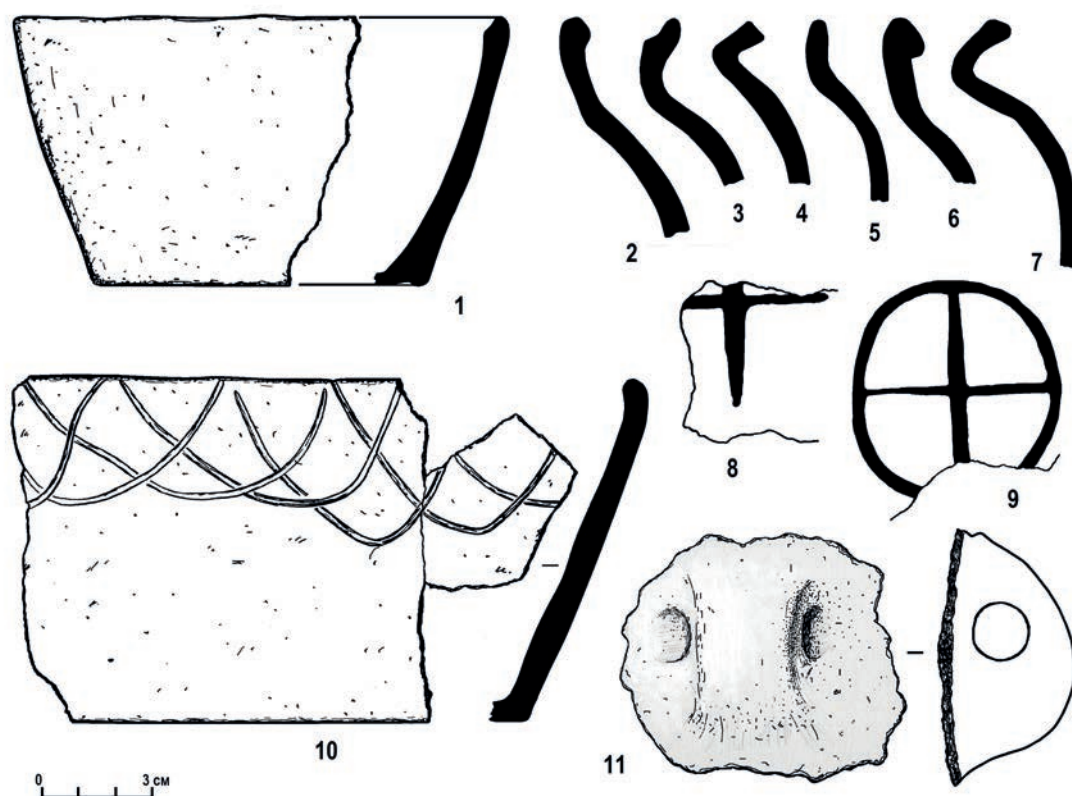
Исследование ямы выявило сложное заполнение. Слои глины (остатки печи) на глубине около 80 см от современной поверхности почти иссякли и сменились обильными остатками дерева (вероятно, от печка и пола жилища). Преимущественно по краям ямы наблюдались разрозненные полосы древесного тлена длиной от 25 до 45 см и шириной 6–10 см. Горелое дерево прослежено массивом 1,2 x 0,4 м и полосами максимальной длины 87 см в северной части (кв. 204). По всей площади заполнения встречались обильные включения угля и золы.

Похожая картина наблюдалась и на последующих глубинах, хотя полос горелого дерева встречалось меньше. В северной части «восьмёрки» попадались обожженные куски глины: здесь над углублением подпечья располагалась истопка. А непосредственно на дне углубления прослежен довольно мощный, до полуметра, слой подсыпки из перетолченной материковой глины (вероятно, слишком большое углубление доводили до нужного уровня) (рис. 19, профиль восточной стенки раскопа).

В южной камере подпечной ямы остатков печины было гораздо меньше, хотя в заполнении имелись зольные следы (даже в виде прослоек). Здесь у западного края были встречены характерные остатки, связанные, вероятно, с облицовкой погребка. Это была полоса тлена длиной 21 и шириной 4 см и фрагмент столба диаметром 12 см. А на глубине 1,3 м от современной поверхности, почти на дне, начали прослеживаться остатки круглого очага диаметром около 0,9 м: линзовидное углубление было заполнено валунными камнями, небольшие промежутки между которыми оказались плотно забитыми углем (рис. 160; кв. 206).

Таким образом, яма в кв. 204–207 раскопа 1999 года представляла собой двухкамерную подпечную, наиболее характерную для плёсских жилых комплексов XV–XVI веков. Она состояла из двух смежных округлых углублений, разделённых перемычкой (может быть, в дополнение к земляной – ещё и дощатой стенкой с закрывающимся отверстием), причём меньшее из них (северное, в кв. 204) располагалась под истопкой двухкамерной печи, а более обширное – под второй её половиной, выходящей в «чистую» часть жилища. Последнее (погреб) достигало в глубину 1,5 м от современной поверхности (от уровня проявле-

ния в культурном слое – 1,25 м). Северное, меньших размеров, было на 5–10 см мельче и имело дополнительную подсыпку из материковой глины; оно могло выполнять роль ледника при более обширном погребе. Оба углубления имели плоское дно (рис. 162).

Рис. 164. Керамика из жилого комплекса в кв. 204–207 (раскоп 1999 г.).

В заполнении ямы – преимущественно в погребе (кв. 206) – найдено большое количество фрагментов посуды, по виду совпадающей с керамикой других городищенских комплексов 1 половины – середины XVI в. В основном посуда сероглиняная, с добавками дресвы, песка, реже шамота. Доля белоглиняной, красноглиняной, лощёной не превышает 10 %. Дважды найдены гончарные клейма в виде креста (рис. 164, 8,9); подобные на городище встречались и вне конкретных комплексов, в поздних напластованиях. Из особых форм отметим фрагмент глиняного котла (?) с ушками, миску (чашу для вина или пива) с орнаментом в виде высоких волн. Ещё одна миска (чаша) была найдена в очаге погребя (рис. 164, 1,10–11).

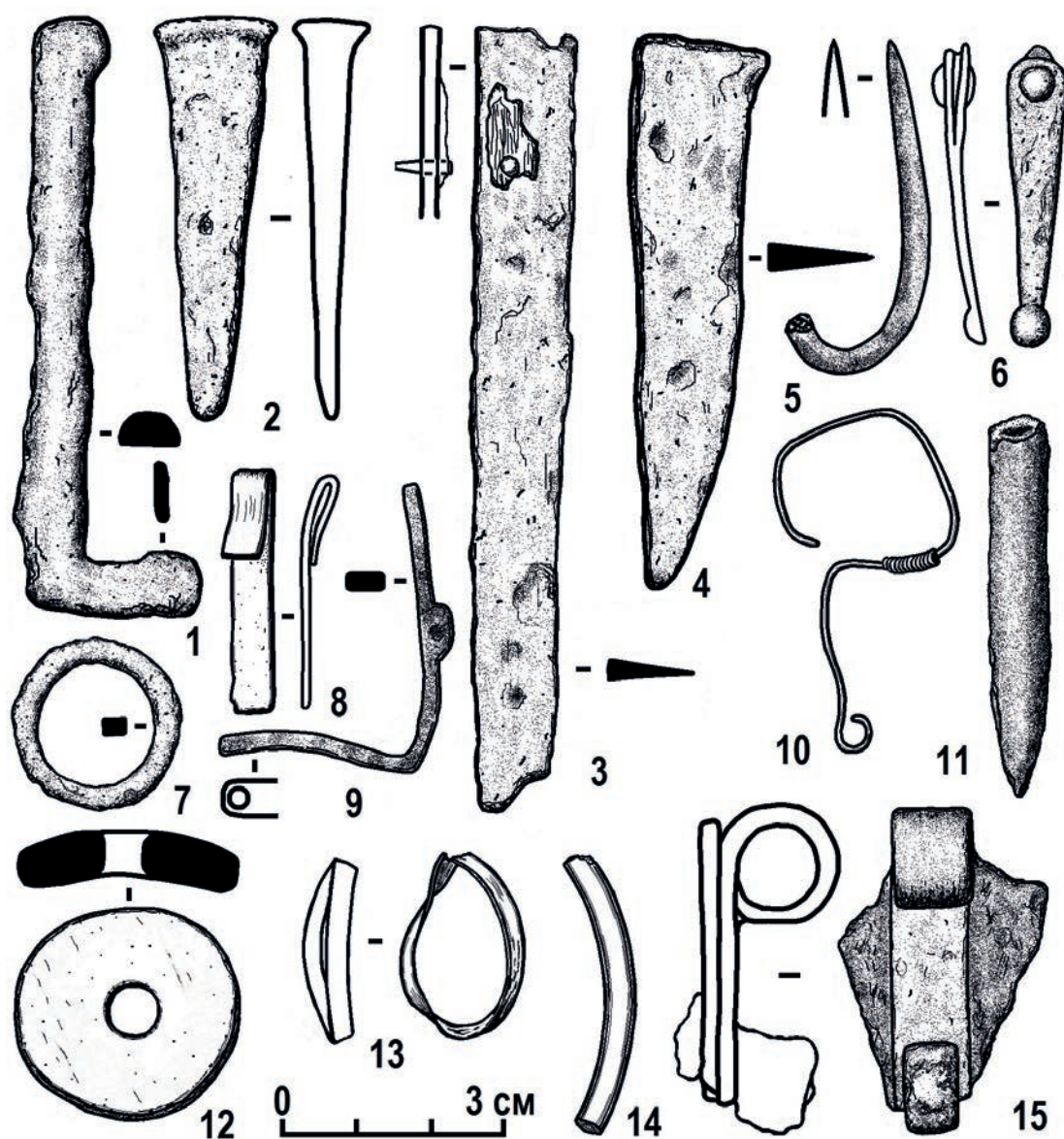

Рис. 165. Находки из подпечной ямы:

- 1 – деталь неизвестного назначения; 2 – клин; 3–4 – ножи;
 5 – фрагмент рыболовного крючка; 6 – книжная застёжка; 7 – кольцо;
 8 – пластина; 9 – деталь обоймицы футляра для ножа; 10 – серьга;
 11 – белемнит; 12 – пряслице; 13 – перстень;
 14 – обломок браслета; 15 – фрагмент замка.
 1–9, 15 – железо; 10, 13 – медный сплав; 11 – камень; 14 – стекло.

Почти все индивидуальные находки из заполнения ямы были встречены у восточной стенки раскопа, за которой осталась неисследованная часть комплекса; возможно, их скопление указывает на середину погребя. Из найденных бытовых принадлежностей обратим внимание на ножи двух видов: универсальный черешковый, с довольно толстым

обушком, и более тонкий (вероятнее всего, столовый), с пластинчатым черенком, у которого сохранились остатки одной из двух деревянных накладок и железная заклёпка (рис. 165, 3,4). С ножом – с привычкой носить нож на поясе – связан и деформированный фигурный предмет с приспособлениями для крепежа: в погребке найдена одна из семи встреченных на городище похожих деталей железного каркаса деревянных ножен (рис. 165, 9). Кроме двух таких, находившихся в поздних ямах (не ранее 2 пол. XV в.), остальные встречены в самых верхних напластованиях, на глубине от 17 до 27 см. Аналоги известны, в частности, в Новгороде и на территории Рязанского кремля⁵.

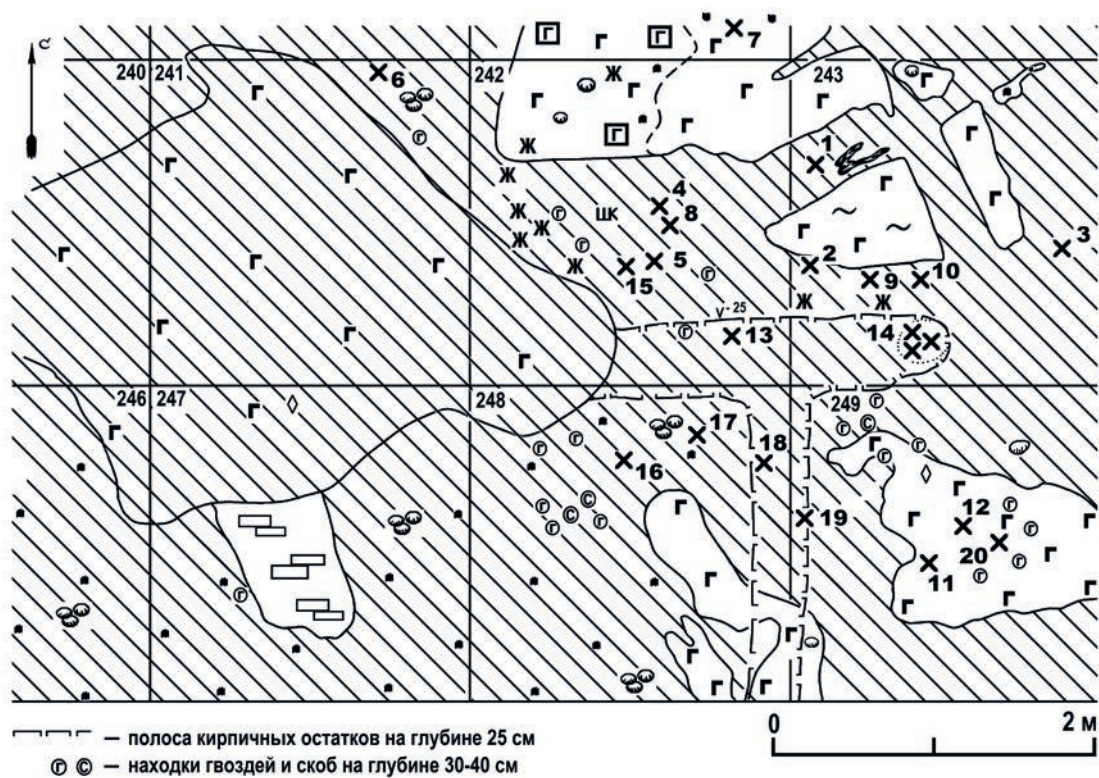
Из других примечательных находок отметим книжную застёжку, керамическое грузило для сети и рыболовный горловой крючок с заострённым тыльным концом, белемнит с потёртостями по внешней поверхности, фрагмент замка типа Е (ключ соответствующего типа найден выше, в слое жилища), железный клин (возможно, от топора) и сложную железную деталь к (ружейному?) механизму (рис. 165, 1–2, 5–6, 11,15). На пребывание в доме женщины указывает пряслице из фрагмента керамики и серьга в виде знака вопроса; обломок гладкого стеклянного браслета коричневого цвета, возможно, попал в заполнение погребка не с переотложенными ранними напластованиями, он не единственный из найденных в культурных отложениях позднего периода существования городища (рис. 165, 10,12,14). Простейший пластинчатый перстень, судя по большому размеру, принадлежал мужчине (рис. 165, 13). Вся совокупность материалов, а равно и стратиграфия, позволяют отнести рассматриваемый комплекс к первой половине XVI столетия.

Есть все основания отнести к тому же времени и ещё один жилой комплекс – в южной части раскопа 2004 года (кв. 240–243, 246–249). Жилище также не оставило следов нижнего венца сруба, но в целом связанные с постройкой остатки привлекали к себе внимание некоторыми особенностями. Среди этих особенностей – большее, чем в предыдущих случаях, количество фрагментов слабообожженных кирпичей. Они встречались и в яме погребка, и в развале печи, и вне такового.

Следы комплекса начали выявляться уже при прохождении первого пласта препарированного слоя, и это были, в первую очередь, фрагменты

кирпича (целых форм не встречено). Непосредственно под дёрном такие остатки отличались наибольшей интенсивностью в кв.248. На зачищенной поверхности оранжевое пятно распространялось на кв.246–248. Десятью сантиметрами ниже оно сохранилось в виде полосы размерами 0,9 x 0,7 м в кв.247, и полоса эта была «срезана» с севера обширным пятном печины, частично просевшей в подпечную яму (рис. 166).

Находки на глубине от 0 до 40 см:

1. Обломок кремнёвого наконечника.
2. Ручка от ларца.
3. Обломок пробоя.
4. Грызло от конских удила.
5. Орудие из обломка белемнита.
6. Нож.
7. Крестовидная подвеска.
8. Обломок керамической фигурки.
9. Обломок ножа.
10. Обломок косы.
11. Пряслице.
12. Обломок железного изделия с насечками.
13. Обломок стеклянного браслета.
14. Клад (40 гвоздей и ключ).
15. Фрагмент ножа.
16. Фрагмент поливного керамического изделия.
17. Рыболовный крючок.
18. Одежный крючок.
19. Фрагмент кресала.
20. Коловорот.

Рис. 166. Остатки жилого комплекса в южной части раскопа 2004 года на глубине 30 см.

На восток от пятна печины отходила ещё одна полоса кирпича. Её позволила выявить локальная промежуточная зачистка на глубине 25 см. Полоса имела длину 2,2 и ширину 0,5 м (на пересечении кв.242–243 и 248–249); с середины её длины отходила и уходила в южную стенку раскопа перпендикулярная ей полоса длиной 2 м и шириной 0,37 м (кв.248–249). Вероятно, кирпичная выкладка служила опорой («сухим

фундаментом») для бревенчатой постройки, впоследствии разобранной. Такое предположение подкрепляется нижеследующим обстоятельством.

Рис. 167. Скопление гвоздей в кв. 243 раскопа 2004 года. Вид с востока.

На восточном конце вымостки, аккурат под ней (под слоем кирпичных остатков), на глубине до 30 см выявлено достаточно компактное скопление гвоздей (рис. 167). Скопление насчитывало 40 гвоздей, одинаковых по форме (все с удлинёнными шляпками), но разных по длине (от 8 до 13 см) и бывших в употреблении (рис. 168). Вместе с гвоздями находился крупный ключ архаичной для 1 пол. XVI в. формы (модификация типа В). Все эти вещи, отвечающие сакральному принципу «старый=добрый», – ключ как ритуальный «запор», а также количество гвоздей (число 40 сакральное) – убеждают в том, что перед нами строительная жертва, причём, возможно, и оставленная бригадой строителей дома и двора, что вполне согласуется с характером находок в данной части раскопа.

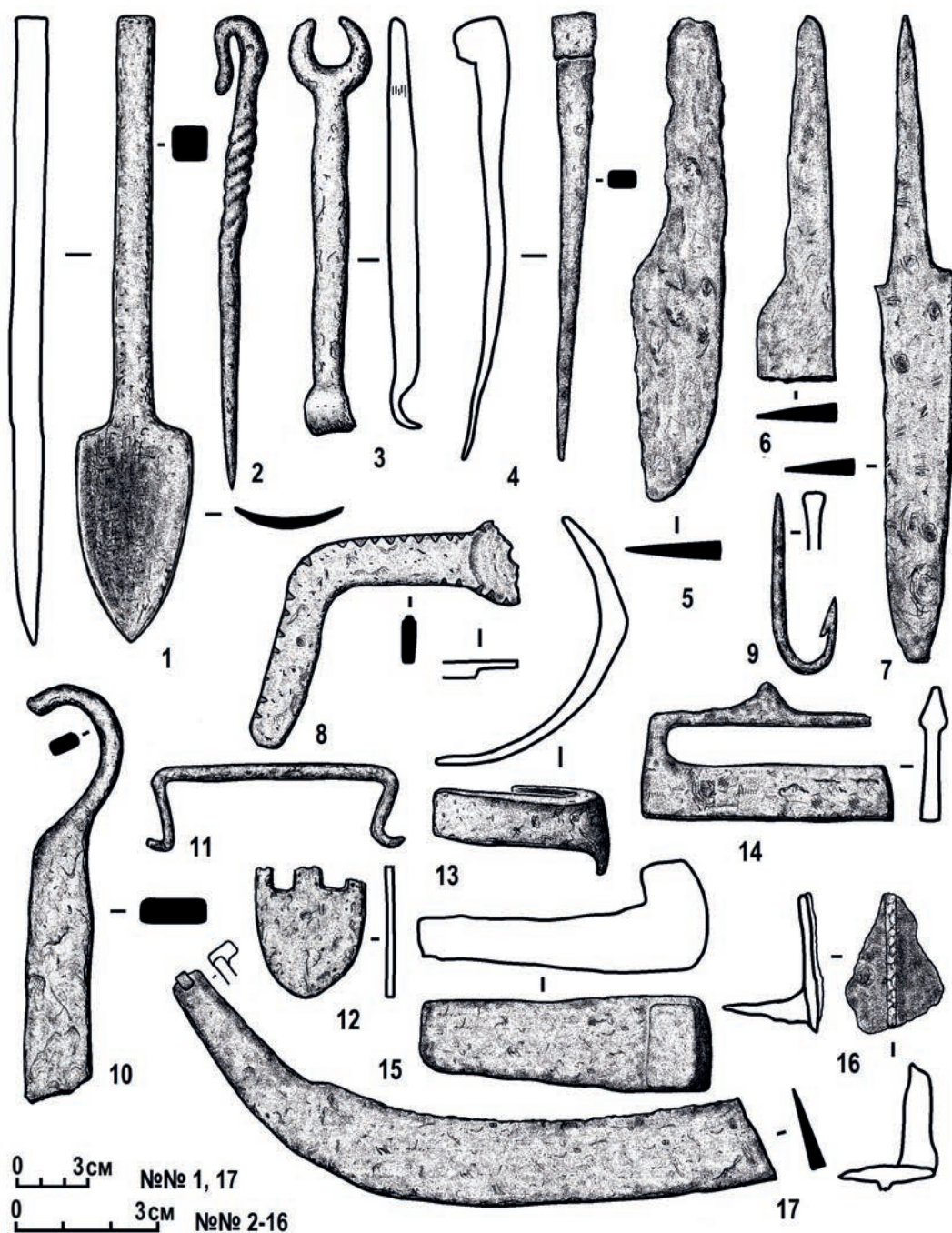
Так, среди находок второго пласта, связанного с функционированием жилища, ни одного гвоздя вне указанного скопления не обнаружено. Зато необычно много их оказалось на уровне третьего пласта (где отло-

жились следы строительных работ – возможно, связанных с возведением другой, чуть более ранней постройки): 21 экземпляр, причём почти все встречены к востоку от развала печи, а в самом развале их не было. В кв. 249 несколько гвоздей найдено под слоем остатков печи. Кроме них, свидетельством работы строителей здесь стали 2 строительные скобы и коловорот, необходимый для сооружения тыновых изгородей (рис. 169, 1).

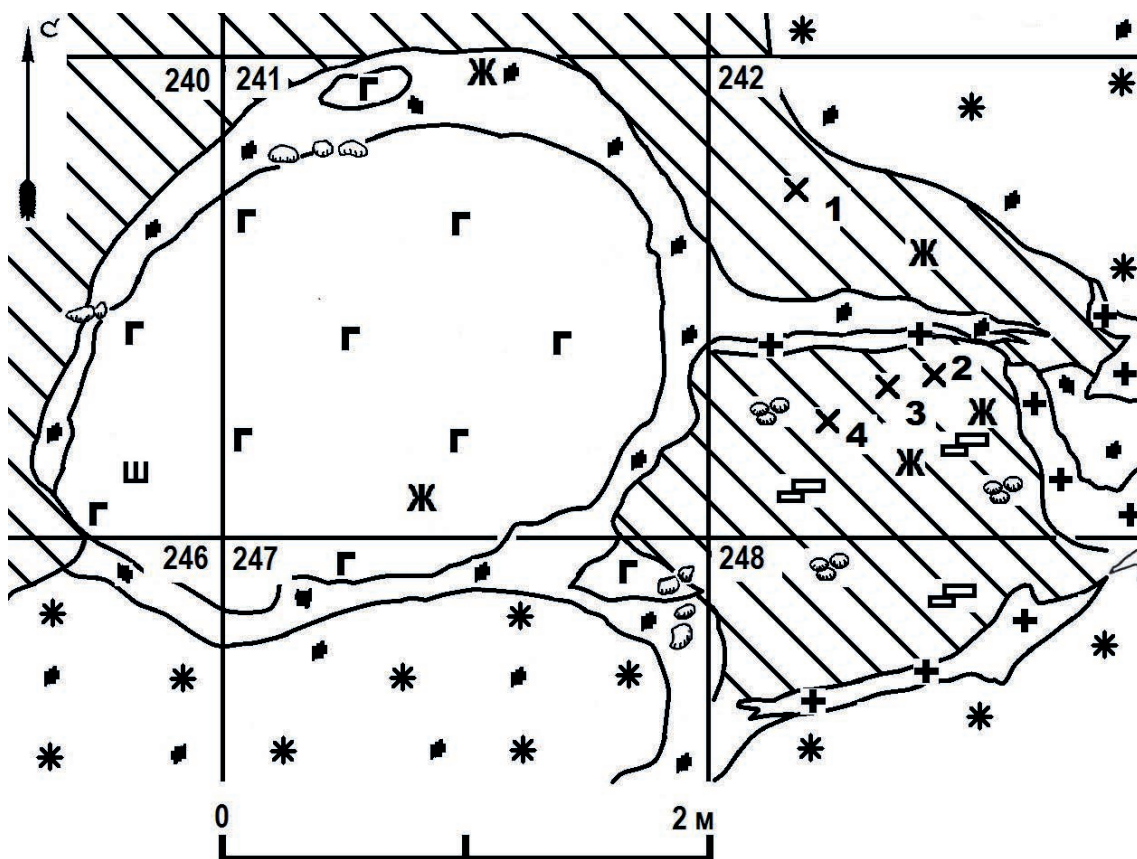
Рис. 168. Гвозди и ключ из строительного «клада» в кв. 243.

Рис. 169. Железные изделия из жилого комплекса в южной половине раскопа 2004 года.
1 – коловорот; 2 – прядельная булавка; 3 – мудишук от конских удил;
4 – стеной крюк; 5, 10 – фрагменты ножиц; 6–7 – ножи;
8 – деталь механизма; 9 – рыболовный крючок; 11 – ручка от ларца;
12 – фрагмент наконечника ремня; 13 – сапожная подкова; 14 – кресало;
16 – фрагмент замка; 17 – фрагмент косы.

Вокруг развала печи найдено довольно много вещей, свидетельствующих о достатке жителей. Один из показателей – обилие железных предметов. Некоторые из них можно увязывать с воинским бытом. Это грызло конских удиц, подкова от мужского сапога, фрагмент наконечника ремня, кресало оригинальной формы (восходит к поздним калачевидным), фигурная ручка небольшого (походного?) ларца (рис. 169, 3, 11–14).

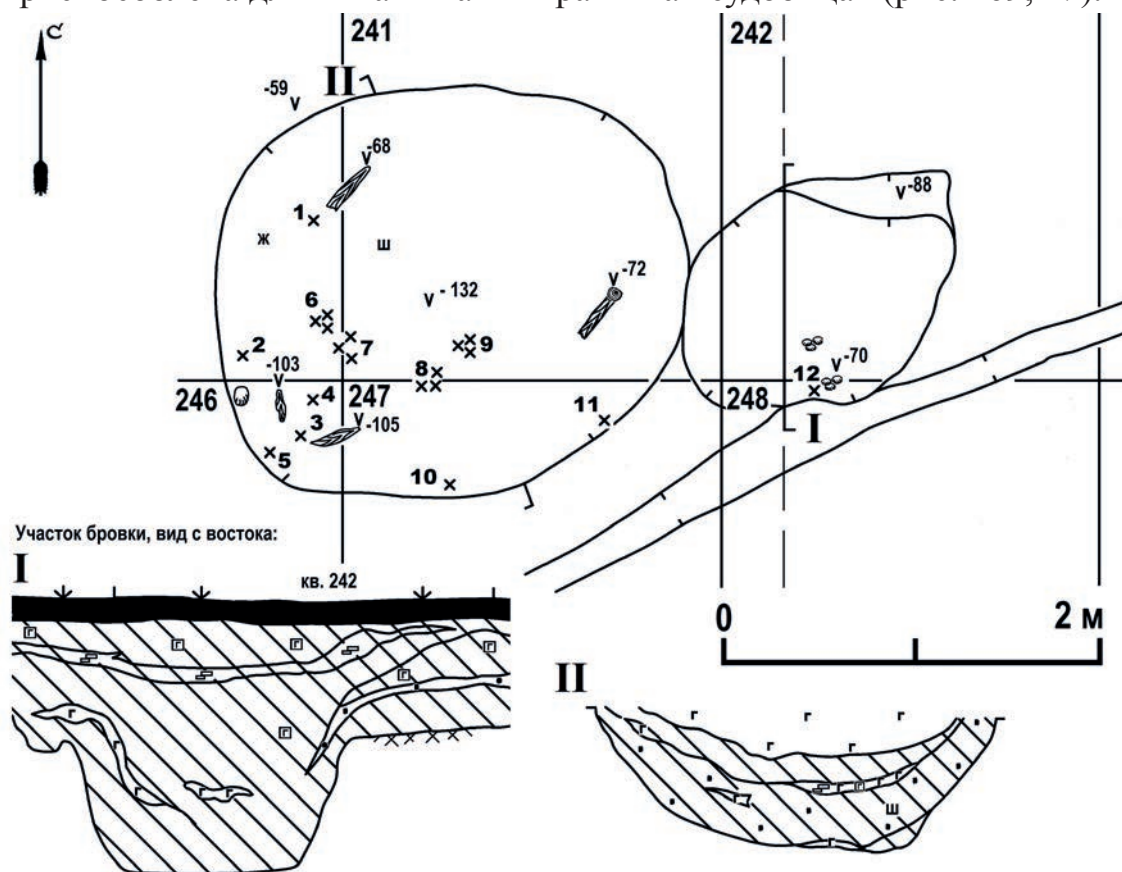
Находки на глубине 40-50 см:

1. Нож. 2. Булавка с орнаментом. 3. Фрагмент замка. 4. Фрагмент ножа.

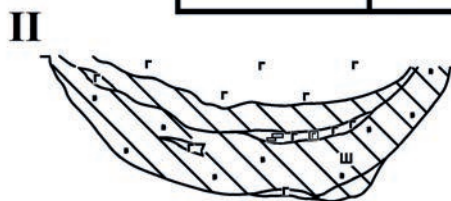
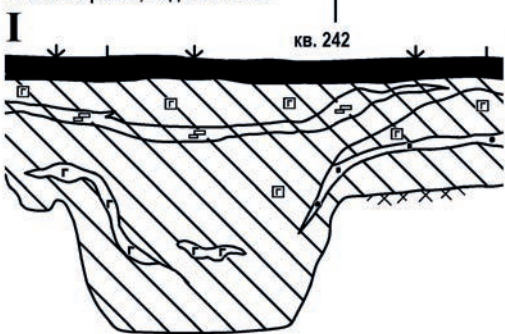
Рис. 170. Контуры ямы в южной части раскопа 2004 года на глубине 50 см.

Интересной находкой было фигурное изделие с орнаментом из насечек-городков по краю (рис. 169, 8). Обломанный дисковидный конец изделия был местом подвижного соединения с каким-то механизмом. находка могла быть деталью стрелкового оружия (пищали, арбалета). Коса-горбуша (найден крупный обломок), аналогичная встреченной в вышеописанном жилом комплексе с северо-западной части раскопа,

пригодилась бы, если говорить о воинском быте, во вспомогательном хозяйственном наборе всадника: в отличие от «литовки» (древнейший экземпляр в окрестностях Плёмсам найден нами на финском Алабужском городище в слое 2 пол. I тыс. н.э.), горбуша более компактна и лучше приспособлена для выкашивания травы на неудобьях (рис. 169, 17).

Участок бровки, вид с востока:

Находки:

1.Пробой. 2.Фрагмент антропоморфной глиняной фигурки (нога). 3.Прядильная булавка. 4.Пряслице. 5.Фрагмент дужки сличного замка. 6.Развал сосуда. 7.То же. 8.То же. 9.То же, красноглин., с рифлением. 10.Фрагмент светца. 11.Железное кольцо. 12.Фрагмент височного кольца с позолотой.

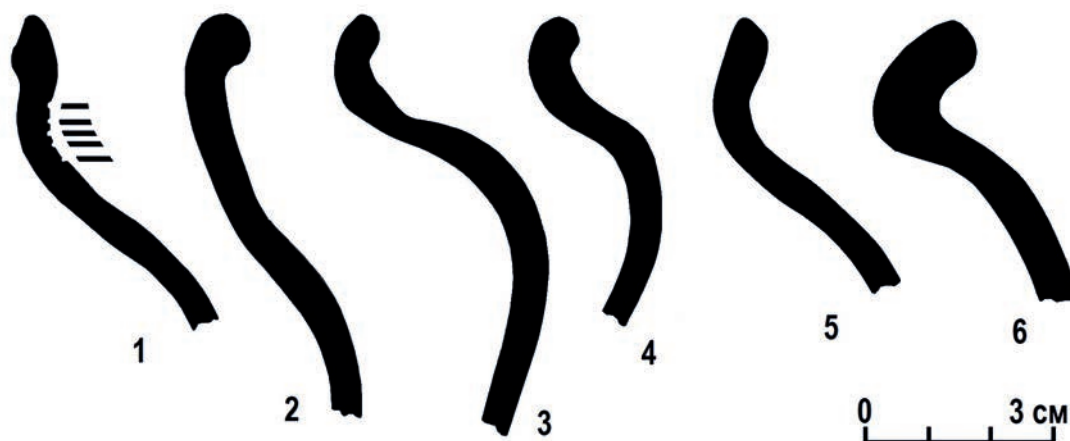
Рис. 171. Следы двойной подпечной ямы в кв. 240–242, 246–248 раскопа 2004 года на уровне материка.

Из иных железных предметов обращали на себя внимание нож, имевший форму древних волжско-финских, с ровной верхней кромкой, без уступа при переходе от черешка к лезвию (рис. 169, б), а также два фрагмента, возможно, от одних пружинных ножниц (рис. 169, 5, 10). В непосредственной близости от развала печи найдены одёжный крюк, рыболовный крючок и фрагмент дужки сличного замка (рис. 169, 4, 9, 16).

В целом железные изделия данного жилого комплекса не отличались хорошей сохранностью. Другие обнаруженные здесь предметы рассмотрим в совокупности с находками из подпечной ямы.

Место расположения печи и, соответственно, подпечной ямы определилось при прохождении 3-го пласта культурного слоя. После прохождения 4-го, при зачистке на глубине 50 см, почти полностью выявился контур ямы с просевшими в неё остатками двухкамерной печи (рис. 170). Край горизонтального профиля окантовывался углистым поясом шириной от 10 до 30 см. Такая же углистая перемычка разделяла два разнородных пятна над двумя отсеками подпечной ямы.

Светлое, с запада, представляло слой печной глины – овал размерами 2,8 x 2,3 м был остатками «чистой» половины печи. Подпрямоугольное пятно восточнее (1,7 x 1,4 м) сохранило, отчасти, контуры истопки. В его заполнении присутствовало большое количество угля, очажного камня и, что примечательно, фрагментов кирпича (чего не было в западной, «чистой» половине). Истопка, таким образом, была построена с применением кирпича. В слое печи (со стороны истопки) при прохождении 4-го пласта были найдены, кроме керамики, нож, фрагмент корпуса сличного замка и бронзовая булавка «пус йеппи» с головкой в виде кубика с циркульным орнаментом по сторонам (рис. 173, 5).

Рис. 172. Образцы керамики из жилого комплекса в южной части раскопа 2004 года.

Следы истопки пропали после прохождения 5-го пласта. Вышел тёмно-серый слой заполнения расположенного под ней восточного отсека

подпечной ямы, который приобрёл контуры, близкие к овалу. В западной же половине большого подпола встретилось несколько обломков кирпичей. Таковые встречались затем и ниже в слое заполнения, что может объясняться большей глубиной и шириной отсека, а следовательно, и большим проседанием. Кирпич при сооружении данной печи, таким образом, применялся не только для устройства пода истопки.

Окончательная выборка культурного слоя выявила, что яма под печью в кв. 240–242, 246–248 имела восьмёркообразную форму. Восточная половина была меньших размеров, в виде неправильного овала размерами 1,7 x 1,2 м. Глубина её от уровня материка составляла 0,7 м, дно было ровным, горизонтальным, стенки отвесными, почти без наклона (см. профиль бровки на рис. 192). Заполнение составлял темно-серый культурный слой, в верхней трети с примесью глины (печины), видимо, связанной с остатками печи. К ней же может иметь отношение просевший слой полубоженной глины толщиной до 10 см, достигавший 40 см в глубину от уровня материка. Также в яму уходил просевший слой угля – остатки деревянной, видимо, сгоревшей конструкции постройки. Полоса угля толщиной от 5 до 8 см проходила на высоте 30 см над материковой поверхностью и уходила в яму до глубины 24 см от уровня материка.

В яме наблюдались скопления валунного обожженного камня (на 10–15 см ниже уровня материка, с южной стороны, на рубеже кв. 242 и 248), изредка встречалась керамика, преимущественно сероглиняная.

Вторая, западная половина комплекса имела более правильные овальные очертания и большие размеры: 1,64 x 2,16 м по горизонтали и углубление в материк на 0,75 м. Поперечное сечение ямы оказалось линзовидным, все стенки наклонные, дно слегка скругленное (рис. 171). Верхний слой заполнения представлял собой полубоженную глину, под которой начинался 50-сантиметровый слой темно-серого гумусированного состава. Этот тёмный слой был относительно однородным только в верхней трети. Ниже его подстилала тонкая, до 5 см, прослойка обожженной глины и кирпичной крошки, а под ней шёл 30-сантиметровый более пестрый тёмный слой, с значительными включениями угля и фрагментов обожженной глины.

В яме сохранились небольшие фрагменты дерева в виде 4 полос тлена шириной до 7 см и длиной до 24 см и столбика шириной 8 см в восточной части ямы, в сочетании с одной из полос. Судя по расположению остатков (разная высота, тяготение к краям ямы), здесь имелаась деревянная конструкция, очевидно, облицовка погребца. Закруглённая форма дна предполагала устройство деревянного пола. Следствием активного использования погребца стало большое количество находок. Керамика в заполнении ямы преобладала сероглиняная, преимущественно с добавками дресвы и без орнамента. Однако встречалась и белоглиняная, в том числе с характерным сужающимся венчиком и полосами рифления (рис. 172, 1), здесь же найден развал крупного красноглиняного сосуда (кувшина?) с линейным орнаментом и вертикальными полосами лощения (рис. 174).

Одним из свидетельств материального благополучия жителей дома служит находка в подполе обломка золочёного височного кольца. Она же служит свидетельством проживания женщины в доме на территории крепости. В яме погребца найдено пряслице, изготовленное из обломка сероглиняного сосуда, с прочерченным кругом у отверстия. На занятия женскими рукоделиями указывает находка прядильной булавки (рис. 173, 12, 14); ещё одна булавка найдена в верхнем слое на месте жилого комплекса.

Из других находок в яме примечательны дверной пробой, обломок антропоморфной фигурки (нога), фрагмент дужки сличного замка. Судя по стратиграфии и типологии вещей, комплекс может быть датирован концом XV – 1 пол. XVI вв.

Мы не можем, правда, с полной уверенностью утверждать, что все находки на месте данного жилого комплекса изготовлены в этом временном промежутке. Часть из них могла оказаться здесь, например, в результате засыпки провала на месте погребца после существования дома. Таковым мог быть фрагмент восточной кашинной керамики с коричневой подглазурной росписью, крестовидная подвеска или фрагмент стеклянного браслета (рис. 29, 2, 3, 4). При этом нельзя не принимать во внимание и то, что более или менее ценные вещи хранились и использовались по возможности долго. Ценность имели даже обломки

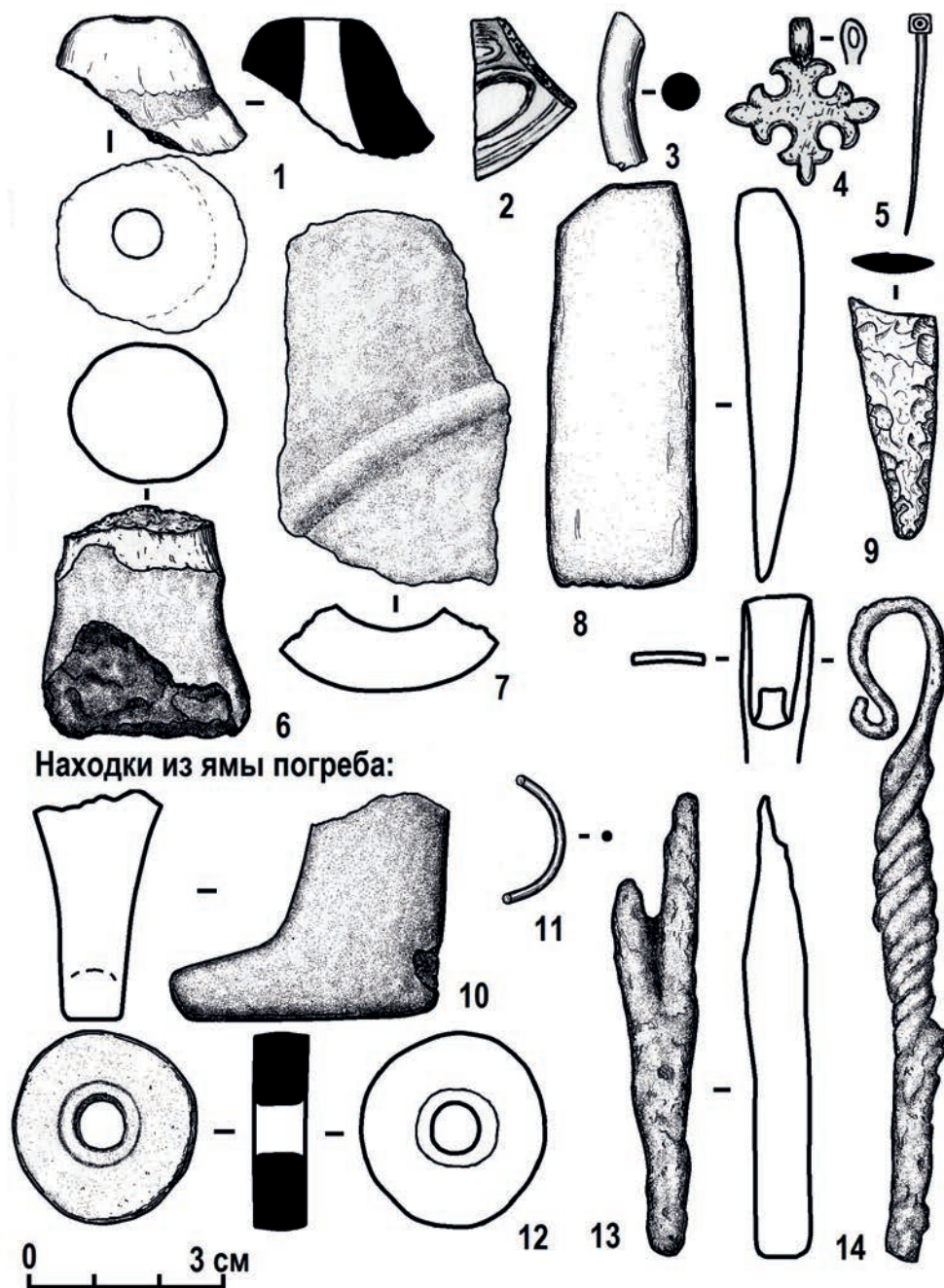

Рис. 173. Находки из жилого комплекса
в южной половине раскопа 2004 года.

- 1 – обломок керамического изделия с поливой; 2 – фрагмент кашинного сосуда; 3 – обломок браслета; 4 – подвеска; 5 – булавка;
6 – фрагмент керамического изделия; 7 – обломок сопла (?);
8 – долотце из куска белемнита; 9 – обломок наконечника стрелы;
10 – фрагмент антропоморфной фигурки (нога);
11 – обломок височного кольца; 12 – пряслице; 13 – фрагмент светца;
14 – прядильная булавка.
1–2, 6–7, 10, 12 – глина; 3 – стекло; 4–5 – медный сплав; 8–9 – камень;
11 – медный сплав, позолота; 13–14 – железо.

нарядной посуды, из которых можно было изготовить пряслице, игральную фишку и т.п.

Кремнёвый наконечник стрелы – несмотря на то, что он был изготовлен в эпоху неолита – и в XVI столетии имел ценность и использовался, как и повсеместно на Руси, в магических целях, обозначая наконечник молнии («бесы боятся молний»)⁶. Металлическая оправа в данном случае отсутствовала (рис. 173, 9).

Следует упомянуть и некоторые другие предметы из числа найденных в данном жилом комплексе. Доломце, изготовленное из крупного белемнита, пригодно для проконопачивания бревенчатых построек (рис. 173, 8). Обломок керамической ошлакованной «трубки» с остеклённой зелёной наружной поверхностью и выпуклой полосой красноватого (бурого) цвета, возможно, был связан с процессом обработки металла (рис. 173, 7). С календарными и иными праздниками могли быть связаны антропо- и зооморфные фигурки, обломки которых, как и повсеместно на городище, присутствовали в рассматриваемом жилом комплексе. Они изготовлены из красножгущейся глины и покрыты (как и большинство одновременных им на данном памятнике) белым ангобом (рис. 173, 6, 10). Обломок же глиняного колокольчика (?) имел сложное цветовое покрытие: в верхней части обломка сохранилась белая полива, в нижней (отделена полосой чистой светло-серой глины) – поливное покрытие цвета морской волны (рис. 173, 1).

Совокупность находок комплекса в кв. 240–242, 246–248 в очередной раз подтверждает наличие в плёсской крепости эпохи развитого средневековья домов для семейного проживания. Вероятно, речь может идти не только о семьях «садящихся в осаду» накануне вражеского нашествия, но и о семьях администраторов (в том числе присылаемых московской властью на короткое время наместников). Дома эти оставили свидетельства возможного по тем временам благоустройства. Последний из рассматриваемых комплексов (в кв. 240–242, 246–248 раскопа 2004 г.) вновь оказывается обеспечен тем, что сегодня заменяют холодильники с морозильной камерой. Речь идёт о двухкамерной подпечной яме, которая, как и в иных местных городищенских комплексах XV–XVI вв., имела в плане восьмёркообразную форму и где одна камера была шире

другой. Именно в ней наблюдалось скопление остатков керамической посуды (чаще крупной, тарной) и встречались оставленные или потертые вещи. Это был погреб. Его стенки облицовывались деревом, температура была немногим больше нуля и способствовала хранению продуктов, чье промерзание было не желательным.

Вторая заглублённая камера отделялась от первой естественной (земляной) перегородкой, возможно, с подъёмом её высоты за счёт деревянной перемычки. Камера служила ледником. Она имела меньшие размеры, в неё невозможно было спуститься, и все манипуляции выполнялись над перегородкой или через отверстие с заслоном (дверцей). А именно: весной яма наполнялась речным льдом, перекрывалась слоем соломы и в таком виде служила местом хранения скоропортящихся продуктов. «Домострой» рекомендовал также на леднике хранить напитки (мёд и пиво)⁷. Пример указывает на сохранение местной столетней традиции, берущей начало с постройки крепости 1410 года.

Как и в других случаях, описываемый археологический комплекс позволил определить, что ледник располагался непосредственно под истопной камерой печи – что, казалось бы, противоречит логике. Но здесь нужно принять во внимание правила использования «чёрных» печей в деревянных русских городах, в местах плотной застройки. Печами разрешалось пользоваться беспрепятственно в зимний период, а начиная с весны пищу готовить приходилось вне жилища. Ледник же требовался жителям дома как раз в тёплое время года. Накопившаяся в подполе от таяния льда влага постепенно «вытягивалась» с началом нового сезона использования печи поздней осенью.

Таким образом, в XVI столетии плёское жилище постепенно претерпевало изменения, становясь всё комфортнее. Большие печи позво-

Рис. 174. Фрагмент красноглиняного сосуда с полосами лощения из жилого комплекса.

ляли расширять площадь обогреваемого помещения, то есть увеличивать размеры срубов. К печи пристраивалась тёплая лежанка⁸. Жилища ставились на довольно высокий подклет, где не только хранились запасы, но и выполнялись какие-то дела по хозяйству. Здесь, в подвале, на случай больших морозов могли сооружаться дополнительные отопительные устройства (очаг или небольшая печь-каменка), пригодные, кроме того, для поварских и иных дел. Огонь, вероятно, не разводился: использовался древесный уголь, на что указывает скопление его остатков в очагах – при полном отсутствии остатков недогоревших дров.

Крепость в Плесе продолжала функционировать до середины XVI века. Как было сказано выше, в старинной её части (Башенная гора) в раскопах 1986–2005 гг. не было встречено каких-либо ещё более поздних жилых и хозяйственных комплексов, а также датированных предметов; самые поздние из найденных средневековых монет определялись началом 50-х годов XVI в. К этому времени, судя по находкам, не прекратились, но заметно ослабли культурные (торговые) связи с Казанским «царством», что вполне согласуется и с той напряженной обстановкой в Верхнем Поволжье, которая всё чаще выливалась в военные столкновения⁹. Зато ещё больше усилились непосредственные связи Плёса с Москвой и, соответственно, с подмосковными производственными центрами. Плесь живо перенимает технические новинки. При сооружении печей стали использовать кирпич. Для устройства окон – слюда (из месторождений бывшей Новгородской республики). Появляются слюдяные окна (из месторождений бывшей Новгородской земли). В город всё больше поступает керамических изделий из Москвы и Коломны, где с XV в. начинается массовое производство красноглиняной и белоглиняной посуды (часто лощёной)¹⁰. Особо отметим плёсские находки красноглиняной посуды, покрытой белым ангобом с нанесённым на него орнаментом: по мнению В.Ю. Коваля, такая посуда появилась в Москве и тесно связанными с нею городами именно в XVI столетии. А.Г. Векслер и М.Г. Гусаков связывают её появление с работой приглашенных в Москву итальянских мастеров и предлагают чёткие хронологические рамки: последняя треть XV – первая треть XVI века¹¹.

По-прежнему археологические комплексы содержат убедительные свидетельства пребывания в Плесе представителей воинского сословия. И «восточный акцент» на месте их пребывания достаточно заметен (включая теперь уже и те элементы, которые прочно вошли в русский обиход). Но в организации функционирования доживавшей свой век крепости решающую роль теперь уже играли не потомки приглашенных когда-то в эти края, на новые московские территории, выходцев из татарских (булгарских) земель. Московская элита того времени ещё хорошо помнила Фёдора Сабура. В разных редакциях родословных книг Фёдор чаще указывался первым в списке бояр времён Василия Дмитриевича. Как пишет М.Е. Бычкова, одним из популярнейших документов, регулировавших служебные отношения между семьями старомосковского боярства даже во второй половине XVI столетия, была «память» с красноречивым названием: «Федор Сабур больши был»¹². О потомке Фёдора с уважением отзывался один из самых просвещённых людей своего времени, посол Дмитрий Герасимов, что нашло отражение в книге Паоло Джовио: «Василий же взял себе в жены дочь своего отменно верного и разумного советника, Георгия Сабурова, Соломонию...»¹³.

При этом, по свидетельству А.А. Зимина, в начале столетия «Сабуровы, несмотря на родство с великим князем, особенно высоких постов не занимали»¹⁴. Даже оставаясь владельцами окрестных земель, в рамках системы кормления представители рода ни разу не упоминаются в числе великокняжеских наместников в Плесе. В рассматриваемый нами период Плес «в кормление с судом з боярским», на короткое в таких случаях время, давался Александру Карамышеву (1504 г.), Василию Квашнину (1529-30 гг.), в августе 1540 г. он был дан Ивану Булгакову, в апреле 1550 г. – Андрею Ромодановскому¹⁵. На месте предполагаемого жилища последнего найден клад, косвенно свидетельствующий о содержании Плесской крепости непосредственно за счёт великокняжеской казны. Находки же обрезанных монет вне клада свидетельствуют о том, что денежный кризис последних лет правления Василия III в полной мере отразился на русской провинции¹⁶.

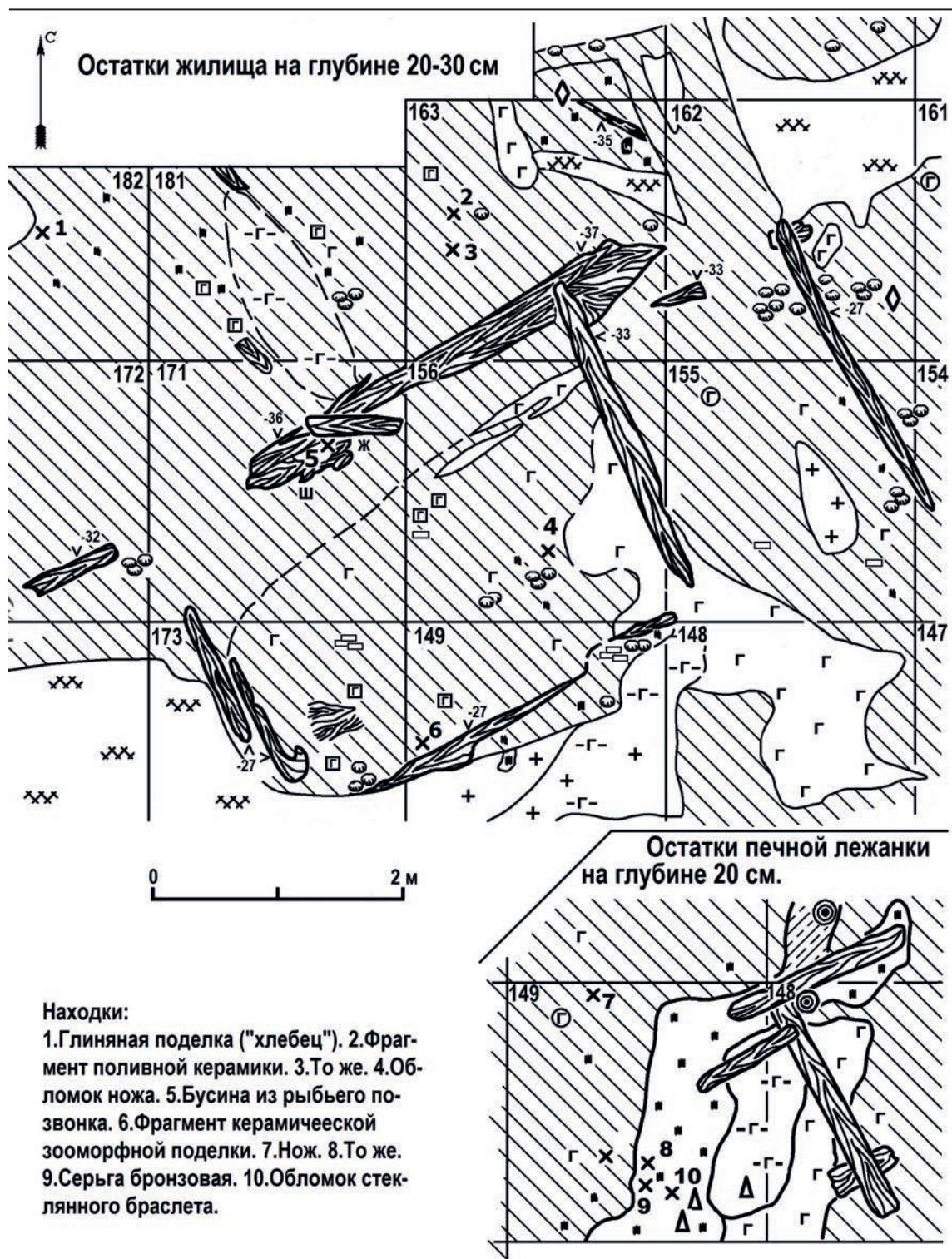
-
- ¹ Колчин Б.А. Хронология...
- ² Домострой. С.154.
- ³ Никольская Т.Н. Воротынк. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 121–123.
- ⁴ Из «ростиси вещей и припасов стрелецкого полка»: «12 труб железных, что носят фитиль» // Борисов В.А. Собрание трудов... Том второй. С. 205–206.
- ⁵ Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. Рис. 66, 18–19. Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань, 1995. Рис. 21.
- ⁶ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX–н. XX вв. М.-Л., 1957. С.103.
- ⁷ «...а медку разсытитъ к празднику и вдаль поблюдет, в леду, засечено, медок и мартовское пивцо» // Домострой. С.134.
- ⁸ См. статью в данном сборнике: «Дом наместника» в Плѣсской крепости.
- ⁹ Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. С. 113–125.
- ¹⁰ Коваль В.Ю. Керамика Переяславля Рязанского...
- ¹¹ Векслер А.Г., Гусаков М.Г. К вопросу об изготовителях красноглиняной керамики...С. 202.
- ¹² Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 78–89.
- ¹³ Паоло Джовио. Книга... С. 499.
- ¹⁴ Зимин А.А. Формирование... С.193.
- ¹⁵ Зимин А.А. Наместническое управление в Русском государстве во 2 пол. XV – первой трети XVI вв. // Исторические записки. Том 94.
- ¹⁶ См. статью в данном сборнике: «Дом наместника» в Плѣсской крепости.

«Дом наместника» в Плесской крепости

Остатки большого жилого дома в раскопе 1998 года стали одним из самых хорошо сохранившихся и датировемых археологических комплексов Плесского городища. Основанием для датировки послужил найденный в подвале кошелёк с 432 монетами, попавший в дом между 1547 и 1561 годами¹. Признаки жилища начали прослеживаться в раскопе сразу после снятия дёрна и тем самым позволили отнести данный археологический объект к числу позднейших на данном участке крепости.

На глубине от 10 до 20 см остатки жилища (в северо-западной части раскопа) обозначились обширным пятном глинистых включений (печины) и угля в культурном слое. Среди них обращали на себя внимание фрагменты глины не только обожжённой, но и ошлакованной. По мнению наблюдавшего ход раскопок специалиста по керамике Ю.Б. Цетлина, глина не может дойти до такого состояния при температуре обычной бытовой печи (700–800 градусов). «Вспучивание» происходит при резком подъёме и достижении температуры порядка 1000 градусов, то есть при пожаре, который и стал самой вероятной причиной гибели постройки².

Рис. 175. Остатки жилища на глубине до 30 см.

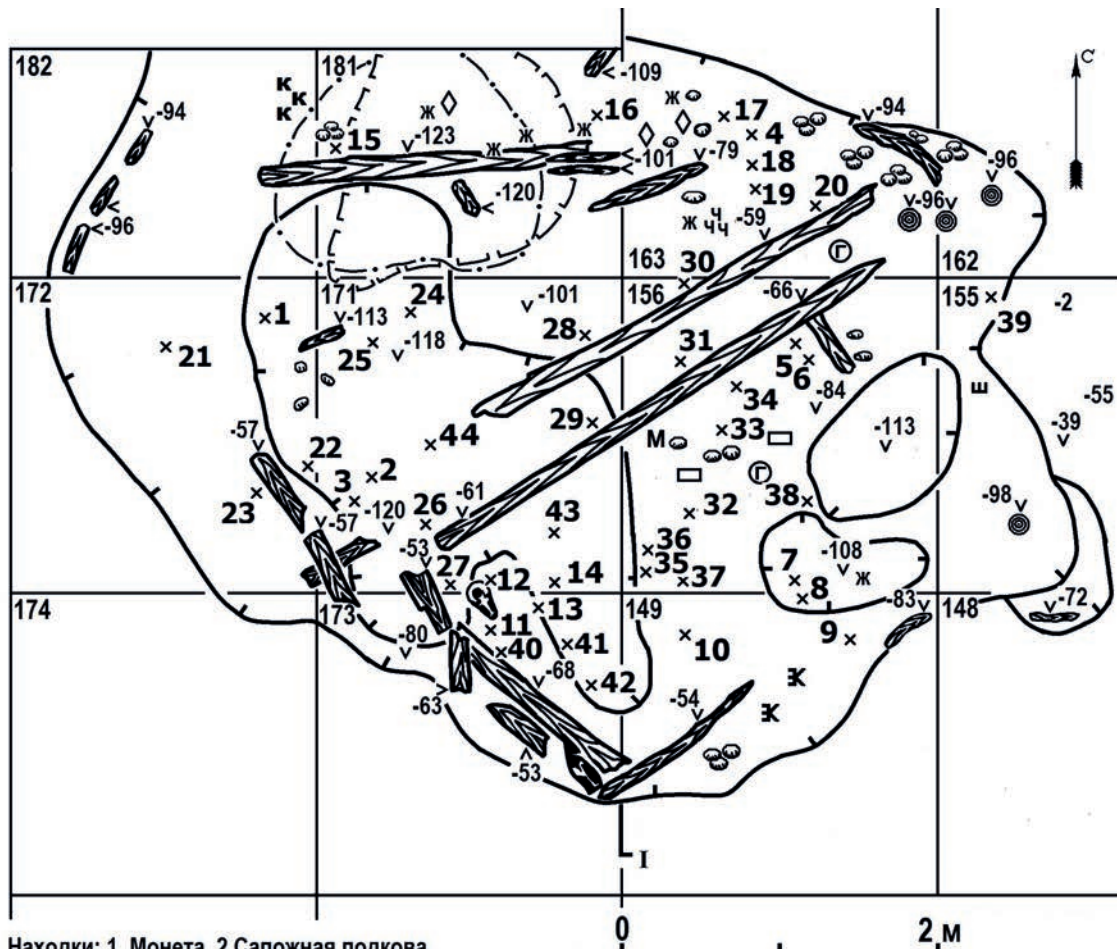
При прохождении следующего пласта раскопа (глубина 20–30 см) ошлакованной печи стало меньше, но зато начали попадаться не встречавшиеся выше обломки слабообожженных кирпичей. Их наибольшая концентрация наблюдалась в кв. 149 и 156, где уже на следую-

щих глубинах были прослежены остатки деревянного опечка. Ширина кирпичей составляла около 13 см, высота 6 см, сохранивших полную длину обломков не найдено. Вероятнее всего, печь в доме была глинобитной, но имела кирпичный под, что было распространено в русских городах позднего средневековья и нового времени; такого рода печь выявлена А.Ф. Дубыниным в Суздале в 1940 г.³ Подобные же упоминаются в «Домострое» и былине «Дюк Степанович»: «Печки у тебя биты глиненны, а подики кирпичные»⁴.

Можно допустить, что к такой печи пристраивалась и кирпичная труба для вывода дыма наружу. При этом вес всего сооружения сильно увеличивался, что требовало дополнительных столбовых опор. Остатки трёх опорных столбов диаметром до 20 см были обнаружены в восточном углу подпечной ямы, примерно на прослеженной линии северо-западного, продольного края опечка, недалеко от гипотетического расположения жерла печи и трубы (кв. 162–163). Ещё один столб выявлен в кв. 155, на той же глубине (80–82 см), в районе гипотетического восточного угла опечка. Правда, соответственного скопления кирпичей около предполагаемого жерла, на уровне верха развала печи, встречено не было; возможно, кирпичи были собраны при разборке сгоревших останков дома. Нельзя исключить и то, что печь всё-таки топилась по-чёрному, имея рекомендованный «Домостроем» козырёк и деревянную вытяжку («и у всякой бы печи над челом был искреник глинян или железен»)⁵.

Полные контуры жилища в раскопе проследить не удалось. Деревянные конструкции, достоверно к нему относящиеся, найдены при прохождении уже следующих двух пластов и с началом выборки ямы погребя. Так, на глубине 30 см выявились две полосы древесного тлена, шириной от 10 до 18 см, в кв. 173 и 155, 162. Это были остатки брёвен сруба, которые шли по линии СЗ–ЮВ, параллельно, ограничивали развал печи и хорошо сочетались с контурами позднее выявленной ямы погребя и перпендикулярного им, просевшего в яму, опечка. Также перпендикулярен им был след бревна в кв. 162; на глубине 40 см было прослежено и соединение конструкции «в обло» (вероятно, остатки переводины пола). Таким образом, ширина (длина?) постройки составляла

- Находки: 1. Монета. 2.Сапожная подкова. 3.Обломок ножа. 4.Монета. 5.Фрагмент миски. 6.Каменное пушечное ядро. 7.Развал сосуда. 8.Сапожная подкова. 9.Изделие из рыбьего позвонка (буса). 10.Свинцовая пуля. 11.Сканая серебряная пуговица. 12.Конский череп.13.Медная игла. 14.Медная пластина. 15.Фрагмент сосуда. 16.Грузило для сети. 17.Фрагмент миски. 18.Обломок зооморфной керамической поделки. 19.Фигурная железная накладка. 20.Височное кольцо. 21.Бронзовый крест. 22.Фрагменты стеклянной бусины. 23.Керамическая крышка. 24.Фрагмент сосуда с клеймом. 25.Железный предмет. 26.Обломок медной пластины. 27.Кошелёк с деньгами (432 монеты). 28.Развал сосуда. 29.Грузило для сети. 30.Нож. 31.Медная проволока. 32.Керамическая погремушка. 33.Развал сосуда. 34.Фрагмент днища сосуда с клеймом. 35.Развал сосуда. 36.То же. 37.Миниатюрный гвоздь. 38.Ключ. 39.Фрагмент медной оковки. 40.Ременная пряжка. 41.Позолоченная серьга. 42.Нож. 43.Рыболовный крючок. 44. Пуговица (основа).

Рис. 176. Яма погреб.

около 6 метров (рис. 175). Со стороны её северо-восточной стены, в кв. 161–162, уже при прохождении первого слоя найдены фрагменты слюды; это были остатки слюдяного окна или нескольких окон дома. Здесь следует заметить, что массовое поступление слюды в центральную Московию из открытых месторождений Карельской Чупы относится к середине XVI века. Такой слюдой были «застеклены» окна московского

храма Покрова на Рву. В Плесе же остатки слюды связаны с комплексами именно этого времени.

В кв. 149, 173 и 156 прослежены, начиная с глубины 20 см, но в основном на глубине 30–40 см, остатки опечка. Деревянная конструкция имела вид прямоугольного короба длиной около 3,4 м и шириной до 2 м. Внутри конструкции наблюдались интенсивные включения глины и глиняной крошки в углистый слой; именно здесь концентрировались обломки кирпичей, в сравнительно небольшом количестве встречался также очажный камень. Северо-западный край опечка не сохранился, но его былое наличие отмечала достаточно чёткая граница упомянутого глинисто-кирпичного пятна удлинённой прямоугольной печи. Возможно, с ним связана и полоса древесного тлена, отмеченная в заполнении ямы десятью сантиметрами ниже. Длина полосы составляла 3,4 м, ширина около 0,2 м. Уровень жерла печи, в таком случае, могла указывать перпендикулярная ей короткая полоса, а обе они были частью внешнего каркаса (короба), поддерживающего стенки глинобитной конструкции (рис. 176). Юго-восточный и юго-западный край опечка совпадал с краями ямы погребца, куда опечек и просел вместе с остатками пола (от пола сохранилось пятно древесного тлена в кв. 163, 156, 171).

С юго-восточной стороны от опечка прослежены деревянные составляющие дополнительной, пристроенной к нему конструкции (рис. 1, врезка). Вероятнее всего, это была лежанка, на что указывают параметры остатков. Поскольку конструкция оказалась вне контуров ямы погребца, она в него не просела – как и часть соединённого с ней опечка, точнее, одного из венцов внешнего короба глинобитной печи (полоса тлена длиной 1,6 м, проходящая на плане через точку соединения углов квадратов 148–149 и 155–156). Основа лежанки сделана из брёвен той же толщины, что и опечек (18–20 см). У места врезки 180-сантиметровой поперечной основы в короб прослежены контуры столба (возможно, дополнительной опоры лежанки). Внешний край основы лежал на опорном продольном бревне, а сверху на ней сохранилась узкая полоса тлена от одного из жердей (досок?) настила. Лежанка, таким образом, имела ширину 1,8 и длину около 3,2 м. На месте её найдены серьга, обломок стеклянного браслета и нож.

Следы второй печи жилища отмечены в яме погребца с противоположной стороны и уже на большей глубине. У северного угла, в кв. 181, сначала на глубине 70–84 см был прослежен пласт глины – в виде пятна грушевидной формы, 2,8 x 2,4 м. Под ним, на глубине 84–93 см, залегал слой «рваного» очажного камня с углями, овальной формы, размерами 1,7 x 1,6 м. Под развалом печи, глубже на 20–30 см и вне связи с ней, прослежены остатки брёвен или досок; самая длинная из таких гори-

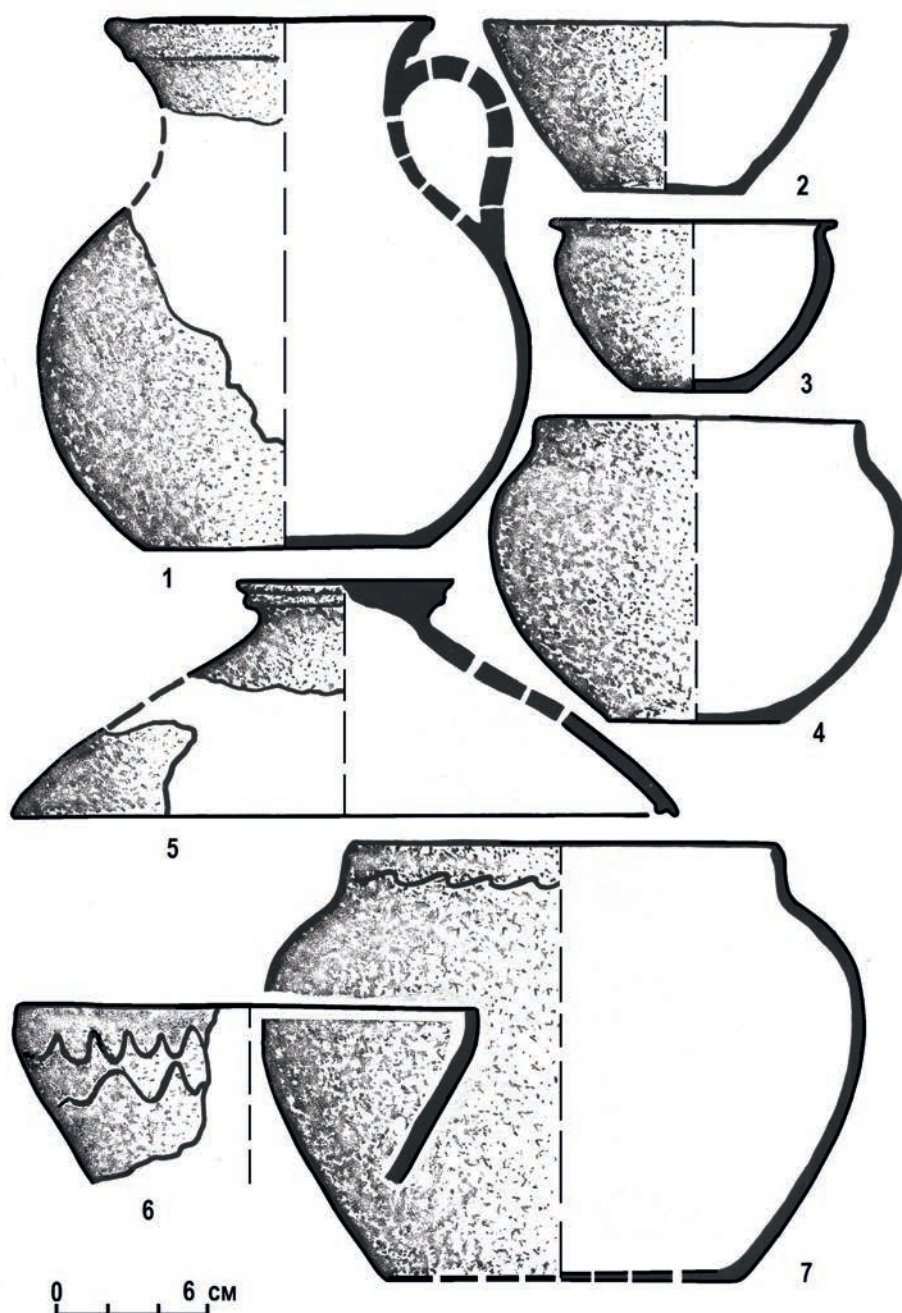
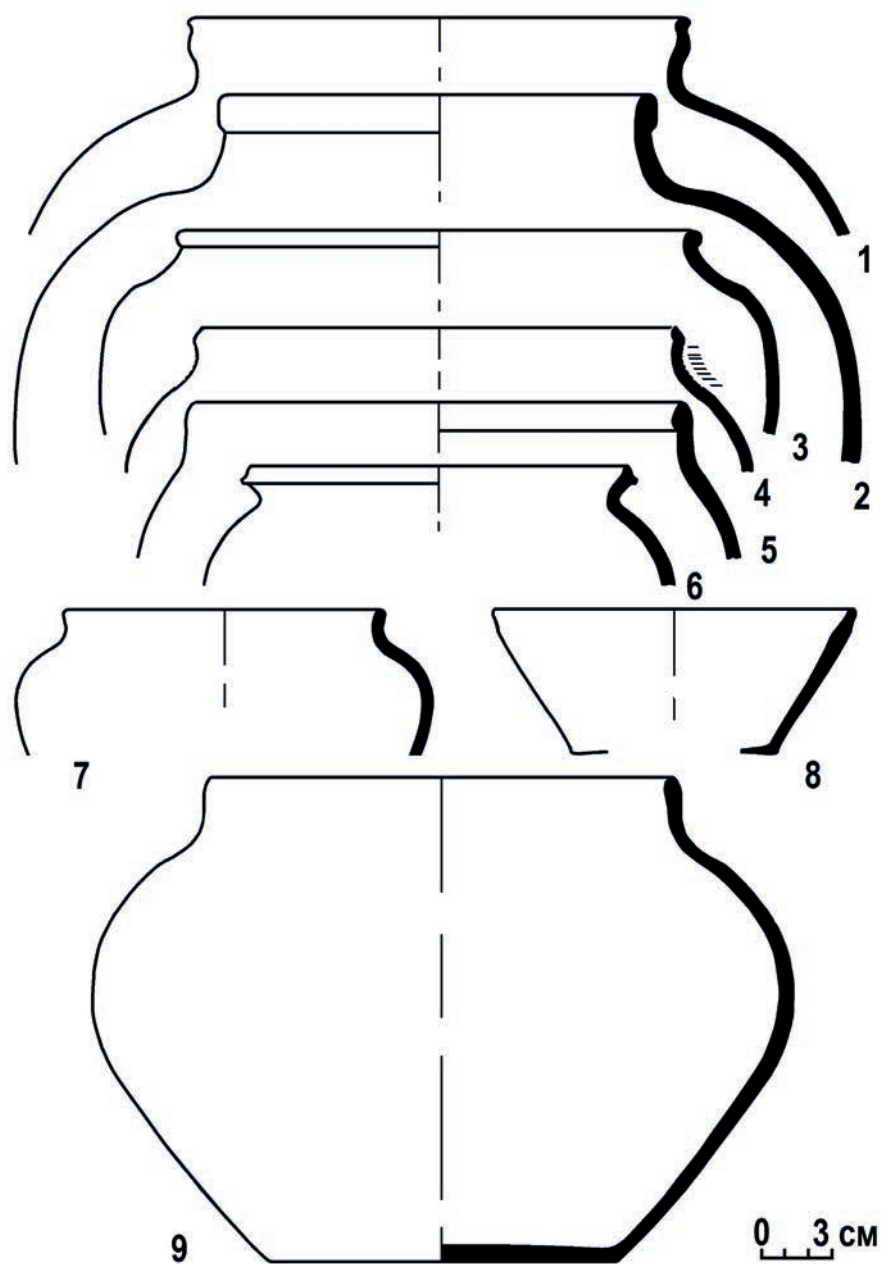

Рис. 177. Посуда из погребца.

Рис. 178. Керамическая посуда исследованного комплекса.

1–8 – кв.156; 9 – кв. 171.

горизонтальных полос древесного тлена имела размеры 1,8 x 0,25 м и направление восток – запад. Возможно, здесь сохранились остатки деревянного пола нижней, заглублённой части жилища, служившей местом хозяйственных работ и одновременно погребом. В развале печи и в непосредственной близости найдено несколько фрагментов керамической посуды.

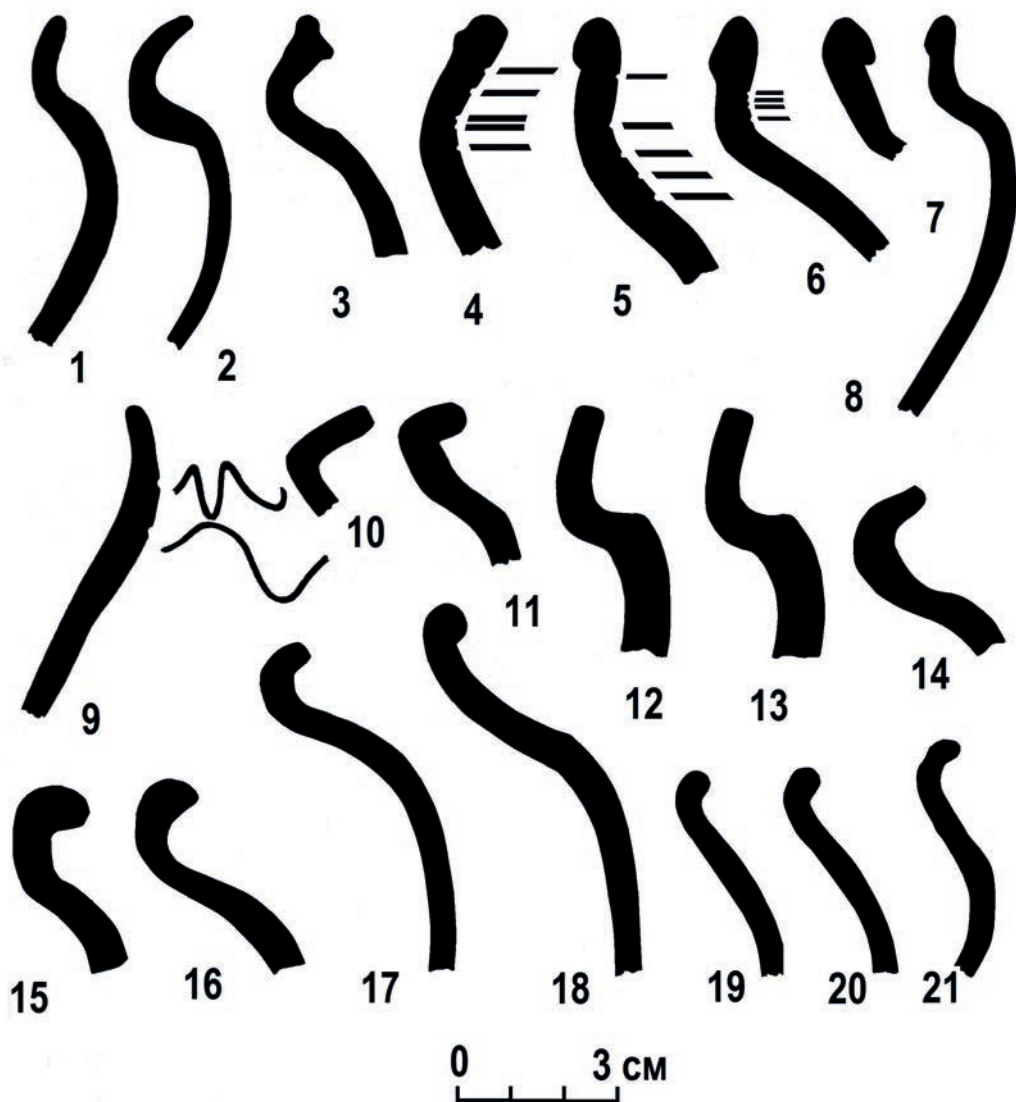

Рис. 179. Профили венчиков керамических сосудов.

Яма погребя имела вид неправильного прямоугольника размерами 6,8 x 5,1 м. Углы сильно скруглены, стенки неровные, слегка наклонные. Дно также неровное: на нём имелись три бесформенные ямы от 0,5 до 4,5 см шириной, заглублённые на 7–17 см. Глубина погребя в среднем составляла около 0,7 м от уровня материка и чуть более 1,1 м от современной поверхности. Судя по наличию полос древесного тлена вдоль стен, погреб имел облицовку краёв брёвнами или плахами шириной около 15 см. Возможно, это был сруб с соединением «в лапу», на что указывают остатки в южном углу ямы, рядом с остатками опечка.

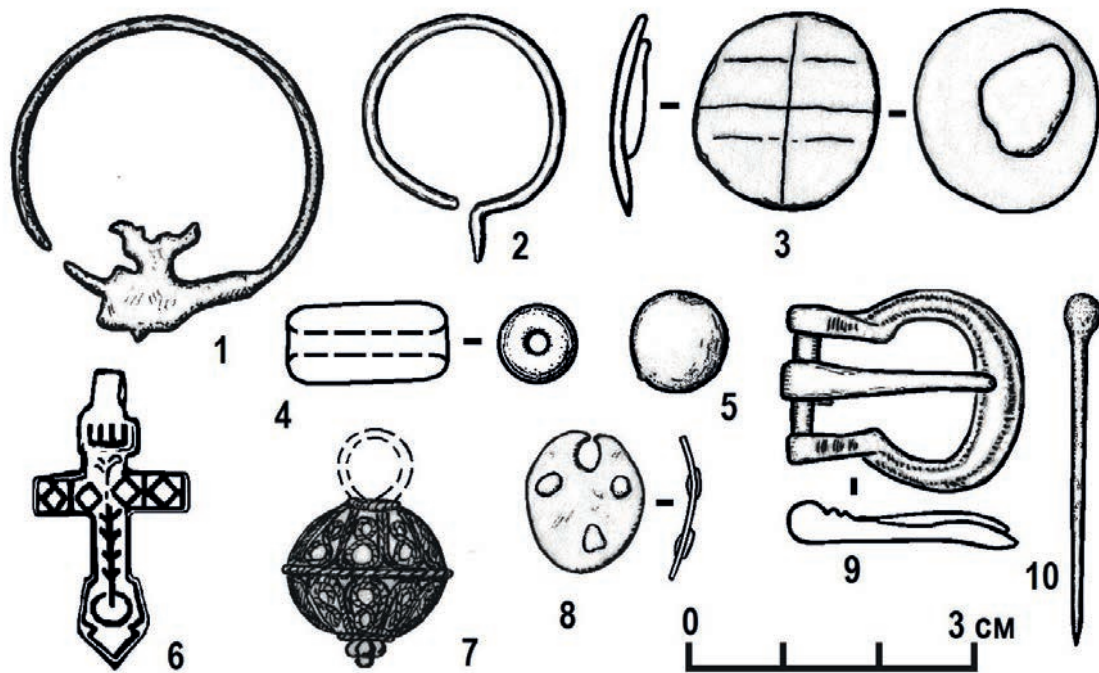
Не исключено, что упомянутые неровные ямы на дне могли быть связаны с отдельными секциями подвала, такими, как, например, ледник.

Правда, каких-либо указывающих на это дополнительных деревянных конструкций (вроде небольших срубов) здесь не сохранилось. В целом в заполнении встречались отдельные куски дерева; примечательны среди них те, на которых наблюдался переход древесного тлена в обугленные участки (следы пожара). Глина и уголь встречались в тёмно-сером заполнении подвала в виде тонких прослоек.

Среди находок, как обычно, преобладали керамические обломки, некоторые из которых позволяли восстановить форму сосуда. Посуда в данном жилище отличалась разнообразием и многочисленностью: горшки для приготовления пищи и хранения запасов (в том числе крупные корчаги), миски и чаши, кувшины, крышки, тарели (рис. 179 и 180). Большая часть керамики выполнена из серожгущейся глины, изготовлена из теста с добавками мелкой дресвы и песка, черепок на сломе трёхслойный, что соответствует местной гончарной традиции. Встречались также фрагменты белоглиняной и красноглиняной посуды, чернолощёной, краснолощёной, серолощёной, развал горшка со следами коричневого «хлебного» обвара, а также посуды, покрытой зелёной поливой – причём преимущественно в самом верхнем слое отложений (над подвалом жилища). Данное обстоятельство позволяет отнести всё это разнообразие к посуде парадной, предназначенной для подачи на стол. К ней же относится чернолощённый кувшин, собранный из развала; фрагменты мисок (чаш) также найдены в слое жилища, а не подвала (рис. 177, 1–2, 6). Обращали на себя внимание встречавшиеся фрагменты белоглиняных горшков с вертикальным венчиком, эллипсоидным краем и рифлением тонкой линией по венчику (рис. 178, 4). Керамическое тесто их без добавок дресвы (в небольшом количестве встречается песок), обжиг однослойный, равномерный. Подобная привозная посуда достаточно часто встречалась на Плёсском городище и в жилых комплексах 2 пол. XV века. В керамической коллекции данного комплекса имеются и образцы местного подражания, когда в работе использовалось тесто с добавками некрупной дресвы, отмечался трёхслойный обжиг, а при наличии орнамента линии, как и расстояние между ними, были более широкими (рис. 179, 4-5). В целом, по сравнению с более ранней посудой городища, уменьшилось количество образцов с отогну-

тым наружу венчиком, увеличилось количество вертикальных, укороченных, сложнофигурных (рис. 179).

Рис. 180. Находки с места постройки.

1 – височное кольцо; 2 – серьга; 3 – пуговица (основание для обтяжки материей); 4 – бусина; 5 – пищальная пуля; 6 – крест (оборотная сторона); 7 – пуговица; 8 – привеска; 9 – ременная пряжка; 10 – булавка.
1, 6, 8–9 – медный сплав; 2 – медный сплав, позолота; 3, 5 – серый металл; 4 – стекло; 7 – серебро; 10 – железо.

Индивидуальные находки на месте сгоревшего жилища отличались достаточно большим количеством и ценностью. В верхнем напластовании, до глубины 30 см, их не очень много, что может объясняться разбором остатков после пожара и выборкой всего ценного, что могли заметить. Но в процессе раскопок здесь найдены обломки ножей, сетевого грузила, зооморфной фигурки, а также бронзовая серьга и монета. На глубине от 30 до 40 см заслуживают внимания остатки ценной столовой посуды (особенно поливной и с ангобом). Ниже, уже в верхних слоях заполнения погребца (в основном на глубине 50–70 см), следует основной массив находок из просевших вниз остатков жилых помещений постройки.

К обычным бытовым принадлежностям относится светец с остатками закреплённой когда-то в нём лучины, дверной пробой, ножи (тонкий

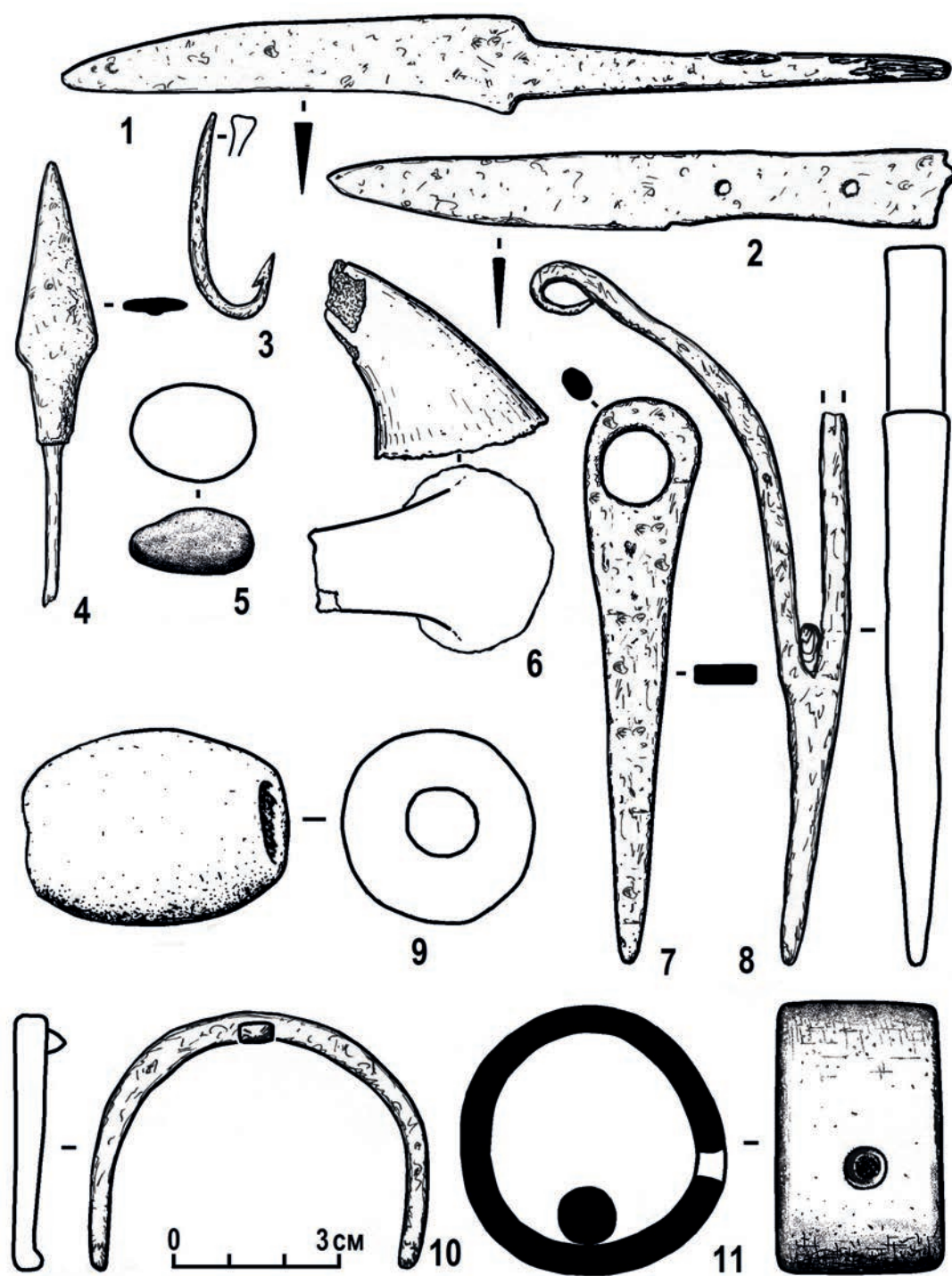

Рис. 181. Находки с места постройки.

1–2 – ножи; 3 – рыболовный крючок; 4 – наконечник стрелы;
5 – глиняная лепёшка; 6 – фрагмент зооморфной фигурки; 7 – пробой;
8 – светец; 9 – рыболовное грузило; 10 – сапожная подкова;
11 – погремушка.
1–4, 7–8, 10 – железо (1, 8 – с остатками дерева); 5–6, 9, 11 – керамика.

столовый, с пластиной-черенком для двух боковых накладок, и рабочие, целый и в обломках) (рис. 181, 1–2, 7–8).

Важны, прежде всего, для датировки комплекса, находки монет. Наилучшим к тому основанием служит упомянутый кошелёк с деньгами середины XVI века (рис. 182). Более поздних монетных находок на месте жилища (как и в целом на городище) нет. В числе других находок комплекса сабленица времени реформы Елены Глинской, денга Ивана III (рис. 183), а также редкий экземпляр с чеканом Великого Новгорода на одной стороне и Пскова на другой⁶. Последняя монета самая старая, может быть отнесена (по мнению П.Г. Гайдукова) к началу XVI в. и вряд ли оказалась в собрании данного комплекса в результате перекопа (найдена в заполнении ямы погребца). Но, как и денга «дозор», которая также древнее содержимого найденного кошелька, она ценна своим материалом (серебро), а потому, очевидно, также могла сохраняться в составе накопленных ценностей семьи.

Рис. 182. Кошелёк с деньгами в яме погребца in situ.

В том, что постройка была местом проживания семьи, красноречиво свидетельствуют находки. Кроме обломков керамических зооморфных фигурок, которые могли появляться в доме к определённому ка-

лендарному празднику, а затем намеренно разбиваться, в заполнении ямы найденная целая глиняная погремушка (рис. 181, 11). Находка в Плесе единственная, но она не уникальна. Такого рода погремушки хорошо известны в древностях русских городов и, в отличие, например, от шумящих пасхальных яиц и «шарышей», без сомнения были предназначены для детей (младенцев)⁷. Аналогичные находки известны в Коломне, Переяславле Рязанском, Владимире, Костроме⁸.

О проживании в доме женщин свидетельствуют многие находки. Позолоченная серьга в виде знака вопроса (очень распространённая форма в Плесе, как и в целом не Руси в XIV–XVI вв.) имела напускную бусину, но на месте её крепления оказалась обломанной (рис. 180, 2). Примечательно, что находка обнаружена там же, где и кошелек с монетами: у юго-западного края опечка (кв. 171–173), то есть, предположительно, между стеной и печью (рис. 176). Ценности могли находиться в сундуке, где, безусловно, хранилась одежда. В скоплении найден атрибут дорогого одеяния – серебряная сканая пуговица, а также фигурная пряжка, бронзовая овальная пластинка, похожая на элемент «чешуйчатого» украшения наподобие марийского нагрудника (рис. 180, 8). Там же найдена медная швейная игла и вышеупомянутая монета с чеканами Пскова и Новгорода. Неподалёку (кв. 171), но на большей глубине, встречена ещё одна пуговица, точнее, свинцово-оловянная дисковидная основа пуговицы, предназначенная для обтяжки нарядной тканью (рис. 180, 3); рядом и выше – крупная стеклянная бусина из состава шейного украшения. Она

*Рис. 183. Денга Ивана III
(определение П.Г. Гайдукова).
Обрезана.*

имела густой синий цвет (ближе к цвету морской волны), не была патинированной, но буквально рассыпалась при выемки из земли (следствие пожара?) (рис. 180, 4). Также неподалёку от скопления ценностей, на месте гипотетической лежанки, в слое жилища, найдена ещё одна, бронзовая серьга, а также зашлифованный рыбий позвонок со сверлиной (таковые использовали в качестве бус).

В противоположном конце ямы, к востоку от развала каменно-глиняной печи и в целом на несколько большей глубине, чем скопление у кирпично-глиняной печи, наблюдалось ещё одно скопление, где примечательным было височное кольцо редкого типа: с изображением птицы и головы хищника (рис. 180, 1). Подобных на Плёсском городище найдено три, все могут быть датированы 1 половиной – серединой XVI в. Также из найденных в подвале вещей бесспорно женской принадлежностью была железная булавка «пус йеппи», с небольшой шаровидной головкой, предназначенная для крепления головного убора; обломок такой же обнаружен выше, в развале печи (рис. 180, 10).

Примечательно то, что среди женских принадлежностей на месте дома не было найдено ни одного веретённого пряслица, которые почти всегда встречаются на месте посадских жилищ и нередко – в крепости. Из вещей, которые имеют отношение к женским рукоделиям, в нашей постройке найдена только игла, но не железная, а из цветного металла (она более дорогая, но удобнее тем, что меньше подвергается окислению). Здесь надо учесть, что даже в знатных русских семьях женщины занимались вышиванием (но не прядением); не случайно и найдена игла была там, где хранилась одежда.

В числе «мужских вещей» необходимо указать атрибуты войны, к которым в данном комплексе относятся шаровидная свинцовая пуля диаметром 1 см из заполнения подвала (не единственная из найденных в данной крепости) (рис. 180, 5), и наконечник стрелы обычной для верхних слоёв городища формы (рис. 181, 4). Столь же обычные для данного городища находки – подковы к мужским сапогам; в подвале их найдено две (рис. 181, 10). В том же заполнении подвала найдено 4 керамических грузила для сети и рыболовный крючок с расширением тыльного конца (место крепления лесы) (рис. 181, 3,9).

К числу особых находок следует отнести наперсный крест (рис. 180, б). Особенность его состоит в том, что если на лицевой стороне изображено распятие, то на оборотной – мировое древо, вырастающее из дыры в нижний мир⁹. Такими же свидетельствами двоеверия служат найденные в комплексе 3 мелких фрагмента зооморфных глиняных фигурок, а также, возможно, глиняная лепёшечка («хлебец»?) (рис. 181, 5–6). Примечательной находкой, наконец, стал найденный в подвале лошадиный череп. Он лежал в перевернутом виде в непосредственной близости от вышеупомянутого кошелька с монетами и металлических деталей одежды (рис. 176). Череп мог крепиться к коньку крыши, однако на нём нет следов воздействия огня. Мог быть положен в основание постройки как строительная жертва. Известно и то, что предметы, семантически связанные с небесной сферой, хранились в доме в качестве оберега (в Плесе в таком качестве отмечены каменные топоры, «громовые стрелы»).

Таким образом, комплекс представлял собой остатки богатого дома, в котором, с большой вероятностью, с 1550 г. проживала семья наместника Великого московского князя А.В. Нагаева-Ромодановского¹⁰. Дом стоял на высоком подклете с обширным углублением, где выполнялись некоторые хозяйственные работы, был подвал и, возможно, ледник. Ширина жилища составляла около 6 м, длина несколько превосходила ширину. Узнать точнее не позволила степень сохранности сруба, а также параметры раскопа (северная часть комплекса выходила за его пределы). Основной, верхний жилой уровень дома обогревался большой кирпично-глиняной печью на деревянном срубном опечке. Между печью и юго-восточной стеной располагалась лежанка. Дневной свет проникал через слюдяные окна северо-восточной стены. На нижнем уровне (под жильём хозяев) размещалась ещё одна, каменно-глиняная печь, пригодная для приготовления пищи и, при необходимости, обогрева погреба. Здесь могла жить прислуга, храниться хозяйственные принадлежности и продуктовые запасы.

---

¹ См. статью в данном сборнике: Скопление монет XVI века из Плесской крепости.

² Автор благодарит научного сотрудника лаборатории керамики Института археологии РАН Ю.Б. Цетлина за неоднократные консультации по материалам раскопок в Плесе.

³ Седова М.В. Суздаль... С.68.

⁴ Домострой. С.154. Древние российские стихотворения, собранные Кириеем Даниловым. М., 1938. С. 18.

⁵ Домострой. Там же.

⁶ См. статью в данном сборнике: Некоторые особенности денежного обращения на «казанской украине».

⁷ Травкин П.Н. Средневековые «детские игрушки» и финский эпос. // Борисовский сборник. Шуя, 2016. Вып. 7. С. 3–6.

⁸ Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка... Рис. 8.

⁹ Травкин П.Н. Язычество... С. 62.

¹⁰ Зимин А.А. Наместническое управление в Русском государстве.

Жилище осадного двора

В ходе археологических исследований Плесской крепости в раскопе многократно встречались следы жилых построек последнего этапа функционирования цитадели (конец XV – середина XVI вв.). Не имея разительных отличий в основном вещевом материале, жилища, между тем, могли иметь отличия в конструкции и обустройстве.

Вполне естественно, что степень сохранности комплексов в раскопе тоже была разной. Задача изучения отдельных жилищ усложнялась, например, отсутствием фундаментов у срубных построек. При этом далеко не всегда в раскопе сохранялись остатки брёвен, и на наличие жилого комплекса указывали развал печи и подпечная яма (обычно с достаточно многочисленным количеством находок). Представляемый нами комплекс из раскопа 1996 года тем и интересен, что он сохранил, в остатках, многие свои компоненты.

Раскоп (как и иные, примыкавшие к нему раскопы других годов), был расположен в северной, мысовой части Соборной горы. Как уже ранее неоднократно подчёркивалось, со второй половины XVI столетия данная часть территории цитадели не застраивалась. А потому не удивительно, что остатки постройки начали прослеживаться буквально сразу

после снятия дёрна, а при зачистке на глубине 20 см от современной поверхности выявился контур жилища (рис. 184).

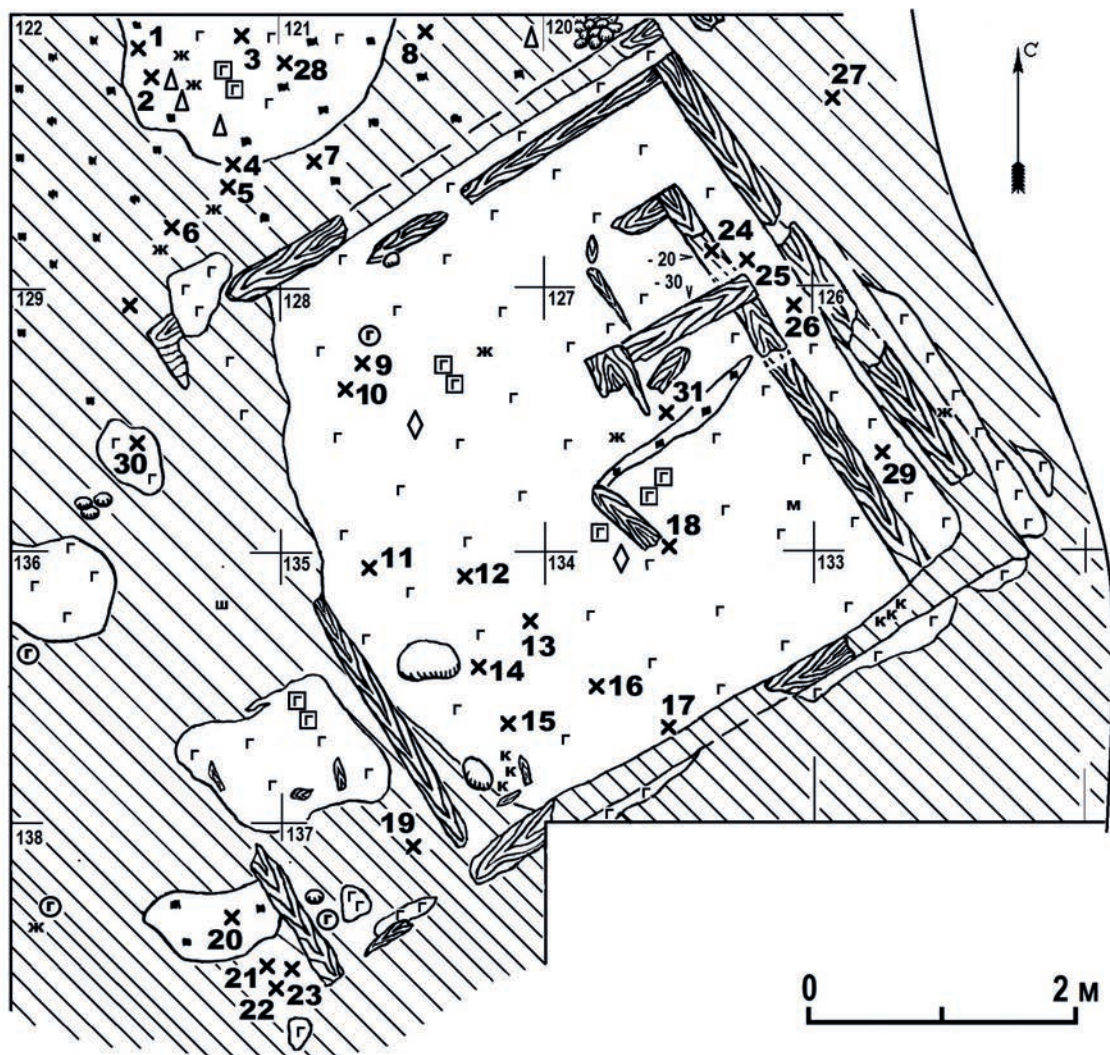
Постройка имела форму квадрата со стороной 4,7 м. Ориентирована углами по сторонам света, с отклонением около 15 градусов по часовой стрелке. Рублена «в лапу», из брёвен диаметром 0,2–0,23 м. Вход в постройку осуществлялся у южного угла, с юго-западной стороны. На это указывают сохранившиеся – также частично в виде древесного тлена – остатки входного тамбура (сений), размером 2 x 1,3 м. Сени тоже были сложены «в лапу», из брёвен той же толщины, что и жилая клеть. Следы фундамента либо какие-то опоры сруба (в виде камней или плах под нижним венцом) отсутствовали. Вероятно, сруб был поставлен непосредственно на землю, что для строительных традиций данной территории не является исключением.

Внутри контура постройки сохранились следы отдельных брёвен и некоторых бревенчатых конструкций. Параллельно северно-западной стене, в 15–20 см от неё, выявлен древесный тлен от бревна диаметром около 18 см (кв. 120–121). Не исключено, что данное бревно служило одной из переводин-опор несохранившегося деревянного пола жилища.

Более толстые (до 30 см) брёвна или брусья представляли собой остатки конструкции, шедшей параллельно северо-восточной стенке, с отступом от неё на 0,4 м. Конструкция одним концом упиралась в юго-восточную стену дома, а до противоположной ей стены не доходила 1 м. Здесь наблюдался прямой угол из остатков двух брёвен (брусьев?), соединённых «в лапу» (кв. 120). Несколько лучше сохранился другой фрагмент соединения брёвен конструкции, примерно в полуметре юго-восточнее вышеупомянутой: так же «в лапу», здесь соединялись в два угла более широкие полосы сохранившегося древесного тлена (кв. 127). Они позволили судить о ширине всей большой конструкции, представлявшей собой основание печи (опечек): 1,8 м. Они же, вероятно, фиксировали и край опечка, протянувшегося от юго-восточной стенки на длину 2,3 м. Надо заметить, что их остатки были прослежены на 0,1 м глубже вышеупомянутого, расположенного в полуметре углового соединения в кв. 120. Данный факт может объясняться тем, что в данном месте располагалась более древняя материковая яма; по

мере уплотнения её заполнения остатки нашей конструкции постепенно «проседали».

Сама печь могла быть внушительным сооружением, но не во всю длину прослеженной нами конструкции. Нижний венец (опора) мог выходить за пределы сруба опечка и служить опорой для настила пола

Находки: 1 - монета (пуло); 2 - обломок ножа; 3 - то же; 4 - монета (пуло); 5 - обломок ножа; 6 - наконечник стрелы; 7 - обломок иглы; 8 - нож; 9 - то же; 10 - керамический шарик; 11 - монета (денга); 12 - нож; 13 - сапожная подкова; 14 - обломок зооморфной фигурки; 15 - медная пластина; 16 - сапожная подкова; 17 - обломок рукояти ножа; 18 - обломок замка; 19 - обломок шпоры; 20 - нож; 21 - то же; 22 - обломок лезвия (косы?); 23 - медная пластина; 24 - обломок зооморфной фигурки; 25 - сапожная подкова; 26 - то же; 27 - перстень-печатка; 28 - ключ; 29 - наконечник стрелы; 30 - обломок мудштука конских удил; 31 - составная часть бубенца

Рис. 184. Остатки постройки на глубине 20 см от современной поверхности.

в пространстве между жерлом печи и находящейся напротив жерла юго-восточной стеной дома.

Остатки печи представляли собой мощный слой глины, заполнившей и контур жилища, и сени, и большую яму домашнего погреба. У восточного угла пласт глины выходил и за пределы постройки (что дополнительно уточняет место расположения печи). Остатки печи, наконец, по мере разрушения жилища заполняли углубления на поверхности земли в непосредственной близости от него. Так, в кв. 121–122 остатки, связанные с постройкой, по мере разборки культурного слоя, дальше прослеживались на месте обнаруженной на данном участке ямы домонгольского святилища, заполнение которого продолжало уплотняться и проседать в течение всех веков функционирования крепости.

Мощность пласта остатков печи в пределах жилища в среднем составляла 20–30 см. Остатки были неоднородными. Наибольшая концентрация обожженной глины (крупные и мелкие фрагменты) приходилась на центральную часть постройки, куда, видимо, и рухнула печь. От её основного массива дождевые и талые воды вымывали в разные стороны глину в основном необожжённую. У краёв разрушенной постройки, с внутренней стороны, необожженная как раз и преобладала.

Кроме того, среди остатков печи встречались обломки кирпичей. Наиболее крупные фрагменты сохранились в заполнении погреба; другие, оставшиеся на поверхности и легкодоступные, могли быть выбраны для вторичного использования после окончательного разрушения жилища. Судя по сохранившимся фрагментам, кирпич имел слабый обжиг, размеры его составляли в среднем 6 x 14 x 22 см. Похожие размеры имели кирпичи, которые использовали в это же время для сооружения печей в Москве (раскоп в районе совр. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина)¹.

Соотношение остатков печи указывают, что из кирпича могла быть сложена только внутренняя часть истопки или даже только её под. Сильное термовоздействие испытывали также какие-то глинобитные поверхности, оставившие после себя обожженные конгломераты. Из кирпича же должна была быть сложена нижняя часть трубы, обеспечивающая вывод дыма непосредственно из жилого помещения. Продол-

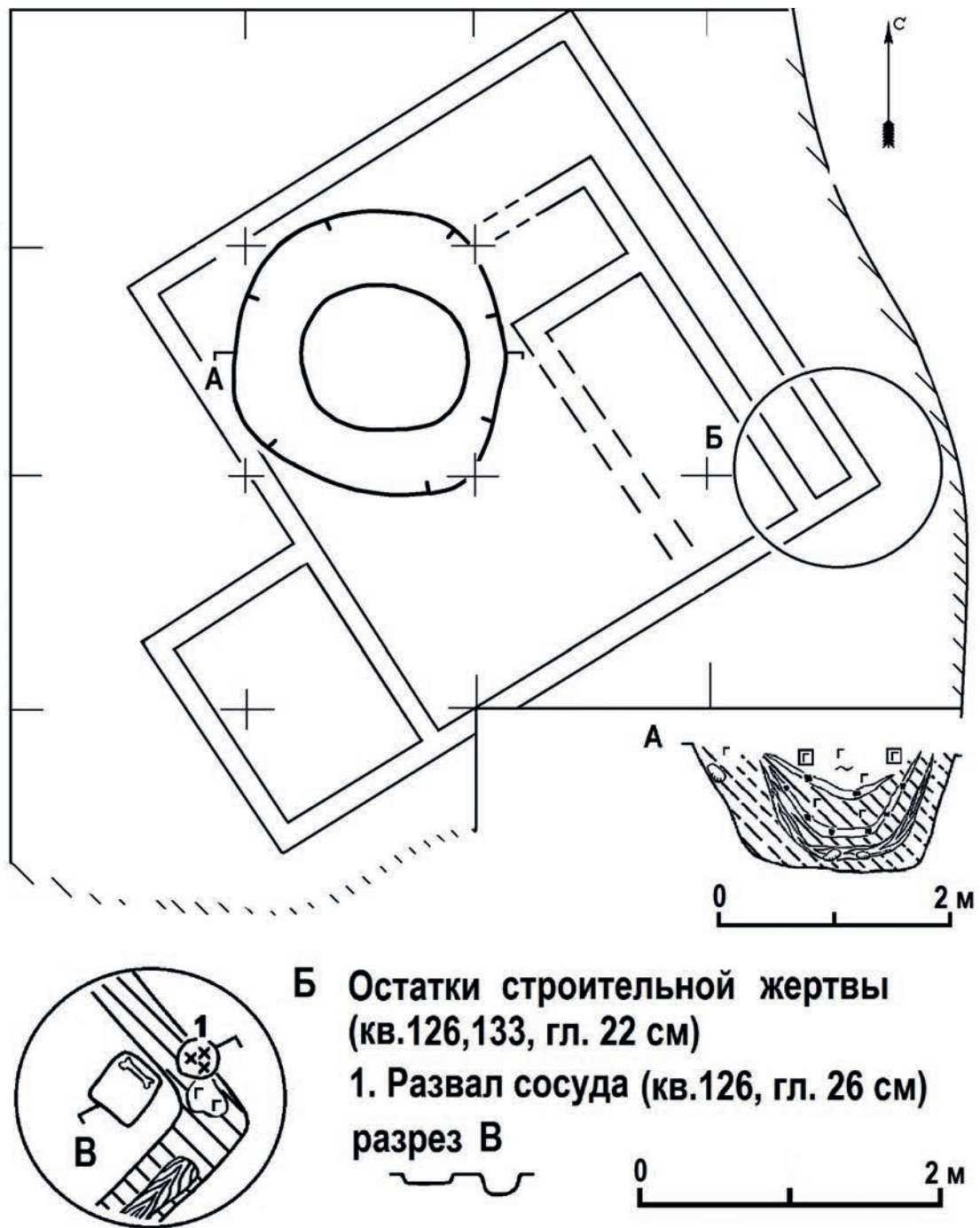

Рис. 185.

жением трубы на чердаке мог служить дымник – деревянная труба (или прямоугольный в сечении высокий короб) для вывода дыма вверх, над крышей дома, и для обеспечения хорошей тяги. Подобные дымники известны по письменным и изобразительным источникам².

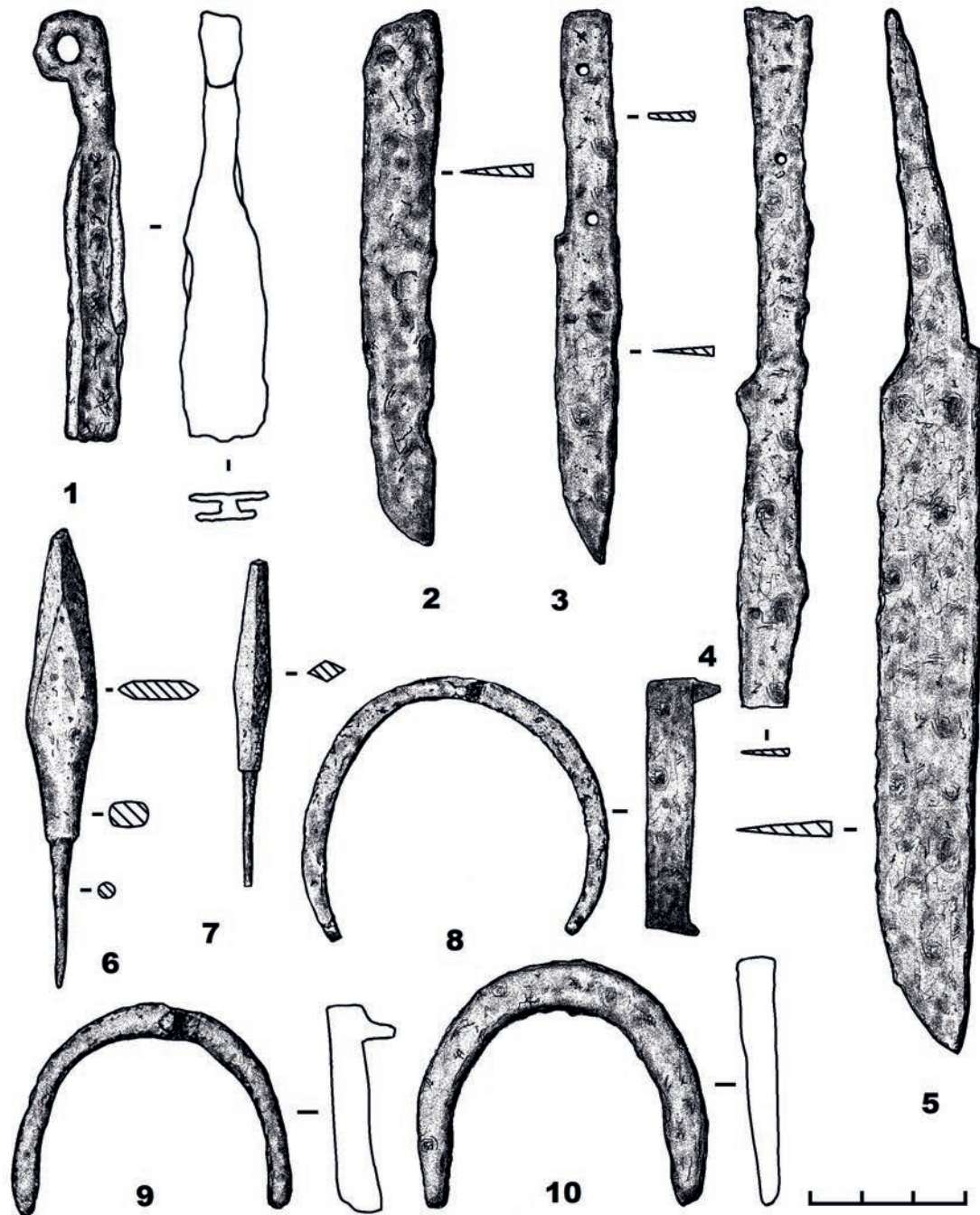

В любом случае, использование кирпича свидетельствует о достатке хозяина и о том, что данная (довольно просторная и при этом тёплая) постройка не была «чёрной» избой. На богатство хозяина указывают и остатки косячатого слюдяного окна в доме. Окно располагалось на северо-западной стене, в непосредственной близости от которой, с внешней стороны, были отмечены в раскопе многочисленные мелкие фрагменты слюды.

В западной части дома под полом располагался погреб (рис. 185). Его юго-западный и северо-западный край доходили точно до соответствующих стен постройки, восточный – до опечка. Округлая форма начала выявляться на глубине 40 см. Здесь же (а далее и в вертикальном разрезе) стало заметно, что погреб прорезает располагавшуюся к востоку от него более древнюю яму, куда, в результате проседания рыхлого заполнения также частично попали остатки разрушившейся в жилище печи.

Горизонтальный контур погреба был в форме неправильного овала и на гл. 40 см имел размеры 2,4 x 2,6 м. Глубина его ямы от уровня материка составляла 1,2 м, а расстояние от дна до пола жилища могла быть не менее 2 м. Дно было ровным, стенки отвесными. Вертикальный разрез позволяет понять, что в выкопанную яму был опущен (либо сооружен внутри, но без вкопанных опорных столбов и привязке к стенкам) какой-то деревянный (бревенчатый?) короб, от которого остался древесный тлен толщиной до 12 см (рис. 185, *разрез «А»*). Под тленом дна короба встречено несколько валунных камней размером от 10 до 20 см. Ниже короба и с внешних его сторон произведена засыпка перемешанным (материковый суглинок с гумусом) слоем. Внутри же в разрезе чётко обозначались две углистые прослойки. Нижняя, возможно, была крышкой короба-ледника, а верхняя представляла собой остатки пола жилища. Над верхней шёл мощный слой печины, с фрагментами кирпичей, угольками и золой. находки невыразительны: разрозненные обломки керамики, неопределимые железные фрагменты, пара кремневых кремней и скоба (возможно, крепление деревянной конструкции ледника или ручка от деревянной крышки люка).

В том, что погреб представлял собой именно ледник, свидетельствует его конструкция. Лёд с реки привозился весной и укладывался слоем

*Рис. 186. Железные изделия.
1 – ключ; 2–5 – ножи; 6–7 – наконечники стрел;
8–10 – сапожные подковы.*

определённой толщины в деревянный короб. Внешняя и нижняя рыхлая земляная засыпка служила дренажным слоем – для воды от постепенно тающего летом льда. Скоропортящиеся продукты хранились на льду, накрытые сверху слоем соломы. Деревянная крышка сверху усиливала эффект термоса. Похожий способ хранения продуктов на запасенном с

весны льду известен по «Домострою», он же использовался в Плесе и в советское время, вплоть до появления больших морозильных камер.

Значительную долю находок в пределах жилища и в непосредственной близости от него составляют принадлежности мужчины-воина. В доме, за печью, а также снаружи, около западного угла, найдены 2 железных наконечника стрел; оба утолщённые, с расчетом на пробивание металлического доспеха (рис. 186, 6–7). У входа в дом и в сенях обнаружены фрагменты конских удил и шпоры (плохой сохранности), а в доме фрагмент бубенца от конской упряжи (рис. 4, 11). Из трёх сапожных подков (примерно одинакового размера) две найдены за печью, близко одна к другой (от не сохранившейся с моменту раскопок пары сапог?) (рис. 186, 8–10). К этому же археологическому комплексу, с некоторой осторожностью, можно отнести и литое изделие из цветного металла, возможно, наконечник мужского пояса (рис. 187, 9). Предмет был найден на месте жилища, под слоем пачины, на глубине 39 см, в более ранней яме. На данной глубине в заполнении ямы весьма ощутимо было присутствие глины – возможно, пачины из нашей постройки, просевшей в рыхлое заполнение. Таким же образом там могла оказаться и данная находка. Характер оформления находки сближает её с изображением водяного дракона («зверя коркодила»), что не противоречит семантике свисающего кончика мужского поясного ремня³.

Интересной находкой (вне контуров постройки, но в непосредственной близости и на той же глубине) является и крупный мужской перстень (печатка) с весьма распространённым в эпоху средневековья изображением человеческой руки (рис. 187, 1). Подобные изображения на перстнях известны преимущественно в северо-западных землях (более всего – в Новгороде), хотя встречены также в Москве, Ростиславле Рязанском, Городце, Твери, на Белоозере и даже на территории бывшей Волжской Болгарии (2 экз.). О.М. Олейников обозначает их как хронологический маркер XIV века, что может поставить под сомнение непосредственную связь плёского экземпляра с более поздним временем и с конкретным рассматриваемым жилищем⁴. Но здесь следует учесть возможность долгого использования «старинной вещи» (не единичный случай), а также известную консервативность провинции: обратим вни-

мание, что изображение не отлито вместе с перстнем (как на подавляющем большинстве таких находок), а выгравировано на чистой поверхности, и весьма условно.

Из найденных на месте жилища ножей два не обычные рабочие, они относятся к столовым приборам (рис. 186, 3–4). В плёсской крепости, на месте осадных дворов, подобные не редкость. Некоторые из них сохранили клейма, что связывает их с западноевропейскими мастерскими (рис. 129).

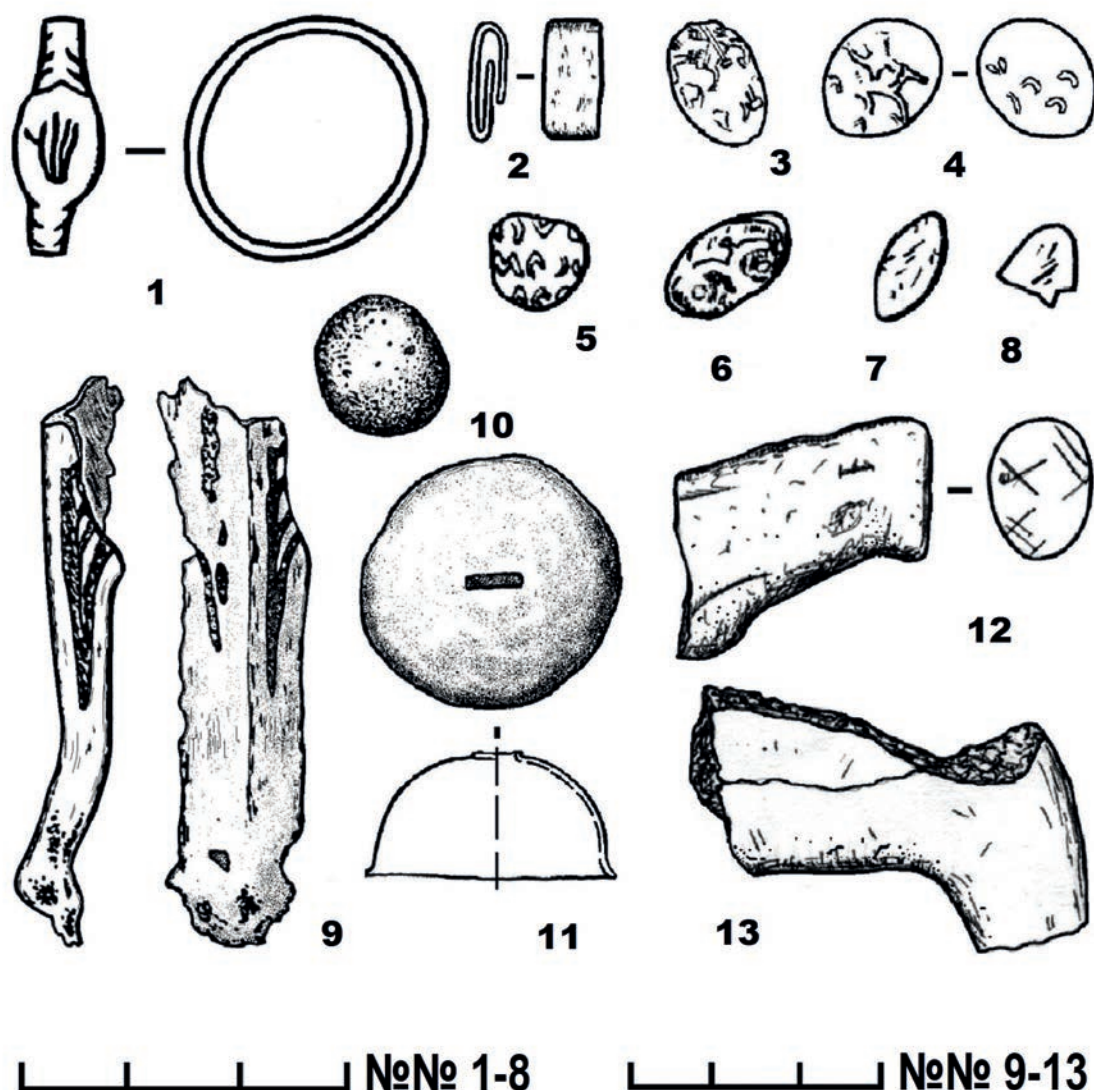
Среди керамических обломков данного археологического комплекса следует отметить существенную долю белоглиняной и красноглиняной посуды. Она относительно дорогая и предназначена больше не для приготовления пищи, а для подачи на стол.

Обращает на себя внимание полное отсутствие среди находок тех предметов, что непосредственно указывали бы на проживание в доме женщин (пряслиц, элементов женского костюма и т.п.). Сохранившийся обломок иголки в равной мере можно отнести и к предметам женских рукоделий, и к числу походных ремонтных принадлежностей мужчины-воина. Второе в данном случае логичнее – на фоне других найденных «мужских вещей».

Из общего контекста находок данного комплекса, казалось бы, выпадают и найденные здесь фрагменты глиняных зооморфных фигурок – голова лошади (оформление – в старой северной традиции) и нога с частью туловища какого-то животного (рис. 187, 12–13). Традиционно в археологической литературе их принято называть детскими игрушками. Но как раз общий военный контекст рассматриваемого комплекса из плёсской крепости лишний раз заставляет взглянуть на данные предметы не как на игрушки, а как на ритуальные принадлежности древних дохристианских обрядов. Нам уже приходилось не раз писать о довольно позднем утверждении официального христианства в данном регионе. Нет смысла приводить и тот обширный перечень опубликованных исследований, которые наглядно демонстрируют картину «двоеверия» на протяжении всей истории «православной Руси». Не чуралась древней обрядности и воинское сословие, и даже высшие слои общества.

В этой же связи следует рассматривать и неприметный глиняный шарик из слоя жилища. Слеплен он не очень аккуратно, но специально прошёл обжиг перед использованием (рис. 187, 10). Подобные шарики, крупные и мелкие, ремесленного производства и домашнего изготовления, поливные орнаментированные или наспех слепленные из куска простой глины, широко известны в верхневолжском регионе и за его пределами. Они непосредственно связаны с древним мифом финских народов о сотворении мира из комочка глины (кусочка донного ила),

Рис. 187. Находки из жилища.

1 – перстень; 2 – пластина (обоймица?); 3–8 – монеты;

9 – наконечник ремня; 10 – шарик («шарыш»);

11 – составная часть бубенца; 12 – фрагменты зооморфных поделок.

1–2, 4–9, 11 – медь и медный сплав; 3 – серебро; 10, 12–13 – керамика.

который вынесла наверх нырнувшая в океан водоплавающая птица. Наряду с керамическими же моделями яиц, шарики («шарыши») широко использовались в средневековой русской обрядовой практике – прежде всего, в весенней календарной обрядности.

О приверженности хозяина жилища древним ритуалам свидетельствует и строительная жертва. Остатки ритуала прослежены под восточным углом постройки (рис. 185). После снятия остатков древесного тлена нижнего венца сруба (рубеж кв. 126 и 133) на глубине 22 см нами были выявлены контуры двух ямок. Округлая ямка с плохо читаемыми краями имела диаметр около 25 см, располагалась под бревном и немного выходила наружу, за пределы постройки. В ямке найден развал сосуда. Вторая ямка имела квадратную форму со стороной 35 см и глубину 10 см. На её ровном дне лежала целая кость конечности крупного жвачного животного. Ямки располагались одна напротив другой, снаружи и внутри постройки.

Это не первая строительная жертва, прослеженная в плёсской крепости. В данном случае можно заключить, что приношение было совершено, когда уже был поставлен сруб, но ещё не настлан пол. «Дар» внутри дома был положен в мелкую ямку, присыпан землёй и закрыт досками пола; так он оказался в «нижнем мире» (божественным силам которого и был адресован). Круглая ямка появилась в результате наружного подкопа под нижнее бревно; туда положили сосуд с содержимым, после чего ямку закопали.

Датировка постройки может быть достаточно точной, чему способствовали находки монет внутри постройки и в непосредственной близости от неё на глубине до 30 см (рис. 184; 3–8). Медные монеты представляли собой пулы к. XV – н. XVI вв. Они были найдены (вместе с остатками оконной слюды) в непосредственной близости от северо-восточной стены дома, снаружи. Их внешний вид (монеты обрезаны) отражает финансовый кризис времён правления Василия III. Серебряная денга из жилища датируется временем денежной реформы Елены Глинской⁵.

Таким образом, дом мог быть построен в 1 пол. XVI в. и ещё был обитаем в середине столетия, когда для Российского государства рез-

---

ко возросла потребность в наличии крепостей на «казанской украине». Плёсская крепость как раз и относится к таковым. Наряду с шуйской, она служила местом сбора русской рати «казанских людей для приходу», то есть в канун вероятного нашествия войск казанских татар⁶. И подобно тому, как это делалось повсеместно, внутри плёсской цитадели оборудовались места для размещения ратников (в специальных жилых клетях крепостной стены) и имелись осадные дворы, принадлежавшие отдельным дворянским фамилиям (по старому принципу: «А городная осада, где кто живёт, тому туто и сести»)⁷. С одним из таких дворов мы и склонны связывать обнаруженную нами постройку.

Обитатель её – достаточно богатый воин, представитель знати, на что указывают и остатки воинского снаряжения, и потерянный перстень-печать, и особые столовые принадлежности. В доме было всё, что необходимо для временного проживания дворянина. Жилище было просторным, чистым, светлым. Тепло обеспечивала большая «белая» печь у северо-восточной стены жилища. Жерло печи располагалась, вероятно, с восточной стороны (точные данные отсутствуют). В таком случае у северного угла к печи могла примыкать тёплая лежанка (возможно, след деревянной конструкции в кв. 122 – это остатки её опоры). В другом варианте – жерло смотрело в противоположную сторону. И тогда удобным местом для тёплой ночёвки могли служить полатья, (начинавшиеся над входом в жилище и тянувшиеся к противоположной стене, над печью), а также кровать или лежанка, примыкавшие к печи с юго-запада. Недалеко от окна, со стороны западного угла, размещался стол. Вдоль стен около стола – лавки. А к северо-востоку от стола, рядом с опечком, мог быть устроен люк в полу – вход в подпол, к леднику, где хранился запас скоропортящихся пищевых продуктов и напитков).

В археологическом комплексе ничто не указывает на пожар как причину прекращения функционирования жилища. Наоборот, создаётся впечатление, что дом «умирал своей смертью» в запустении, сначала даже под охраной «дворников». Постепенно размывалась дождями, и наконец рухнула, печь (стены дома ещё были целы, а крыша совершенно обветшала). К тому моменту, когда сгнил пол и в ледник ссыпались остатки печи (глина и часть кирпичей), мало-мальски ценная посуда из

подполья была вынута, и нижняя часть ледника уже частично заплыла грязью⁸. Никто не воспользовался ценной слюдой из окна: рама была, вероятно, раздавлена при деформации ветшавшего сруба.

На сохранившихся частях сруба и опечка отсутствуют следы горения. В этом отношении остатки дома напоминают прослеженные в раскопе 1990 года остатки башни последней плёсской крепости⁹. Она тоже разрушилась от ветхости, за ненадобностью, поскольку с победой над Казанью потребность в крепостях как опорных пунктах на «казанской украине» отпала. В следующем, XVII веке Плёс уже числился не как город, а как посад¹⁰. И в соседних с ним городах наблюдалась похожая картина. В Шуе к 1628 году ещё числились осадные дворы (в основном пустые), но уже «в осыпи, что был город»¹¹. Лухская опись 1658 года свидетельствует, что «город в Луху пуст из давних лет, стены з башни обвалились»¹². Письменные свидетельства о хозяине исследованного жилища плёсского осадного двора до нас не дошли¹³.

---

¹ Векслер А.В., Осипов Д.О. Дворовые печи-поварни (по материалам археологических раскопок в Москве). // *Археологически памятники Москвы и Подмосковья*. М., 1996. Вып. 9. С. 19–23.

² Борисов В.А. *Собрание трудов...* Том 2. С. 151.

³ Травкин П.Н. *Язычество...* С. 132–141. Рис. 80.

⁴ Рабинович М.Г. *Культурный слой центральных районов Москвы*. // *Древности московского кремля*. М., 1971. С. 76. Савельева Э.А. *Вымские мо-*

гильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 126. Олейников О.М. Перстни с изображением руки. // КСИА. М., 2021. Вып. 264. С. 270–289.

⁵ Определение П.Г. Гайдукова.

⁶ Травкин П.Н. Плѣс и Плѣсская волость в XV–XVI вв. // Иваново-Вознесенский край: история и современность. Материалы II областной краеведческой конференции. Иваново, 1992. С. 22–23.

⁷ Духовные и договорные грамоты... С. 257.

⁸ Большая часть других плѣсских погребов в раскопах изобилует керамикой, засыпанной при пожаре и обрушении жилища.

⁹ Травкин П.Н. Плѣсская крепость 1410 года. // Плѣсский сборник. Плѣс, 1993. Выпуск 1.

¹⁰ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1987. С. 286.

¹¹ Якушкин Г.Р. Обзор документов РГАДА по истории города Шуи и Шуйского уезда XV–XVII веков. // Борисовский сборник. Шуя, 2011. Вып.2. С. 17.

¹² Памятники деловой письменности XVII века. М., 1984. С.147.

¹³ Первая публикация статьи осуществлена в сборнике: Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 2015. Выпуск IV. Публикуется повторно, с дополнениями.

Скопление монет XVI века из Плёсской крепости

В ходе раскопок Плёсской крепости в 1998 году было найдено скопление русских средневековых монет общим числом 432 экземпляра. Скопление обнаружено в культурных напластованиях XVI столетия в заполнении обширного подвала, в который во время пожара рухнули остатки сгоревшего дома.

Дом, судя по всему, был местом жизни богатого человека. В нём имелась кирпичная печь, «косячатые» слюдяные окна. В слое пожара обнаружены остатки сундука с одеждой, от которой сохранились медные и позолоченные детали головного убора, фигурная пряжка, серебряная сканая и медная пуговицы. Найден, кроме того, нательный крест, сапожные подковы, пряжка от широкого ремня, наконечники стрел, разнообразная домашняя утварь, отдельные монеты Ивана IV, Василия III, а также денга с изображением св. князя Довмонта (покровителя Пскова) на одной стороне и печатью Великого Новгорода на другой.

Судя по взаиморасположению найденных вещей в культурном слое, упомянутое скопление монет к началу пожара как будто бы находилось на дне сундука, под хранящейся в нём одеждой. Скопление было очень

компактным. Монеты плотно прилегали одна к другой, образуя яйцевидную кучку, как могло быть при из нахождении в ёмкости типа мешочка (рис. 188). От ёмкости сохранилась микроскопической толщины плёнка чёрного цвета. Это был след скорее ткани, чем кожи. К тому же отсутствовали и какие-либо металлические украшения, обычно имевшиеся на средневековых кожаных кошельках, принадлежавших состоятельным людям.

Рис. 188. Момент расчистки найденного скопления монет.

Все найденные монеты относятся к времени правления Ивана IV Васильевича. 150 из них имеют изображения всадника с копьём, 282

– всадника с саблей. Полушек нет. Имеются «мечевые копейки» с изображением всадника с саблей, но двойного, относительно денги-сабленицы, веса. На копейках под конём встречаются буквы и буквенные сочетания: ФС, ПС, ГР, ІВЯ, А, АЛ. На некоторых денгах после легенды – буквенное сочетание: ПСК.

Самые ранние копейки из скопления отчеканены непосредственно в ходе реформы Елены Глинской. Они несут изображение всадника без бороды и без короны (венца), на их оборотной стороне надпись: «КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ». Встречаются, однако, и копейки более поздние, с изображением бородатого всадника с трёхчастным венцом (короной) и уже с титулом «ЦАРЬ»; они отчеканены после коронации Ивана IV на царство (1547 г.). Но в скоплении совершенно отсутствуют монеты с всадником в пятилучевой короне. Такие изображения появились на монетах после утверждения в 1561 г. константинопольским патриархом акта венчания Ивана IV на царство. Следовательно, пожар, в результате которого сгорел дом с хранившейся в нём крупной денежной суммой, случился между 1547 и 1561 гг. (рис. 189).

Рис. 189. Монеты из скопления.

Необходимо отметить, что найденное скопление не содержит ни одной обрезанной монеты, хотя таковые среди находок в Плесской крепости не редки. Нет в нём и монет «посторонних», не связанных с временем правления Ивана IV, хотя в слое данного жилого комплекса они встречались. Подобные обстоятельства исключают возможность рассмотрения нашей находки как чьего-то личного накопления. Богатый дом, в котором обнаружены деньги, по ряду признаков мог быть местом проживания плесского наместника московского государя (около года, начиная с апреля 1550 г., им был Андрей Нагаев-Ромодановский). Можно предположить, учитывая всё вышесказанное, что оставленный в сгоревшем доме мешочек содержал казённые деньги, присланные из Москвы, из великокняжеской казны, для нужд плесского гарнизона¹.

---

¹ *Статья впервые опубликована в сборнике: Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1999. Дополнена иллюстрациями.*

Некоторые особенности денежного обращения на «казанской украине»

Во время раскопок на территории Плёсской крепости практически ежегодно среди находок встречались монеты конца XIV – середины XVI веков. Данный период для региона ознаменовался тем, что и Плёс, и близлежащие малые города (Шуя, Лух, Солдога, Кинешма, Юрьевец) играли роль пограничных крепостей, а сам регион носил красноречивое для средневековья название «казанская украина». Назывался регион так потому, что здесь была окраина русского государства со стороны Казанского ханства.

Вряд ли, в связи с этим, стоит удивляться каким-то новым сообщениям о находках татарских монет на территории Ивановской, Владимирской, Костромской и даже Ярославской областей. Не стал исключением и Плёс. Такие деньги, с восточными надписями на обеих сторонах, нами во время проведения раскопок Плёсской крепости найдены трижды (рис. 190).

Рис. 190. Восточная монета из раскопа на Плёсском городище.

(XV век). Монета была обнаружена в подвале жилого дома, где часть керамического материала относилась к видоизменённым «курганным» формам, более характерным на данном памятнике для комплексов XIV в., но наряду с этим есть и посуда более поздняя, сероглиняная XV в.. Стратиграфия увязывает находку с началом существования новой крепости в 1410 году (рис. 191).

Рис. 191. Русское подражание золотоордынской монете.

Одна из найденных нами монет особо примечательна. П.Г. Гайдуков, изучив её, пришёл к выводу, что монета является не отчеканенной на Востоке денгой, а русским подражанием золотоордынской монете, или, иными словами, подделкой, хотя изготовлена она была, как и оригиналы такого рода, из серебра¹. Представляется возможным сузить предварительную датировку

В Плесе, однако, встречались и подделки монет русских государств. По-своему оригинален экземпляр, который нельзя определённо связать с каким-то конкретным княжеством. На одной стороне хорошо различим известный по псковским монетам лик князя Довмонта, святого покровителя Псковской республики (чекан до 1510 года). На другой можно увидеть символы соседнего государства: Господина великого Новгорода (чекан до 1478 г.). Вес серебра 0,44 гр., монета также изучена П.Г. Гай-

дуковым, а найдена в комплексе жилища 50-х годов XVI века (раскоп 1998 года, «дом Нагаева-Ромодановского») (рис. 192).

К числу загадочных находок Плесского городища можно отнести и монету с почти одинаковыми изображениями на обеих сторонах. По мнению П.Г. Гайдукова, изделие не является собственно монетой какого-либо русского княжества и представляет собой подделку ориентировочно XV столетия. На похожих штемпелях изображена человеческая фигура с луком в руке, в круговой надписи, из которой читается только: «печатьов» на одном штемпеле и «печатов» на другом. При этом заметим, что подделка под московскую денгу была изготовлена из полноценного денежного материала – серебра. Вес её составлял 0,37 гр. Датировка подтверждается и даже сужается обстоятельствами находки: монета найдена в погребке 2 пол. XV в. (кв. 151 раскопа 1998 г.) (рис. 193).

В целом среди монет из плесской крепости применительно к XV веку наблюдается заметная пестрота. Кроме вышеупомянутых, а также монет Московского княжества (в целом доминирующих), здесь найдена и денга, отчеканенная, возможно, суздальско-нижегородскими князьями, а также медные пулы (чекан неразборчив). Пестрота могла касаться и всей «казанской украине», в том числе г. Шуи. Здесь около десяти лет назад при производстве земляных работ была случайно найдена монета, отчеканенная в Новгороде до 1478 года (рис. 194)².

Рис. 192. Монета с новгородским и псковским чеканом.

Рис. 193. Поддельная монета.

Рис. 194. Шуйская находка.

В чём причина такого монетного разнообразия и использования в открытом обороте откровенных подделок? Да в том, что, во-первых, речь идёт об окраине московского княжества, и, таким образом, центры чеканки московских денег ещё не могли обеспечить официальной монетой государственную периферию. А во-вторых, при отсутствии полной денежной унификации на пространстве всех русских государственных образований, это, по большому счёту, и не так важ-

но. Пока ещё монета какого-то одного правителя – это, скорее, вопрос не экономики, а имиджа, авторитета правителя.

Конечно, те же московские князья пытались побыстрее уничтожить провинциальные вольности и предпринимали усилия по обеспечению своих территорий своей же монетой. Замечательным свидетельством такой деятельности стало недавнее выделение образцов монет, отчеканенных недалеко от Плёса, в городе Лухе (рис. 195). Судя по географии находок, этот новый и временный локальный монетный центр призван был обеспечить деньгами с символикой Василия I Дмитриевича московские окраинные великокняжеские земли со стороны Нижегородского княжества. Монеты чеканились в период достижения наивысшего могущества Василия, почти сразу после возведения новой крепости в Плесе в 1410 г. Средний их вес (0,69 г.) укладывался в московскую норму того времени³.

Попытки полного обеспечения своих земель предпринимал и Василий Тёмный. А вес своей монеты ориентировали на новгородские деньги, которые десятилетиями были по весу стабильными⁴. Но поскольку окраины княжества всё-таки не были в полной мере обеспечены нужным количеством княжеской монеты, есть некоторые основания пола-

Некоторые особенности денежного обращения на «казанской украине»

гать, что провинциальный рынок пока ещё не обходился без весов. На одной их чаше могли быть насыпаны, единой кучкой, деньги разных княжеств или их серебряные имитации, а на другую положены, например, несколько «стабильных» полновесных новгородских или московских монет вместо гирек, или сами гирьки. Могли в этой ситуации использоваться и специальные весы для проверки полновесности каждой монеты. Во всяком случае, к таким выводам приводит обзор плёсских монетных находок – а также детали миниатюрных костяных весов, дважды найденные в ходе раскопок Плёсского городища. То есть: большую часть XV века деньгами на «казанской украине» всё ещё могли быть не столько монеты, сколько тот материал, из которого они изготовлены.

Рис. 195. Образцы монет, отчеканенных в Лухе во втором десятилетии XV века. По И.В. Волкову.

Абсолютное господство московских денег в Плесе, судя по находкам в раскопе, начинается с эпохи великого государя Ивана III. Встречаются и монеты его сына, Василия III, а большинство среди найденных составляют монеты молодого Ивана IV. Мать будущего Ивана Грозного, Елена Глинская, в объединённом русском государстве успешно провела в 1535 году денежную реформу, и теперь государство предлагало при торгах не пользоваться весами, а просто отсчитывать монеты, что, безусловно, удобнее. Расплачиваться количеством монет стало удобнее уже при Иване III, покорившем Новгород. Тогда стали чеканиться денга новгородская и денга московская (последняя в два раза легче первой). Прочие монеты тоже, видимо, были в ходу – но только если подходили по весу. Во всяком случае, в Плёсской крепости в одном жилом комплексе XVI века были найдены деньги правящего Ивана Грозного, его

отца (денга «дозор»), а также упомянутая фальшивая монета с псковско-новгородским чеканом.

Рис. 196. Обрезанная монета с Плёсского городища.

таких обрезков их хранителю грозила мучительная казнь: расплавленный металл публично вливали провинившемуся в горло. Серьёзное наказание было адекватно угрозе, поскольку, в конечном итоге, недоверие торгующих к неполноценной монете могло не только подорвать экономику государства, но и привести к выступлениям против власти (достаточно вспомнить «медный бунт» 1662 г.). В Плёсских раскопах неоднократно встречались обрезанные деньги. Одна из них («дозор» Ивана III) имела вес всего 0,21 гр. (рис. 196).

В этом отношении показательны находки из вышеупомянутого сгоревшего дома плёсского воеводы и наместника А.В. Нагаева-Ромодановского (около 1550 г.). В кладе не было ни одной обрезанной монеты, тогда как в слое того же жилища и около него такие находки встречались. Клад был не накоплением воеводы, а деньгами казёнными, вероятно, присланными из Москвы в связи с функционированием цитадели. Все монеты в нём были целые, полновесные⁵. При этом, разумеется, не исключено, что как только монета из казны шла на расход, так сразу теряла в весе.

В завершение необходимо отметить, что государственной монеты для средневековой провинции не хватало всегда, вплоть до царствования Петра Великого с его удачной реформой и введением разнообразных

Но едва унификация русской монеты состоялась, как появилось новое неудобство, грозившее сорвать всякие денежные реформы. Монеты стали обрезать, просто срезая с каждой некоторое количество серебра (особенно активно в годы кризиса времени правления Василия III). Чем больше монет обрезано, тем больше «неучтенный доход». Правда, в случае обнаружения

Некоторые особенности денежного обращения на «казанской украине» медных денег. Очевидное подтверждение тому – широкое хождение ещё накануне, во 2 пол. XVII века в Поволжье так называемых «мордовок», где на одной стороне была грубая имитация изображения всадника с оружием, а на другой – подражание буквам⁶.

---

¹ Благодарю члена-корреспондента РАН П.Г. Гайдукова за оказанную помощь в исследовании монетных находок из раскопок Плёсского городища.

² Монета находится в частном собрании.

³ Волков И.В. Монеты Василия Дмитриевича Московского, чеканенные в городе Лух. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2015. Вып. 4.

⁴ Янин В.Л. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город. замок. Село. М., 1985. С. 368.

⁵ См. статью в данном сборнике: Скопление монет XVI в. из Плёсской крепости.

⁶ Первая публикация: Краеведческие записки. Иваново, 2014. Выпуск 15. Повторная публикация снабжена иллюстрациями.

Средневековая посуда для пира

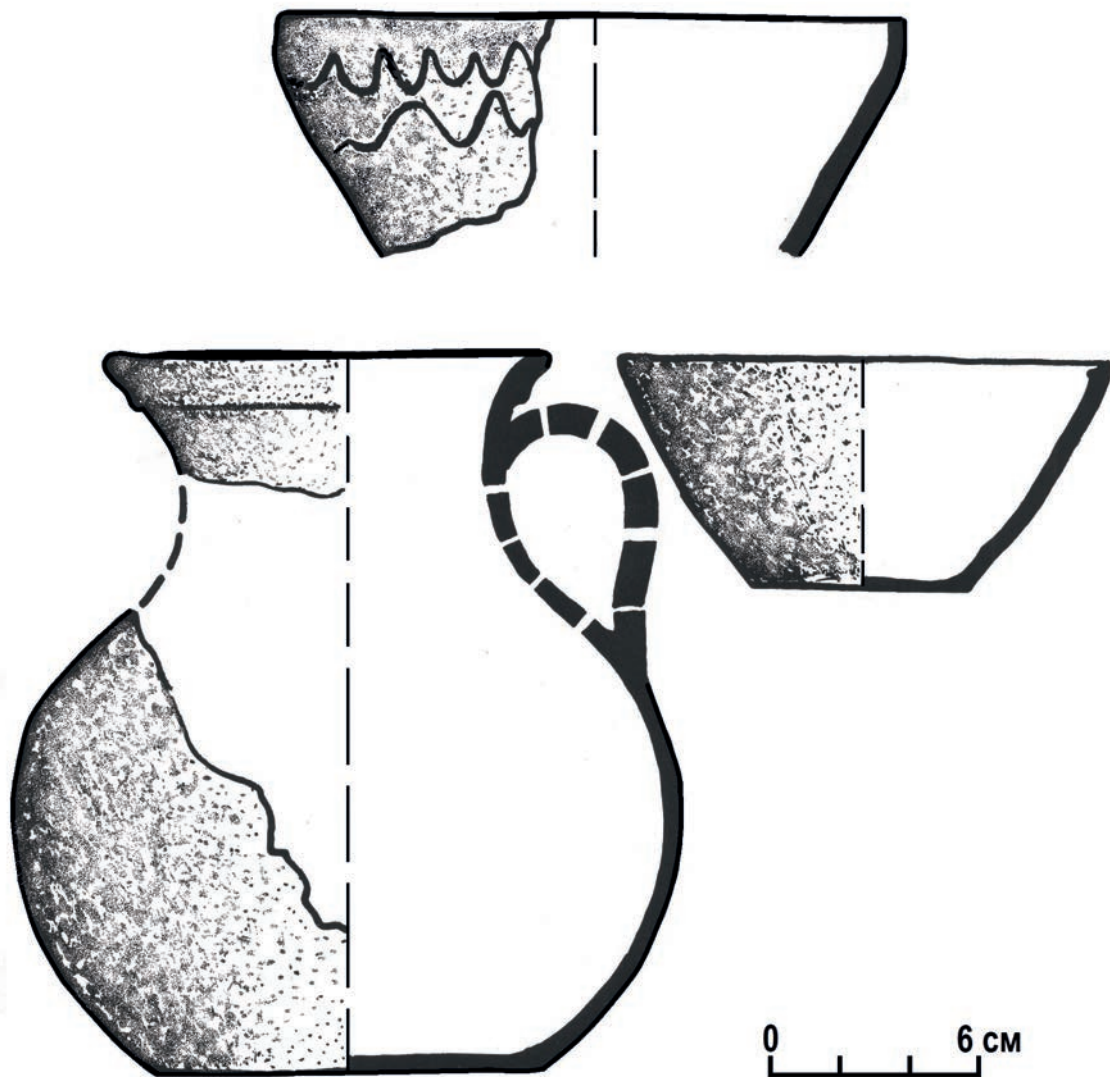
В массе керамических обломков, встречавшихся в ходе археологических исследований средневековой Плёсской крепости, время от времени попадались фрагменты несколько необычной посуды. Сосуды такого рода (из слоёв XV – 1 половины XVI веков) имели форму усечённого конуса и могли бы характеризоваться как миски для приёма или приготовления пищи. Но на них, чаще всего, отсутствовал нагар. Они могли быть достаточно узкие у дна и высокие, иногда совсем небольшого размера. Часть таких керамических изделий имела своеобразный орнамент: высокую волну, взлёты, зигзаги – зачастую не только на внешней, но и на внутренней поверхности.

К ответу на вопрос, что это за посуда и для чего она была предназначена, автора натолкнуло обращение к письменным памятникам (в связи с возникшей необходимостью рассмотрения темы потребления алкоголя в регионе). Интерес вызвала одна деталь в организации выездной торговли шуйского кружечного двора в XVII веке. В дни проведения ярмарок в соседних с Шуей сёлах довольно часто организовывалась продажа алкоголя. В этой ситуации, естественно, должна была каким-то

образом решаться проблема посуды, в которую наливали порцию купленного напитка для потребления его на месте. Понятно, что посуда должна была быть если не одноразовой, то, во всяком случае, быстрой в изготовлении, дешевой и удобной как для налива в неё, так и для питья из неё (не с зауженным горлышком и без отогнутого наружу «горшечного» венчика). Та же проблема, безусловно, должна была решаться и на местах стационарной продажи в самом упомянутом городе.

Как она решалась? Обращение к древним шуйским письменным источникам, к сожалению, не дали ответа на этот вопрос. Не осветил проблему и просмотр записей суздальского кружечного двора. Но стоило посмотреть расходную книгу ростовского кружечного двора за 1671–1672 гг., как была найдена соответствующая нашей теме запись, и не одна. Наряду с отметками о покупке холста для солода, меди для кубов, свечей, бумаги и прочего находим следующую строчку: «того же числа куплено на кружечный двор для питейной продажи пять тысяч плошек, цена за тысячу по 30 алтын». И этот большой заказ оказался не единственным. Рядом присутствовала ещё одна похожая запись, на этот раз о закупке 2 тысяч плошек, а затем ещё о 12 (!) тысячах. Всё – за один отчётный годовой период¹.

Как могли выглядеть эти ростовские плошки для разлива напитков, показали археологические исследования. В раскопе 2016 года на месте одной из построек начала XVIII столетия были обнаружены остатки сразу около семи десятков сосудов одинаковой формы: в виде усечённого конуса, с небольшим расширением боков. Нетрудно догадаться, что постройка была кабаком, или корчмой. По мнению Н.Г. Самойлович, в сетку раскопа попали остатки ростовского «Большого питейного дома». Камеральные исследования показали, что среди находок преобладали сосуды объёмом около 130 мл, что соответствует стариной мере, известной под названием «чара». Имелись, кроме того, чаши-«четушки», то есть четвертушки, объёмом в две чары. Более редкий объём – 2,4 литра, то есть в 1/5 старинной меры «ведро»². И также нетрудно разобраться, какая из чаш предназначена под водку, и какая под пиво или, может быть, слабоалкогольный мёд, брагу.

*Рис. 197. Посуда для пира из жилища сер. XVI в.
Плѣсское городище.*

Вновь вернёмся к археологическим материалам плѣсской крепости XV – середины XVI веков. Они освещают подробности быта обитателей цитадели в ту эпоху, когда Плѣс входил в состав городов «казанской украины» и призван был, среди прочего, отражать внезапные – а в первой половине XVI столетия участвовавшие – удары со стороны «казанского царя». В моменты особой опасности, когда становилось известно о подготовке очередного набега, по крепостям «украинных городов» рассылались войска для «сидения в осаде» в ожидании врага³. В крепостях на этот случай имелась необходимая инфраструктура. Если судить по материалам Плѣсского городища, простые ратники коротали дни и

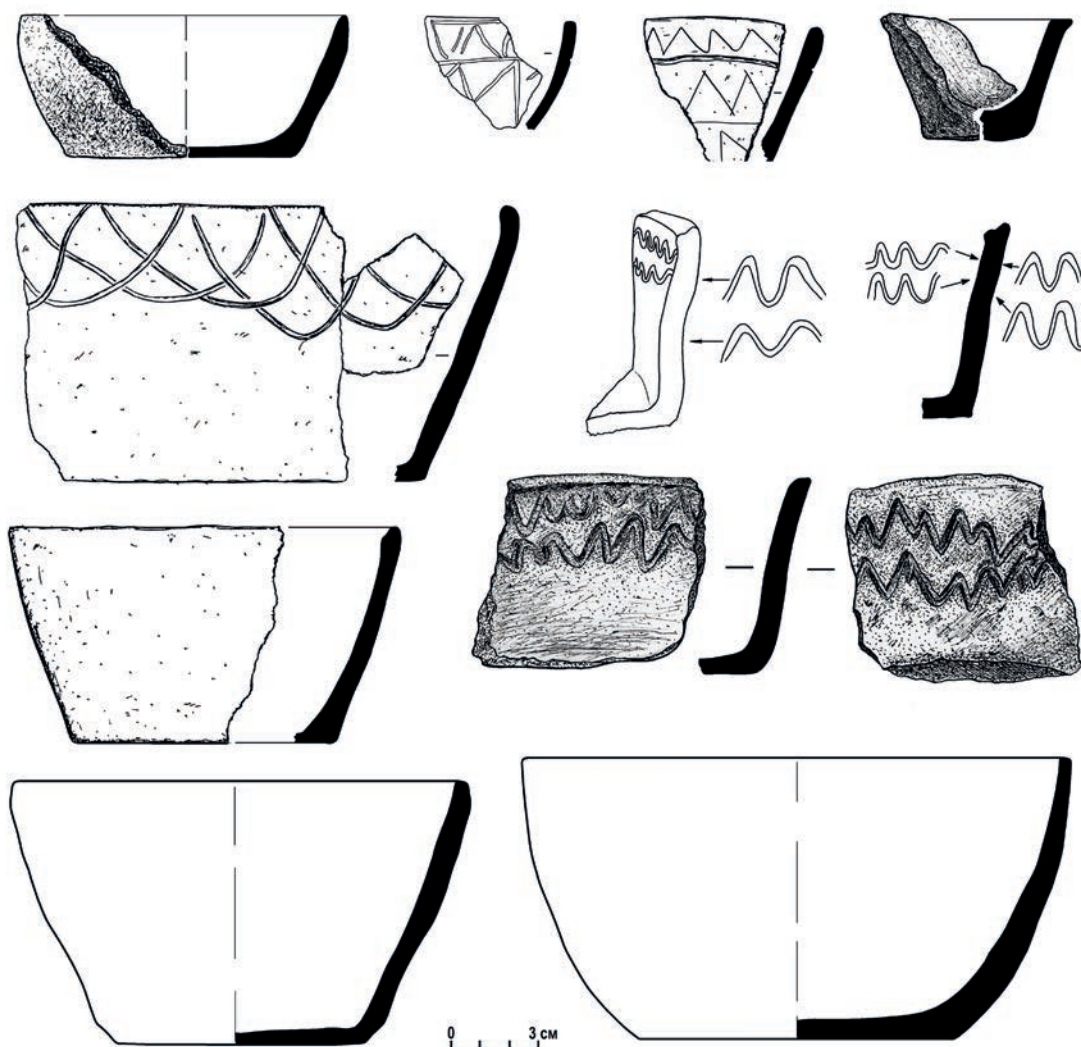
недели ожидания в «казармах» – срубках, из которых была составлена крепостная стена. Для знати полагались дома – с чистыми горницами, специальными печами для мытья и проч. Князья из окрестных земель (Сабуровы, Шуйские, Палецкие...) могли иметь в крепости свой осадный двор и в нём жильё.

В раскопах разных лет нам многократно встречались остатки таких жилищ. В них могли совершенно отсутствовать какие-либо следы пребывания женщин и детей, но зато всегда имелись находки «сугубо мужских вещей». Брошенная изношенная обувь, потерянные перстни-печатки, мужские серьги, воинские принадлежности, монеты... Важно добавить к этому, в контексте нашей темы, принадлежности азартных игр, а также нательные кресты, петли которых оборваны или вывернуты (всё похоже на последствия пиров, нередко с выяснением отношений). И, разумеется, в контексте рассматриваемой темы важны особенности встречаемой здесь керамической посуды.

В жилищах знатных воинов она оказалась не столько для готовки (готовили на уличных очагах и в подсобных избах), сколько для хранения съестного и для застолья⁴. Здесь найдены фрагменты парадных восточных блюд и чаш, кувшинов и кумганов для напитков и, разумеется, обломки отечественной керамической посуды для питья (рис. 197). Надо сказать, хмельные пиры именно в воинской среде были довольно часты, что напрямую связано с образом жизни воинов. Немногие доживали до старости. А потому поводом для возлияний служили отнюдь не только календарные праздники.

Вероятно, именно в связи с этим выделенные нами керамические сосуды в виде усечённого конуса в плёсской крепости встречаются чаще, чем, например, в жилых комплексах средневековых городских посадов. И что особо примечательно, лишь немногие фрагменты такой посуды имеют на внешней стороне следы нагара. То есть, в такой посуде обычно не готовили. Из посуды такой формы пили, и приведённые выше письменные и археологические ростовские свидетельства только подтверждают данное заключение, указывая на сложившуюся традицию использования подобных керамических форм.

Рис. 198. Остатки чаш XV–сер. XVI вв. Плётское городище.

Плётские древние чаши из раскопов, как и более поздние ростовские «плошки», тоже были разных объёмов (рис. 198). Просматривая такие находки, нельзя не заметить, что к концу XV столетия в обиходе появились чарки небольшого размера, 6–8 см в диаметре на верхнем срезе. По нашему мнению, они представляют собой свидетельство начала употребления крепкого «горячего вина» (водки) в регионе. Но в целом, если судить по совокупности собранных нами тематических письменных свидетельств, в средневековой Руси употребляли в основном напитки некрепкие (мёд, пиво). Так и в Плесе: большинство сосудов для питья, как свидетельствуют археологические остатки, были объёмом от полулитра до литра.

И, наконец, обратимся к орнаменту на такого рода изделиях. В рассматриваемый нами период он по-прежнему нёс смысловую нагрузку, а не просто был декоративным. А в условиях угрозы жизни – особенно: многочисленные свидетельства подтверждают, что во всем многослойном наложении вер и верований русского развитого средневековья воинское сословие (постоянно рискующее!) было не столько верующим, сколько суеверным⁵. Любая символика была востребована, если она, по мнению субъекта, помогала сохранять жизнь, а заодно и способствовала материальному благополучию. В начале XIII века в центре плёсской крепости, у святилища Велеса, местные дружинники пировали и угощали любимого бога⁶. Вероятно, уже в XIV веке велесово святилище здесь не существовало, а к концу следующего столетия формально в наших местах утвердилось чужеродное христианство. При этом, например, в церковных наставлениях в XVI веке звучало, не то с угрозой, не то с мольбой: «скверного Диониса имени... не призывать». Так писал митрополит Даниил, – как ещё в конце XIII века митрополит Кирилл сравнивал русские языческие пиры с дионисовым праздником (предполагая, естественно, что слушатели понимали, о чём идёт речь и кто такой Дионис)⁷.

В данной ситуации уместно будет вспомнить о выделении Д. С. Лихачёвым особого периода (эпохи Предвозрождения) в истории Руси и о новом подъёме интереса русских к культуре античности⁸. Особым связующим звеном здесь вновь выступала Болгария – «земля Диониса» (ставшего чрезвычайно популярным ещё в древней Греции). В наших же землях, надо полагать, имя и культ этого великого бога возрождали воспоминания об официально запрещённом Велесе.

В 1989 году мы получили в раскопе объяснение своеобразному волнистому, или зигзагообразному, орнаменту вышеупомянутых чаш. На одном из своих изделий гончар, сделав орнамент по внешней поверхности, тем же инструментом начертал таинственные, как представилось поначалу, значки на внутренней стенке сосуда. Специалисты подтвердили наше предположение о связи надписи с греческим алфавитом. То была неуклюжая попытка начертать имя Диониса – с расчетом на то, что смысл начертания будет понятен будущему владельцу чаши⁹. Ор-

---

намент же напоминал высокие морские волны, связанные с мифом о встрече Диониса с морскими разбойниками. Ратники пили, стремясь причаститься к живительной силе, даруемой Дионисом. Он воспринимался ими не по церковному, как «пьянству учитель» (по терминологии Стоглавого собора), а именно как даритель жизненной силы и защитник от гибели¹⁰.

---

¹ Памятники деловой письменности XVII века. С. 97.

² Самойлович Н.Г. Набор посуды из «Большого питейного дома» нач. XVIII в. в Ростове Великом. Стендовый доклад на VIII Международной научной конференции «Археология: история и перспективы». Ярославль, 7 октября 2016 года.

³ Травкин П.Н. Казанская Украина. // Ислам в Центрально-Европейской части России. С. 11–115.

⁴ См. статью в данном сборнике: Жилище плёского осадного двора.

⁵ Сахаров А.М. Религия и церковь. // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Часть вторая. С. 80–81.

⁶ Травкин П.Н. Язычество... С. 97–98.

⁷ Поучение Даниила, митрополита Всея Руси. // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 527.

⁸ Лихачёв Д.С. Литература времени национального подъёма. // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 5–10.

⁹ См. статью в данном сборнике: Чаша с граффити из Плёса.

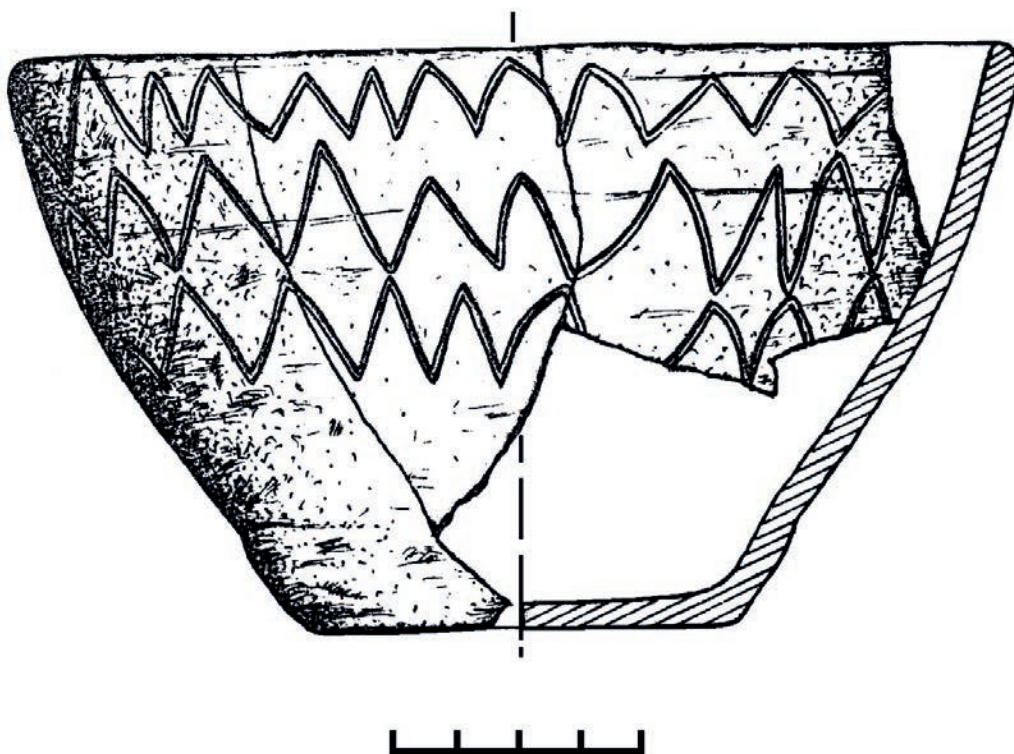
¹⁰ Первая публикация: Средневековая посуда для тира из Плёской крепости. // Музей. История. Наука. Материалы IV научно-практической конференции (Иваново, 16 февраля 2017 г.). Иваново, 2017. В новой редакции статья дополнена иллюстрациями.

Чаша с граффити из Плёса

В 1988–1989 гг. в ходе археологических исследований в Плесской крепости в комплексе жилища второй половины XV века было обнаружено 6 фрагментов керамического сосуда, имевшего, по сравнению с основными типами хронологически синхронной плёсской посуды, своеобразное оформление. В собранном состоянии сосуд – мисковидный, имел форму усечённого конуса с нешироким дном и слегка выпуклыми стенками (рис. 1). Диаметр его днища составлял 6,2 см, устья – 16 см, а общая высота сосуда достигала 9,3 см. Он был изготовлен, по мнению Ю.Б. Цетлина, из глины средней ожелезнённости, с добавками дресвы средних фракций и органики (навоза жвачных животных), что характерно для местной гончарной традиции. Днище имело следы дресвяной подсыпки. Обжиг кратковременный, при высокой температуре, однако слабый вторичный обжиг может свидетельствовать о том, что изделие побывало в небольшом пожаре. По форме сосуд несколько отличается от ранее найденных на данном памятнике мисок. Похожие можно увидеть в руках пирующих на древнерусских летописных миниатюрах, изображающих сцены застолья. Это – чаши для вина (рис. 199).

Своеобразна и орнаментация сосуда. Орнамент был нанесён заострённым предметом по сырой глине уже после остановки гончарного круга. Он представлял собой три ряда неровных зигзагов в верхней половине тулова.

Рис. 199.

Однако главной достопримечательностью находки стало то, что на внутренней поверхности тем же заострённым предметом, и также по сырой глине, было начерчено в ряд четыре знака. Первые три из них напоминали буквы: Д, I, О. Первый и последний знаки (последний – в нижней части) наискось перечёркнуты длинными прерывистыми линиями. Учитывая, что эти линии были тонкими и прочерченными неглубоко, их можно считать случайными и объяснить их появление неудобством письма рукой, лишённой опоры.

В попытке расшифровать надпись автору обращался за помощью к В.Л. Янину и Д.А. Дрбоглаву. В.Л. Янин, ознакомившись с надписью, отверг возможность отнести её к кириллической. Д.А. Дрбоглав подтвердил предположение автора о связи её с греческим алфавитом.

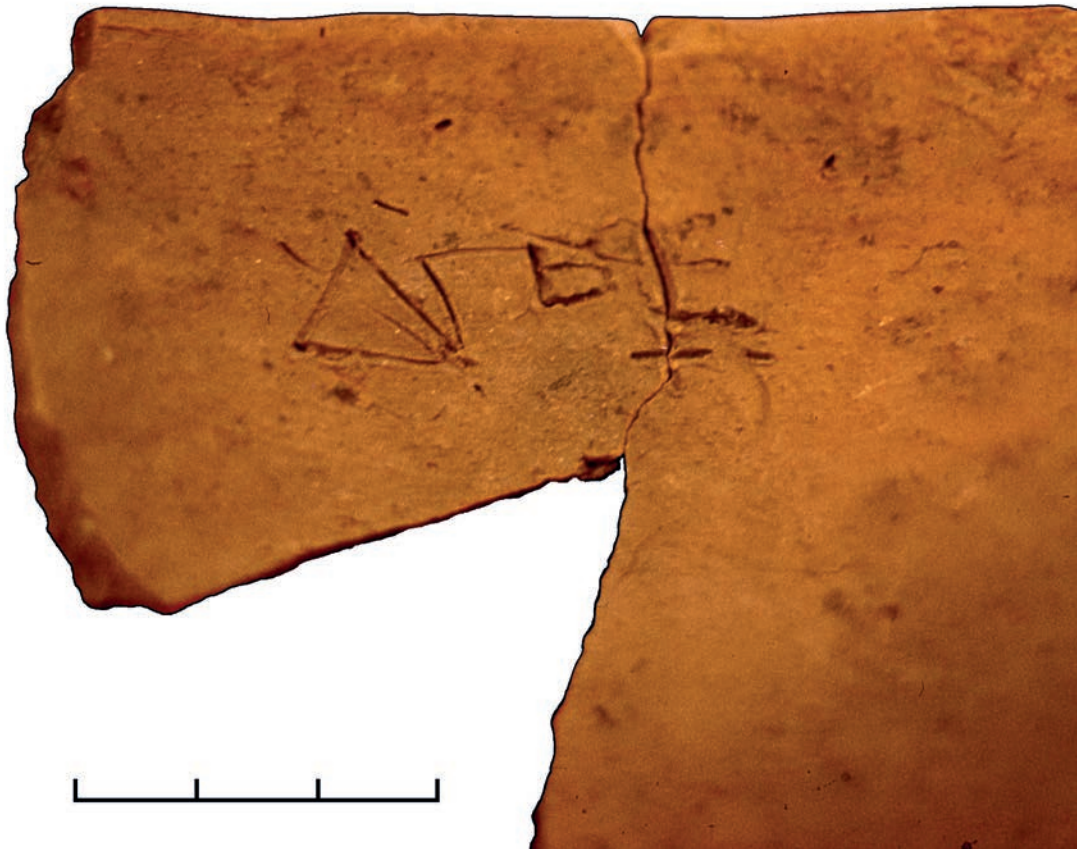

Рис. 200.

Начертание, по всей видимости, представляет собой подражание греческой надписи «DIOV», означавшей имя бога плодоносящих сил земли, бога вина Диониса (рис. 200). Подобная трактовка, разумеется, была бы более убедительной, если бы речь шла о находках с территории древней Греции, где культ Диониса утвердился в VIII–VII вв. до н.э. Однако следует учесть, что, утвердившись в самой Греции, он затем получил распространение и за её пределами на схожей мировоззренческой почве. Так, в древнем Риме Дионис почитался под именем Вакха, а во время пиров самые важные тосты произносились с греческим вином. В античных государствах Северного Причерноморья, с их смешанным населением, это имя также было популярным, о чём свидетельствуют соответствующие надписи из Ольвии. Попал Дионис и в древнюю русскую литературу, на чём следует особо остановиться.

Неотъемлемой частью средневековой русской книжной традиции являлись проповеди, поучения, в которых духовенство укоряло на-

---

род за «невежество» – несоблюдение христианских правил и упорную приверженность традиционному язычеству. Так, в конце XIII в. митрополит Кирилл с негодованием писал о языческих обрядах, находя им сравнение: «яко дионисов праздник празднуют нечестивии елини». В XVI в. митрополит Даниил, порицая мирские увеселения, «игры сатанинские», ссылаясь на церковное правило: «скверного Диониса имени... не призывать». Подобная литература уже сама по себе знакомила русского человека с миром язычества иных народов. Здесь следует учесть, что, как отмечал Д.С. Лихачев, эпоха Предвозрождения на Руси (XIV – начало XV вв.) в целом была связана и с общим подъёмом духовной культуры, и с повышением интереса к греческой культуре. Как известно, и во 2 пол. XV в. интерес к «внешнему миру» в крепнущей Московии не ослаб, и даже усилился.

В это же время на Руси завершался процесс слияния язычества и христианства. На смену языческим богам принимались в качестве покровителей христианские святые (с наделением их теми же волшебными «обязанностями» перед людьми). В народе сохранялась приверженность языческому календарю и основным годовым обрядам, но старый пантеон постепенно забывался. На этом фоне вполне мог быть принят с симпатией иноземный бог, обнаруживающий семантическое сходство с древним Велесом. Их связывало место в календаре, противопоставление небесному божеству, покровительство торговле, путешественникам и т.д. Наконец, чествование Велеса, а затем Николы, также часто принимало форму обрядовых трапез с обильными возлияниями (древний новогодний праздник Йол, Никольские братчины). Так или иначе, имя Диониса в эпоху средневековья (Бахуса с петровских времён) в России ассоциировалось с ритуалом совместного питья. Плёсская находка, как представляется, сказанное подтверждает.

Дополнительным аргументом к характеристике сосуда может служить его орнаментация. Судя по небрежности исполнения, орнамент был не декором, а знаком. Автор склонен увязывать его с хорошо известным мифом, повествующим, как Дионис был захвачен морскими разбойниками и демонстрировал им чудеса преображения. Неровные зигзаги, покрывающие стенки чаши, могут символизировать морские

волны. И это ещё одно свидетельство того, что мифология, связанная с античным богом, была хорошо известна и гончару, изготовившему чашу для вина, и тем, кто использовал чашу по назначению¹.

---

¹ *Первая публикация – в сборнике: Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1996. Выпуск 3. Вновь публикуется с дополнениями.*

Керамика плёсского городища. Примечательные находки

Подавляющее большинство керамического материала на территории Плёсской крепости представляет собой остатки горшков – тарных и со следами использования в процессе приготовления пищи. Бросается в глаза их разнообразие, что, вероятно, обусловлено спецификой места их обнаружения: в крепость поступало продовольствие из деревень, принадлежащих собиравшимся для ратных дел воинам, владельцам различных, иногда весьма отдалённых друг от друга, поселений (рис. 201). Керамика же «коломенского типа», формы, близкие к московским, указывают на непосредственную связь волжской крепости со столицей великого княжества, подтверждением чему служат многочисленные археологические материалы (см. главы 5–7).

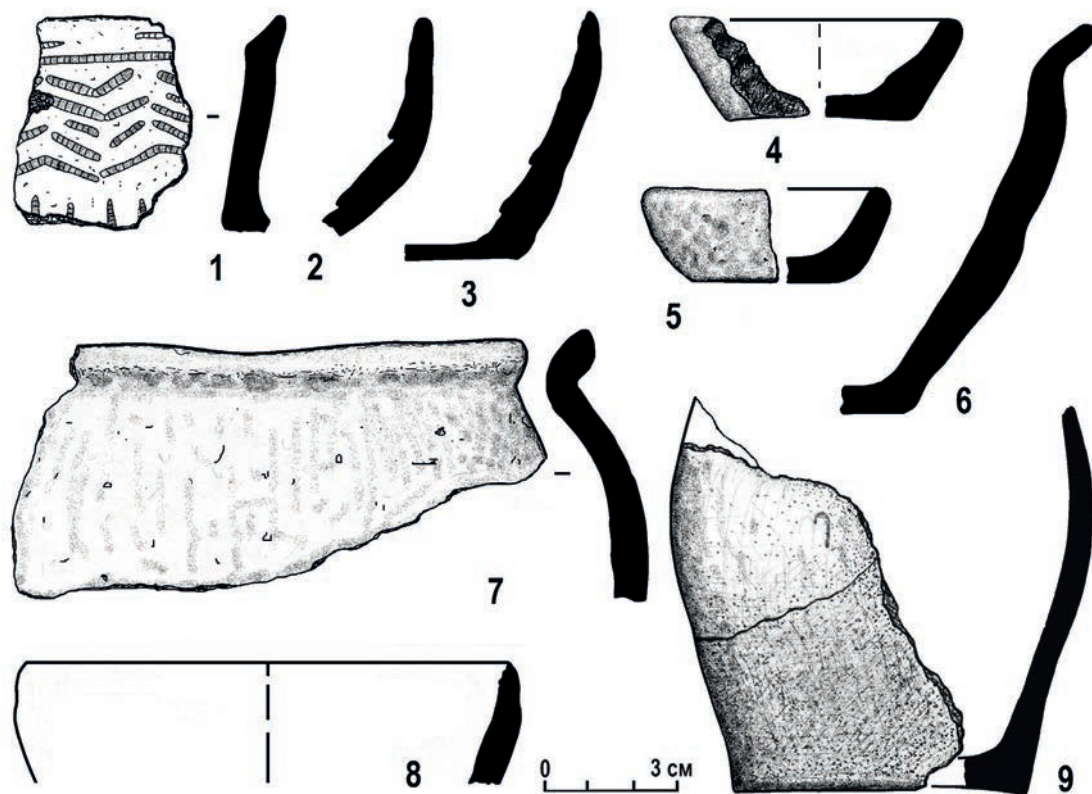
Несмотря на повсеместно утвердившийся гончарный круг, в наслоениях даже 1 половины XVI века на Плёсском городище время от времени встречались образцы лепной посуды. Вне проблемы стоит один,

Рис. 201. Горшки XV–XVI вв. с Плёсского городища.

самый древний образец с данного памятника: фрагмент венчика сосуда, характерного для эпохи бронзы (рис. 202, 1). Находка встречена в переотложенном состоянии, на глубине всего в 15 см. Венчик почти вертикально поставлен и с наружной стороны был орнаментирован горизонтальными и вертикальными линиями, зигзагами, оставленными гребенчатым штампом. В составе керамического теста присутствовала дресва некрупных фракций. Отыскать место, откуда керамика попала на Соборную гору, не составило труда: здесь же, в Плесе, на Холодной горе, на расстоянии менее километра к востоку, в ходе работ 1993–1994 гг. были обнаружены и исследованы остатки поселения с керамикой фатьяноидной, поздняяковской и ранней сетчатой. Поздняяковские образцы по стилю оформления совпадают с городищенской находкой. О.Н. Бадер датирует подобные смешанные комплексы рубежом II–I тыс. до н.э.¹

Неорнаментированная лепная (груболепная) керамика Плёсского городища sporadически встречалась как в составе жилых комплексов, так и вне их в тёмно-сером слое XV – сер. XVI вв. Как ни парадоксально, она отсутствовала в отложениях XII–XIV вв. В целом же количество её

Рис. 202. Лепная керамика.

исчисляется несколькими десятками экземпляров и не приближается даже к одному проценту от общей цифры находок.

Некоторые фрагменты к лепным могут быть отнесены условно, что связано с применявшимся в провинциальном гончарстве ручном гончарным кругом и архаичной методикой жгутового налепа перед завершением формовки изделия (рис. 201, 5). Среди находок на городище есть образцы, слепленные из примазанных снаружи одна к другой глиняных лент; но изделия затем так и не были выровнены на круге (рис. 202, 2–3). Что же касается готовых лепных изделий, то некоторые из них представляют собой миниатюрные сосуды, сформованные из единого куска глины (рис. 202, 4–5). Горшки же и миски напоминают более древнюю мерянскую посуду данных территорий. Они грубы в исполнении, тесто содержит в основном дресву средних и крупных фракций (рис. 118, 4; 121, 12; 202, 6–9).

Исследуя мерянские памятники на территории Ивановской области, мы не раз встречали на обломках сосудов женские отпечатки пальцев

– иногда со слегка удлиненными ногтями, или непосредственно отпечатки кончиков ногтей. Такие же миниатюрные отпечатки пальцев имеются и на льяловской посуде региона (Сахтышские стоянки). Данное обстоятельство убеждает в том, что изготовление керамической посуды на протяжении веков являлось одним из женских домашних занятий. А полученные нами около 30 лет назад этнографические сведения из дальних районов Костромской области свидетельствовали, что в русской глубинке навык и методика лепки не были утеряны даже в XX столетии². К этому понуждали отдалённость места жительства от мест массового производства и продажи гончарной продукции, а также постоянное наличие под рукой необходимого сырья: в деревенском доме обычно имелся необходим запас глины (для подмазки печей и пр.), дресва же требовалась для очистки деревянных поверхностей и легко добывалась из гранитного камня. Так что вряд ли следует удивляться тому, что женщины развитого средневековья время от времени вспоминали древние навыки.

Рис. 203. Кубок.

Гончарная посуда раннего средневековья из раскопов Плёсского городища представлена в основном обломками горшков, что не исключает появления отдельных особенных экземпляров. Таковые относятся, прежде всего, к комплексу обнаруженного здесь в 1996 году святилища и представляют собой остатки пиров и жертвоприношений, связанных с почитанием божественного хозяина Нижнего мира³. Два необычных экземпляра связаны с одним, вероятно, дружинным, пиром, происходившим в самом начале функционирования святилища, в середине XII века; оба предназначены для напитков. Горшок-кубок, с высокой шейкой, удобен как для того, чтобы разливать напитки, так и для того, чтобы из него пить (рис. 203). Высота его составляла 17 см, максималь-

Рис. 204. Два горшка из плёсского святилища.

ный диаметр 17,5 см. Сосуд изготовлен из глины с добавкой органики и некрупной дресвы, черепок в изломе трёхслойный. Шейка покрыта орнаментом (волна в 4 ряда). Похожий сосуд, с высокой, почти вертикально поставленной шейкой, найден на этом же памятнике в жилой клетке крепостной стены, на месте проживания воинов (рис. 14, 9).

Второй экземпляр представлял собой единственный в домонгольских материалах городища питный горшок, известный по раскопкам в других древних городах. Он полностью повторял наиболее традиционные формы горшков из крепости и с посада Плёса и отличался только малыми размерами (рис. 204). Высота его составляла 7,2 см, диаметр 10 см. Состав теста тот же. Брошенный в жертвенную яму, он не разбился и, находясь на раскалённых углях, ошлаковался на месте соприкосновения с ними. Был обнаружен лежащий устьем вниз.

Жертвенная яма святилища, по мере заполнения, время от времени расчищалась для очередного ритуала. В верхней части её заполнения сохранился примечательный керамический комплект. Он представлял собой горшок обычного «курганного» облика, покрытый своеобразной крышкой (рис. 205). Крышкой служила нижняя часть похожего ранне-средневекового горшка с линейным орнаментом. Заметно было, что у

Рис. 205. Горшок с крышкой из святилища.

изделия для вторичного использования край был выровнен аккуратными сколами. В отличие от горшка, который сохранился целым, крышка, принявшая на себя давление вышележащих слоёв грунта, сохранилась в виде развала (рис. 206). Гончарное клеймо на ней отсутствовало, клеймо же на покрытом горшке соответствовало самой многочисленной группе клейм домонгольского посада⁴.

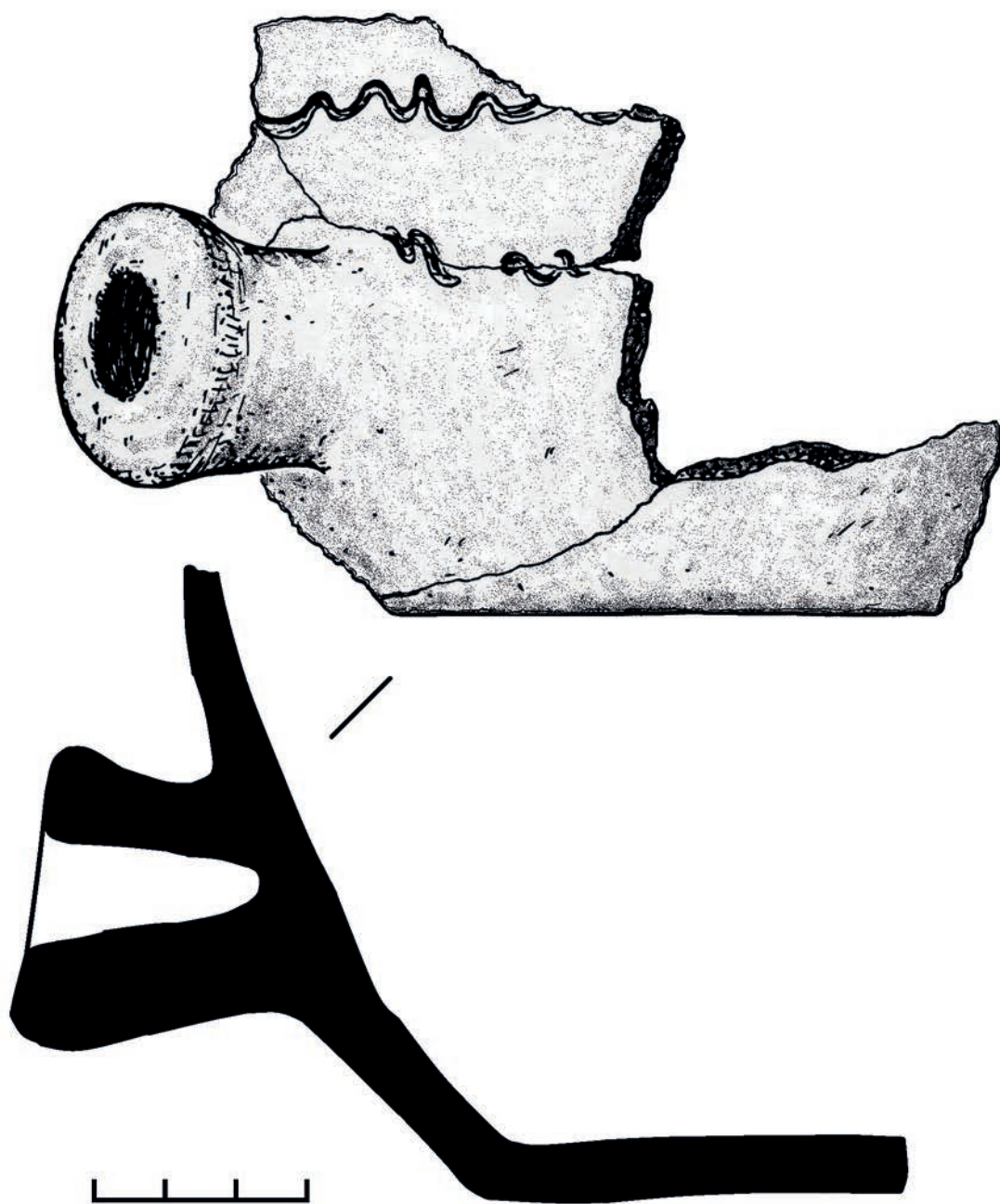
Рис. 206. Развал крышки *in situ*.

Рис. 207. Сковороды.

Время от времени в раскопах отмечались находки фрагментов керамических сковород-латок. В одном случае сохранился развал, собранный в полную форму. В раскопе 1989 года (кв. 41) он найден на глубине 30–40 см в тёмно-сером слое и может быть датирован XV веком. Форма сковороды интересна отсутствием рукояти и наличием отчётливо обозначенного слива (рис. 207, 1). Состав теста характерен для местных

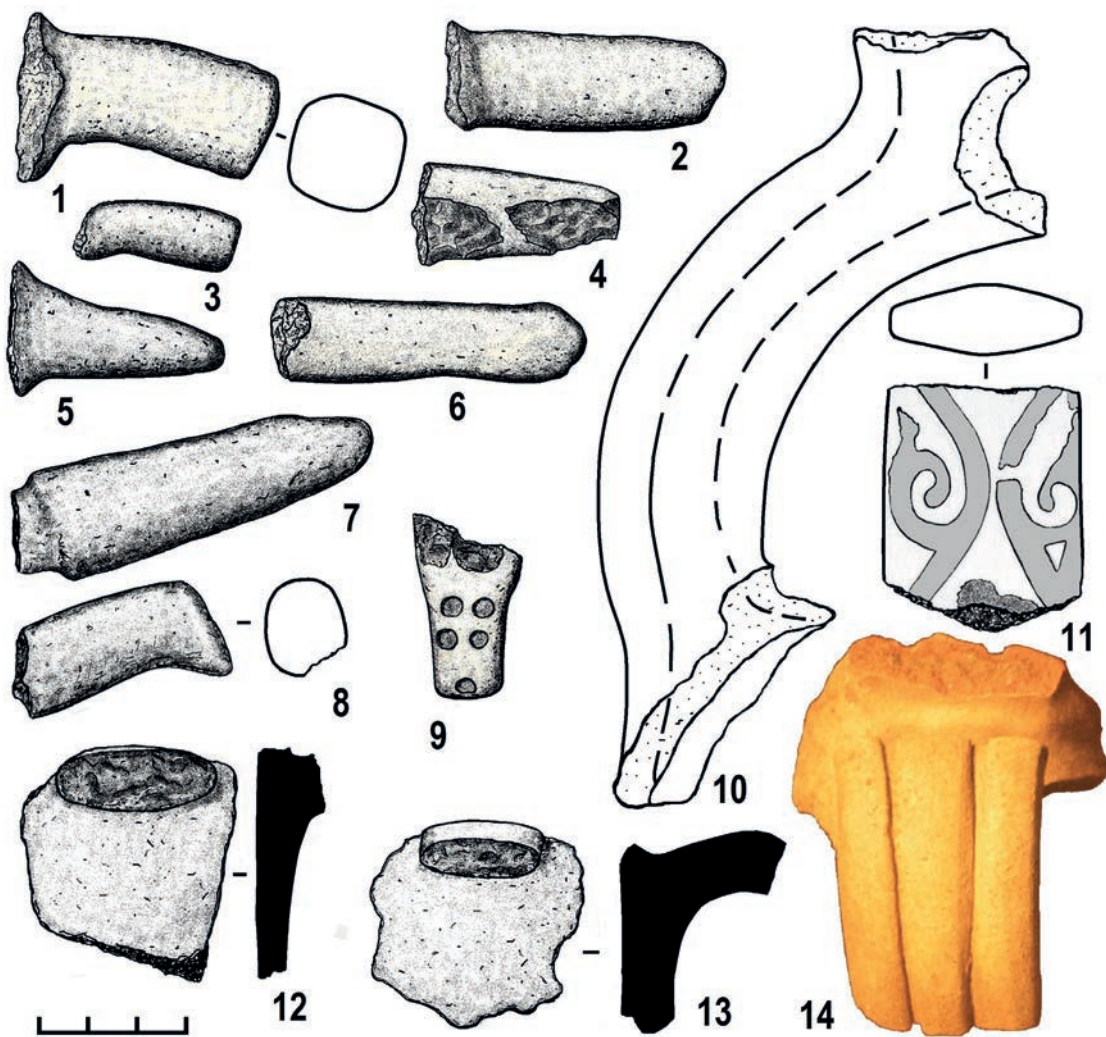

Рис. 208. Сосуд с ручкой-втулкой.

изделий: глина, песок, не крупная дресва, органика (вероятно, навоз жвачных животных). Диаметр изделия около 28 см, высота 5 см.

Больше сковород со сливом нам не встречалось, и для данной категории посуды всё-таки характерно наличие керамической втулки, куда вставляла деревянная съёмная рукоять. Самая ранняя втулка обнаружена в погребке домонгольского времени. Она круглая в сечении,

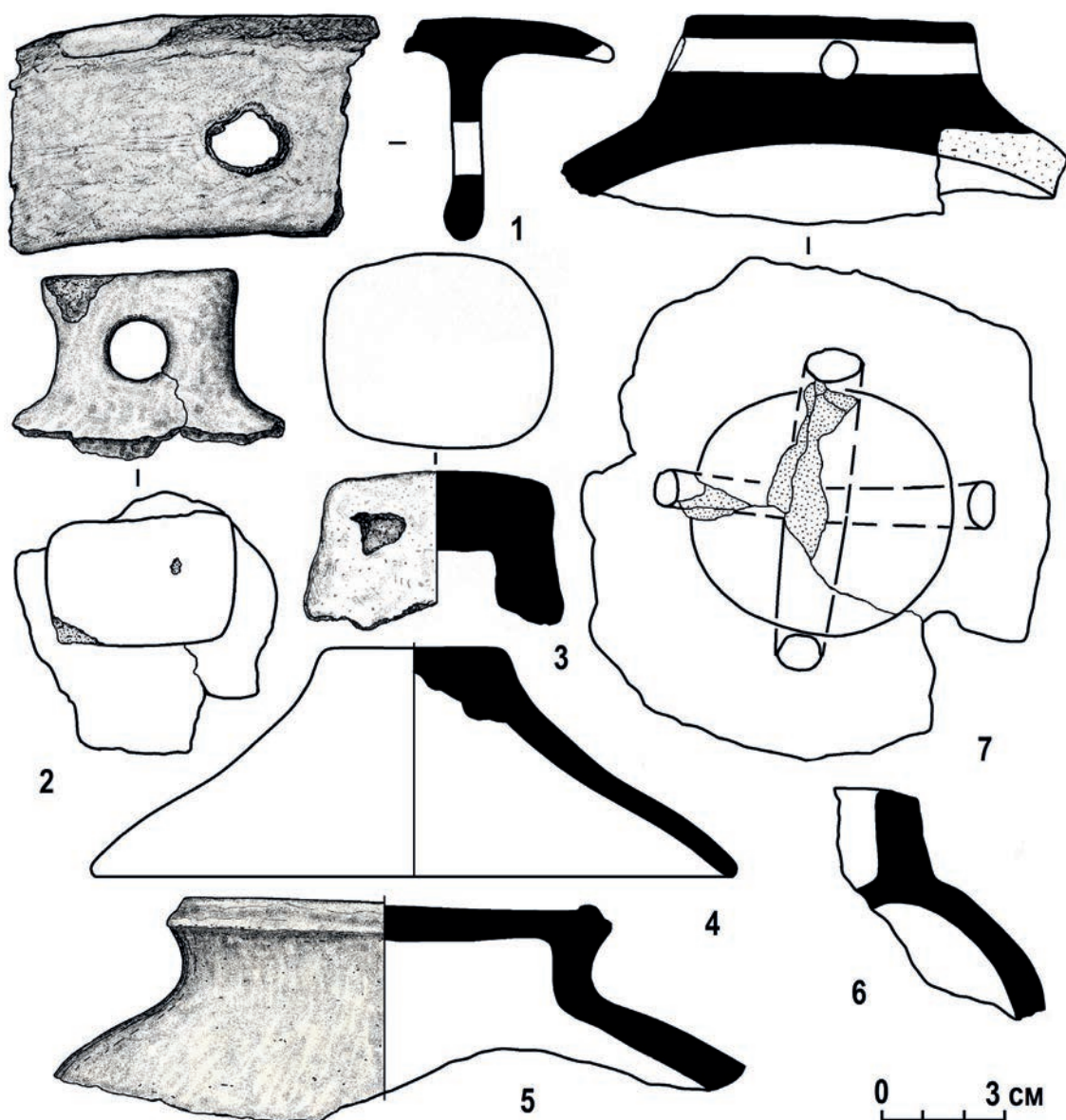

Рис. 209. Ручки сосудов.

хотя на территории плёсского домонгольского посада встречались и втулки под четырёхгранную в сечении рукоять (раскоп 2000 года). В слоях же развитого средневековья на городище все изделия округлые (рис. 207, 3–4). Не все они, правда, связаны именно со сковородами. В раскопе 1999 года в серо-коричневом слое, просевшем в домонгольскую яму (кв. 187) найден сосуд с похожим дополнением сбоку (рис. 208). Сосуд высокий, скорее всего, горшок (верхняя часть отсутствовала). Тулово покрыто неровным волнистым орнаментом, отличительной особенностью керамического теста была большая примесь дресвы. находка датируется XIV веком.

Несмотря на безусловное количественное преобладание горшков, посуда эпохи развитого средневековья на городище отличалась боль-

шим разнообразием, о чём можно судить по вышеизложенным материалам глав и статей данной книги. Продолжая тему рукоятей, предлагаем убедиться в разнообразии их форм и размеров (особенно во 2 пол. XV – сер. XVI) (рис. 209). Среди них округлые в сечение глиняные штыри-«отростки» разной длины и наклона по отношению к тулову сосуда. Некоторым из них придана зооморфная форма (рис. 209, 8–9). Рукояти в виде полукольца, уплощённые, эллипсоидные в сечение, связаны в основном с кувшинами. Продукция привозная, изготовлена из красной глины, с некоторой примесью песка. Имеются образцы, покрытые темно-зелёной или жёлто-зелёной поливой (рис. 209, 12–13). Самые

Рис. 210. Крышки.

поздние для данного памятника – ангобированные. Они изготовлены из красной глины, их поверхность покрыта тонким слоем жирной беложгущейся слабожелезистой глины; фрагмент одной из рукоятей был украшен коричневым, по ангобу, растительным орнаментом (раскоп 1995 г.) (рис. 209, 11, 14).

Впечатляющих размеров ручка, рассчитанная на прихват всей кистью руки, найдена в яме погребя ориентировочно рубежа XV–XVI вв. (кв. 210 раскопа 2003 года). Длина её около 10 см, толщина 3,5 см, в сечении круглая, внутри полая (рис. 209, 10). Изготовлена из серожгущейся глины с добавкой дресвы. Судя по конфигурации, крепилась к крупному сосуду, имевшему сужающуюся верхнюю часть тулова.

Рис. 211. Кумган с встроенным ситечком.

Не меньшее разнообразие в отложениях XV – сер. XVI вв. представляли крышки сосудов – от миниатюрных (рис. 68, 1) до крупных и тяжёлых (рис. 210, 7). В данной категории изделий выделяются крышки-тарелки, которые могли использоваться двояко (рис. 210, 4–6). Удобство их использования в качестве тарелок (мисок) не вызывает сомнений: плоское и достаточно широкое дно обеспечивает устойчивость. Пользоваться же ими как крышками не всегда удобно: трудно прихватывать, накрывая посуду

или снимая с неё крышку. Тот же недостаток у экземпляра, представленного на рис. 210, 3, хотя он не имеет двойного назначения. Может быть, поэтому до половины сохранившихся экземпляров (а их в целом найдено не более двух десятков) имели отверстия для продевания верёвки. Самая крупная из найденных крышка имела два отверстия, крест-накрест (рис. 210, 7).

Примечательно, что среди определимых в качестве крышек находок почти нет привозных. Тесто характерно для местных изделий, добавками служила дресва в больших (рис. 210, 3) или меньших количествах и навоз жвачных животных. Вероятно, их изготавливали местные гончары по размеру горшков или других ёмкостей, которые использовались для приготовления пищи, бучения белья, а чаще для хранения съестных припасов. Последнее обстоятельство заставляло делать крышки тяжёлыми, дабы уберечь содержимое посуды от способных проникнуть в подвал животных.

К единичным находкам могут быть отнесены определимые остатки кумганов. Один такой сосуд представлен неполным развалом из раскопа 2003 года, прослеженным на месте жилого комплекса 2 пол. XV – нач. XVI вв. (кв. 208, глуб. 31 см). Сосуд сероглиняный, из теста с добавкой дресвы. Сохранилось его горлышко с устьем, оформленным в виде двойного валика, а также часть ручки, носик, фрагменты широкого тулова (рис. 211). На носике и горлышке заметны места крепления некогда соединявшей их перемычки. Особо примечательной стала находка вставной детали, что крепилась внутри сосуда у основания носика. Это овальной формы керамическая пластина с отверстиями (часть её после слома осталась на корпусе). Пластина выполняла роль ситечка, наподобие тех, что имеются в современных заварочных чайниках, из чего следует, что кумган служил для приготовления напитков на травах

Рис. 212. Декорированные носики сосудов 2 пол. XV – 1 пол. XVI вв.

(сбитни, взвары); процеживание происходило в процессе разлива напитка по чашам.

Фрагмент ещё одного кумгана представлял собой расписной носик, в верхней части которого имелась выбоина – на месте крепления характерной для данной посуды перемычки (рис. 212, 1). Сосуд был изготовлен из красной глины, растительный орнамент на носике кумгана светлый, желтоватый. Возможно, рисунок был выполнен с помощью белой жидкой глины, но цвет приобрёл от нанесённой сверху на сосуд поливы. Обнаружение в верхней части тёмно-серого напластования, практически под дёрном, позволяет датировать находку 1 половиной XVI в. Датировку подтверждают сопутствующие находки (кв. 222 раскопа 2003 г.). Выводы исследования А.Г. Векслера и М.Г. Гусакова позволяют сузить датировку до первой трети столетия⁵. Сам тип сосуда и стиль оформления указывают на приверженность его хозяина восточному стилю, однако находка, вероятно, может быть отнесена к изделиям итальянских мастерских в Москве. Кумганы с похожим оформлением обнаружены при раскопках в Троице-Сергиевом монастыре. Т.Н. Новосёлова относит их к московским изделиям и полагает, что подобная посуда была в обиходе лишь у знатного населения⁶.

На Плёсском городище найден ещё один, короткий обломок носика, подобного кумганным. Он красноглиняный и с белой поливой, без орнамента (раскоп 1989 г.). Ещё один носик, из раскопа 1992 г., зооморфный: циркульным орнаментом обозначены глаза (рис. 212, 2). Найден в верхних напластованиях, почти под дёрном, фрагмент может быть датирован 1 пол. XVI в. Являлся ли он частью кумгана, нельзя заявлять уверенно, хотя выбоины в верхней части могут быть связаны с местом крепления перемычки. Если принять во внимание размеры и ширину отверстия, то не исключено, что обломок был носиком ручкомойника. Глина изделия коричневатая, с добавкой дресвы.

Из других необычных керамических находок отметим обломок, который мог быть верхней частью крышки, с проделанным круглым отверстием в центре (рис. 213, 1). Отверстие в таком случае служило бы для пропуска верёвки, с узлом на конце (получалась верёвочная петля для снятия крышки). Но не исключено, что перед нами днище конусовид-

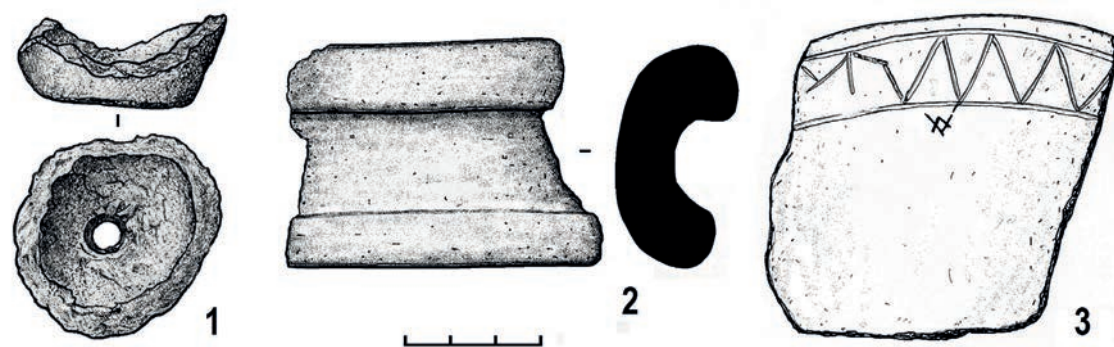

Рис. 213.

ного сосуда (диаметром около 4 см), отверстие в котором затыкалось пробкой; в нужный момент отверстие открывалось – для фильтрования пивного затора, сцеживания сыворотки в процессе приготовления творога и сыра и т.п. находка обнаружена в 1986 г. под дёрном, в позднейших напластованиях городища. Тесто (с добавлением дресвы) характерно для местного гончарства.

Ещё один оригинальный фрагмент – часть круга (кольца), изготовленного из толстой глиняной ленты с утолщениями-валиками по обоим краям. Высота изделия составляла 5 см, диаметр около 30 см (рис. 213, 2). Предназначение изделие могло быть следующим: кольцо клали на горизонтальную поверхность, а сверху на него устанавливали снятый с огня котёл, имевший округлое дно. Иного предположения нет: обломок вряд ли мог быть частью ручки сосуда, поскольку при такой форме ручка была бы кривая, с выпирающим одним краем. Здесь необходимо учесть то важное обстоятельство, что находка обнаружена в верхней части серо-коричневых отложений и может быть датирована концом XIV или самым началом XV вв., когда плёсские земли находились во владении выходцев из Золотой орды, и глава рода владельцев, Фёдор Сабур, если не постоянно, то часто находился в Плёсской крепости вместе со своими боевыми слугами. Наибольшее количество вещей «восточного облика» на данном памятнике связано именно с отложениями этого времени (см. главу III). Котёл, принадлежность кочевому быту, мог использоваться в крепости для приготовления пищи вне жилища, на очаге. Данная же кольцевая подставка под котёл имела сла-

---

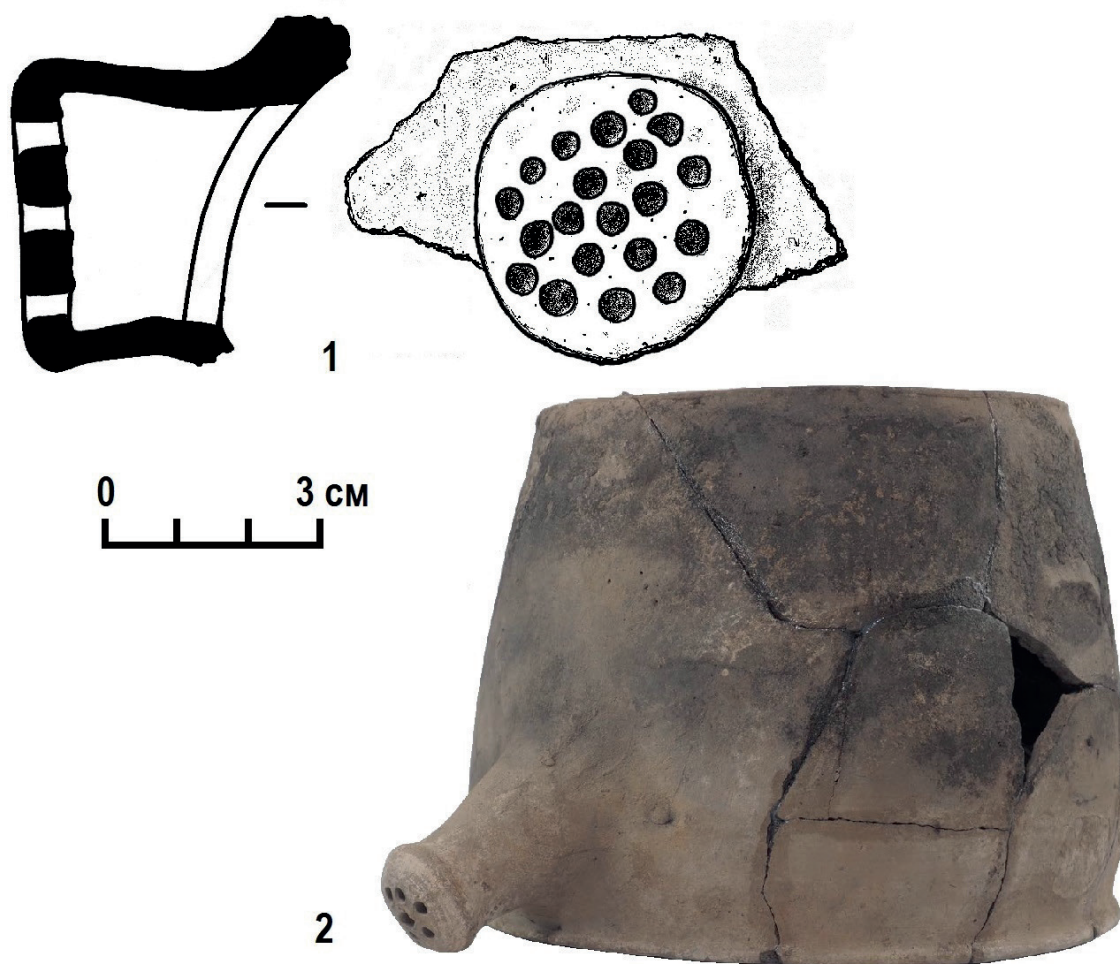
бый, краткосрочный костровой обжиг и была изготовлена, возможно, по случаю срочной необходимости.

Восточный «акцент», связанный не столько с модой русского развитого средневековья, сколько с реальным пребыванием выходцев из Орды и их потомков, на территории Плёсской крепости прослеживался довольно отчётливо и в более поздних археологических напластованиях. Выше уже было высказано предположение, что князья Сабуровы, на протяжении многих десятилетий владевшие землями вокруг Плёса, были людьми знатного болгарского рода (см. главу III). В этой связи нельзя обойти вниманием находку из ямы рубежа XV–XVI вв. (кв. 225 раскопа 2003 года). Она, как кажется, может пролить свет на тайну происхождения рода Сабуровых. Речь идёт о фрагменте сосуда, и по форме, и по орнаменту подходившего под определение «чаша для вина». Фрагмент оказался интересен тем, что на нём под зигзагами орнамента, на свободном поле, имелось хорошо заметное изображение, граффити (рис. 213, 3). Оно не могло быть случайным, прочерчено достаточно глубоко и начертано уже после изготовления сосуда, то есть изображение было нанесено кем-то из пользователей посуды⁷. А особенность его состояла в том, что в знаке явственно угадывалась тамга волжско-болгарской династии Джаффаридов.

Династия, берущая начало из рода Алмуша, в Булгаре оставалась правящей с X века до ордынского разорения⁸. После вхождения земель в состав Золотой Орды Джаффариды оказались отстранены от власти. Но в дальнейшем в их накопленном за века опыте управления и военном потенциале могло быть заинтересовано молодое Московское княжество, имевшее в резерве обширные костромские земли, включая Плёс и окрестности...

Здесь, однако, могут возникнуть сомнения: насколько совместимы чаша для вина со знаком древнего исламского рода, если в исламе существует запрет на употребление алкоголя? Но многочисленные исторические источники свидетельствуют о мягкости запрета в древние времена. Популярность и, что очень важно, публичную доступность алкоголя в разные века ярко иллюстрирует поэзия Омара Хайяма («Виночерпий, налей в мою чашу вина...») и Мола Вели Видади («Мне

чашу подай, виночерпий, – всему наступит конец»). Отмечается она и в русских летописях, и в записях западноевропейских путешественников. «Казанская история» содержит яркий эпизод, связанный с походом русского войска на Казань в 1506 году: под стенами Казани местные власти поставили «до тысячи шатров на праздники своя», и жители исламского города «пияху в корчемницах царевых, купяше на цену». Этим воспользовались для внезапного удара русские полки. Но захваченного в шатрах и обозах алкоголя оказалось так много, что, в свою очередь, перепилось всё русское войско, включая воевод (что и спасло Казань от разорения)⁹.

Рис. 214. Керамические аламбики.

Современные отечественные исследователи, кажется, единодушны в мнении, что водка в Россию пришла с Востока (термин «арак», например, упоминается в «Домострое»)¹⁰. И здесь мы перейдём к редчай-

---

шей находке, полученной в ходе раскопок на городище в 1999 году. Она встречена при выборке ямы в кв. 188 на глубине 107 см и представляет собой узнаваемую специфическую деталь посуды особого назначения: носик аламбика, предназначенного для выгонки «горячего вина», то есть самогона (рис. 214, 1).

Аламбики к XVI веку были хорошо известны на Востоке и в Западной Европе. Общим для всех таких изделий являлось использование высококлассной меди без примесей в качестве того материала, из чего они делались. Но Восточная Европа не могла себе позволить такой роскоши за неимением достаточного количества сырья; ценная привозная медь использовалась в основном для изготовления деталей костюма. Здесь и на закате средневековья, и в более поздние времена для домашних работ как перегонные кубы, так и шлемы (куполы) к ним, делались керамическими, о чём свидетельствует характерное изделие XVIII в. с Полтавщины (рис. 214, 2). Сосуд днищем вверх водружался над кубом, в котором кипела брага, и пар поступал в специальный носик – отвод пара, к которому присоединялась трубка охлаждения. Для конденсации пара трубку пропускали через снег или проточную воду (из русских документов XVII известно, что кабацкое производство стремились устраивать «на ключе», у родника¹¹).

Плѣсская находка мало чем отличается от носика более позднего полтавского изделия. И длина, и диаметр находки достигают 5 см. Форма удобна для крепления охлаждающей трубки с помощью кожи или ткани. Двадцать отверстий проделаны тонкой палочкой. Сосуд сероглиняный, с добавкой мелкой дресвы.

В свете проблемы начала винокурения на Руси важно по возможности точно датировать находку¹². Несмотря на то, что она обнаружена в яме, сделать это не легко ввиду отсутствия сопутствующих маркеров, вроде монет. В яме вообще практически отсутствовали иные находки, кроме керамических обломков, шлаков и крицы. Керамика почти вся сероглиняная (1 белоглиняный обломок), встречаются вертикальные венчики с рифлением под овальным валиком края. Яма двухкамерная, что на данном памятнике характерно для жилых комплексов 2 пол. XV – сер. XVI вв. Сверху обе камеры частично заполнены и перекрыты

слоем печины. Слой содержит много ошлакованных фрагментов: такая высокая температура, вызывающая шлакование, создаётся во время пожаров. Появление пятна печины прослежено при зачистке уже на глубине 20 см, где оно срезает контур жилища 2 пол. XV. Таким образом, датировать редкую находку можно было бы первой половиной XVI в., самое раннее – концом XV в.

Датировка вполне согласуется с другими археологическими сведениями из раскопов на городище: в статье «Посуда для пира...» говорится о том, что именно к самому позднему периоду существования крепости относятся находки сосудов для вина, отличавшихся небольшими размерами. Это чарки диаметром в 6–8 см, и предназначаться они могли именно для крепких напитков. Опыт изготовления алкогольных напитков частично отображен в «Домострое», составленном в 1 половине XVI в., но восходящем, по мнению исследователей, к сводам правил ведения хозяйства XV столетия. Но ни в тот, ни в другой период свободное их производство в домашних условиях не возбранялось – вплоть до установления государственной монополии, длившейся более 400 лет¹³. Так что наличие аламбика в частном хозяйстве последнего периода функционирования Плёсской крепости вполне логично.

Аналоги того же времени из других русских городов нам не известны.

-
-
- ¹ Бадер О.Н. *Бассейн Оки в эпоху бронзы*. М., 1970. С. 75.
- ² Благодарю Д.Б. Ойнаса за предоставление ценных сведений.
- ³ Травкин П.Н. *Язычество...* С. 97–115.
- ⁴ Там же. Рис. 64.
- ⁵ Векслер А.Г., Гусаков М.Г. *К вопросу об изготовителях красноглиняной керамики...* С. 202.
- ⁶ Новосёлова Т.Н. *Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря*. // *Археология Подмосковья*. Москва, 2014. Выпуск 10. С.419–425.
- ⁷ Сравнение с другими похожими находками на городище указывает на то, что чаша изготовлена плёским гончаром. См. статьи данного сборника: *Средневековая посуда для пира...*, *Чаша с граффити...*
- ⁸ *История татар...* С. 149.
- ⁹ *Казанская история*. // ПЛДР. *Середина XVI века*. М., 1985. С. 336.
- ¹⁰ *Домострой*. С. 136.
- ¹¹ Борисов В.А. *Собрание трудов...* Том второй. С. 192, 386.
- ¹² Родионов Б.В. *История русских крепких питей*. М., 2017. С. 30–38.
- ¹³ Там же. С. 61.

Каменная иконка-оберег

В 1988 году в ходе раскопок Плёсского городища в жилом комплексе 2 половины XV в. была обнаружена односторонняя каменная нагрудная иконка с изображением сцены поклонения Гробу Господню.

Общая характеристика находки была сделана сотрудницей Плёсского музея-заповедника Л.В. Ицковой¹. Её публикация сопровождалась рисунком, получившимся несколько неудачно вследствие несовершенства копировальной техники. Публикуя ещё раз данную находку, автор хотел бы акцентировать внимание читателя на граффити, отчётливо процарапанное по верху общего изображения иконки. Не связанное напрямую с библейским мифологическим сюжетом, оно представляется весьма значимым для понимания мировоззрения русского человека эпохи средневековья.

Рисунок был нанесён острым предметом на боковой поверхности саркофага (Гроба Господня) уже после изготовления иконки и явно не рукой мастера. Он, вероятно, представлял собой фаллос в состоянии эрекции на фоне двух горизонтальных линий, в древнерусской семантике чаще всего обозначающих воду. Две двойные вертикальные линии на саркофаге могли условно представлять сосуд (ведро) с означенной

водой. Несколько коротких, хаотично расположенных неглубоких царапин, по всей видимости, носили случайный характер (рис. 215).

Рис. 215.

Перечень известных на сегодняшний день фаллических изображений, так или иначе связанных семантически с идеей плодородия, достаточно широк и ежегодно пополняется в результате археологических

раскопок. На территории Волго-Окского междуречья древнейшие из подобного рода находок обнаружены Д.А. Крайновым (на стоянках Сахтыш II, Ивановское III и VII), который достаточно подробно раскрыл заложенный в них сакральный смысл². Эпоха бронзы и раннего железа представлена в этом перечне всякого рода «навершиями» и «рукоятями» характерных форм³. Костяные, деревянные и металлические изображения известны в финских и русских средневековых древностях⁴. Наконец, в наши дни исследователи предлагают обратить внимание на традиционную форму и изначальную символику пасхального кулича (сам праздник уходит корнями в глубокое дохристианское прошлое)⁵.

Наиболее яркое и отчётливое проявление символика находит в древнем русском свадебном ритуале опускания «срамных уд» в воду (ведро с водой), о чём писали Н.М. Гальковский и Б.А. Рыбаков⁶. Действие означает соединение мужского и женского начала для зарождения новой жизни. Похожие аллегории мы обнаружим и в русских былинах: соединение ножа-свайки и кольца, пера и чернильницы (былина «Ставр Годинович»)⁷. Нетрудно также догадаться, что представляли себе девушки, произнося в ходе традиционного святочного гадания известное заклинание: «Суженый-ряженный, приходи коня поить».

Ряд фактов, однако, заставляет усомниться в том, что «свадебный набор» – модель фаллоса и ведро с водой – использовался в древности только на свадьбах. Сохранившиеся металлические детали вёдер не раз встречались при археологических исследованиях и в погребальных курганных насыпях⁸. Данное обстоятельство вполне объяснимо, исходя из общих представлений древности о кладбище как «месте жизни умерших». Таким образом, наряду с находимыми в курганах глиняными моделями яиц, «набор» должен был обеспечивать возрождение умершего для новой жизни в загробном мире.

В том же контексте возрождения (только вне связи с потусторонним миром) следует, видимо, рассматривать и начертание на плёсской иконке. Вещь была найдена в одной из крупнейших крепостей Руси XV века, на месте частой дислокации русских войск и постоянного нахождения гарнизона. О её принадлежности ратнику свидетельствуют и встреченные рядом с ней в раскопе детали воинского снаряжения.

Из этнографических источников известно, что вплоть до XIX века уход мужчины на войну сопровождался исполнением определённого ритуала, призванного уберечь от ран или способствовать их быстрому заживлению. Важной составной частью ритуала были заговоры, как от имени родственников, так и от самого мужчины, в целях самообороны. «В высоком терему, в понизовском, за рекою Волгою стоит красная девица, стоит, покрашается... Ты, красная девица, ...заколоти ты своею невидимою силою ружья вражия... А как бы я на войне цел и невредим, а мой конь был бы цел и невредим, а была бы моя одежда крепче панциря»⁹.

Не менее серьёзная роль с древности (что живо и по сей день!) отводилась всякого рода оберегам. Таковым мог стать, например, кремнёвый наконечник стрелы, подобранный на месте стоянки эпохи камня. Он считался атрибутом бога-громовержца, наконечником посланной им молнии: «Летел орёл из-за Хвалынского моря, разбросал камни и кремницы по крутым берегам, кинул громову стрелу во сыру землю..., что им покорилась селитра-порох, смирным-смирнёхонько...»¹⁰.

По мере распространения христианства в Европе место верховных богов всё чаще стал занимать Иисус. Сюжеты его бытия постепенно вписывались в природный календарь; его рождение, например, совпало с началом нового года (Йоль сменился Рождеством). Естественно, что на этом фоне в народной языческой среде Древней Руси сцена поклонения Гробу Господню не могла не приобрести нового сакрального наполнения. Исследовательница древнерусской каменной пластики Т.Н. Николаева пишет: «Иконы с изображением Гроба Господня носили на груди ради исцеления»¹¹. В нашем случае воин из Плёсской крепости мог рассматривать свою иконку как оберег от ран и, на случай ранения, как средство быстрого исцеления.

Плёсская находка весьма отчётливо указывает именно на такое назначение: идея возрождения здесь подчёркнута трижды. Во-первых, сюжетом возобновления жизни Иисуса после смерти (как нового бога, воплощающего жизненные силы природы). Во-вторых, растительным орнаментом на крышке саркофага; заметим, что растительный орнамент обычен и на средневековых каменных надгробиях человеческих захо-

ронений (древняя идея возрождения к новой жизни в ином мире), есть он даже на сравнительно недавно изготовленном деревянном саркофаге Серафима Саровского. Наконец, в-третьих, помещением на иконку «свадебного набора», то есть дающих жизнь соединённых символов мужского и женского начала; заметим, кстати, что символическая (понятная язычнику) орнаментация саркофага в разных регионах России была разнообразна и не связана с оформлением того Гроба Господня, что демонстрируется сегодня в Иерусалиме.

Нельзя забывать, наконец, что и сам сюжет прихода женщин хорошо соотносится с древними и очень живучими (до сего дня) представлениями о могучей живительной силе, связанной с женским плодородием. Вспомним обряды, связанные с обереганием дома от несчастий, деревень от эпидемий, обряды наделяния плодородием засеянных полей или девушек на выданье. Они хорошо известны из этнографических источников.

Судя по тому, насколько непрофессионально и, при всей отчётливости, небрежно нанесён «посторонний» рисунок, он мог быть выполнен во время исполнения ритуала заговора и представлять собой довольно поздний образец «мобильного искусства»¹².

Автором рисунка мог быть волхв (колдун), специально для хозяина иконки освятивший её на языческий манер и тем самым усиливший магические свойства оберега (рис. 216). Таким образом, совершенно не приемлемое в контексте библейского сюжета и оскорбительное с точки зрения ортодоксального христианства начертание на Гробе Господнем

Рис. 216.

для русского человека эпохи средневековья было вполне естественным, даже желанным. И это ещё одно из многочисленных свидетельств глубоко укоренившихся политеистических основ народного мировоззрения.

О реальной же степени уважения к христианским ценностям, на наш взгляд, свидетельствуют следы использования иконки. Изначальный верхний крепёж её обломан (как и петли у нескольких средневековых крестов из той же Плёсской крепости – в результате сильного физического воздействия). Но иконку-оберег и потом ещё носили, просверлив в ней для этого три отверстия. При этом никого не смутил тот факт, что центральное отверстие насквозь прошло главный купол храма, знаково, казалось бы, для всех христиан¹³.

---

¹ Ицкова Л.В. *Каменная иконка из Плёса*. // АПВКМ. Иваново, 1989. Вып. 1.

² Крайнов Д.А. *О религиозных представлениях племён волосовской культуры*. // Древности славян и Руси. М., 1988.

³ Дубынин А.Ф. *Щербинское городище*. // Дьяковская культура. М., 1974. С. 285. Табл. IV.

⁴ Рыбаков Б.А. *Язычество древних славян*. М., 1981. С. 41. Травкин П.Н. *Зооморфная поделка с Микшинского селища*. // СА. М., 1991. № 1.

⁵ Голан А. *Миф и символ*. Москва-Иерусалим, 1994. С. 193.

⁶ Рыбаков Б.А. *Язычество древних славян*. С. 36. Спустя два года после публикации данной статьи на том же памятнике также обнаружен атри-

бут обряда опускания в воду «срамных уд». // Травкин П.Н. Язычество... Рис. 80.

⁷ Былины. М., 1957. С. 256–257.

⁸ Комаров К.И. Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994. С. 49.

⁹ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. М., 1983. Вып. Е1-60. С. 151.

¹² На сегодняшний день «мобильное искусство» представлено в том же Плесе немалым количеством граффити, преимущественно домонгольской эпохи. См.: Травкин П.Н. Язычество...

¹³ Первая публикация – в сборнике: Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. В новую публикацию внесены правки, представлены новые иллюстрации.

Поздний тип височного кольца

В русском средневековье языческая вера (а в равной мере и христианская) требовала от человека, как пишет А.Л. Юрганов, «ежедневного подтверждения причастности, – и само это подтверждение олицетворяло собой веру»¹. Надо ли удивляться, что любой элемент раннесредневекового костюма имел яркую семантическую окраску, независимо от допустимого многообразия форм подобных предметов. В полной мере это касается и височного кольца как неотъемлемой части женского головного убора.

По солидарному мнению исследователей, верхняя часть женского костюма (головной убор) связана с небесной сферой². Это в полной мере иллюстрируется одной из раннесредневековых курганных находок с берегов реки Уводь: девичий венчик с изображением солнца, катящегося по небу³. Но кроме солнца небесного, в костюме обязательно фигурирует солнце восходящее и заходящее. Этот переход светила из мира подземного в мир небесный (и обратно) как раз и символизируют височные кольца с правой и с левой стороны лица хозяйки костюма, которая, в соответствии с традиционным политеистическим мировоз-

зрением, каждой деталью убора стремится показать, что она знает, как устроен мир.

Из более чем полутора десятков разновидностей височных колец, найденных за годы археологических раскопок в Плесе, можно выделить несколько форм с наиболее яркой семантической окраской. Таковы, на наш взгляд, кольца с напускными бусинами или со стилизованным изображением морды дракона. Очень выразительными в данном аспекте, бесспорно, стали три экземпляра одинаковых колец, найденных в раскопах на территории плёсской крепости (рис. 217).

Ранее подобные формы уже встречались археологам. Согласно публикации Л.А.Голубевой, два похожих кольца найдены в горизонте XIII века на Белоозере, и еще один – в погребении XII–XIII вв. Лосминского могильника в районе Великого Устюга. Исследовательница характеризует их как подвески с разомкнутыми концами, на одном из которых имеется изображение, напоминающее «увенчанную рогами голову лося с раскрытой пастью»⁴.

Разумеется, подобная трактовка может быть подвергнута сомнению: «лось с раскрытой пастью» с семантикой височных колец вряд ли каким-то образом увязывается. Расчистка плёсских находок позволила объяснить загадку «лося». На лопасти первого же найденного кольца (1995 г.) проявилось достаточно четкое изображение зеркально расположенных – головы хищника (льва?) и фигурки сидящей птицы (рис. 218).

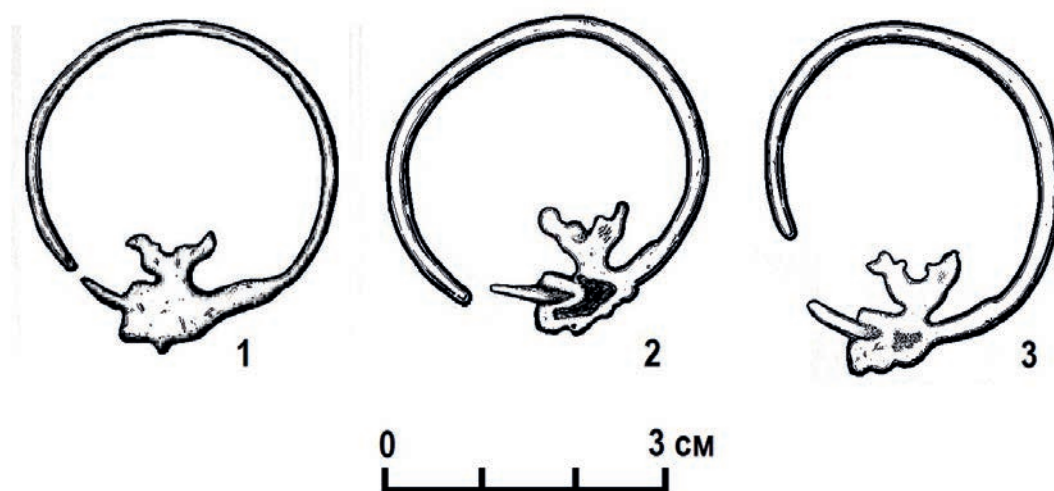

Рис. 217. Височные кольца с Плёсского городища.

На следующей находке (1998 г.) фигурка птицы читалась еще более отчетливо: у нее был ясно обозначен клюв.

Рис. 218. Височное кольцо из раскопа 1995 г. на Плѣсском городище.

Смысл композиции предельно ясен. Помимо солнца (кольцо само по себе), мастер-ювелир показал мир небесный (его символизировала птица) и мир подземно-подводный (хищник как одна из ипостасей хозяина преисподней). Символы размещены в композиции так, что миры противопоставлены один другому. Когда височное кольцо находится в нормальном состоянии (подвешено к головному убору), фигурка птицы венчает сакральную композицию. Хищник же показан

в перевернутом состоянии, и это тоже семантически безупречно: нижний мир в древности часто изображался вверх ногами. Кольцо с такими знаками обозначает момент пересечения солнцем границы миров, когда оно утром появляется на небе, а вечером возвращается в нижний мир.

Датировки, означенные Л.А. Голубевой, заставили нас предположить, что найденные, к моменту первой публикации, два плѣсских кольца попали в более поздние слои в результате перекопа и являются парой из какого-то нарушенного женского погребения некрополя, возникшего на Соборной горе после ордынского разорения⁵. Однако ещё один экземпляр из очередного раскопа (из позднейшего жилого комплекса) заставил отказаться от первоначального предположения. К этому побудили и накопившиеся к настоящему времени похожие находки из раскопок других городов средневековой Руси.

Рассмотрим подробнее обстоятельства обретения все трёх плѣсских находок.

Первая из них (рис. 217,2; 218) встречена в раскопе 1995 года, на небольшой глубине (–18 см). Несмотря на то, что здесь на глубине

15–20 см стали выявляться первые фрагменты развала глинобитного корпуса печи первой половины XV столетия, мы и ранее не увязывали однозначно найденное кольцо с данным жилым комплексом. Первый пласт в раскопах на данном памятнике обычно либо представляет на зачистке (глубина 20 см) остатки построек начала-середины XVI века, либо является своего рода «пограничным горизонтом», где почти всегда есть находки как предметов указанного времени (а более поздняя застройка отсутствует), так и вещей несколько более древних.

Второе височное кольцо найдено в 1998 году в закрытом и хорошо датированном комплексе «дома наместника», которому посвящена в сборнике отдельная статья (рис. 217, 1). Место находки – погреб под первым этажом постройки, где все находки хорошо укладываются в хронологические рамки первой половины – середины XVI в., а найденный в погребке клад монет относится к 50-м годам данного столетия. Косвенным свидетельством возможности попадания в данный комплекс более древних вещей в результате перекопа могли бы стать три фрагмента днищ керамических сосудов с клеймами. Однако совокупность материалов, найденных к сегодняшнему дню в раскопах на Соборной горе, указывает на сохранение традиции такого рода клеймения на всей протяженности времени функционирования крепости. Сомнения в датировке второго височного кольца в таком случае не имеют достаточных оснований.

Третье кольцо обнаружено в квадрате 230 раскопа 2004 года, в слое угля и пачины на месте одного из самых поздних жилых комплексов городища (рис. 217, 3). Глубина залегания – 20 см от современной поверхности. На данной глубине вокруг находки уже обозначился контур подпечной ямы сгоревшего жилища, то есть никаких более древних напластований в данном квадрате раскопа не было. Найденная в яме монета реформы Елены Глинской позволяет датировать комплекс второй четвертью XVI века.

Таким образом, все три височных кольца укладываются в хронологические рамки 1 половины – середины XVI столетия. Все они одного типа, изготовлены из единого материала (медный сплав), все имеют одинаковый размер и вид и, вероятно, принадлежат к одной серии

изделий. Незначительные различия объясняются только степенью сохранности находок и небольшой деформацией в процессе их бывшего использования в составе костюмного комплекта.

К настоящему времени появилась возможность сравнить плёсские экземпляры с находками из других городов. Очень похожая находка есть на поселении городского типа Усть-Шексна. В Васильевском раскопе на территории г. Пскова в слое XV в. найдена формочка для отливки похожих височных подвесок⁶.

Рис. 219. Вологодская находка.

Очень интересна и своеобразна сравнительно недавняя находка из Вологды: «массивное золотое височное кольцо с фигурной лопастью» (к сожалению, в переотложенном состоянии)⁷. Изделие демонстрирует в целом ту же композицию: с отчётливой фигурой птицы, но уже со стилизованной головой не кошачьего хищника, а «зверя коркодила», то есть водяного дракона. Его выдаёт грива из колечек, как на шумящих подвесках, здесь же обозначена и символика воды

(рис. 219). Коркодил семантически равнозначен хищнику и также представляет одну из ипостасей бога преисподней в восточно-финской и наследовавшей ей древнерусской мифологии. Следовательно, мастер знал и сознательно подчёркивал сакральную сущность данной принадлежности костюма богатой вологжанки⁸.

Плёсские находки первой половины-середины XVI столетия, а также аналоги из других городов времени, близкого к указанному, вновь подтверждают, что формальное принятие христианства Русью на государственном уровне отнюдь не является свидетельством отказа народа от традиционных политеистических воззрений. Представления о костюме

как некой модели вселенной продолжают сохраняться и подтверждаться предметно.

---

¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С.63.

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 526.

³ Травкин П.Н. Древний костюм Ивановского края. Иваново, 1999. Рис.17,2.

⁴ Голубева Л.А. Вель и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 46.

⁵ Травкин П.Н. Образ мира в искусстве (Височное кольцо как граница миров в плесском средневековом костюме). // Ноосферное образование в России: материалы международной научно-практической конференции. Иваново, 2001. Часть 2. С. 103–105.

⁶ Королёва Э.В., Харлашов Б.Н. К вопросу о дворах в средневековом Пскове (по материалам Васильевского раскопа). // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1994. Выпуск 2. С.96. Рис. 9, 4.

⁷ Андрианова Л.С. Работы Сухонско-Кубенской экспедиции в Вологодской области. // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 14.

⁸ Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ, Е 1–60. Л., 1981. Табл. XXIV. Травкин П.Н. Язычество... С.132–143.

Печати из средневекового Плёса

В раскопах 1986–2005 гг. на Соборной горе найдено 5 печатей. Из них четыре представляли собой металлические перстни с вырезанными изображениями на щитке, одна – костяная печать-матрица.

Старейшая из находок встречена в раскопе 1992 года в светло-коричневом слое, что откладывался после ордынского разорения вплоть до возведения крепости Василия I в 1410 году (рис. 33, 15). Перстень отлит из медного сплава, он «мужского» размера (внутренний диаметр 1,9 см), сохранил чёткое изображение на щитке и растительный орнамент на кольце сбоку. Изображения выпуклые. На овальном щитке достаточно чётко видна фигура кошачьего хищника (вероятно, барса), головой влево, с поднятой правой лапой. Наибольшее сходство изделие находит на подмосковном селище Настасьино, где на подобном перстне изображение барса просматривается хуже, но примечательный растительный орнамент на кольце сбоку совпадает с тем, что на плёсском экземпляре.

Важно отметить, что оба поселения в это время (2 половина XIV века, по плёсским археологическим данным) связаны с выходцами из Орды, перешедшими на службу московской великокняжеской власти. На этот

счёт существуют свидетельства письменных источников. Археологические же находки «восточного» облика, сопутствующие найденным перстням, связаны в первую очередь с военным бытом, со снаряжением всадника. В одном комплексе с плёским экземпляром, в частности, найдены стрела-срезень характерной для XIV столетия формы, стремя и, кроме того, ременная накладка – также с изображением хищника (рис. 33). Вновь следует вспомнить высказанное нами выше предположение, что предки владельцев плёских земель, Сабуровых, были выходцами из земель Волжской Болгарии: изображение барса с поднятой правой лапой (символ власти) восходит к древней болгарской культурной традиции.

Ещё один перстень с таким же овальным щитком и похожим изображением найден в раскопе 2003 года (кв. 213) на глубине всего в 20 см. находка того же размера, но отлита из серого сплава (рис. 220). Фигура зверя на щитке повёрнута право, она тоже с поднятой передней лапой (на оттиске была бы – с правой).

Датировка может быть определена исходя из следующих обстоятельств: перстень найден на небольшой глубине, в непосредственной близости от подпечной ямы жилого комплекса 2 пол. XV – 1 пол. XVI вв. и среди остатков данного комплекса. К ним, по всей видимости, он также может быть отнесён непосредственно.

Из других находок раскопа, связанных с культурой востока, можно отметить относящиеся к остаткам указанного жилища остатки кумгана, а также – в 3–5 м от подпечной ямы – носик расписного кувшина и обло-

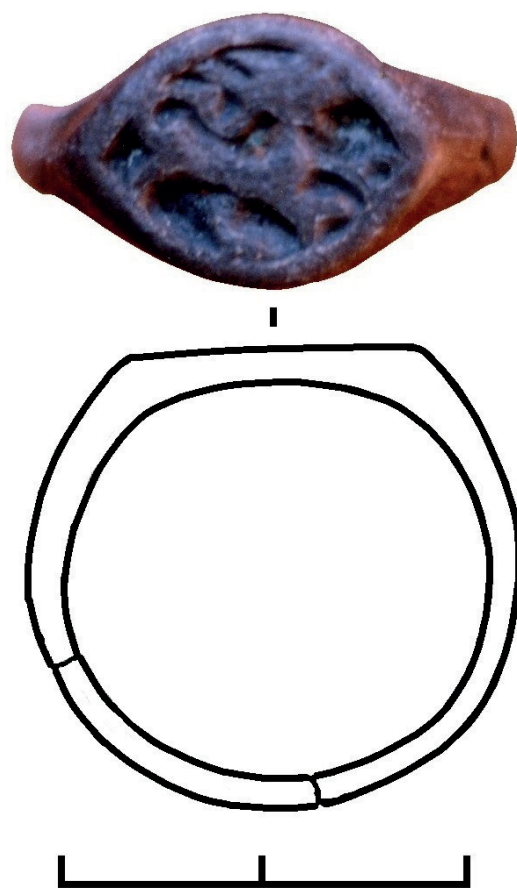

Рис. 220.

мок чаши с процарапанным изображением, похожим на знак Джаффаридов.

Две следующие печатки имеют более узкую и точную датировку и связаны с позднейшим периодом функционирования Плесской крепости. Перстень с овальным щитком, найденный в жилом комплексе осадного двора 1 пол. XVI в. (кв. 142 раскопа 1996 г.), изготовлен из медного сплава. Он немного деформирован (рис. 187, 1). Внутренний диаметр составляет около 2 см.

На его овальном щитке нанесено изображение ладони. Однако, в отличие от вышеописанных, изображение не рельефное: оно выгравировано на слегка выпуклой поверхности (рис. 221). Подобные печати найдены в ряде древних поселений Руси (Новгород, Псков, Москва, Городец и др.). Специалисты связывают их с западноевропейской культурной традицией¹.

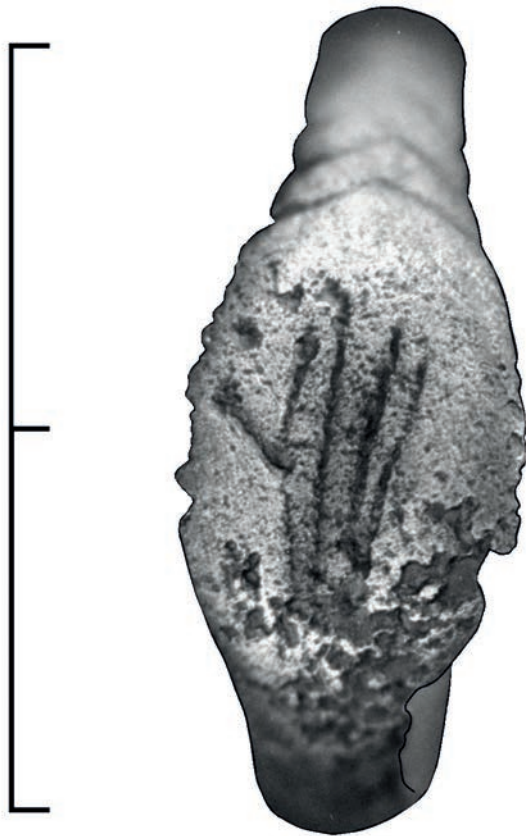

Рис. 221.

Серебряный перстень найден в погребе второй четверти XVI в. (датировка по монете реформы Елены Глинской) в кв. 229–230 раскопа 2004 года (рис. 154). Внутренний диаметр кольца составлял 1,8 см. На плоском округлом щитке рукой ювелира вырезано изображение дракона с всадником на спине. Дракон, в данном случае, – «зверь коркодил» русской средневековой мифологии, он символизирует нижний мир. Всадник на его спине – стилизованное изображение мирового дерева с солнцем на вершине. Всё вместе – один из вариантов изображения мифологической картины мира. Сюжет

хорошо известен в древностях Верхневолжья и других восточно-финских территорий².

В данной публикации есть смысл упомянуть и два найденных на городище перстня, щитки которых не несут на себе никаких изображений (рис. 222). Если прежде они всё-таки имелись и были выполнены с небольшим углублением или невысоким рельефом, то при новом использовании могли быть стёрты. Следы подобных действий – множественные продольные царапины – мы видим на одном экземпляре (рис. 222, 1). Он найден в тёмно-сером слое, связанном с комплексом 1 половины – середины XV в. (кв.53 раскопа 1989 г.). Изготовлен из медного сплава, имеет внутренний диаметр около 17 см. Щиток овальный, тонкий (насколько стёрт?).

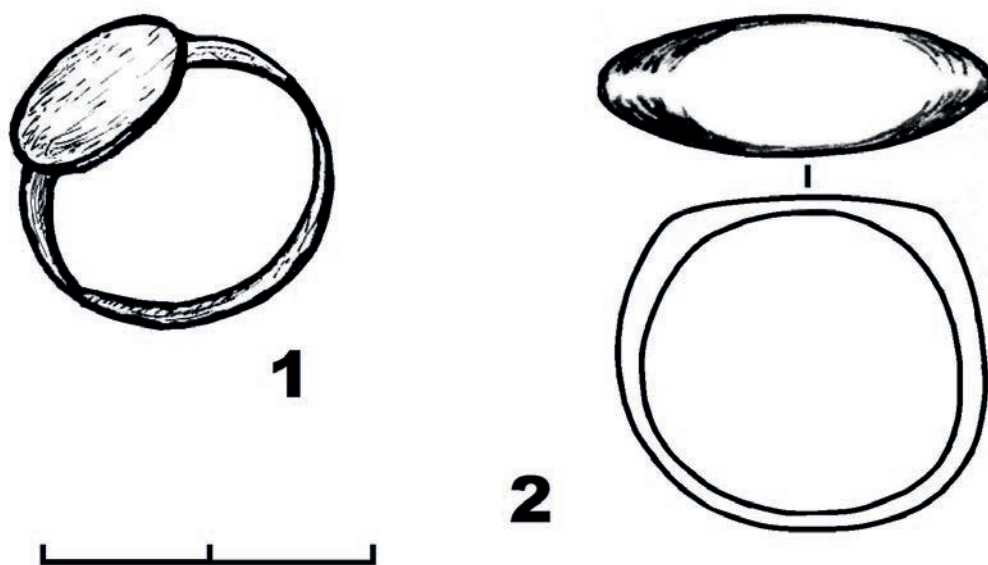

Рис. 222.

Второй перстень без изображения, вероятно, можно отнести к «заготовкам печатей» – изделий, отливаемых партиями для последующей гравировки на щитке (рис. 222, 2). Судя по состоянию вещи, изображение на неё так и не было нанесено. Перстень также использовался как украшение, что нельзя назвать редкостью³. Найден он был в кв. 93 раскопа 1995 года на глубине 31 см, в слое XV – 1 пол. XVI вв.

Одной из наиболее интересных находок, выявленных в ходе раскопок на территории Плёсской крепости, стала костяная печать-матрица⁴. Она была обнаружена в слое жилой постройки на глубине 55 см (кв. 39 раскопа 1989 года). Более точное её местонахождение – верхний слой просевшего в подпечную яму развала печи. Из сопровождаемого находку вещевого материала можно отметить ключ к замку типа «В» и фрагмент дужки замка типа «В», короткое овальное кресало⁵, а так-

же пряслице из обломка ангобированного сосуда и два обломка керамических днищ с клеймами. Керамика была представлена фрагментами, характерных для плёсских жилых комплексов XV столетия, наличие ангобированного образца позволяет с большей уверенностью говорить о второй половине столетия.

Сама печать, «типа шахматной фигурки», изготовлена на токарном станке (рис.223). Высота её составляла 1,4 см, ширина овального корпуса 1,1 x 1,2 см. В рукояти были просверлены сходящиеся с противоположных сторон к тыльной стороне два канала диаметром 2 мм (на выходе, с тыльной стороны, диаметр общего отверстия составлял 3 мм). Корпус изделия был украшен проточенными орнаментальными поясками шириной 0,5 мм.

На лицевой стороне матрицы чётко прослеживалось углублённое изображение в виде коня с

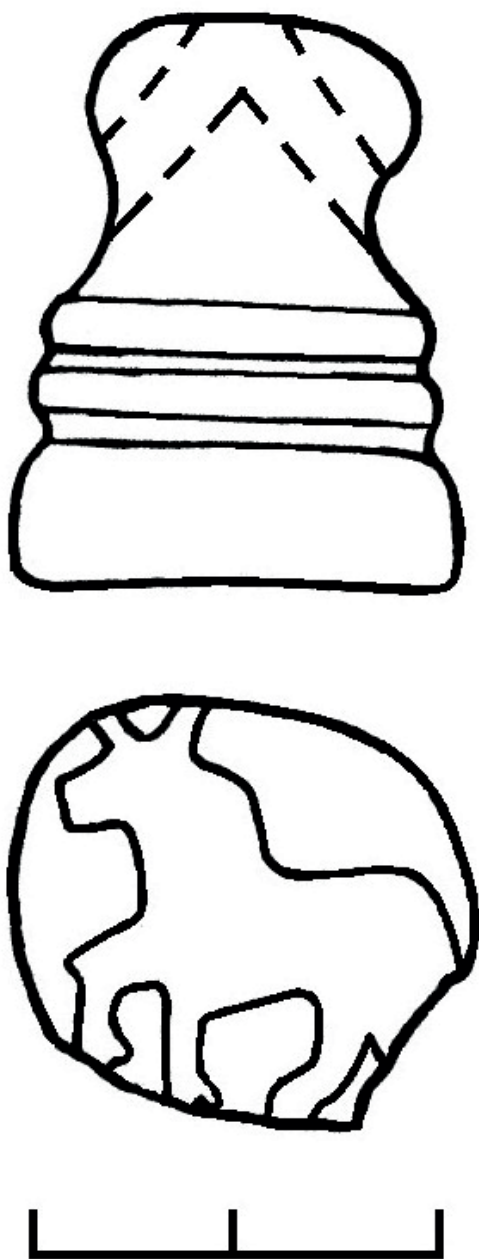

Рис. 223.

характерным изгибом шеи (контуром гривы) и очертаниями головы. Одна передняя нога коня поднята и согнута в колене, положение одной задней ноги и хвоста неизвестно: изображение здесь сколото (рис. 224).

Похожие изображения имеется на гербе города Стары Конь, на гербах Великопольских, Майковых и Мешковых. О службе этих дворян в Плёсе или об их временном присутствии с полками в данном регионе автору ничего не известно⁶.

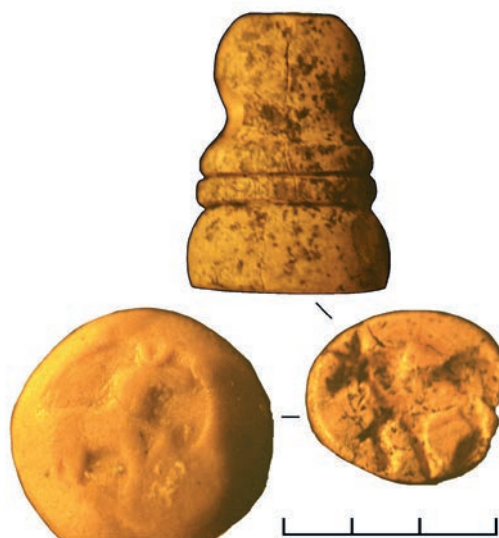
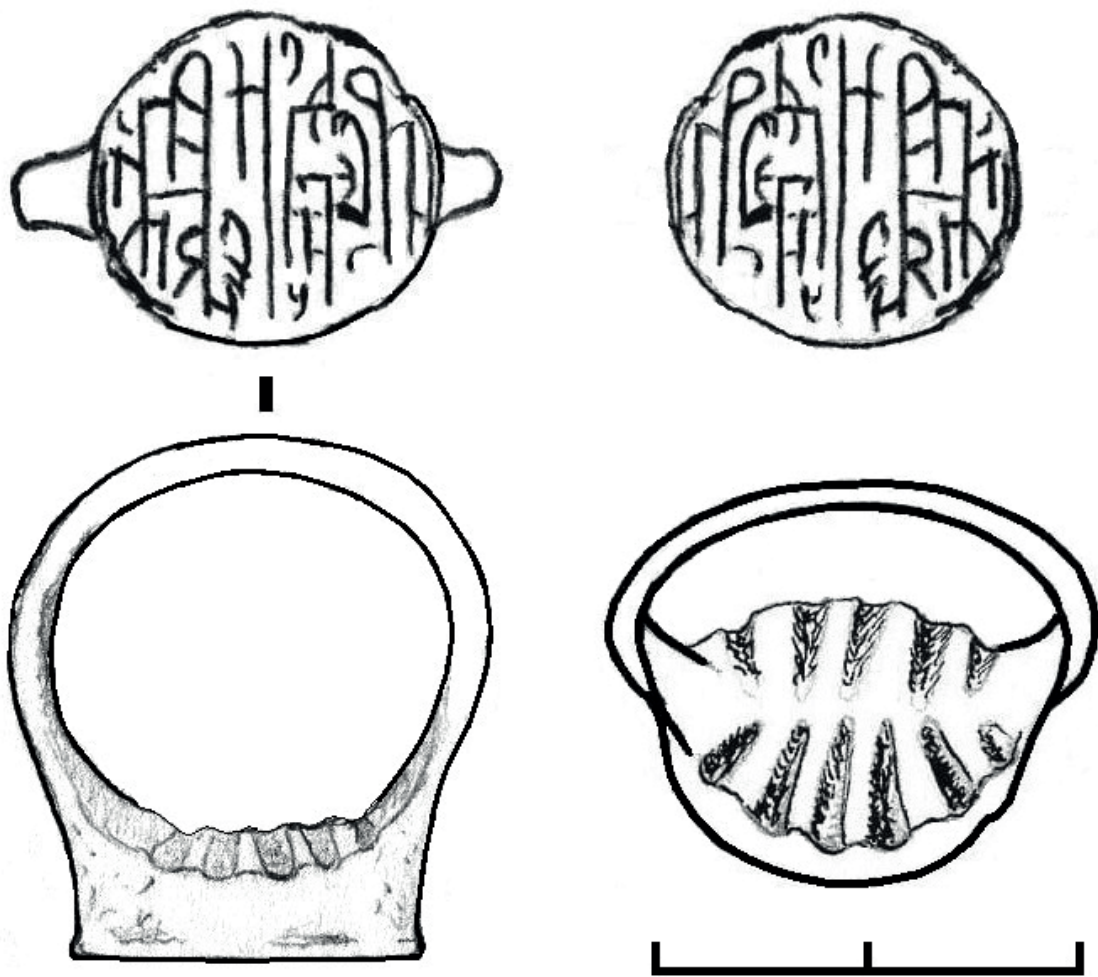

Рис. 224.

Наконец, нельзя не упомянуть находку, происходящую из Плёса, но не из раскопов на Соборной горе. Она была предоставлена в распоряжение автора статьи на короткое время; удалось сделать карандашные зарисовки и оттиск в пластилине (рис. 225).

Печать сделана в виде перстня большого («мужского») размера (внутренний диаметр кольца 1,8 см). Отлита из бронзы. Щиток массивный, чуть расширяющийся кверху, к поверхности с изображением. Носить перстень на пальце неудобно, поскольку внутренняя сторона, противоположная изображению, представляет своего рода гребень, возвышение по линии окружности кольца со скосами в обе стороны. Но удобно делать оттиск, и для удобства нажатия двумя пальцами вдоль скосов сделаны борозды (чтобы пальцы не соскальзывали и оттиск получался ровным).

На лицевой стороне округлого щитка выгравирована надпись вязью, в обратном написании. Уверенному прочтению буквенная композиция не поддается. Возможно, таким образом могла быть зашифрована популярная на Руси в XV–XVII вв. сентенция из «Пчелы»: «При славе смирен буди, а при печали мудр». Подобного рода надписи можно было увидеть на перстнях-печатках и шейных печатях⁷.

Рис. 225.

Дальнейшая судьба артефакта (как и точное место находки) нам не известна.

- ¹ Седова М.В. Ювелирные... С. 135
- ² Травкин П.Н. Язычество... С. 153. Рис. 82, а.
- ³ Харлашов Б.Н. Некоторые итоги раскопок в Завеличье. // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1994. Вып. 2. Рис.31, 2.
- ⁴ Впервые опубликована в соавторстве с В.В. Хухаревым: Печать-матрица из Плёса. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып.3. С.139–143. В новой публикации произведено уточнение данных об обстоятельствах обретения находки.
- ⁵ Колчин Б.А. Хронология ... С. 160–163.
- ⁶ Лакиер Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 292. табл. XXV, 17.
- ⁷ Авдеев А.Г., Меньшиков М.Ю., Янишевский Б.Е. Шейная печать-матрица из раскопок Можайска. // Вопросы эпиграфики. М., 2008. Вып. 2. С. 188–192.

«Утюжки» – каменные клинья

Термин «утюжки» в археологии не имеет узкопонятийных рамок. Он применим к древним изделиям различных форм, изготовленным из разных материалов и имеющим различное назначение. Чаще всего термин применяется к «поперечно-желобчатым изделиям», которые использовались, вероятно, для выпрямления древков стрел¹. Но тем же закавыченным словом «утюжки», например, М.В. Седова обозначила находку шлифованного каменного предмета из раскопа в г. Суздаль, и подобных форм – без поперечного желобка – орудия также встречаются на археологических памятниках разных территорий и эпох².

В ходе исследований Плёсского городища в слоях XV–XVI веков дважды были найдены удлинённые отшлифованные каменные изделия в виде клиньев с не острым, а специально притупленным рабочим концом. Поперечное сечение орудия имело форму, близкую к трапеции. То, что узкий край изделий был рабочим, подтверждается характерными следами: в процессе эксплуатации кромки были стёрты и на них появились небольшие сколы.

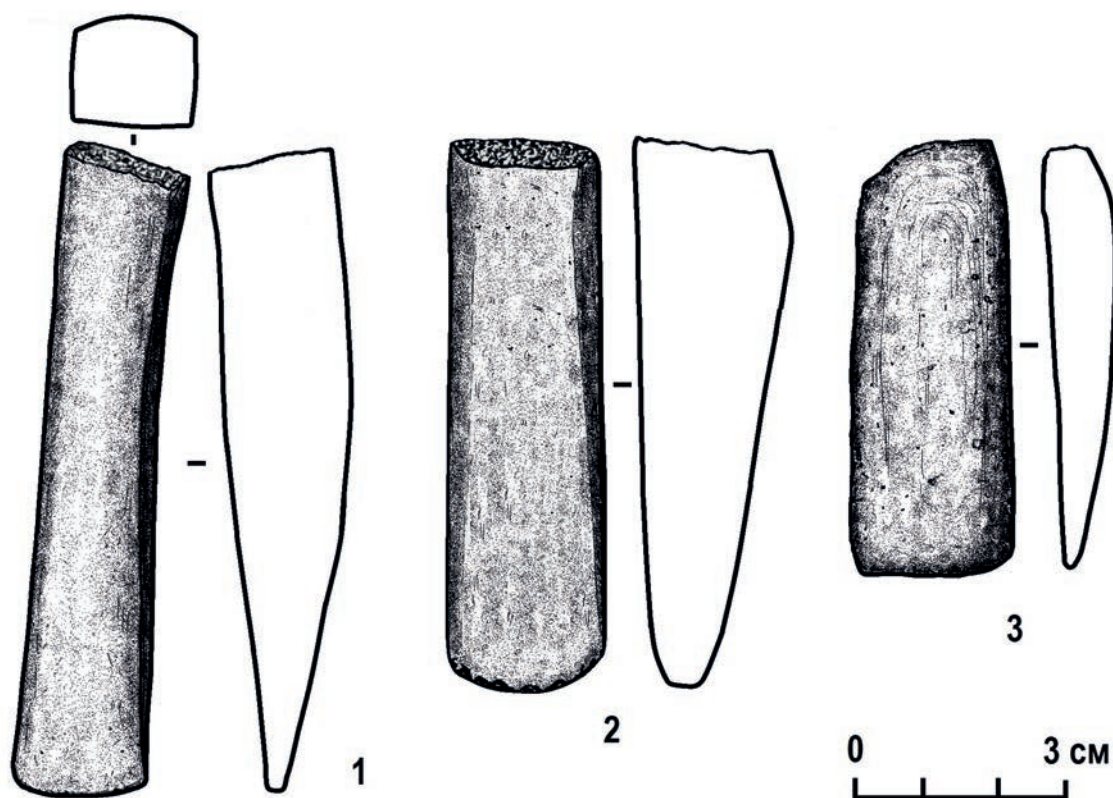
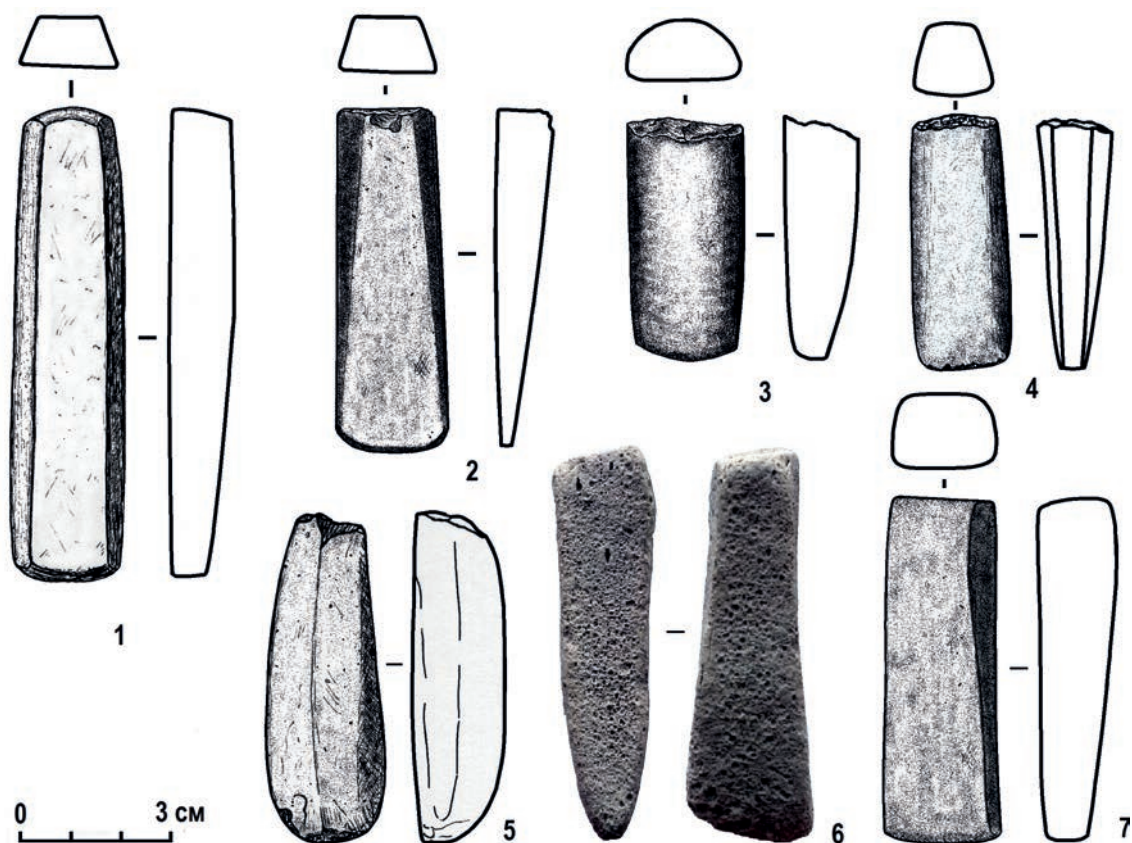

Рис. 226. Клинья из раскопов Плесского городища.

Одно из орудий сохранилось полностью или почти полностью (рис. 211, 1). Длина его составляла 9,4 см, ширина в подквадратном (с несколько выпуклой одной стороной) сечении – 1,8 см. Тильный конец орудия не отшлифован, а если даже был сломан, то в дальнейшем по нему наносились удары, несколько сгладившие шершавую поверхность. Изделие выполнено из мягкого камня-песчаника. Найдено в нижней части тёмно-серого слоя, который начал откладываться на городище с постройкой новых крепостных сооружений в 1410 году (квадрат 123 раскопа 1996 года).

Вторая находка также имела удлинённую, но более сложную форму – с утолщённым квадратным в сечении центром и скосом на обе стороны. Рабочая половина полностью сохранилась, тильный конец обломан в сантиметре от центра (рис. 226, 2). Изначально орудие было крупнее вышеописанного; ширина его составляла 2,2 см. Об изначальной форме можно судить по хорошо сохранившемуся аналогичному «утюжку» из Суздаля. Плесский экземпляр изготовлен из красно-коричневого сланца, хорошо отшлифован, сужающийся рабочий конец его стёрт

от использования и получил мелкие сколы. Найден в кв. 138 раскопа 1996 года на небольшой глубине (26 см), в непосредственной близости от «дома наместника», что позволяет, с известной долей осторожности, отнести его к древностям 1 пол. XVI в.

Рис. 227. Каменные клинья с Алабужского городища (1–3), Клочковского городища (4), Плёского раннесредневекового посада (5–6), селища Холодная гора (7).

К тому же времени относится найденное среди остатков печи с кирпичом (кв. 242 раскопа 2004 г., первый пласт) очень своеобразное изделие. Необычность его заключается в том, что для его изготовления послужил крупный белемнит – из тех, что встречаются по берегам Волги в районе Плёса. Белемнит был расколот вдоль, и затем из его половинки выточен клин относительно небольшого размера (6,2 x 2,1 x 1,2 см), но вполне пригодный для работы; кончик его был закруглён (рис. 226, 3).

Более ранние находки клиньев относятся ко времени начала существования города (сер. XII – нач. XII вв.). Два экземпляра найдены на исследованной раскопками улице ювелиров домонгольского посада,

просуществовавшей до ордынского нашествия. Оба выполнены из мягкого камня (известняк, опока), который активно использовался местными жителями как минимум с VI по XVI вв. (находки изделий на Алабужском городище, в Плесе и окрестных курганах) (рис. 227, 5–6).

Гораздо более древние аналоги (обозначенные исследователями как «оселки вытянутой формы с закруглёнными углами») встречались на подмосковных городищах раннего железного века³. Но нас, безусловно, должны интересовать похожие орудия прежде всего с ближайших к Плёсу памятников. Наибольшее количество находок, целых и фрагментированных, встречено при раскопках расположенного в 12 км от Плёса волжско-финского Алабужского городища (9 экземпляров). Это клинья с одним сужающимся, закруглённым и притупленным концом, тщательно отшлифованные (рис. 227, 1–3). Орудия встречались на всей территории памятника и использовались, судя по всему, на протяжении всего времени функционирования крепости (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Похожий клин найден при раскопках на Холодной горе г. Плёса, где расположен сильно повреждённый домонгольским кладбищем памятник с поздняковской и ранней сетчатой керамикой (рис. 227, 4). Следует упомянуть и находку времени раннего железного века с Клочковского городища (Шуйский р-н Ивановской области) (рис. 227, 7).

Но если задаться вопросом о глубине традиции использования подобных орудий в регионе (Ивановская область), то следует вспомнить интересную находку с территории большого комплекса стоянок озера Сахтыш. В 1985 году местные жители передали нам необычной формы «каменный топор»: от похожих в целом местных шлифованных топоров эпохи неолита – ранней бронзы его отличала меньшая массивность, вытянутая форма и не заострённый, а специально притупленный рабочий конец (рис. 228). Орудие выполнено из камня осадочной породы, имело серый цвет, мягкие очертания и тщательно отшлифованную поверхность. Длина составляла 13,5 см, максимальная ширина (в середине) – 3,4 см, толщина – 2,1 см. Сечение корпуса овальное. Рабочий конец слегка закруглён, сточен до толщины 0,9 см и отшлифован, имел чёткую кромку и следы ударов. Тыльный конец закруглён и отшлифо-

ван, также со следами ударов, после одного из которых образовалась трещина.

Возвращаясь к плёским древностям, отметим непреложный факт, что в древних русских деревянных городах, где и жилые, и хозяйственные, и фортификационные постройки сооружались из брёвен, в состав набора мужских домашних инструментов входили приспособления для проконопачивания срубов. Какие требования и сегодня предъявляются к таким инструментам, говорится в строительных инструкциях: «Лезвие используемого инструмента должно быть гладким и слегка затуплённым, в противном случае оно просто будет рубить уплотнительный материал». Желательно, чтобы зубила-конопатки были не железными: железные «легче повреждают защитный слой древесины, вызывая гнилостные процессы и поражения грибком».

Рис. 228. Сахтышская находка.

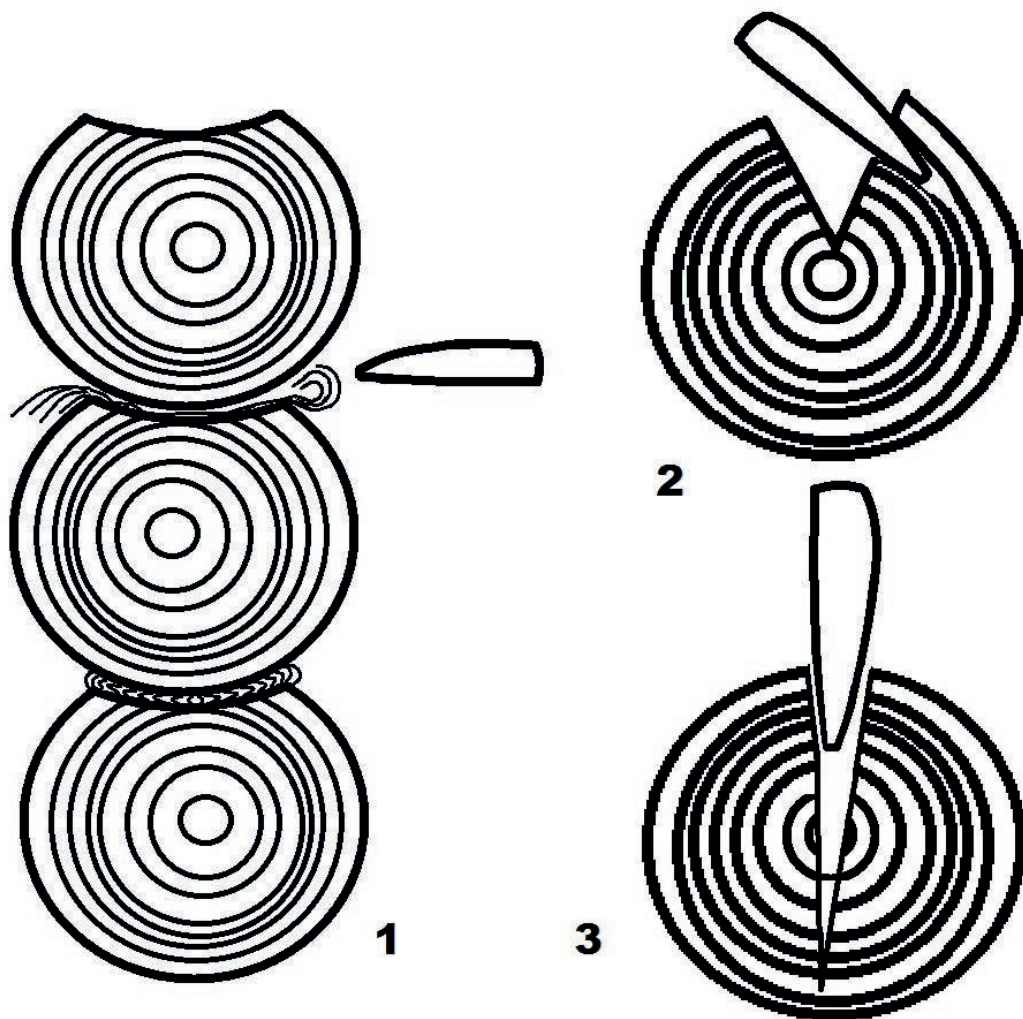
Итак, по нашему мнению, главное назначение каменных клиньев – забивать щелей между брёвнами уплотнителем (утеплителем). В качестве такового вплоть до позднего средневековья в первую очередь использовался мох. Он не настолько прочный, как пакля (а набрать эти «льняные очёсы» в нужном количестве достаточно трудно), при высыхании становится ломким. В этой связи надо вспомнить, что в стеснённых условиях города сруб зачастую изготавливался прямо в усадьбе, на месте. При таком строительстве продол-

ную выемку удобней делать в нижнем, а не в верхнем из примыкающих брёвен; нижнее уложено в ранее сделанный паз предыдущего бревна и может обрабатываться уже на своём месте в возводимом срубе. А кроме того, наличие паза именно в нижележащем, а не накрывающем бревне, диктуется как раз качествами утеплителя. Через несколько лет мох становился ломким, а затем и вовсе превращался в спрессованную труху. Но и труха из корытообразного углубления не высыпалась, и её плотный слой выполнял прежнюю изолирующую функцию.

Утеплитель вколачивался в пространство между брёвен ударом деревянной киянки по клину-конопатке, и такое уплотнение требовало усилий. Понятно, что острое железное лезвие перерубало бы материал, а костяное орудие вроде кочедыка или котка под ударом бы ломалось. Не случайно на каменных клинях присутствуют многочисленные сколы, и клинья в раскопе чаще встречаются в виде обломков.

Сломы образовывались и в случае иного использования данных орудий – в качестве клиньев для продольного разделения брёвен на доски или плахи, где удары киянки были ещё сильнее (рис. 229, 3). Из плах зачастую сооружался опечек, каркас глинобитной печи. Годились они для изготовления пола, засыпного потолка и крыши. В XVII–XX вв. крыши уже покрывались досками, тёсом, в более же ранние времена основной проблемой в этом отношении было отсутствие пил, пригодных для распускания брёвен на доски. Применялись клинья, – которые с началом использования продольных пил как раз и перестают встречаться среди археологических материалов. По нашему предположению (и на основании некоторых опытов), бревно диаметром 15–20 см кололось вдоль на две равные половины; бревно диаметром 25–30 см с помощью клиньев можно было разделить на три составляющие: доску из центральной части и два крайних «горбыля». При выполнении данной операции постановка клина (у которого одна сторона ровная, а другая со скосом), вероятно, имела значение. При утеплении сруба тоже имела, ввиду сложного примыкания брёвен: одно из них было с продольной выемкой, и щель, которую надо было забить мхом, шла наискосок (рис.229, 1).

Каменные клинья годились, на наш взгляд, и для аккуратного отслоения бересты или луба от ствола дерева (рис. 229, 2); острое желез-

Рис. 229.

ное лезвие при неловком движении повредило бы ценный поделочный материал. Могли применяться клинья и для разделения древесины по слоям – для изготовления луков, лыж, полозьев для саней, коробов и других вещей, что были востребованы на протяжении многих столетий.

¹ Усачёва И.В. «Утюжки» Евразии как исторический источник. Екатеринбург, 2007.

² Седова М.В. Суздаль... Рис. 4, 7.

³ Дьяковская культура. М., 1974. С. 69.

Заключение

Археологические материалы предпринятых раскопок позволяют достаточно чётко определить время функционирования средневековой Плесской крепости: с середины XII до середины XVI вв. Следы строений второй половины XVI столетия в раскопах отсутствуют. Более ранние находки связаны с существованием здесь стоянки эпохи мезолита. Более поздние случайны, малочисленны и относятся к XVIII–XX вв. Следы последней башни представляют собой остатки гнилого дерева, что противоречит ранее опубликованным сторонним предположениям, будто бы крепость была уничтожена (сожжена) отрядом Плещеева в 1609 году.

Открытые в ходе раскопок свидетельства существования домонгольской крепости представляют собой остатки крепостной стены с жилыми клетями для временного размещения воинов, а также остатки жилищ и иного рода сооружений на самой укрепленной территории. Собранные находки совпадают с теми, что обнаружены в раскопах на территории раннесредневекового посада.

После разорения города ордынским нашествием в 1238 году на месте военного опорного пункта образовалось кладбище, просуществовавшее, скорее всего, до окончания текущего столетия. В XIV веке жизнь

в крепости возобновилась, чему способствовало вхождение данных территорий, костромских земель, в состав Московского великого княжества. Материалы раскопок подтверждают письменные сведения о заселении территорий приглашёнными на службу выходцами с востока, вероятнее всего, из бывшей Волжской Болгарии; «татарский след» в археологических материалах проступает отчётливо. Со второй половины XIV в. хозяином земель вокруг Плёса и непосредственным «опекуном» крепости был Фёдор Сабур, ставший первым боярином Великого московского князя Василия Дмитриевича. Возможно, он и стал инициатором и непосредственным руководителем коренной реконструкции устаревшей (с развитием артиллерии) и ставшей тесной для крепнущих вооружённых сил княжества Плёсской крепости.

В 1410 году ранее фигурировавший в «списке градов русских» Плёс получил новые укрепления и значительно (в пять раз) расширил территорию крепости. Строительство и дальнейшая активная жизнь города – форпоста на «казанской украине» и волжского таможенного опорного пункта – отмечена в раскопах напластованиями тёмного насыщенного культурного слоя. В крепости стал доминировать новый тип жилища: изба-пятистенка с большой, часто двухкамерной печью, обогревавшей «чистую» и «чёрную» половину дома. Подпечные ямы представляли собой разделённые перегородкой большой погреб и более компактный ледник. С начала XVI в. в конструкции печей стал применяться кирпич, а окна устраиваться с применением слюды.

Крепость не раз подвергалась вражеским нападениям. Свидетельством служат следы многочисленных пожаров и останки людей на месте сгоревших домов, а также находки пушечных ядер с пятнами сгоревшего пороха и наконечников стрел. Большая же часть найденных предметов вооружения, разумеется, принадлежала обитателям, защитникам крепости. Немалую долю среди них представляли вещи, связанные с восточной воинской традицией (вооружение всадника). Свидетельством заботы государства о поддержке обороноспособности крепости служат предметы, связанные с развитием огнестрельного оружия. Так, к концу XV – нач. XVI вв. защитники крепости, по всей вероятности, были вооружены серийными пищальями с диаметром пули 10–11 мм

(найлены пули, следы их изготовления, детали самих пищалей). Подобные закупались большими партиями в Западной Европе.

С запада в Плѣс приходил также янтарь, шерстяные ткани, но в основном торговля Плѣса, судя по соотношению находок, в XII–XV вв. была развёрнута лицом к востоку. Домонгольские тесные связи с Волжской Болгарией переросли в столь же тесные – с Золотой Ордой (причѣм г. Булгар долго оставался в приоритете). Торговые связи в немалой степени стимулировало наличие большого количества проживавших на окрестных территориях военных слуг Московского князя – выходцев из Орды. Многие из них имели в плѣсской крепости свои осадные дворы.

В раскопах на месте дворов отмечались многочисленные следы пребывания простолюдинов, которые содержали в порядке постройки, инвентарь, обеспечивали комфортное проживание в крепости господ. Отмечены следы обработки металла, кости, дерева, занятий рыболовством и даже земледелием. Опираясь на археологические данные, мы можем предположить, что речь идёт о местном населении, сохранявшем древние мерянские традиции – в быту и в своих политеистических воззрениях (следы строительных и других обрядов, священные предметы, специфика использования христианских атрибутов). Немаловажно, что находки небольших нательных (крестильных) крестов в крепости относятся только к концу XV – сер. XVI вв.; более ранние находки – складни, змеевик, иконка с начертаниями – можно рассматривать как обереги воинов. Находки из раскопов подтверждают наши прежние выводы об утверждении христианства в регионе к рубежу XV–XVI столетий.

Предпринятая публикация, разумеется, не может охватить всех материалов, полученных в ходе археологических работ 1986–2005 годов. Отдельные категории находок, оставшиеся за рамами издания жилые и хозяйственные комплексы могут стать темами новых исследований.

АиЭМК – Археология и этнография Марийского края.

АП – Археология Подмосковья.

АПВКМ – Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья.

Архив ИА – Архив Института археологии РАН

ВИ – Вопросы истории.

МАВГР – Материал по археологии восточных губерний России.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

ПГИАХМЗ – Плёсский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Первые крепостные сооружения Плёса	18
Глава II. Средневековое кладбище на Соборной горе	33
Глава III. Плёс в XIV столетии: возрождение крепости	59
Глава IV. Крепость 1410 года	97
Глава V. Жилые и хозяйственные комплексы первой половины XV века	108
Глава VI. Плёсская крепость во второй половине XV столетия	157
Глава VII. Последние десятилетия крепости (начало – середина XVI века)	232
«Дом наместника» в Плёсской крепости.	273
Жилище осадного двора.	289
Скопление монет XVI века из Плёсской крепости	303
Некоторые особенности денежного обращения на «казанской украине»	307
Средневековая посуда для пира	314
Чаша с граффити из Плёса	321
Керамика плёсского городища. Примечательные находки	326
Каменная иконка-оберег	345
Поздний тип височного кольца	352
Печати из средневекового Плёса	358
«Утюжки» — каменные клинья	366
Заключение	374
Список сокращений	377

Об авторе.

Травкин Павел Николаевич – археолог, кандидат исторических наук, автор сотни научных публикаций, в том числе трёх монографий. Руководитель археологических экспедиций в 1984-2005 гг. Область научных интересов автора: древняя история Верхнего Поволжья, история религии.

